Небо остается чистым. Записки военного летчика.

Сергей Дмитриевич Луганский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Л83 Небо остается чистым. Записки военного летчика. Алма-Ата, «Жазушы», 1970.

344 стр. 100000 экз. 72 коп.

Есть события, никогда не стирающиеся из памяти. И сейчас, четверть века спустя, советские люди помнят тот радостный день, когда радио принесло долгожданную весть о полном разгроме фашистской Германии.

Автор настоящей книги прошел войну с первого дня до сражения у ворот гитлеровской столицы. На его боевом счету летчика-истребителя около сорока сбитых немецких самолетов.

Издательство надеется, что воспоминания дважды Героя Советского Союза генерала С. Д. Луганского явятся для читателей, особенно молодых, документальным свидетельством того, как в боях и сражениях добывалась нашим народом великая победа.

7-3-2 151-70

- Луганский Сергей Дмитриевич
  -
  - В ПЯТОМ ОКЕАНЕ
  - ТРЕВОГА
  - ПРИШЛО БОЛЬШОЕ ИСПЫТАНИЕ
  - НА БЕРЕГУ ВОЛГИ
  - ОСВОБОЖДЕНИЕ
  - ЗА ДНЕПР!
  - ЗАРЯ ПОБЕДЫ
  - ТРИУМФ ПОБЕДИВШЕЙ РОДИНЫ
  - НА НОВЫХ КРЫЛЬЯХ
  - эпилог
  - СОДЕРЖАНИЕ

Луганский Сергей Дмитриевич

Небо остается чистым. Записки военного летчика.

Литературная запись Н. Кузьмина

В ПЯТОМ ОКЕАНЕ

Всего сорок лет назад на одном из первых самолетов конструкции А. Н. Туполева, на АНТ-4, из Москвы до Соединенных Штатов Америки нужно было лететь… больше месяца! Заря, младенческий возраст авиации. Сейчас, в наши дни, турбореактивный пассажирский лайнер ТУ-114, детище того же А. Н. Туполева, совершает полет из Москвы в США и затем повторяет этот путь в обратном направлении за двенадцать часов летного времени.

Для чего я это пишу?

Контрасты, поразительные контрасты будоражат душу, порождают воспоминания. События давних лет, детство нашей авиации наводят на воспоминания о собственной молодости, о том, как мы, мальчишки, узнавали о первых успехах нашей страны, гордились подвигами славных авиаторов и, конечно же, сами мечтали о небе. Кому из мальчишек не свойственно мечтать! И мы тогда грезили, можно сказать, во сне видели романтическую голубизну бескрайнего пятого океана, себя в этом океане… и вообще бог знает, чего только не творилось в те годы в вихрастых, постоянно задранных к небу головах мальчишек!

Здесь надо сказать о небе, о неповторимом алма-атинском небе. Горный воздух, яркое солнце, вечные снега на безлюдных скалистых пиках придают нашему небу какое-то необъяснимое очарование. Такое небо зовет, притягивает, манит. И не мудрено, что многие из нас, алма-атинских ребят, связали свою жизнь с голубым простором пятого океана. Может быть, потому, едва появляется толчок для воспоминаний, передо мной сразу же встает небо моего детства, голубой океан над моим городишком, над вечными снегами, а уж после этого все остальное: друзья, сверстники, родные, наш дом, наш город.

Нужно сказать, что сейчас Алма-Ата сильно изменилась. Но все равно, каждый раз, приезжая сюда после долгих отлучек, я почему-то вновь и вновь вижу ту, давнишнюю, почти целиком уже исчезнувшую Алма-Ату, городок моего навсегда улетевшего детства. И небо, обязательно небо. Тут уж, видно, ничего не поделаешь,- как все это тогда запало в сердце, так и осталось на всю жизнь.

Жили мы в Алма-Ате на самой окраине, возле пивзавода, в маленьком собственном домике. Строил домишко мой дед, перебравшийся сюда, в Казахстан, из Воронежской губернии. С родных мест деда погнал голод. Много тогда их, переселенцев, мыкалось по земле. До Алма-Аты дед добирался на волах и ехал

целый год. Сколько же верст прошагал он за своим возом? Центральные области России, Оренбургские степи, пески Приаралья; наконец показались зеленые прилавки у подножья гор. Что заставило его остановить здесь волов и дать команду сгружать нехитрый крестьянский скарб? Белое кружево цветущих яблоневых садов? Державное величие гор? Или небо, покойное, глубокое синее небо над головой?

За оградой нашего домика и до самых гор тянулось пустынное поле или выгон, как его тогда называли. На этом выгоне не только пасли скотину, но и великолепно охотились. Трудно поверить, но на том месте, где сейчас стоят здания техникума связи, радио и телевидения, где проложены асфальтированные магистрали, еще в мое время в изобилии водились фазаны, зайцы и барсуки. Охотникам было великое раздолье, и я отлично помню, как после недолгой охоты они возвращались домой, увешанные богатыми трофеями.

На выгоне, можно сказать, прошло детство мое и моих сверстников. На этом же поле началось и мое увлечение авиацией.

Шел тысяча девятьсот тридцать шестой год, год замечательного взлета советской авиации. Беспримерные перелеты, высотные рекорды… К тому времени под руководством А. Н. Туполева уже был создан первый отечественный серийный фронтовой бомбардировщик, вышел на аэродромы двухмоторный бомбардировщик конструкции С. В. Ильюшина, восхищение вызывал восьмимоторный самолет-гигант «Максим Горький». В те годы, как мы видим, наша страна уже обладала достаточно развитой авиационной промышленностью. Советским летчикам было на чем летать!

Но вот кому было летать на новых самолетах? И тогда со всей остротой встал вопрос о летчиках.

Как всегда, первым на призыв партии откликнулся комсомол. «Комсомолец, на самолет!»-этот лозунг был в те дни самым популярным среди нашей молодежи. Вот один из номеров «Комсомольской правды» лета тысяча девятьсот тридцать шестого года. Вся третья страница заполнена письмами юношей и девушек, которые горячо поздравляют славных соколов-летчиков с их выдающимися успехами и заявляют о своем желании влиться в ряды авиаторов. В центре газетного листа большая фотография – улыбающийся юноша в шлемофоне с пристегнутым парашютом бодро шагает по полю аэродрома. Под снимком подпись: «Кто он, этот молодой летчик? Нужно ли называть его фамилию, ведь он похож на тысячи своих сверстников, обучающихся искусству летного дела в авиашколах, аэроклубах, планерных станциях».

Снимок этот как бы символизировал массовый поход молодежи в авиацию. Молодые патриоты клялись выполнить призыв партии: «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!»

В Алма-Ате тогда существовал маленький аэроклуб, на «вооружении» которого состоял один-единственный планер. Естественно, что от желающих заниматься не было отбою, но брали далеко не всех. Не брали и нас, мальчишек, хотя мы в то время уже учились в восьмом классе. Отказав нам в приеме, аэроклубовцы все ж не смогли обойтись без нас.

Для полета планера необходим был «естественный разгон», иными словами запас высоты. Для этой цели как нельзя лучше подходила наша окраина. Недалеко, сразу же за домишками, возвышалась покатая зеленая сопка, Веригина гора, как ее тогда называли. Условия, очень похожие на Крым, на местечко Коктебель, где тогда проходили все состязания планеристов (ныне поселок Планерское, недалеко от Феодосии). Сорвавшись с этой Веригиной горы, планер устремлялся на сильные потоки горячего воздуха и плыл далеко в степь, к предгорьям. По зеленому нашему выгону быстро скользила неуловимая его тень. Заканчивая полет, планер приземлялся далеко от горы, на том, примерно, месте, где сейчас стоит телевизионная вышка.

Расстояние от места старта изрядное, а планер, хотя и фанерный, сооружение довольно громоздкое, и тащить его обратно на гору одному пилоту явно не под силу. Тут-то мы и пригодились.

С каким восторгом, с каким самозабвением тащили мы планер! Особенно счастливым чувствовал себя тот, кому доставалось нести шлем пилота. А сам пилот, еще переживая свой недавний полет, с рассеянной улыбкой шел за нами и часто поднимал голову, как бы веря и не веря тому, что всего несколько минут назад он был там, над землей, в голубом небе. Как я теперь вспоминаю, они не намного были старше нас, эти парни, мечтавшие сесть за штурвал настоящего боевого самолета.

Сверху, с самой макушки Веригиной горы, наш город виден был как на ладони. Я узнавал свой домик, виднелась пенистая, очень холодная речка Алматинка. Сплошным ковром зеленели внизу сады. И пока очередной курсант готовился к полету, мы поглядывали вниз: «И мне бы! Ах, вот бы и мне!»

Курсант тем временем уже усаживался в кабину планера. Мы видели его голову в шлеме, его суровое замкнутое лицо. Наступали самые волнующие минуты.

По команде мы все, сколько нас было, хватались за амортизатор, толстую длинную резину. – Раз, два, три,- пошел!

Мы устремлялись вниз, изо всех сил натягивая амортизатор.

Сердца наши колотились: «Сейчас, сейчас полетит!».

И точно – планер, выглядевший на земле довольно неуклюже, вдруг легко и плавно взмывал в небо. Он отрывался от земли и повисал в воздухе. Он плыл над нашей окраиной, над садами и речкой. Снизу доносился восторженный ребячий визг. Дед Афанасий выходил на середину двора и, приложив к глазам ладонь, долго провожал безмолвно парящую птицу. Для него, древнего уже старика, деревянная крылатая птица, легко парящая в неосязаемом воздухе, казалась чудом, объяснить которое он не мог, не умел. Эта новизна манила его, интересовала и по-своему волновала, и он каждый раз, едва раздавался истошный ребячий крик: «Летит! Летит!»- бросал все свои дела, выходил на солнышко и долго наблюдал за диковинным полетом. О чем он думал тогда, что вспоминал? А может быть, он чувствовал, понимал, что эти галдящие ребятишки, бегущие по выгону за тенью планера, поднимутся в небо легко и просто, как когда-то поднялись и пошли на ногах?

Планер наконец совершал посадку. Очарование полета кончалось, и мы наперегонки бросались бежать с горы,- снова втаскивать.

Нужно ли говорить, что мы все тогда «болели воздухом». Нам не терпелось, нас подзуживало испытать чудесное непередаваемое чувство полета. И мы в конце концов нашли ему выход. На нашей окраине росли стройные молодые дубки. Едва кончались полеты аэроклубовцев, как кто-нибудь из нас бросал клич:

– Аида летать!

Мы взбирались на дубки и, схватившись за вершину, прыгали вниз. Дерево, сгибаясь, делало полет плавным, мы не так сильно отбивали ноги. Полет длился всего несколько мгновений, но все равно это был полет, свободное парение в воздухе! Ощущения наши трудно было передать.

Нужно сказать, что не всегда наши «полеты» заканчивались благополучно. Как-то раз мой приятель неудачно выбрал дубок и поплатился за это. Дело было к вечеру, и дед Полумисков, наш давний сосед, с чьих дубков мы прыгали, возвращался с базара. Он увидел нас на деревьях и, схватив кнут, спрыгнул с телеги. Мы все с криками посыпались на землю. Не повезло только моему приятелю. Окрепший дубок не прогнулся до земли, а парнишка, испугавшись, не разжал рук. Так он и повис невысоко над землей. Дед Полумисков долго отводил душу, стегая кнутом по голым ногам незадачливого «пилота». Экзекуция длилась до тех пор, пока наконец парнишка не брякнулся на землю и не удрал.

Разъяренный дед еще долго ругался и грозил нам кнутом.

Мы, разбежавшись, держались на безопасном расстоянии и слушали замысловатые проклятья владельца дубков. Какими только карами не стращал нас старик!

Выпоротого на весу «пилота» мы разыскали с трудом. Он забился в густой кустарник и придирчиво разглядывал исполосованные ноги.

– Ты что же,- спросили мы,- испугался?

– Да ну!- с независимым видом ответил пострадавший.

Однако мы видели, что ему больно, горят ноги. Он из последних сил удерживается, чтобы не заплакать. Все-таки дед Полумисков сорвал на нем злобу! Давно грозился поймать нас и наказать. И вот поймал.

Как часто приходится страдать мальчишкам за свои навеянные подвигами старших поступки! И, как ни странно, от тех же старших. Все мы были мальчишками!…

Но даже такие неприятности не излечили нас от «воздушной болезни». Заболели мы воздухом надолго, навсегда.

Тем же вечером дед Полумисков пришел к моей матери с жалобой: пацанва совсем обломала дубки. Тогда-то у меня с матерью и состоялся первый серьезный разговор.

Поначалу она накинулась на меня и принялась стыдить, что вот, дескать, парня женить пора, а он по деревьям штаны рвет. Тогда я заявил, что решил стать летчиком. Это только подлило масла в огонь. Мать и слышать не хотела о моих намерениях. С самых моих малых лет она мечтала, что сын ее станет врачом. Почти всю жизнь мать работала прачкой и знала: врач человек обеспеченный и уважаемый. А тут – летчик. Нет и нет! Видно было, что от своего слова она не отступит. Но ведь не собирался менять своего намерения и я! Что-то будет…

В тот вечер разговор наш так ничем и не закончился. Мать надеялась, что впереди еще учеба в школе, а за это время парень образумится. Но я уже ни о чем другом и слышать не хотел. Я даже на руке татуировку сделал – орел с распластанными крыльями. Куда уж тут на врача! Летчиком, только летчиком!…

Но с матерью я больше разговора не затевал. Решение мое окрепло окончательно: буду летать. А вскоре представился удобный случай поступить по-своему.

Военная форма всегда вызывает уважение. Человек в форме красив, подтянут, собран. Тверже и легче становится шаг, прямее осанка, шире разворот плеч. Форма придает мужчине мужественность, если хотите, своеобразную элегантность,- элегантность военного человека.

Нынешние мальчишки часто встречают на улицах людей в форме танкистов, летчиков, моряков, а в то далекое время это

был первый военный летчик, которого мы увидели. Настоящий летчик! Он пришел к нам, в тридцатую школу. Летчик был уже не молод, в петлицах его краснело по «шпале». До сегодняшнего дня мы знали лишь кавалеристов, иногда упражняющихся на выгоне, да курсантов аэроклуба, которые сами еще ни разу не видели боевого самолета. А этот… И мы во все глаза рассматривали его нарядный синий китель с накладными карманами, новенькие ремни, пилотку и кобуру.

Сейчас трудно припомнить с чего начался разговор с военным летчиком со «шпалами» в петлицах. Даже самые отпетые «камчадалы», сидевшие на уроках на задних партах, тут вылезли вперед и отбили для себя места у самой доски. Глаза всех ребят были устремлены на летчика. Он не успевал отвечать на вопросы. Спрашивали мы о разном: как можно стать настоящим военным летчиком, страшно ли в воздухе, всех ли берут в летные училища и т. п. Были вопросы и о том, можно ли поступать в училища девушкам.

Летчик отвечал обстоятельно, уходить он не торопился. Его рассказ, его ответы на наши расспросы были хорошей агитацией в пользу авиации. Однако можно было агитировать кого угодно, только не меня. Я и так, как говорится, давно уже спал и во сне видел себя летчиком.

Военный летчик побывал не только в нашей школе. С того дня среди старшеклассников Алма-Аты началось повальное увлечение авиацией. На первом месте у нас стояли летчики и лишь на втором – моряки.

Оказалось, однако, что в летные училища принимают исключительно комсомольцев. К счастью, возраст наш был уже комсомольским. Значит, надо было готовиться. О том, насколько мы серьезно подходили к приему в ряды комсомола, можно судить хотя бы по тому, что ребята, готовясь, оставались в школе по вечерам, просили остаться учителей. И все страшно волновались: «А ну, как не примут?»

Страхи наши оказались напрасными. В назначенный вечер мы собрались в горкоме комсомола, в старом здании на углу улиц Гоголя и Карла Маркса. С замиранием сердца каждый входил в комнату, где заседало бюро. Видя наше волнение, товарищи на бюро подбадривали нас, спрашивали хотя и много, но не строго. О чем были вопросы? Прежде всего, конечно, о международной обстановке. Спрашивали о хозяйственных достижениях Советского государства, о пятилетках. Интересовались и делами школьными. Волнение у нас скоро прошло, мы освоились и отвечали бойко. Успокаивало нас товарищеское расположение членов бюро, желание помочь, поддержать: старшие товарищи

недавно сами были на нашем месте, всего несколько лет назад они пришли со строек, с заводов, приехали из сел, и наше волнение, наше горячее желание не осрамиться были им очень близки и понятны. Так же, как и нас, их привело в комсомол стремление стать полезными своей стране, своему народу.

Я до сих пор помню теплую дружескую обстановку приема меня в ряды славного ленинского комсомола.

На другой день нам вручили комсомольские билеты, и мы здесь же, в горкоме, подали заявления о зачислении нас кандидатами в летные училища. И снова волнения. Но какие!

Прежде всего – медицинская комиссия. О строгости отбора говорит такой факт: из 770 подавших заявления годными были признаны лишь одиннадцать. До сих пор помню, как переживали те, кого врачи забраковали. Зато нетрудно представить, какую радость испытывали те, кто прошел комиссию. Хочешь не хочешь, а невольно почувствуешь себя вроде бы избранным. Шутка ли сказать: из 70 человек проходил всего один. Но это было лишь началом.

Всем прошедшим врачебный контроль предстояла еще мандатная комиссия. Рассказывали, что мандатную комиссию возглавляет сам Скворцов – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Кто может знать, о чем спросят на мандатной комиссии?

И вот настал наконец решающий долгожданный день. Помнится, я вскочил ни свет ни заря, кажется, раньше деда, а уж он поднимался в нашем доме самым первым. Мне не спалось, за всю ночь я не сомкнул глаз. Наступающий день должен был решить мою судьбу. Долго стоял я и смотрел на наше обжитое поле. Солнце еще томилось за Веригиной горой. Ведь если меня сегодня забракуют, то придется учиться, как того хотела мать, на врача. Значит, жить я буду здесь же, среди тех, кого я вижу каждый день. Все это так буднично, уныло. Я с надеждой посмотрел в небо. Густо-синее, еще не согретое солнцем, оно стояло над спящим нашим городишком спокойное, бескрайнее, как чудесный океан,- океан наших мальчишеских грез и стремлений.

Видимо, то же самое испытывал каждый из нас, потому что, когда мы собрались в условленном месте, у всех был какой-то шальной вид.

Помню, как, обмирая, вошел я в большую светлую комнату. За столом сидели трое. Одного я сразу узнал – это был Скворцов, тот, кого мы больше всего боялись. Рядом с ним сидели человек в штатском и немолодой военный с двумя «шпалами».

В голове у меня звенело. Ну, думаю, сейчас посыплются

вопросы.

Я понимаю, что комиссии смешно было наблюдать за семнадцатилетним парнишкой, который до этого дня лишь беззаботно бегал по выгону, а тут вдруг предстал… и перед кем? Помню, Скворцов вдруг улыбнулся и повертел в пальцах непонятно откуда взявшийся гвоздик.

– Вот смотрите,- поманил он меня.- Как вы думаете: гвоздь – это изделие легкой или тяжелой промышленности?

И он с усмешкой посмотрел в мои глаза. Меня обдало жаром. «Вот оно, начинается!» Я ожидал каких угодно вопросов, но только не такого.

– Тяжелой!- брякнул я.- Раз железо, значит тяжелой.

– Да не-ет,- засмеялся он.

Вопрос Скворцова, конечно, был шуткой, но я тогда совсем потерял голову.

«Пропал,- испугался я.- Засыпался!»

– Ну, а Нил, не помните, в какой части света течет?- помолчав, спросил Скворцов.

Тут я воспрянул духом. География была моим любимым предметом.

– В Африке!- тотчас же выпалил я.- В Африке.

«Может, еще не все пропало? Может, выкручусь». И я стал ждать новых вопросов.

Но вместо этого Скворцов вдруг внимательно посмотрел на меня и поманил еще ближе.

– Слушайте, что это у вас такое?- он указал на татуировку. Я стоял перед комиссией в рубашке с закатанными рукавами, и голубой орел, предмет моей великой гордости, отчетливо красовался на моей руке. Что тут было отвечать? Я смешался окончательно.

– Все выкалывают…- промямлил я через силу.

– Не надо этого делать,- хмурясь, сказал Скворцов.- Это нехорошо. Идите и скажите своим товарищам, что это… что это нехорошо. Идите.

И я убито поплелся к двери. «Все,- стучало где-то в голове.- И надо же было эту наколку…». Товарищи бросились ко мне, чтобы узнать, как оно и что, но я лишь молча махнул рукой и вышел на улицу. На душе был мрак. В том, что комиссия забраковала меня, я нисколько не сомневался. У меня из головы не выходило, как нахмурился Скворцов, увидев мою наколку. «Ах, и надо же было!»

Мне вспоминалось сегодняшнее утро, тихое, свежее, со стройными, словно уснувшими тополями. Тогда у меня еще была надежда, я собирался и готовился, где-то в глубине души надеясь на благополучный исход. Теперь же все рухнуло. А ведь с какой

радостью я терпел боль, когда мне делали эту проклятую наколку! Эту боль я принял как первое испытание, чтобы подняться в небо. Считалось, что я уже помечен печатью неба, на руке у меня голубой орел,- придет срок, и я тоже поднимусь на крыльях. Но срок прошел, а крылья… Кто бы мог подумать, что голубая наколка так подведет меня? Нет, небо – удел счастливчиков. А ведь как могло все хорошо устроиться, если бы не моя глупость.

Но хоть я и был уверен, что провалился, а все же где-то в глубине души теплилась слабая надежда. А вдруг!… Ведь все бывает. А может быть, это теперь мне так кажется, что я на что-то надеялся. На что было надеяться-то? После такого позора перед самим Скворцовым!…

Но как бы то ни было, а целую неделю мы с соседом Толей Кондратенко ходили в горком комсомола. У него испытание прошло более или менее гладко, на что-то он ответил, на что-то не сумел,- во всяком случае он надеялся на благоприятный исход. И вот, как утро, он отправлялся в горком комсомола, с тихой тоской на сердце тащился за ним и я. У меня все валилось из рук, я ничем не мог заниматься. Уж лучше бы, думалось мне, сказали бы сразу. Но нет, размышлял я тут же, если бы мне сказали тогда же, то разве шагал бы я сейчас вместе с Толей в горком? Для меня давно бы уже было все потеряно, а сейчас… И я шел, подогреваемый какой-то смутной надеждой.

В горкоме нас уже знали, за последние дни мы там примелькались. Узнавать отправлялся Толя, как верный кандидат в курсанты.

– Ничего пока не известно!- отвечали ему.- Зайдите завтра, послезавтра.

Это были дни мучений и надежд. В чем дело, почему так долго решают?

И вдруг на седьмой или восьмой день в горкоме вывесили списки кандидатов. Мы бросились читать. О радость! В списке были и Толя и я. Тут же, в темном коридоре, мы начали восторженно тузить друг друга по спинам. Потом выскочили на улицу. Куда-то пошли…

Но вот первый угар радости прошел, и мы с беспокойством посмотрели друг на друга. А те ли списки? Может, мы что-то не так прочитали? И мы бегом бросились назад. Но нет, списки были те самые, и наши фамилии указаны в числе отобранных кандидатов. Значит, все правильно. Едем учиться на летчиков. Едем!

Знакомый инструктор горкома, проходя по коридору, остановился возле нас и поздравил. Мы были на седьмом небе и в

ту минуту жалели даже инструктора, что ему не суждено подняться в пятый океан. Он же указал нам на другое объявление, на которое мы от радости не обратили внимания. Всем кандидатам следовало явиться за получением проездных документов и денег, имея при себе (шел целый перечень предметов первой необходимости). Тут уже никакого обмана зрения быть не могло. Все ясно: едем и очень скоро.

– Ну, домой?- спросил я Толю.

Он вздохнул. У него, так же, как и у меня, из головы не выходило опасение: а как же мать? Ведь обо всех наших хлопотах никто из домашних до сих пор и не догадывался.

Однако скрываться дальше не имело смысла. И мы договорились: придем и скажем, что едем. А что? Мы теперь взрослые люди. Не будут же они нас за руки держать.

Бедные наши матери! Вечный им удел – рожать нас в муках, а потом всю жизнь переживать за наше здоровье, за нашу судьбу. Какая из матерей не хочет своему сыну самой лучшей участи? И она всеми своими, хоть и слабыми, но неиссякаемыми, силами старается устроить ему жизнь по своему материнскому плану. Нисколько не сомневаюсь, что профессия врача представлялась ей для меня самой завидной. И мое увлечение авиацией она искренне относила за счет мальчишеской дури. Как она надеялась поставить все по-своему, как боролась за мое, а значит, и за свое счастье!

– Не пущу!- решительно заявила она, едва я начал разговор о летном училище.- Ишь, чего выдумал… Из головы выбрось.

Она еще не знала, что у меня на руках и деньги и проездные документы. Какое уж теперь – не пущу…

Вечером она долго плакала, потом мы пошли к деду. У нас уж так было заведено – что дед скажет, тому и быть.

Дед Афанасий был стар, но сохранял ясность рассудка, был крепок и, главное, справедлив. У него было шестнадцать детей, и все слушались его беспрекословно. Как сейчас помню этого славного, чудесного старика. Невысокого роста, но жилистый, всю жизнь проведший в нелегком крестьянском труде, он был типичным представителем той породы русских людей, которые не теряют присутствия духа ни в беде, ни в редких удачах. Он имел один-единственный капитал — это свои безотказные искусные руки, и надеялся только на них. Дед носил густую, веером, бороду, в лице его, тонком, сухощавом, было что-то иконописное. Зиму и лето дед носил высокие крепкие сапоги, которым, казалось, не было износу. Догадывался ли дед Афанасий, что новая жизнь свидетелем которой ему довелось стать, по-иному повернет и судьбы людей? Вероятно, да. Во всяком случае он

понимал, что дети должны идти дальше своих родителей.

И вот мы у деда, в его маленькой избушке. У матери оставалась последняя надежда удержать меня дома, при себе. Но дед Афанасий выслушал ее жалобы и неожиданно изрек:

– Не держи его, на великое дело Серега решился. Нехай летает. Грех обрезать крылья, когда они сами растут.

Кто знает, может быть, на него так подействовали планеры, что ежедневно пролетали над нашим домиком?!

Услышав приговор деда, мать заплакала, и скоро я увел ее домой.

В ту ночь она совсем не спала. Снова не спалось и мне. Только теперь я понял, что уезжаю из родного дома и уезжаю, можно сказать, навсегда. Начинается новая жизнь.

Стараясь не скрипеть койкой, я поднялся и подошел к окошку. Над горами серело небо, близился рассвет. Последнее утро дома.

В тот момент мне стало нестерпимо жалко мать. Мне представилось, как мы, гурьба радостных счастливых ребят, едем в вагоне, смеемся, шумим, гудит паровоз, увозя нас к какой-то неведомой, но увлекательной жизни, а мать останется дома, будет вот так ворочаться, вздыхать, не спать по ночам и утром первым делом бросаться к почтовому ящику – нет ли письмишка? Когда-то мы снова увидимся с ней? Да и увидимся ли?

Вчера, в разговоре, да и потом, вечером у деда, я ни словом не обмолвился о том, что уезжаю. Ей было бы горько это слышать. Но сейчас я раскаивался, что промолчал. Каково-то ей будет сейчас узнать, что у меня уж и билеты на руках,- через несколько часов надо отправляться на станцию. Это будет для нее ударом.

И я опять решил по-своему, по-мальчишески. Не стану, думаю, убивать этим мать, соберусь потихоньку. Ничего пока не скажу и уеду. Потом, с дороги, напишу обо всем и попрошу прощенья. Так, думал я, будет лучше. Для нее же лучше.

Скоро пришел ко мне Толя Кондратенко, ему тоже не спалось, и мы условились не говорить дома об отъезде.

Нам очень помогло, что наши матери с самого утра куда-то ушли из дому. Очень рано управились по хозяйству, приоделись и ушли. Мы быстренько собрались и с котомками в руках выскочили на улицу. Потом, в письме с дороги, мы все это объясним. Да и они поймут,- должны понять…

Со всех ног бросились мы в горком, где был назначен сбор всех отъезжающих. Поезд уходил со станции Алма-Ата I. Это было далеко от города, и нам выделили машину. Автомобилей тогда в городе было штук двадцать. Впервые в жизни поехал я на автомобиле, он увозил меня из родного города.

Всю дорогу до станции мы пели песни.

Поезд уже стоял, когда мы приехали. Не успели мы спрыгнуть на землю, как Толя толкнул меня в бок:

– Смотри!

У выхода на перрон я увидел двух женщин в чистеньких платочках. Это были наши матери. Сердце у меня защемило от жалости. Все-таки они догадались о нашем отъезде! Но как же они добрались до станции? Пешком? Значит, поэтому и ушли из дому так рано.

С виноватым видом подошел я к матери и положил котомку на землю. Что было говорить? Она долго смотрела на меня. Потом голова ее мелко затряслась, она припала к моему плечу.

– Ведь разобьешься же!- проговорила она, быстро-быстро отирая слезы со щек.

Ребята уже заканчивали посадку. Мне махали из окна вагона. Мать отпустила меня и стала торопливо развязывать уголочек платочка. Достала рубль.

– Вот, хоть на дорогу.

…В вагон пришлось вскакивать уже на ходу.

Скоро поезд набрал ход, и как я ни высовывался из вагона, мне не видно было ни белого платочка, ни станционной будочки из красного кирпича, до которой, путаясь в юбке, добежала моя мать. Потом исчезли и пирамидальные тополя.

Прощай, Алма-Ата!…

Дорога прошла так, как мы и предполагали. Грусть расставания с родными владела нами недолго. В первый день мы еще хмурились, держались поодиночке, переживая недавнее волнение и жалость к оставленным матерям, но уже на следующее утро дорога целиком захватила нас.

Вагон был набит битком, и народ подобрался самый разношерстный. Очень много переселенцев,- люди ехали осваивать новые земли. Ехали с семьями, с детишками, под полками напиханы узлы и деревянные чемоданы на больших замках. Все время шли разговоры о новостройках, об условиях для приезжающих, о заработках. Строился Урал, создавалась промышленная база в Сибири, много народу ехало на Украину. Страна одевалась в строительные леса, и рабочие руки требовались всюду. Мы, вчерашние школьники, чувствовали себя втянутыми в сильное, безбрежное течение, нас захватило и понесло. Каждый день сулил нам что-то новое, не изведанное раньше.

Мы распрощались с нашими соседями по вагону где-то в середине пути. Их путь лежал еще дальше.

В Оренбурге на вокзале нас встретил дежурный в форме

военного летчика. Ребята приезжали сюда со всех концов страны.

С вокзала нас впервые повели строем. Одетые кто как, с чемоданами и мешками, прошли мы по улицам незнакомого города, с интересом глазея по сторонам. Вели нас в казармы училища. Мы шли вихрастые, обросшие и измятые в долгой дороге. Но веселые, неизменно жадные до свежих впечатлений.

В казармах было уже полно народу. В первые дни все старались держаться по землячествам. Забилась в уголок и наша алма-атинская группа. Кто-то тут же разнюхал, что медицинская комиссия, которую мы проходили в Алма-Ате, не действительна, и в училище нас станут проверять заново. И еще узнали – здесь всех остригут под машинку.

– А что, еще могут и здесь забраковать?- с беспокойством спросил я. Мне казалось, что все страхи кончились в Алма-Ате и сюда мы приехали учиться. Но, увы!- то, что мы узнали в казармах, было не выдумкой. Веселый разбитной парикмахер быстро окатал нас наголо и подтвердил – да, в училище своя медкомиссия. И бракует,- это бывает.

Комиссия, действительно, смотрела нас строго,- куда строже, чем в Алма-Ате. Здесь, например, нас впервые подвергли такому испытанию. Будущего курсанта помещали на качели, завязывали глаза и раскачивали что-то около тридцати минут. Ясно, что выдерживал не каждый. Некоторых тошнило, их снимали бледных, еле держащихся на ногах. В таких случаях приговор комиссии был суров: отчислить.

Испытание проходило под шутки зрителей. Те, кому еще не подошла очередь садиться на качели, стояли в сторонке и подтрунивали над товарищами. Экзаменаторы, люди в форме военных летчиков, были тоже настроены на веселый лад и время от времени отпускали иронические замечания.

– Луганский!- услышал наконец и я.

Мне крепко завязали глаза и повели. Ничего не видя, а лишь улавливая смех и шутки тех, среди которых и сам только что находился, я брел, как слепой, вытянув перед собой руки.

Испытание мне далось легко. Я откачался положенное время, слез; развязали глаза — все нормально. В какой-то миг, правда, показалось, что подо мной качается земля, но я быстро овладел собой и, кажется, никто из зрителей на заметил мгновенной слабости. Может быть, помогло «летание» с дубков? Из одиннадцати приехавших алмаатинцев комиссия забраковала четверых. В числе других пришлось вернуться домой и моему дружку Толе Кондратенко.

– Счастливый ты, Серега,- сказал он при расставании.

Возражать было нечего. Мне от души было жалко его.

Ребята уехали, а для нас потянулись унылые, однообразные дни карантина. Из своих земляков я подружился с Колей Муровым, хорошим парнем. С ним нам довелось впоследствии вместе воевать.

Неподалеку от казармы находился аэродром, и мы часто наблюдали учебные полеты. Пожалуй, это было нашим единственным развлечением.

В Оренбурге тогда стояли удивительно жаркие дни. Ровно и сильно дул сухой горячий ветер. Пепельно-сизый ковыль послушно клонится под ветром, и если долго смотреть вдаль, то казалось, что по выжженной степи одна за другой прокатываются однообразные седые волны. Но мертва степь, и нет в ней никакого движения. Разве прокатится порой сухой шар перекати-поля, да в знойном, обесцвеченном жарой небе величаво и сонно проплывет на немыслимой высоте еле видимый крестик степного стервятника.

Тихо, сонно, безжизненно.

Но вот раздаются резкие, оглушительно стреляющие выхлопы авиационного мотора. Это неподалеку, на аэродроме, начинаются тренировочные полеты. Мы все вскакиваем на ноги: сейчас полетит. Треск мотора все громче, скоро слышится лишь слитный ровный гул. А вот наконец и сам самолет. Маленькая машина проносится низко над нашими головами и взмывает в безоблачное небо.

Это боевой самолет, истребитель И-5.

Задрав головы, мы с восхищением следим за истребителем. Скоро начинает болеть шея, от напряжения ломит затылок. Но мы не отрываясь смотрим, как уходит в бескрайний воздушный простор маленькая стремительная птица.

Самолет летит над степью, незаметно набирая высоту. Гул становится тише, скоро далеко впереди, там, где серая ковыльная равнина сливается с бледным небом, можно различить лишь крохотную точку. Однако точка не исчезает совсем. Вот она увеличивается, становятся видны крылья – и снова ревет над нашими головами авиацион ный мотор. Только теперь самолет набрал необходимую высоту, вырвался в океан и легко, свободно плывет в небе.

Совсем запрокинувшись, мы неотрывно провожаем глазами самолет.

Когда самолет проходит над нами, ребята оживляются сейчас, мы уж знаем, летчик начнет творить чудеса. И точно,- прямо над нашими головами истребитель вдруг делает переворот через крыло. Потом, едва выровняв машину, летчик бросает ее резко вверх, и она, послушная умелым рукам, взмывает почти по

вертикали. Легко и непринужденно исполняется целый каскад фигур высшего пилотажа. Мощный гул мотора стоит над степью. Вот самолет накренился на крыло – круче, круче!- и в таком положении описал безупречно чистую кривую. Какой глубокий вираж!

– Здорово!- шепчет рядом со мной Коля Муров. потирая онемевшую шею.

Рокот мотора постепенно замирает в безбрежном воздушном океане.

Все, кто смотрел за полетом, тут же затевают горячий бесконечный спор. Разговор идет о том, кем лучше всего стать Одни уверют, что в авиации «самая главная специальность»- это пилот. Другие возражают – не пилот, а штурман. Пилот – что шофер, куда прикажут, туда и летит. А вот штурман… Это он и только он намечает и прокладывает курс воздушного корабля. Спорили до хрипоты. Верх в спорах как будто одерживали сторонники штурманов. Да это и не удивительно: в то время авиация только завоевывала небо и на весь мир гремели рекорды по дальности перелетов. Около трех лет назад случилась катастрофа с ледокольным пароходом «Челюскин», затертым во льдах Арктики. Зимовщикам грозила смертельная опасность. И летчики в спасении челюскинцев совершали буквально чудеса. Тогда Советское правительство впервые установило высший знак отличия – звание Героя Советского Союза. Первыми награжденными стали семь знаменитых летчиков, отличившиеся при спасении челюскинцев: Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Слепнев, Водопьянов, Доронин. А всего год назад Чкалов, Байдуков и Беляков установили свой первый рекорд: они совершили дальний беспосадочный перелет Москва – остров Удд.

Нетрудно догадаться, что те, кто на первое место в авиации ставил пилотов, впоследствии стали летчиками-истребителями, другие же пошли в бомбардировочную авиацию.

Что касается нас с Колей Муровым, то наш выбор был сделан давно – мы станем истребителями. Решение это окончательно укрепилось после разговора с командиром эскадрильи Петром Масловым.

Однажды днем в казарму, где мы проходили карантин, вошел военный с двумя «шпалами» в петлицах. Кто-то подал команду, но ребята вскочили и без нее. Военный оказался командиром эскадрильи. Все мы сгрудились вокруг него. Может быть, это как раз он творил чудеса в небе на послушной боевой машине? Конечно, он. Он или кто-нибудь из летчиков его эскадрильи.

Командир эскадрильи поискал глазами куда бы сесть и опустился на чью-то койку. Ребята сзади нетерпеливо напирали.

Маслов оглядел сгрудившихся вокруг него остриженных наголо парнишек и с улыбкой спросил:

– Ну что, приуныли в карантине?

Он был прав,- сидеть в карантине надоело до смерти. Никто из нас и в мыслях не держал, что учеба начнется с таких неинтересных занятий.

В тот день мы не скоро отпустили командира эскадрильи. Вопросам не было конца. Попросили мы разрешить и наш спор – кто «главнее» в авиации? К нашей радости, Маслов стоял за пилотов.

– Чкалова, конечно, все знаете?

Еще бы не знать! Имя прославленного летчика было легендарным. Его знали во всем мире. А мы, мальчишки, просто бредили Чкаловым.

– Вот, тоже наше училище кончал,- сказал Маслов.- Тоже истребитель.

– Как - истребитель?!

Ведь наши противники в спорах часто поминали Чкалова, и мы все уверены были, что истребителям и делать нечего на сверхдальних трассах. А оказывается…

– Да-да, Валерий Павлович истребитель,- подтвердил командир эскадрильи.- И какой истребитель! Высшего класса.'

– И вы сказали – он учился здесь? Вот тут, где мы сейчас?

– А как же, наш он, оренбургский. Тоже в свое время вот в этом самом карантине сидел. Так что не унывайте.

Признаться, после этого казарма стала казаться не такой уж опостылевшей. Если даже сам Чкалов… А командир эскадрильи рассказывал, что Оренбургское военное авиационное училище летчиков – одно из старейших в стране. Создано оно по личному указанию В. И. Ленина еще в тысяча девятьсот двадцать первом году. С Оренбургским училищем связаны имена таких выдающихся авиаторов, как В. П. Чкалов, А. К. Серов, М. М. Громов, А. Б. Юмашев и многих других.

В Красном уголке училища под стеклом в рамке мы сами видели красочный лист. Это было постановление ЦИК СССР о награждении училища почетным Красным Знаменем и Грамотой. Постановление подписано М. И. Калининым и К. Е. Ворошиловым.

Кто-то задал Маслову вопрос:

– А ваши ученики где сейчас летают?

Командир эскадрильи усмехнулся:

– Везде. Даже в Испании и в Монголии успели полетать. Герои Советского Союза уже есть.

Разговор с нашим старшим товарищем заметно приободрил

нас. Какой славой овеяны вот эти надоевшие нам стены,- думали мы.- Какой трудный путь пройден первыми поколениями советских летчиков.

Скоро командир эскадрильи стал прощаться. Мы гурьбой проводили его до выхода.

– Ну, не унывать,- не то приказал, не то посоветовал он.

– Есть не унывать!- как можно бодрее ответили мы.

После этого разговора у нас не оставалось и тени сомнения, выбор был сделан окончательно: мы будем только истребителями!

Однако прежде чем стать истребителями, нам предстояло два года учебы, два трудных года.

Нет нужды подробно рассказывать о том, как мы проходили лагерные сборы, изучали материальную часть, добивались права на полеты. Я часто перечитываю замечательную книгу В. Каверина «Два капитана». Помните, как описан там весь уклад жизни курсантов? То же самое было и у нас. Лекции, практические занятия, конечно, волнующие выходы в город, не очень, правда, частые, какие-то новые знакомства, увлечения,- ведь не надо забывать, что мы подрастали, становились почти что самостоятельными парнями. В город мы отправлялись в определенные дни, группами, и, прежде чем дать нам разрешение, старшие товарищи придирчиво проверяли, как подогнана форма, выправку. В городе на стройных, подтянутых курсантов оглядывались прохожие. Не скрою, что на парней в штатском мы, будущие военные летчики, поглядывали свысока.

За все время учебы мне запали в память два события. Это – первое, что ли, знакомство с небом и первый самостоятельный полет.

Сначала нас подняли в воздух просто как пассажиров. Машиной управляли наши старшие товарищи, инструкторы летной школы. Но впечатление у нас все равно осталось незабываемое. Впервые в жизни я поднялся в воздух, впервые в жизни взглянул на землю с высоты птичьего полета. Это сейчас, в наши дни, полет на самолете даже для школьника стал обыденным явлением. Летит человек на высоте восемь тысяч метров и даже в окошко не глянет. Привычно все, испробовано – только голова вот побаливает от шума моторов… А в то время самолет был редкостью и полет на нем оставлял впечатление на всю жизнь.

С аэродрома мы возвращались двумя группами. Впереди старшие товарищи, те, кто сегодня сами, без инструктора, поднимали машину в воздух. У них тоже исключительный день. Мы уже знали, что после первого самостоятельного полета

курсанты имеют право нашить на рукав гимнастерки «курицу»-крылатую птичку, эмблему летчика. Они уже приобщились к славному племени авиаторов. Мы же пока такого права не имели, и нас, новичков, легко узнавали по отсутствию «курицы».

Но скоро и для нас наступил долгожданный день. С вечера нам объявили, что назавтра предстоят самостоятельные полеты.

Не знаю, спал ли кто-нибудь из нас в эту ночь спокойно.

Рядом со мной ворочался на своей койке Коля Муров. Поздно ночью мы разговорились. Колю больше всего беспокоил момент посадки. Нас предупредили, что молодые летчики при этом часто теряют из виду посадочные знаки и приземляются куда попало. А садиться нужно на точно указанное, обозначенное буквой «Т» место. От чистоты и точности посадки зависит оценка, выставляемая курсанту инструктором.

Со своей стороны я уже много раз мысленно разобрал предстоящий полет: как подниму машину, наберу заданные четыреста метров, сделаю круг и — на посадку. При посадке буду особенно внимателен. Нет, вроде бы все должно кончиться благополучно. Но, опять же, кто может знать…

Утро дня полетов выдалось солнечным. В степи еще спокойно, ветра нет. Мы озабоченно, как бывалые летчики, поглядываем на небо: не занесло бы, не испортилась бы погода.

Строем, широким дружным шагом идем на аэродром. Каждый живет предстоящим испытанием, хотя никто не подает и вида. Мы и в столовой сидели как опытные бывалые летчики: не вспоминали о полетах.

Насколько помню, лететь мне выпало третьим. Докладываю инструктору по форме:

– Курсант Луганский к полету готов!

– Разрешаю.

Мне уже не до инструктора, равнодушно разрешающего взлет. Я забываю обо всем на свете и со всех ног бегу к машине. Сердце колотится нетерпеливо. Боже мой, сколько раз я мысленно поднимался на крыло, усаживался в кабину и просил разрешения на взлет! Сейчас я все это проделываю заученно и чуточку торопясь. Необычность момента все-таки сильно волнует.

Усевшись в кабину, осматриваюсь. Сижу, как и полагается курсанту, на заднем сидении, но впереди, где обычно сидит инструктор, сегодня никого нет. Там для равновесия лежит тяжелый мешок с песком. В самолете я один, совершенно один. Я хозяин, полный владыка машины. Что ж, сегодня все зависит от меня, все в моих руках.

Машина наконец тронулась, пошла, пошла, разбежалась и, повинуясь мне, поднялась в воздух. Меня прижало спиной к

сиденью. Тяжесть эта приятна. Я лечу. Сам лечу, сам! А давно ли, кажется, я стоял на Веригиной горе и с завистью смотрел, как, пыля и подпрыгивая, приземлялся на нашем выгоне деревянный планер. А тут… Я смотрю вниз и вижу наш аэродром, своих товарищей, задравших головы, инструкторов и командира эскадрильи. В небе пусто, тихо и покойно. Далеко вокруг видна ровная оренбургская степь. На какой-то момент я даже забыл, что нахожусь в самолете и машина чутко реагирует на малейшее движение рук. Но ведь подо мной четыреста метров, и снизу придирчивый глаз инструктора привычно замечает хоть малейшее отклонение.

Развернувшись, старательно и бережно веду самолет на посадку.

Еще не успев вылезти из кабины, увидел, как за спиной командира эскадрильи Коля Муров показал мне большой палец. Ну что ж, значит все в порядке. И я, счастливый, спрыгнул на землю.

Четко, крепко ставя ногу, делаю несколько шагов от машины и лихо беру под козырек. Короткий рапорт. – Можете быть свободны.

И я снова вскидываю руку, делаю поворот. Теперь я летчик настоящий! Недаром еще с вечера у меня припасена в нагрудном кармане заветная «курица». Сегодня же, едва вернемся с аэродрома, я пришью ее к рукаву своей гимнастерки. Теперь я имею на это полное право.

А на аэродроме между тем продолжались полеты. Курсанты, как положено, докладывали о своей готовности и, получив разрешение, бежали к машине.

Стало жарко, солнце поднялось высоко. Задул ровный сильный ветер, но не принес прохлады. По степи опять прокатывались седые ковыльные волны.

Время тянулось медленно. Все, кто уже отлетался, сидели тут же, на аэродроме и не знали чем заняться. Первое возбуждение после полета прошло, впечатления рассказаны и пересказаны. Кое-кто дает советы тем, кому сейчас предстоит лететь. «Говорят» больше руками: так взял ручку на себя, так от себя, а так вот заложил вираж – знакомая, годами и поколениями выработанная жестикуляция летчиков. И привычка эта – теперь уж на всю жизнь. Кого-кого, а бывшего летчика всегда можно узнать по красноречивой жестикуляции рук.

Нужно сказать, что в этот день не обошлось без курьезов.

Прежде всего, злополучная посадка. Несколько раз всем нам, кто находился на земле,- а мы: и курсанты, и инструкторы, и командир эскадрильи сидели вместе у бочки, возле которой

разрешалось курить,- несколько раз нам приходилось вдруг вскакивать, хватать стулья, скамейки и даже бочку и сломя голову разбегаться в стороны. Это какой-нибудь курсант, упустив из виду посадочный знак, сажал самолет не на положенное место и начинал рулить на отчаянно пылившей машине прямо на нас. Мы, как куры из-под колес, разбегались кто куда! Потом мотор останавливался и из кабины самолета показывалось счастливое лицо курсанта. Он даже не замечал, что натворил. Но вот возбуждение полета проходило, он различал где-то в стороне посадочный знак и видел нас с табуретками и скамейками в руках. Лицо его мрачнело.

– Подайте ему лестницу,- раздавался насмешливый голос инструктора.

Провинившийся уже не спрыгивал с плоскости на землю, а спускался по стремянке. Кроме того, в училище существовал давнишний, ставший традицией способ наказания: незадачливому пилоту взваливали на плечи мешок с песком, тот самый, что лежал в кабине на месте инструктора, и бедняга тащил его с аэродрома до самого училища. А расстояние было довольно приличное. Думается, что за дорогу под такой ношей курсант детально разберет в уме все свои просчеты и уж, конечно, в следующий раз будет внимательней.

Но это было еще не самое страшное. В конце полетов произошел случай, заставивший переволноваться не только нас, но и инструкторов с командиром эскадрильи.

Курсант, получив разрешение на взлет, разогнал машину, оторвался от земли, но почему-то не стал сразу же набирать высоту. Самолет долго шел низко над землей. В конце летного поля мы только сейчас разглядели невысокий забор. Раньше он как-то не бросался в глаза. Пролетая над забором, самолет ударился колесами, и шасси отлетело начисто,- как срезало. Самолет тряхнуло, и он резко пошел вверх. Мы, курсанты, обомлели. Ведь скоро он пойдет на посадку, а шасси-то нет! Что делать?

Естественно, на аэродроме поднялась паника. Загалдели курсанты, побросав недокуренные папиросы. Тревожное предчувствие неминуемой беды овладело всеми.

А виновник паники ушел на самолете почти к самому горизонту, плавно там развернулся и теперь вел машину назад. Я даже представил себе, как счастливый парень сидит в кабине, поет и не знает, не догадывается, в какое попал положение.

Первым взял себя в руки командир эскадрильи. С самого утра он сидел у бочки на скамеечке и покуривал

Опытные инструкторы и без него хорошо знали свое дело. Но

в данном случае необходимо было слово старшего товарища, командира.

Прежде всего командир эскадрильи распорядился убрать посадочный знак. Убрали. Кое-кому из курсантов вручили красные флажки: махать, запрещая посадку. Инструктор, ответственный за курсанта, бросился к дежурной машине, маленькому кургузому самолету, стоявшему далеко на краю летного поля. Самолет ожил, застрелял мотором и понесся, подпрыгивая на кочках. В воздухе инструктор пошел со своим подопечным параллельным курсом и принялся отчаянно жестикулировать из кабины, надеясь, что курсант поймет его. Но увы! Потом инструктор рассказывал нам, что парень, обалдев от счастья, принял жестикуляцию своего наставника как горячее одобрение и лишь с улыбкой покивал головой. Инструктор в отчаянии полоснул себя ладонью по горлу: ведь зарезал же! Курсант, на мгновение оторвавшись от приборов, расплылся в счастливой улыбке и показал большой палец.

Все же отсутствие посадочного знака и бегавшие по полю курсанты с флажками заставили парня насторожиться. А тем временем на борту командирской машины наспех намалевали: «У тебя нет шасси. Садись на брюхо»,- и сам командир эскадрильи поднялся в воздух.

Не думаю, чтобы человеку, впервые взлетевшему в воздух, улыбалась перспектива садиться без шасси. Однако другого выхода не представлялось, и парень показал себя в этом случае молодцом.

Аэродром теперь напоминал растревоженный улей. Несколько курсантов бегало по полю, неистово размахивая флажками. Самолет с отрубленным шасси летал так низко, что казалось – его можно было задеть флажком. С земли видно было лицо курсанта в толстом теплом шлеме. Кажется, он понял всю трагичность положения. Его самолет напоминал птенца, попавшего в беду и с криком носившегося над родным гнездом. Над ним, заботливо и хлопотливо пронизывали воздух две опекающих машины: командира эскадрильи и инструктора. К сожалению, подхватить его на собственные крылья они не имели никакой возможности.

Узнав о несчастье, к нам сбегались летчики, техники со всего аэродрома. Спрашивали, в чем дело, и задирали вверх головы.

– Теперь только на брюхо,- говорили они.

Но легко сказать: посадить машину на брюхо, если у парня всего лишь первый самостоятельный вылет.

Нехорошая, тревожная тишина установилась на аэродроме, когда командир эскадрильи повел за собой курсанта на посадку.

Он как бы имитировал то положение, при котором посадка на брюхо пройдет благополучно. Курсант, идя за ним следом, старательно копировал. Мы все с замиранием сердца ждали соприкосновения самолета с землей. Вот плавно опустилась командирская машина, побежала по земле. Сейчас он! Самолет чиркнул, густо запылил и без всякого пробега повернулся боком. Все?

Пыль рассеялась, мы увидели неуклюже лежащий самолет и вылезавшего из кабины совершенно невредимого курсанта.

– Ура-а!…- раздался дружный вопль.

Тут только инструктор позволил себе разразиться жесточайшей бранью.

Итак, первые полеты состоялись. Все мы вечером крепко-накрепко пришили к рукавам гимнастерок долгожданных «куриц». Потом, следуя опять же традиции, каждый из нас, вновь испеченных пилотов, покупал в буфете несколько пачек «Казбека» и угощал папиросами своих друзей и знакомых. Настроение у всех было праздничное. Мы ходили героями. Шутка ли, сегодня мы покорили воздух, вступили в семью авиаторов. Ведь и Чкалов и летчики-герои, спасавшие челюскинцев, тоже когда-то начинали с этого.

…Кажется, все это было так недавно, а прошло уже много лет,- почти целая человеческая жизнь. Но даже сейчас, вспоминая все пережитое, все то хорошее и трудное, что дала мне профессия военного летчика, я прихожу к твердому убеждению, что выбрал я себе завидную судьбу и будь возможность начать жизнь заново, я начал бы ее так же, как начал много лет назад, в те далекие и счастливые дни моей юности.

Сейчас трудно припомнить, как мы, курсанты, узнали о начале величайшего в то время перелета. Кажется, по радио. Но узнав, уж ни на минуту не забывали, что сейчас, в эти вот секунды и минуты, где-то далеко и высоко Чкалов со своими товарищами совершает беспримерный подвиг.

Июньским днем тысяча девятьсот тридцать седьмого года воздушный корабль поднялся с Щелковского аэродрома в Москве и взял курс на север. Он летел над Онегой, Белым морем и Кольским полуостровом, над Баренцевым морем, над Землей Франца-Иосифа, над Северным полюсом. Это был кратчайший путь в Америку. Самолету не планировалось ни одной посадки. Взлетел у нас, а приземлиться должен в США.

Мы уже заканчивали училище и знали, что такой полет требует великого мужества летчиков. Знали мы также и о том, что одного мужества недостаточно для выполнения этого беспримерного задания. Полету предшествовала длительная и

скрупулезная подготовка. Наряду с отважными летчиками экзамен в этом перелете держала наша молодая авиационная промышленность. Весь мир знал, что тройка смельчаков летит на нашем отечественном самолете, разработанном конструкторским бюро А. Н. Туполева. Скорость машины всего лишь около двухсот километров в час.

Сведения о полете советских летчиков передавались регулярно. Большая земля систематически поддерживала с самолетом связь. И я думаю, что в те дни не на одной карте отмечался трудный путь отважных летчиков. Мы в училище следили за тем, как Чкалов и его товарищи успешно прошли над полюсом неприступности, пересекли Канаду, на огромной высоте перевалили через Скалистые горы и вышли на побережье Тихого океана. Менее чем через трое суток после вылета самолет приземлился в США. За шестьдесят три часа летного времени отважные первооткрыватели сверхдлинной трассы преодолели более девяти тысяч километров.

Полет смельчаков держал в напряжении всю страну. А уж о нас и говорить нечего. Мы, например, страшно беспокоились, когда самолет, пробиваясь к острову Рудольфа, не сумел обойти циклон, покрылся ледяной коркой толщиной в полтора сантиметра и в течение двадцати часов не мог освободиться от этого страшного груза. А на подступах к Северной Америке героям-летчикам пришлось из-за плотной облачности забраться на высоту шесть тысяч метров, и они стали ощущать острый недостаток кислорода. Мы понимали, как трудно и опасно смельчакам. Ведь мы теперь тоже были летчиками, мы тоже поднимали самолет в воздух.

Но вот самолет благополучно приземлился, и все мы вздохнули с облегчением и радостью. Свершился первый перелет из Москвы в Америку через Северный полюс – перелет, который золотыми буквами вписан в историю нашей авиации.

Самое интересное нас ожидало впереди.

Нет ничего удивительного в том, что о выдающемся достижении советских авиаторов писали долго и много. Были исследования специалистов, был и просто поток писем и поздравлений. Газеты были заполнены откликами со всей страны, со всех уголков мира. Послали поздравление и мы, курсанты Оренбургского училища. Какова же была наша радость, когда через короткое время нам пришел ответ самого Чкалова. В потоке поздравлений, в суматохе торжества великий летчик обратил внимание на послание из стен родного училища и откликнулся теплым товарищеским письмом. Значит, жива в нем память о стенах училища, где его научили летать. Мы, курсанты, знали

письмо Чкалова почти наизусть. Мне и до сих пор памятны слова, которыми Валерий Павлович закончил свое дружеское послание. «Научиться просто летать – это еще не достижение. Нужно так научиться летать, чтобы в любой момент быть готовым для защиты Родины с воздуха… Учитесь лучше, чтобы в нужный час разбить любого врага».

Словно догадываясь о тех грозных испытаниях, которые выпадут вскоре на долю всего нашего народа, В. П. Чкалов адресовал эти строки нам, новичкам, к тому времени едва-едва успевшим «понюхать воздуха».

Письмо героя было напечатано в нашей многотиражной газете «Контакт». Помню портрет знаменитого летчика, его крупное волевое лицо. Под портретом в том же номере помещен наш ответ бывшему курсанту Оренбургского училища. «Летать по-чкаловски, прокладывать маршруты по-беляковски – таков лозунг курсантов нашей школы!… Горе врагам, которые встретятся с сотнями тысяч Чкаловых!»

Через два месяца началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Коллектив нашего училища единодушно назвал имя Героя Советского Союза В. П. Чкалова. Таково было мнение всех, преподавателей и курсантов.

Незаметно, вроде бы сами собой пролетели два года учебы. Наступило время выпуска.

Недели две мы ждали приказа Наркома Обороны о производстве нас в командиры. И вот долгожданный приказ прибыл. В новенькой, аккуратно пригнанной форме мы выстроились во дворе родного училища. Начальник училища торжественно зачитал приказ о присвоении нам звания младших лейтенантов и мы привинтили на петлицы по одному «кубику».

Так началась наша командирская служба в Красной Армии.

По положению нам полагался месячный отпуск. Впервые в жизни я получаю «большие» деньги, покупаю новенький чемодан. В чемодане лежит подарок матери – знаменитая оренбургская пуховая шаль.

Кажется, давно ли мы нестройной колонной шагали вот с этого же вокзала. А вот промелькнули два года, и мы покидаем стены училища.

Ехало нас несколько человек. Мы заняли купе, побросали чемоданы и вышли в коридор. На всех скрипят новенькие ремни, все лихо дымят папиросами. Проводники, пробегая по коридору, вежливо просят нас посторониться. Мы смотрим в окно и – странное дело!- узнаем и не узнаем знакомый вокзал. Вроде бы ничего не изменилось с того дня, когда мы вывалились здесь с котомками и представитель училища едва построил нас в

разношерстную колонну. Все-таки два года — срок не маленький!…

Когда поезд тронулся, все мы, шумная компания молоденьких командиров, минуя грохочущие тамбуры, пошли в вагон-ресторан. Теперь мы взрослые, самостоятельные люди.

Через несколько дней я с нетерпением высовывался из окошка вагона, стараясь поскорее увидеть знакомые «свечки» пирамидальных тополей, а когда увидел их, то поезд уже замедлил ход и у будки из красного кирпича, той, запомнившейся, я разглядел мать все в том же чистеньком платочке. Тогда я еще не думал, что теперь ей придется лишь встречать и провожать меня, что начинается беспокойная, неведомая жизнь и в родном городе мне доведется бывать очень редко и каждый раз гостем,- ненадолго…

ТРЕВОГА

Начинать службу мы должны были в Пскове, в 14 авиационной бригаде. Известный в Пскове аэродром «Кресты» стал на несколько месяцев нашим вторым родным домом.

Это была северная полоса России, исконно русская земля. Псков, Новгород – места исторические.

Жили мы в Пскове вчетвером, снимали комнатку недалеко от аэродрома. Рано утром подъем, завтрак на аэродроме, и целый день то учебные полеты, то изучение уставов или материальной части. Только ужинали мы в городе, в кафе, отправляясь все вместе развлечься после долгого и, надо сказать, утомительного дня. Такой размеренный распорядок скоро сделался привычным.

Мы не жаловались на однообразие жизни. Валерий Чкалов в свое время писал, что летчиком, настоящим летчиком, может считаться только тот, кто лет пять прослужил в строевой части. Для нас же служба только началась, и мы все отлично понимали, как нам еще далеко до совершенства.

Но нетерпение владело всеми постоянно. Нам все казалось, что мы отстаем от времени, что к чему-то самому главному безнадежно опаздываем. Все, что свершается славного, о чем пишут газеты, о чем сообщает радио,- все это происходит без нашего участия. Какая-то большая интересная жизнь идет на основных, главных магистралях, мы же опять оказались на задворках, и наш удел: слушать, наблюдать и завидовать счастливцам.

К тому времени совершил свой знаменитый перелет по европейским столицам выдающийся летчик М. М. Громов. За границей были потрясены как возросшей авиационной базой нашей страны, так и искусством летчиков. Потом пришло известие еще об одном достижении нашей авиации. Летчицы Гризодубова и Осипенко, штурман Раскова установили женский международный рекорд дальности полета без посадки.

Много писалось о рекордах планеристов и парашютистов.

Вся страна жила достижениями авиаторов. Громов, Чкалов, Водопьянов, Коккинаки стали подлинно народными национальными героями.

Мы, молодые летчики, прекрасно понимали, что выдающиеся достижения старших товарищей – свидетельство вдумчивого отношения к своему профессиональному мастерству. Поэтому к службе своей, к боевой учебе мы относились с предельной серьезностью.

Нужно сказать, что в отношении учебы нам очень повезло.

Командный состав 14 авиабригады был почти полностью укомплектован опытными летчиками, получившими закалку в боях в Монголии и над Испанией. Командиром моей эскадрильи был Петр Неделин, награжденный орденом Ленина, заместителем командира полка – Герой Советского Союза Николай Герасимов. Это были великолепные летчики. Герасимов, например, поражал нас тем, что, поднимая самолет почти вертикально вверх, он в то же время крутил и крутил «бочки». Такой техники пилотажа мы еще не видели. Тогда мы впервые услышали короткое слово «ас». Наши командиры были асами – виртуозами своей профессии. Их мастерство было уже проверено порохом, оно совершенствовалось в боях с врагом.

Старшие товарищи много рассказывали нам о боях в небе Мадрида. Слушать их можно было без конца. Но что самое интересное и важное,- многое из того, о чем рассказывалось, они тут же с нами проходили на практике. Уроки по технике пилотирования, которые проводил Николай Герасимов, мне памятны до сих пор. После полетов с ним, скажу без преувеличения, я еле держался на ногах,- таковы были перегрузки. Однако Суворов правильно говорил: тяжело в учении, легко в бою. Уроки, полученные в Пскове от боевых товарищей, мне впоследствии очень пригодились.

– Истребитель – это оружие атаки,- любил повторять нам Герасимов.- Он должен нападать, он должен искать боя!

И мы, поднимаясь в воздух для учебного боя, искали «противника» и самоотверженно бросались на него.

Многие, наверное, еще помнят кинофильм «Валерий Чкалов». Помните, там есть превосходно снятые кадры о «хулиганских» проделках молодого летчика? Он пролетает на самолете между опорами Троицкого моста или, как в учебном бою, сближаясь с «противником» лоб в лоб, едва не сшибается с ним. Так вот, случаи эти – отнюдь не выдумка сценариста. Они взяты из повседневной учебной жизни молодых летчиков. У нас, я отлично помню, в учебном бою однажды сшиблись два самолета. А сам я, грешный, зайдя как-то в «сражении» своему командиру звена в хвост, не удержался и ударил его крылом по рулю высоты. После этого он едва сумел посадить машину.

Я рассказываю сейчас об этом только потому, чтобы показать, насколько мы тогда горели желанием «добраться до настоящего дела», с каким азартом постигали сложную науку воздушного боя. Мы словно чувствовали, что не за горами время, когда придется встретиться в небе с опасным и мощным противником. Так оно и вышло. Ведь недаром в боях в Испании немцы обстреляли большую часть своего летного состава. Фашистские стервятники,

прежде чем напасть на нашу страну, прошли богатую боевую практику.

К тому же не надо забывать, что нам в то время едва исполнилось по двадцати лет. А молодость,- сами понимаете…

У каждого поколения – своя романтика. Романтика может волновать не только в определенную эпоху, в определенное время. Видимо, я повторяю избитую истину, но я ее повторю: романтика так же вечна, как и любовь, как мужество и героизм.

Однообразие нашей учебной строевой жизни было нарушено приездом Наркома обороны К. Е. Ворошилова.

Стоял октябрь тысяча девятьсот тридцать девятого года. Погода держалась ясная, но холодная, с утренними заморозками. Леса уже пожелтели, понемногу осыпались, но были еще очень красивы в своем последнем недолгом наряде.

Приезд Наркома – событие в любой воинской части. Нечего и говорить, что ко дню встречи мы деятельно готовились. Озабоченное начальство устраивало бесконечные проверки. Нам же, вчерашним мальчишкам, приезд Наркома давал случай увидеть своими глазами легендарного человека. Герой гражданской войны, соратник В. И. Ленина, боевой командир, К. Е. Ворошилов как бы олицетворял собой пусть еще не долгую, но уже боевую историю нашей советской Родины. Мы знали Наркома только по портретам. Увидеть же его наяву нам предстоя-ло впервые.

Впрочем, нетерпение встречи испытывали не только мы, молодые летчики. Так что понятны те чувства, которые владели всеми нами, когда мы в назначенный день выстроились для встречи.

В полной боевой форме: в регланах и шлемофонах, с пристегнутыми планшетами мы замерли у своих машин. Впереди пилот, сзади техник и моторист. Все огромные искатанное поле аэродрома будто замерло. Я смотрю, как справа от меня у своего боевого самолета нетерпеливо переминается мой друг Коля Муров. После училища мы с ним попали в одну эскадрилью и даже в одно звено.

Ожидание. Долгие томительные минуты.

Но вот показалась черная, быстро несущаяся «эмка», за ней тянется густой серый шлейф пыли. Раздалась громкая команда, все встрепенулись. Мы видим, как из остановившейся машины легко вышел невысокий военный в ши-нели и фуражке. Большие маршальские звезды сверкали на его петлицах и на рукавах.

В сопровождении старших командиров К. Е. Ворошилов направился к первой боевой машине, остановился. Нам не слышно, о чем он говорит с замершими по стойке «смирно»

летчиками экипажа. Видимо, шутит, потому что в группе сопровождающих смех, веселое оживление.

Постепенно нарком обошел весь строй и распорядился собрать летчиков вместе. Мы собрались здесь же, на поле. Вблизи нарком выглядит очень моложаво, энергичное лицо, стремительные жесты.

Сейчас трудно припомнить, о чем говорил тогда нарком. Но одно запало в память крепко. В речи К. Е. Ворошилова прозвучала озабоченность по поводу усложняющейся международной обстановки. Он поделился с собравшимися тревогой относительно недостаточной оснащенности наших авиационных частей новейшими самолетами.

– Нечего скрывать,- заявил он нам,- что сейчас еще частенько приходится два летчика на один мотор. Но скоро, и очень скоро, у нас будет два мотора на одного!

Действительно, истребительная авиация в скором времени стала получать новые, более совершенные машины.

На прощание нарком попенял нам за участившиеся в последнее время несчастные случаи в учебных боях. Впрочем, основную вину он возложил на наших командиров, в частности на командующего ВВС Ленинградского округа И. И. Копеца. Командующий находился тут же, рядом. Герой Советского Союза комбриг И. И. Копец на самом деле отличался неслыханной лихостью. Имя его знали все военные летчики,- комбриг уже успел повоевать, имел правительственные награды.

Надо полагать, нарком сознательно преподнес нам урок нелицеприятной критики.

– Это же надо только подумать,- говорил он,- если сам командующий начинает крутить «бочки» над Ленинградом и крутит их до самого Пскова! Тут любая машина не выдержит. А ко всему прочему, какой пример для подчиненных?

Попрощавшись с летчиками, нарком сел в «эмку» и поехал к нашим соседям, в кавалерийский корпус К. К. Рокоссовского.

Командующий потупился, но в толпе летчиков одобрительно загудели: именно за лихость и бесстрашие мы и любили своего комбрига.

У нас же на аэродроме продолжался обычный учебный день.

Из событий того времени в памяти всплывают самые что ни на есть разнообразные. Трагическая гибель сначала В. П. Чкалова, затем А. К. Серова. Это были тяжелые утраты. Смерть героев оплакивала вся страна. Их подвиги представляли собой одну из славных страниц отечественной авиации. Отважные летчики, они умерли так же, как жили. Валерий Чкалов в последнюю минуту подумал о том, чтобы его обреченная машина не причинила

вреда мирным людям. И он не покинул кабины, чтобы спастись, а всеми силами отвел самолет от поселка и разбился в поле. Из ответственного полета не вернулся и Анатолий Серов, любимец авиации, герой Испании…

Многие страницы истории авиации дышат тем величием человека, что приходит только в героической борьбе. И я пишу об этом для того, чтобы еще раз напомнить о славной истории авиации, которую знает не вся молодежь. А знать ее надо, потому что это история энтузиазма, мужества, героизма. Разве не следует, например, помнить скупые, лаконичные строки из чкаловского бортжурнала? Вот они, их всего несколько слов: «Самолет обледеневает. Идем вслепую…» И все. Это запись чкаловского экипажа, когда самолет проходил над Северным полюсом. Сколько скромности, непоказной отваги и самообладания кроется за этой записью!

Это были великого мужества люди!…

Вскоре после тех памятных и горьких событий грянула война. Перед самой войной в моей личной жизни произошли заметные перемены: я женился.

Свадьбу мы отгуляли шумно. Молодые летчики веселились всю ночь. Из старших товарищей присутствовал только командир эскадрильи Петр Неделин. В тостах, которых было множество, все желали молодоженам долгой и счастливой жизни,- разумеется, жизни мирной. И никто из присутствующих не догадывался, что мирной жизни осталось нам всего несколько дней.

Мы еще не успели как следует устроиться на новом месте,- вдруг незадолго до рассвета в окно нашей квартиры раздался стук. Это был посыльный из штаба полка: «Тревога!»

Тревоги для нас, летчиков, не были неожиданностью. В целях проверки они нередко устраивались и раньше. Мы, как положено, вскакивали, хватали заранее припасенный и собранный чемоданчик со всем необходимым и бежали на аэродром. Так, думалось, будет и сейчас.

Однако объявленная тревога оказалась первой тревогой военного времени.

Как и раньше при тревогах, в назначенном месте летчиков поджидал автобус. По улицам спящего города спешили военные с чемоданчиками в руках. Город спал, а жизнь в нем продолжалась. Поднятые среди ночи, привычно собравшиеся летчики встречались по дороге и перебрасывались короткими замечаниями. Кто-то принялся рассказывать о кинофильме, который смотрел вечером вместе с женой.

Было сыро, рассвет еще не начинался. С вечера шел мелкий дождь. В автобусе, который должен доставить летчиков на

аэродром, уже сидело несколько человек. От сырости и холода подняты воротники. Тлеют огоньки папирос. Как уж положено, первыми при тревогах всегда собираются женатые. Холостых, как правило, приходится ждать. Теперь я, сам женатый человек, явился в числе первых и через несколько минут начинаю ворчать, что этих проклятых холостяков вечно приходится… Однако скоро все собрались, и автобус тронулся в полной темноте. Летчики молчали. Кое-кто задремал.

На аэродроме нас поразило необыкновенное оживление. Горели огни. Выйдя из автобуса, мы бросились бежать к своим самолетам. Пока я переодевался, техник и моторист уже подготовили машину к вылету.

– Все в порядке?- крикнул я, подбегая.

Техник молча отсалютовал рукой: все готово.

Подхватив мотающийся планшет, я побежал к командиру звена.

Командир звена Володя Пешков выглядел необыкновенно деловитым. Он даже толком не выслушал меня.

– Быть всем у самолетов,- приказал он.- Быть готовыми к вылету.

По всему аэродрому наблюдалась лихорадочная суета. Особенно старались техники и мотористы. Было какое-то недоброе предчувствие, что сегодняшняя тревога – совсем не учебная.

Медленно, неохотно занимался сырой ноябрьский день. Низко угадывались тучи. Мы стояли у подготовленных машин. Тускло поблескивали влажные плоскости. Летчики от нетерпения ходили взад-вперед, хлопали перчатками. Почему-то никто ни с кем не заговаривал.

Наконец, когда совсем почти рассвело, послышалась команда:

– Всему летному составу – в штаб!

Коля Муров оживился и помахал мне рукой:

– Бежим, чего тянешься!

Он подождал, пока я догоню его. Пошли вместе.

– Слушай,- сказал он,- что-то мне не нравится все это. Зачем же в штаб всех?

Мне и самому было непонятно. Обычно, как уж мы привыкли, всему составу приходилось бы теперь отрабатывать какое-нибудь учебное задание. А тут собрали чуть свет, топчемся у машин уже несколько часов и — ничего не ясно.

– Сейчас узнаем,- сказал я, наблюдая, как из штаба выбегают рассыльные и спешат по каким-то делам.

Муров тоже обратил внимание, что в штабе сегодня необыкновенное оживление.

В штабе, в небольшой прокуренной комнате, уже находились командиры звеньев. Когда собрались все летчики стало не протолкнуться. Сидело всего несколько – старшие. Остальные стояли, теснились, чтобы пропустить подходивших.

– Товарищи,- командир эскадрильи Неделин встал и с минуту молча вглядывался в лица летчиков. Наступила глубокая тишина.- Товарищи, сегодня начались военные действия с Финляндией. Всем нам приказано находиться в полной боевой готовности. Вылет может быть в любую минуту,

И сам командир эскадрильи и комиссар Гриша Кравцов были в полном облачении. В тишине слышно стало как скрипят на летчиках ремни. Никто не проронил слова.

Собственно, большого разговора не было. Да и о чем было говорить? Но мы почувствовали, как разом отлетели от нас все прежние заботы. Мы стояли на пороге чего-то еще не изведанного, тревожного.

Командир тут же отправился в штаб полка. Мы разошлись к своим машинам.

Сначала мы надеялись, что вот-вот получим боевой приказ, однако наступил день, подошло время обеда,- нам его принесли прямо на поле, к машинам, а приказа все не было. К вечеру стало известно, что ночевать будем здесь же, на аэродроме, все в той же боевой готовности.

Так миновала и ночь. Больше суток находились мы у боевых машин. Никто из летчиков за это время не видел никого из своих домашних. Родные наши думали, что проводится очередная учебная тревога.

Ночь мы провели без сна и, странное дело, стали привыкать к ожиданию. Как-то не верилось, что где-то уже идут боевые действия, что, по существу, началась война. Летчики собирались группами, высказывали предположения, что военные действия, если они уже идут, не продлятся дольше недели.

На рассвете следующего дня пришел долгожданный приказ: вылетать. Не попрощавшись с родными, все мы весь полк, эскадрилья за эскадрильей, поднялись в воздух и взяли курс к границе, где уже второй или третий день шли бои, шла война. Настоящая война.

У меня в тот момент, когда мы взлетели и легли на заданный курс, было ощущение, что там, на земле, осталось что-то такое, к чему нет и уж никогда не будет возврата. Мы словно повзрослели за тот день, за те сутки, что провели, мучаясь от неизвестности, возле своих машин. И вот летим на войну…

Как сейчас вижу первый боевой порядок наших эскадрилий. Клиньями, по звеньям, истребители плывут в осеннем северном

небе. Под нами унылая земля, приготовившаяся к зиме. Впереди гремят бои, и наше место теперь только там, в самом пекле сражений.

У людей моего поколения юность кончилась с последними часами мирного времени. Мы почувствовали себя взрослыми в тот день, вернее, в тот момент, когда над Родиной нависла грозная опасность, когда раздались первые залпы войны.

Нет необходимости подробно рассказывать сейчас о причинах вооруженного столкновения с нашим северным соседом. Конфликт между СССР и Финляндией, переросший в конце ноября тысяча девятьсот тридцать девятого года в войну, был навязан нам недобрососедской политикой тогдашних финских правящих кругов.

Общеизвестно, что в декабре тысяча девятьсот семнадцатого года правительство молодой Советской республики предоставило Финляндии независимость. Предлагало ей дружбу и добрососедские отношения. Однако финская реакция толкнула свою страну на сближение с кайзеровской Германией и с тех пор неоднократно организовывала провокационные налеты на нашу территорию фашистских шюцкоровских частей. Пресловутая линия Маннергейма, а также военные аэродромы на границе с Советским Союзом отнюдь не говорили о мирных намерениях финской военщины.

Правящие реакционные круги Финляндии держали советскую северную границу в постоянном напряжении. И если прибегнуть к какому-либо сравнению, то лучше всего, мне кажется, можно передать наше тогдашнее ожидание назревающих событий, сравнив его с ощущениями человека, в которого вот-вот выстрелят. Курок был уже взведен, дуло пистолета угрожающе смотрело с севера. Поэтому ясно, что в условиях обострившихся военно-политических отношений в Европе наша страна не могла оставаться безучастной к тому, что замышлялось.

Колыбель Октябрьской революции Ленинград находился лишь в тридцати двух километрах от подготовленного финнами плацдарма. К тому же не защищены были входы в Финский залив и в наш единственный на севере незамерзающий порт Мурманск. Чтобы обезопасить эти жизненно важные центры страны, советское правительство предложило отодвинуть на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке в обмен на значительно большую территорию.

Финляндское правительство не приняло советских предложений.

Ныне известно, что именно Германия потребовала от Финляндии не допускать соглашения с Советским Союзом.

Гитлеровская военная машина была уже запущена и набирала ход. В библии фашизма, в гитлеровской «Майн кампф» откровенно говорилось, что основное жизненное пространство германского народа – на Востоке. Поэтому неудивительно, что правящие круги Германии пользовались любым случаем для обострения положения на границах Советского государства. Лучше всего для этой цели подходила Финляндия, с ее воинствующей шовинистической политикой, с нарождающимся милитаризмом.

Из-под Пскова наша 14 истребительная бригада перелетела сначала в город Пушкин. Садиться нам пришлось чуть ли не на ощупь,- так разыгралась непогода. Было холодно, несло крупный снег. Аэродром не успевали расчищать.

– Как думаешь, сколько может мести?- спросил я Колю Мурова. Тот молча пожал плечами. Ничего определенного не сказал и командир эскадрильи. Метель могла разыграться на несколько дней.

В штабе, куда, отряхивая с себя снег, собирались летчики, говорило радио. Здесь мы впервые услышали сводку с фронта. Потом пришли свежие газеты.

С газетных страниц на нас впервые дохнуло военным ветром. В скупых строчках военных сообщений упоминались старинные города, местечки, от которых в мирное время до Ленинграда было рукой подать. Теперь в тех местах шли бои. Более подробно о событиях на фронте узнавалось из материалов военных корреспондентов.

Мы перечитали все газеты, какие-только доставлялись в наш штаб. Становилось ясно, что бои идут тяжелые, затяжные. Войска Ленинградского округа неодолимо развивали наступление.

Газеты пришли утром, скоро были прочитаны, и нам осталось одно: не скажут ли чего нового по радио. Репродуктор не выключается ни на минуту. Каждый час Москва дает выпуск последних известий, и все мы, собравшись в тесной комнате наспех оборудованного штаба, умолкаем и поворачиваемся к черному раструбу репродуктора. Да, бои идут, затяжные бои. А у нас тут, как назло, метель.

Летчики в один голос требовали немедленно вылетать. Молодежь с нетерпением рвалась в бой. Пусть ветер, снег, буран,- наплевать. Но командир, как мог, остудил горячие головы. Непогода усиливалась, ни о каких полетах не могло быть и речи.

Вынужденная задержка действовала на нервы. Все ходили молчаливые, злые.

Напрасно мы надеялись, что метель утихнет на следующий день. Наутро она разбушевалась еще сильнее. Короче, просидеть

нам пришлось не день и не два, а целую неделю. Напрасно поутру, едва вскочив с постелей, мы бросались к окнам: там сплошной стеной несло снег. Да сколько же можно! И мы опять приникали к репродуктору, радовались газетам. Газеты были полны сообщений о боевых действиях, наши там дерутся, а мы из-за какой-то непогоды вынуждены отсиживаться.

Возбуждение летчиков было так велико, что все мы ни с того ни с сего насели на комиссара эскадрильи Гришу Кравцова. Претензии у всех одни: «Чего сидим? Даешь на фронт».

Бедный Гриша Кравцов успокаивал нас терпеливо и снисходительно, но в его спокойствии бывалого человека мы в своем азарте усмотрели чуть ли не равнодушие, и дело, помнится, дошло до партийного собрания.

Но вот к великой нашей радости пурга прекратилась. Глубокой ночью я вышел на улицу. Высоко в морозном небе блестели звезды. «Значит, летим…»

Утром мы перелетели на новый аэродром, а уж оттуда наш путь лежал на территорию, только что занятую советскими войсками. Мы опустились на наспех оборудованном аэродроме, на льду озера Карку-Лампи.

Все здесь было необычно: само непривычное для нашего уха название, маленькие домики, утонувшие в глубоких сугробах, мрачное безмолвие леса, старого, труднопроходимого. Лишь время от времени с мохнатых лап сосен беззвучно осыпается серебряная кисея.

Следы войны не удалось засыпать даже толстому слою снега. Поваленные и разбитые деревья, глубокие воронки кое-где обгорелые развалины домиков. Сейчас тихо, но еще недавно здесь шли ожесточенные бои.

Начало боевых действий с первых же дней выявило ряд неполадок в наступающих войсках. Наши части, ломая сопротивление белофиннов, продвигались очень медленно Если на пути наступавших встречалась огневая точка а белофинны насытили свои оборонительные порядки такими долговременными опорными пунктами,- подразделение останавливалось и высылало дополнительную разведку. Это всегда приводило к излишней потере времени В действиях многих командиров чувствовались нерешительность и скованность, объяснить которые, по-видимому можно отсутствием настоящего боевого опыта, а то и просто боязнью взять на себя инициативу.

Зато в воздухе, как нам довелось сразу же узнать, наши летчики не встречали почти никакого сопротивлении Лишь отдельные объекты противника были кое-как прикрыты зенитной

артиллерией.

Первый день на аэродроме прошел опять в ожидании В заснеженном дремучем лесу стояла удивительная тишина, но война, мы знали, была где-то неподалеку. И ее, эту войну, мы увидели на следующий день.

Сначала мы увидели ее на карте – изломанная линия, прочерченная твердой рукой штабного командира. Они и мы… Там, за линией, были они. И вот сейчас мы наконец полетим на них. Скоро я увижу врага не в учебном бою а через прицел стреляющего пулемета. И мы встретимся в бою, из которого, как правило, один не возвращается.

Голова горела.

Впоследствии нашему истребительному полку приходи лось заниматься и штурмовкой передовых позиций бело финнов, и переброской продовольствия окруженной в лесах знаменитой Пролетарской дивизии, но в первый вылет мы встретили врага в небе.

Из штаба мы вывалились гурьбой. Летчики туже затягивают ремни шлемофонов. У каждого на длинном ремешке свисает плоский планшет с картой. Я вижу как Коля Муров никак не может управиться с пряжкой шлемофона. Сломал он ее, что ли? Но нет, он просто волнуется. Но вот Коля деловито натягивает теплые перчатки и крупно вразвалку шагает по глубокому сыпучему снегу. На унтах у него густой снег. Потом он подхватывает планшет, чтобы не тащился по снегу, сильно бьет им по толстому колену.

Быстро уходит вперед Владимир Пешков. он командир, у него сегодня двойная озабоченность – прибавляется еще и тревога за нас, молодых летчиков. Ведь это наш первый настоящий бой.

Быстро расходимся по машинам. Самолеты там и сям чернеют на белом поле замерзшего озера. Вот где-то застрелял, загудел первый мотор. На взлет!

Эскадрилья истребителей тройками, звено за звеном, сорвалась со льда озера и выстроилась в боевой порядок. Четкая линия самолетов поплыла по бледному северному небу. Ровный гул моторов привычно стоит в ушах. На наших планшетах незнакомая территория. Внизу все бело. Зима, снег,- обилие снега. Позади скоро скрываются знакомые очертания небольшого озерка Карку-Лампи.

Руки мои привычно лежат на рычагах управления. Впереди и чуть в сторонке я вижу машину командира звена Владимира Пешкова, нашего старшего товарища и наставника. Я знаю, что он, как и все летчики эскадрильи, нетерпеливо и зорко всматривается в чужое стылое небо, чтобы не пропустить, первым

заметить неприятельские самолеты.

Эскадрилья летит четко, как на ученье. Мы ведем поиск. Еще в школе инструкторы, бывалые летчики, прошедшие через бои в Испании и Монголии, внушили нам, что истребитель – хозяин неба. Истребитель – оружие атаки, он сам ищет врага и навязывает бой. «А что такое бомбардировщик?- с оттенком превосходства говорили инструкторы.- Висит, как горшок, и всего боится».

Оговорюсь сразу, что вскоре нам, истребителям, пришлось взять на себя и обязанности бомбардировщиков. И здесь нашему пренебрежительному отношению пришел конец. Нелегкий у них тоже хлеб, у бомбардировщиков!…

Далеко на горизонте, где белесое зимнее небо сливается с заснеженной землей, мы замечаем восемь черных точек. Ага, это он, неприятель! Первый неприятель.

Помня учебные наставления, забираемся ввысь, накапливая выгодную для атаки высоту. На полный газ включены моторы. Руки еще крепче сжимают рычаги, внутри все дрожит от нетерпения и азарта. «Сейчас, сейчас!…»

Замечаем, что неприятельские самолеты тоже набирают высоту. Сближаемся. Теперь уже отчетливо видно, что перед нами «фоккеры», немецкие машины. Их восемь, восемь вооруженных стервятников, готовых нападать, огрызаться, драться, готовых распороть твою машину пулеметной очередью и повергнуть на землю.

Мы много раз вылетали на учебные задания. Как опытные, бывалые летчики мы начинали учебные бои, заходили на атаку, «открывали огонь» и так же, как наши старшие, уже обстрелянные товарищи, выходили из пике, чтобы снова с разгону уйти вверх и набрать высоту для боя Сближаясь с «противником», мы припадали к прицелам и ловили момент, когда в крестовине покажется гудящее рыло самолета. Все это было знакомо и отработано. Но беда в том, что до сих пор со мною лоб в лоб сходился свой товарищ. Он не поймает тебя на оплошности, не всадит очередь,- в лучшем случае скажет об ошибке на разборе боя. Ну, ругнет инструктор или руководитель полетов А тут - четкий строй вражеских машин несется нам навстречу Совсем как на ученье. Только каким-то шестым чувством сознаешь, что оттуда за тобой наблюдают хищные не добрые глаза, приготовив полную ленту смертоносного свинца.

И все же осторожность и благоразумие оставили нас едва мы пошли на сближение. В каком-то диком, неуемном возбуждении я забыл обо всех наставлениях командира потерял из виду соседей и на полном газу помчался на встречу «фоккерам». Мелькнули

очертания неприятельских машин, трассирующие очереди, еще что-то – и я одумался, лишь увидев перед собой мирное безоблачное небо, Сначала я даже растерялся. А где же «фоккеры»? Оказалось, неприятель умелым маневром вышел из боя, прижался к земле и уходил к себе. Вся наша эскадрилья сохраняла боевой порядок, и только я да мой товарищ Николай Муров вырвались черт знает куда. Тут только запоздалое благоразумие снова взяло верх. Как же мы так легкомысленно выскочили вперед! А боевой порядок? А закон боя, где ведомому отведено строгое место? А заповедь истребителя – сам погибай, но товарища выручай? Все забыли. И, видимо, родились мы с Муровым под счастливой звездой, если наша горячка благополучно сошла нам с рук. Будь у неприятеля равные с нами силы и прими он бой, не миновать бы нам получить смертельную очередь в хвост.

Виновато возвратились мы к эскадрилье, заняли свои места за самолетом Пешкова и побито поплелись на аэродром.

А уж что было вечером, на разборе боевого дня, лучше и не вспоминать. Наши товарищи, такие, как герой боев в Испании Евгений Холзаков, участник сражений в Монголии Иван Попов, Герои Советского Союза братья Орловы и многие другие были известные в те времена летчики. Эти люди знали цену настоящей отваге, они не раз смотрели смерти в глаза и если остались живы, то благодаря не одной безрассудной храбрости, но и высокому искусству боя, дисциплине и хладнокровию, без которых немыслим настоящий летчик-истребитель.

«Вразумляли» они нас так, что памятно до сих пор. Но суровый урок боевых товарищей пошел нам на пользу.

Повседневной «работой» истребителей на финском фронте было такое, казалось бы, малоподходящее для них занятие, как штурмовка передовых позиций. Наши наземные войска ломали хорошо укрепленную линию Маннергейма, и задачей авиации было помочь им разбивать долговременные опорные пункты врага, подавлять артиллерию и загонять пехоту в землю.

Нелегко было воевать нашим пехотинцам, лыжникам, танкистам. Трудно было и авиаторам. Летчики, прибывшие на Север совсем недавно, не успели как следует освоиться в новой для себя обстановке. Необходимый опыт приобретался постепенно, уже в ходе боевых действий.

Остро ощущался недостаток средств связи. Усугубляло положение то, что действия наступающих войск происходили зимой, в крепкие морозы, по незнакомой глухой местности. Население было настроено враждебно все же наступление нарастало. Наши войска приближались к жизненноважным

пунктам неприятельских укреплений. Это был пусть медленный, но неумолимый вал наступления.

Особенно упорные бои разгорелись в феврале. После первого наступательного порыва наших войск атакующие части остановились перед второй линией вражеской обороны. Тогда командование фронта приказало вывести из боя головные дивизии для отдыха и пополнения, подтянуть резервы.

Три дня в районе Карельского перешейка бушевала метель. Нечего и говорить, что вся наша авиация крепко засела на своих аэродромах. Мы знали о готовящемся наступлении и ждали улучшения погоды.

Стандартных, подготовленных аэродромов в Финляндии не было, и нашему полку пришлось базироваться на нескольких наспех оборудованных площадках. Снег валил так густо, что нечего было и думать расчистить поле, подготовить взлет. Домики, в которых мы жили, заваливало по самые крыши. Со стороны посмотреть – даже странно: бугор снега и из него вдруг тянется вверх струйка дыма. Не было видно даже крыш.

В часы вынужденного безделья летчики собирались вместе и начинались бесконечные разговоры. Теперь уже у всех нас появился кое-какой опыт, и мы могли сделать какие-то выводы относительно силы противника, увидеть и оценить боевые качества своих самолетов. Но и здесь решающее слово принадлежало старшим товарищам, у которых за плечами были бои в Испании и Монголии. По их словам выходило, что на наших истребителях стоит недостаточно мощное вооружение.

– В Испании мы увидели, как надо бить фашистов,- говорил командир полка.- Одно плохо – оружие на наших ястребках надо срочно менять. Истребителям необходимо пушечное вооружение.

И он рассказывал, как в боях под Барселоной, отражая налет вражеской авиации, наши летчики с трудом поджигали тяжелые бомбардировщики. Для бомбардировщиков пули из пулеметов были мелки, легковаты.

28 февраля пурга наконец утихла. Мощный артиллерийский шквал потряс укрепления белофиннов. В воздух поднялась авиация.

Низко над землей, почти на бреющем полете, проносились к линии фронта эскадрильи истребителей. Сверху хорошо видны результаты работы нашей артиллерии. Весь, передний край противника буквально перепахан. На девственно-белом снегу чернела развороченная земля, валялись обломки дотов и дзотов, дымились взорванные склады.

С заранее подготовленных позиций двинулись в наступление наши танки. Окрашенные в белый цвет, они почти сливались со

снегом. Следом за танками поднялась пехота.

Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника.

В этот момент со мной произошел крайне неприятный случай.

Совершенно неожиданно я почувствовал, что с моим самолетом творится что-то неладное. Его вдруг дернуло, вскинуло и, несмотря на все мои отчаянные усилия, перевернуло. Земля близко, и без запаса высоты я ни за что не смог бы выправить машину. На раздумье и принятие решения оставались считанные секунды. Вот-вот самолет могло кинуть в штопор, и тогда…

Сильным, заученным еще в школе, рывком я выбросился из кабины и камнем полетел вниз. Вскоре, однако, раскрылся парашют, и меня так дернуло, что заболели ключицы. Но самое прискорбное было то, что от такого резкого рывка с ног моих слетели тяжелые меховые унты и я остался в одних носках. А мороз тогда стоял свыше пятидесяти градусов, и мы даже на лицо надевали предохранительные маски из тоненьких кротовых шкурок.

Озноб в ногах я почувствовал еще в воздухе, когда висел, держась за тугие стропы и с беспокойством посматривая вниз – куда же я приземлюсь? Бело было внизу, пустынно.

Опустился я в глубокий, высушенный морозом сыпучий снег. Тяжелый, раздутый купол парашюта сильно потянуло вбок. Я упал, потянул за стропы. Купол свернулся и лег на снег. Освободиться от парашюта было делом одной минуты. Затем я вынул пистолет и огляделся. Эскадрилья моя ушла вперед, кругом было тихо, белофиннов не видно. Видимо, я находился на нейтральной полосе. Однако стоило мне приподняться, как раздалась короткая автоматная очередь. По снегу рядом со мной как строчку прострочило. С величаво замерших в морозном сиянии деревьев тонкой кисеей посыпался снег. Я снова зарылся и стал высматривать. Как, неужели белофинны? Нет, живым они меня не возьмут!

Война с первых же дней оказалась совсем не такой, какой мы ее себе представляли. Все-таки что ни говори, а в наших ожиданиях фронтовых сражений было очень много мальчишеского. Не помогало и то, что наши старшие товарищи, получившие боевое крещение, кажется, ничего от нас не скрывали. Но нам из их рассказов запоминались лишь героические моменты. Да это и понятно: в свои двадцать лет мы и не могли представлять ее иначе. Только здесь, на фронте, мы ясно увидели, что такое враг. В том, что летчик из боя может не вернуться на свой аэродром – к этому мы были готовы. На то и

война. Или ты его, или он тебя. Но вот о плене, о том, что можно попасть в руки врага и что с тобой будет – об этом мы не задумывались. А такой вариант не исключался. И вот однажды мы своими глазами убедились, что несет с собой плен и что такое безграничная жестокость обозленного врага.

Мне вспомнились товарищи по полку Гриценко и Корнюшин. Самолет командира эскадрильи Гриценко был подбит в воздушном бою, и летчик выбросился на парашюте. Приземлился он на вражеской территории. Сверху хорошо видно, как бросились к беспомощному летчику финские лыжники. Но не тут-то было! Кружа над поляной, летчики открыли сильный пулеметный огонь и заставили белофиннов залечь. А самолет лейтенанта Корнюшина пошел на посадку, чтобы подобрать попавшего в беду командира. Смельчак сел, но взлететь не смог. Видимо, помешал рыхлый глубокий снег. С отчаянием кружились летчики над оставшимися у врага товарищами. Что было делать? Горючее на исходе, нужно возвращаться на аэродром. Решили слетать на базу, быстренько заправиться и снова вернуться. Но когда вернулись, было уже поздно. Место, где приземлились летчики, было буквально перепахано. Все говорило о том, что здесь шел жестокий, отчаянный бой.

Мы потом с ужасом рассматривали обезображенные трупы летчиков. Белофинны вырезали на телах наших товарищей пятиконечные звезды, выкололи глаза, отрезали уши. Это было какое-то тупое, животное зверство…

Все виденное так и стояло перед моими глазами, и я со злостью сжимал в руке пистолет. Забыл даже о ногах, хотя лежать в снегу да еще совсем разутому было очень холодно.

«Нет,- думал я, не выпуская тяжелой рукоятки пистолета,- все, что угодно, только не плен. Живым не дамся».

Осторожно осмотревшись, я наметил себе путь и, не поднимаясь из снега, пополз. Автоматные очереди раздавались еще раза два или три, и всякий раз я зарывался в снег. Потом все стихло. Я понял, что меня заметила белофинская «кукушка»-одинокий, притаившийся в засаде автоматчик. Гнаться за мной он не мог, в его возможностях было лишь подкараулить, когда я высунусь. Я уполз, и «кукушка» потеряла меня из виду.

Теперь можно было подняться и оглядеться как следует. Снег доходил до пояса. Где-то позади глухо рокотал бой. Но здесь, на этом участке, стояла удивительная тишина. Далеко ли наши? Я с беспокойством пощупал свои ноги – они уже не чувствовали боли. Неужели обморозил? Да нет, вроде не похоже. Тогда скорее к своим! Спасение мое только в быстроте. Сначала я бежал в шлемофоне и толстом теплом комбинезоне. Скоро стало жарко, я

задыхался. Тогда я сбросил мешающий мне комбинезон и налегке, в одних носочках, побежал.

Сейчас трудно сказать, сколько мне пришлось бежать. Помню лишь, что бежал я не переставая, бежал из последних сил, бежал и все видел перед собой неуклюжего безногого инвалида. Только бы не отморозить ноги!

Когда становилось совсем уж невмоготу, пот заливал глаза и сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, я садился в снег и хватался за ноги. Сначала мне казалось, что они совсем не чувствуют боли. Я принимался тереть, щипать и – о, радость!- становилось больно. Значит, не все еще потеряно. Вскочив, я снова бежал.

Бежать было трудно: глубокий снег доходил порой едва ли не до груди. Кругом была тишина, безмолвие, хмурые, осыпанные снегом деревья. Чужая, страшная земля. В любую минуту из-за деревьев могли выскользнуть финские лыжники, рассыпаться цепью и… Но о том, что могло последовать, мне не хотелось и думать.

– Стой!- раздался вдруг громкий, повелительный окрик. Я бросился в снег и приготовил пистолет. Враг? Лыжники?

– Кто такой?- снова раздалось неподалеку. Я не видел, откуда спрашивают. Но русская речь подействовала на меня успокаивающе. Я встал во весь рост.

– Свой! Свой! Летчик!

Из-за деревьев показались вооруженные люди в белых халатах. Это было наше боевое охранение.

Бойцы провели меня в землянку и в несколько рук принялись яростно оттирать снегом. Здесь, в землянке пехотинцев, я впервые в жизни выпил стакан спирта (до этого я в рот не брал спиртного), выпил, согрелся и заснул.

Назавтра я был уже в своей части.

– Живой?!- обрадовались товарищи, увидев меня целым и невредимым.

– Братцы, смотри, кто пришел!

– Серега!… Родной!

На меня навалились и едва не смяли. Радовался Коля Муров, сдержанно хлопал по спине мой командир Владимир Пешков.

Радостно было снова очутиться в родной эскадрилье.

После объятий и расспросов командир звена Владимир Пешков объяснил, что произошло с моим самолетом. Оказывается, волна истребителей шла чересчур низко, и моя машина попала в струю от артиллерийского снаряда. Поток воздуха был настолько силен, что самолет перевернуло. Такие случаи, по словам Пешкова, бывали и раньше.

– Ну, все хорошо, что хорошо кончается,- резюмировал он.- Как чувствуешь себя?

– Прекрасно!- мне и в самом деле казалось сейчас, что никакой беды не было. Отдохнувший в солдатской

землянке, накормленный, я чувствовал себя бодрым, полным сил.

– Надо командиру эскадрильи представиться,- сказал Пешков.- Пошли.

Командир эскадрильи Иван Иванович Попов (Петр Неделин к тому времени был назначен командиром полка) был гораздо старше нас. Участник боев в Монголии, он носил на гимнастерке несколько правительственных наград.

Встретил меня Попов со сдержанной радостью.

– А мы уж думали… Ну садись, рассказывай. Как самочувствие? Летать можешь?

Мог ли я летать? После всего, что мне довелось пережить, я ни о чем больше не думал, как только подняться в воздух. Ну ее, эту землю, в небе куда покойней и надежнее!

– А мы вчера отличились,- говорил командир эскадрильи.- Жаль, тебя не было с нами. Вы еще не рассказывали?- спросил он у Володи Пешкова.

– Некогда было. Не успели.

Вчерашнее начало больших наступательных боев сложилось для наших летчиков удачно. После штурмовки позиций, на обратном пути эскадрилья встретила в небе самолеты противника. Враг не отвернул в сторону, как обычно, а навязал бой. Наши ребята, молодые летчики, показали не только отвагу, но и рассудительное хладнокровие. Потеряв два самолета, противник вышел из боя и ушел на свою сторону.

Слушая рассказ товарищей о вчерашнем дне, я испытывал неловкость за то, что не был с ними в бою. Я уж забыл, как бежал под автоматными очередями «кукушки», как полз в снегу. Мне не терпелось снова сесть в кабину и взлететь в небо.

Отправляясь в этот же день на боевое задание, я почувствовал, насколько сжился я с боевой машиной, с тем непередаваемым ощущением, которое испытывает летчик в полете. Я понял, что с небом теперь связана вся моя жизнь. Мне приятно было вновь взять в руки рычаги послушной боевой машины, видеть впереди и сбоку привычный строй эскадрильи. Здесь я на своем месте. Только после вчерашнего я как-то остепенился, словно стал старше, спокойней, рассудительней.

Денек стоял серенький, облачный. Мы шли еще над своей территорией. Где-то здесь вот – всматривался я в однообразную унылую картину внизу – произошло со мной вчера… Или нет? Да

нет, приметы вроде бы знакомые. Вон полоса – мой след, как я полз. А вот и место, где я приземлился. Парашюта уже нет. Значит, были они на этом месте, искали меня… Я стал разыскивать место, куда свалился мой самолет, и не успел найти. Совсем близко, прямо перед нами, из облаков вдруг вынырнул вражеский разведчик – тихоходная двукрылая машина. Неприятельский летчик под покровом облаков незамеченным пробрался на нашу сторону и, время от времени «выглядывая» из облаков, производил съемку местности.

Неожиданная встреча застала меня врасплох. Слишком уж живо было в памяти все, что со мной произошло накануне.

– К бою!- раздался в наушниках твердый голос командира эскадрильи.

Вслед за машиной Володи Пешкова все наше звено легло в боевой разворот.

Воздушный разведчик, видимо, не сразу заметил опасность. Надо полагать, он вообще не ожидал встретить в таком месте советские самолеты. Тихонько плывя над землей, он терпеливо и скрупулезно занимался своим делом, занося на карту всевозможные военные объекты.

Дать ему уйти на свою сторону с собранными разведывательными данными было бы непростительно.

Когда вражеский летчик увидел нас, было поздно. Наши самолеты уже вышли на атакующий рубеж и приготовились к бою.

Финский разведчик круто отвернул в сторону и попытался было снова уйти в облака, но не успел. Командир нашего звена Владимир Пешков, покачав крыльями машины – «Делай, как я!»- устремился вперед и отсек разведчика от облаков. У Пешкова и у меня создалось великолепное положение для атаки. С двух сторон мы ударили по неприятельскому самолету из пулеметов.

Закончив очередь, я привычно положил машину в боевой разворот и вышел из атаки. Занимая новую позицию, глянул вниз и увидел, как сбитый самолет, пылая словно факел, летел к земле, а в небе покачивался белый купол парашюта. Вражеский летчик успел выброситься.

Новое наступление, предпринятое советским командованием в конце февраля, развивалось успешно. Сухопутные части и авиация стали действовать гораздо активнее: чувствовался приобретенный опыт. Летчики хорошо освоили район полетов, научились эффективно эксплуатировать самолеты в зимнее время. Это придавало им уверенность в своих действиях. Повысилась действенность бомбовых ударов, улучшилось качество воздушной разведки.

Основные события развернулись после того, как наступающие прорвали хваленую линию Маннергейма.

В результате полного сокрушения линии Маннергейма и охвата противника в районах Выборга, Кексгольма и Сортавала сопротивление финской армии было сломлено. Перед советскими войсками открылся путь в центральную часть Финляндии и к ее столице. Финская армия, понеся огромные потери, не могла остановить нашего наступления. Тогда финляндское правительство приняло предложение СССР о прекращении военных действий.

Гремели последние залпы.

После окончания военных действий наша эскадрилья была вызвана в Москву для получения правительственных наград.

Стояла ранняя северная весна. Товарищам предстояло перебазироваться на новые аэродромы. Мы вернемся к ним позднее, уже из Москвы.

Поезд быстро летел по прямой, как стрела, железной дороге из Ленинграда. В наших купе было весело, шумно. Мы опустили окна, весенний свежий воздух пьянил головы.

Вечно юной, неповторимо прекрасной показалась нам древняя Москва. Целыми днями ходили мы дружным табунком по ее улицам, площадям, скверам. Великий город строился, озеленялся, москвичи деловито спешили по своим учреждениям и заводам, а вечерами заполняли парки, кинотеатры, кафе. Это был последний мирный год советских людей, и хоть события в Абиссинии, в Испании, в той же Финляндии говорили о приближающейся военной грозе, все же невозможно было поверить, что ровно через год над нашей страной нависнет мрачная туча, разразится невиданная в истории кровопролитная война.

Группу летчиков часто останавливали москвичи и подолгу не отпускали, расспрашивая о военных эпизодах. А неутомимые московские мальчишки ходили за нами неотступно.

Милые, неугомонные мальчишки! Совсем еще недавно я сам такими же восторженными глазами смотрел на летчика в форме, который приезжал в Алма-Ату набирать курсантов для Оренбургского училища. И вот теперь мне самому приходится удовлетворять жгучее любопытство мальчишек.

А ребятня хочет знать все, в каждом из них бьется горячее сердчишко будущего Чкалова, Серова, Громова. Многие из этих мальчишек повзрослели раньше поры, и вскоре нам довелось встретиться с ними на фронтовых перекрестках…

Между тем наступил день вручения наград. Нечего и говорить о том волнении, которое мы испытывали, пересекая

Красную площадь от Исторического музея к Спасской башне. На всех нас уже были заготовлены пропуска.

Мы прошли мимо Мавзолея, он еще не был открыт. Часовые хранили вечный покой вождя.

В Кремле, на небольшой площади, мне бросилась в глаза оранжевая окраска древних зданий. Близко один от другого стояли соборы. Высоко в небо уходил тонкий столб звонницы Ивана Великого. Знаменитый колокол стоял на земле, рядом лежал толстый медный осколок.

По каменной брусчатке, вдоль бесконечного ряда сиявших на солнце окон мы идем к парадному подъезду Большого кремлевского дворца. Испокон веков в этих царских древних покоях происходили чествования, награждения, юбилеи. Теперь в этих священных для русского народа помещениях правительство страны принимает нас, фронтовых летчиков. Сыновья крестьян, рабочих с волнением поднимаются по широким, устланным коврами лестницам.

В Георгиевском зале нас принял Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин. Он объявил, что М. И. Калинин сейчас выйдет к нам, и как бы между прочим заметил, чтобы мы были поаккуратнее с рукопожатиями.

– Люди вы молодые, силы у вас хоть отбавляй!- добавил он с улыбкой.

Отворилась небольшая боковая дверь, и вышел всесоюзный староста, маленький сухонький старичок с бородкой клинышком. На нем серый в полоску костюм, простенькие очки. Взгляд пристальный, отеческий.

Все поднялись и не садились до тех пор, пока М. И. Калинин не прошел на свое место за большим столом. И снова я испытал необъяснимое волнение, тот непередаваемо высокий настрой души, когда в твоей жизни впервые происходит что-то значительное, западающее в память на всю жизнь.

Процедура вручения наград проходила неторопливо. Негромким голосом секретарь называл фамилию награжденного, летчик поднимался, привычно поправлял под ремнем гимнастерку и четкими легкими шагами выходил вперед, к столу, на котором стопкой лежали документы и дипломы, стояли коробочки с орденами и медалями.

Для меня наивысшим моментом душевного напряжения явилась минута, когда под сводами Георгиевского зала раздался внятный голос секретаря:

– Сергей Данилович Луганский!

Так же, как и мои товарищи, я с замиранием сердца направился к столу.

– Поздравляю вас, Сергей Данилович, с правительственной наградой,- тихим голосом произнес Михаил Иванович Калинин.

Помня предупреждение А. Ф. Горкина, я бережно подержал в ладонях слабую старческую руку.

Нужно сказать, предупреждение было весьма кстати. Помню по себе, в момент вручения награды у меня было такое чувство, что я с трудом удержался, чтобы не сжать изо всей силы руку Калинина. Таковы были радость и благодарность.

Ордена и медали получили все летчики нашей эскадрильи. Иван Иванович Попов, командир эскадрильи, получил орден Красного Знамени, командир звена Владимир Пешков был удостоен звания Героя Советского Союза.

Тут же, в Кремле, товарищи помогли мне прикрепить к гимнастерке орден Красной Звезды.

От волнения, от необычности момента я не находил себе места. В какой-то миг мне показалось даже, что я стою на нашей Веригиной горе и мне хочется лететь, лететь. Но я тут же взял себя в руки и стал наблюдать за процедурой награждения. Утешало меня то, что товарищи мои тоже волновались, хотя многие из них были постарше.

Впоследствии мне довелось много раз получать всевозможные награды, но такого волнения, такого невыразимого подъема, как в тот памятный день тысяча девятьсот сорокового года, я уже не испытывал никогда.

На прощание мы всей эскадрильей сфотографировались с М. И. Калининым и вышли на Красную площадь. Солнце щедро заливало огромный город. На Красной площади было все так же торжественно и величаво. Мавзолей уже был открыт, народ длинной лентой двигался от самого Александровского сада. Сумрачно застыли у кремлевских стен сизые ели. С разноцветных маковок Василия Блаженного на нас, казалось, взирали века богатой событиями российской истории. В безоблачном голубом небе над Кремлем парило полотнище государственного флага Страны Советов.

Здесь, на Красной площади, мы все как один поклялись не жалеть ни сил, ни трудов, ни жизни своей, чтобы всегда чистым и безоблачным оставалось небо над нашей Отчизной. Это была пламенная клятва, идущая из глубины сердец, и скоро, очень скоро обстановка потребовала от нас и немыслимых трудов, и напряжения всех сил, а от некоторых – и жизни

ПРИШЛО БОЛЬШОЕ ИСПЫТАНИЕ

В мемуарной литературе началу войны отведены самые волнующие страницы. Я прочел множество воспоминаний, и всюду о первом дне войны пишется с возмущением. Да это и понятно: слишком неожиданно, слишком коварно враг нарушил мирную жизнь миллионов советских людей.

Вторая мировая война вошла в жизнь нашей страны как великое бедствие.

Воскресенье 22 июня должно было пройти у нас, как обычный выходной день в воинской части. На стадионе намечалась встреча волейболистов, ближе к вечеру – футбольный матч. Вечером в клубе готовился концерт художественной самодеятельности.

Встал я в этот день несколько позже обычного, вышел на балкон. С высоты третьего этажа мне хорошо виден наш аэродром. Было солнечно, жарко.

Большой южный город пришелся летчикам по душе. Мы прибыли сюда сразу же после получения наград. Местом нового расположения нашего авиационного полка был выбран Ростов-на-Дону.

Фронтовая жизнь постепенно отходила в прошлое. Миновало всего несколько месяцев, а мы уже втянулись в новый распорядок, почти такой же, как в Пскове. Те же самые учения, то же изучение материальной части. В полк прибывало пополнение, летчики получали новые машины.

Так что и день 22 июня не должен был внести в эту размеренную жизнь никаких изменений.

«Но что это?»- вдруг насторожился я. Вместо привычной покойной картины аэродрома я увидел, как по полю бегают солдаты охраны, разбирают оружие и занимают оборону. Блаженное воскресное состояние слетело мигом.

– Маша,- крикнул я жене,- посмотри. Что-то неладно!

А в дверь квартиры уже стучал посыльный:

– Товарищ старший лейтенант, тревога!

Так началась война.

Собираясь на аэродром, я отказался завтракать. Жена не настаивала. Ей и самой не лез кусок в горло. Она лишь спросила:

– Как ты думаешь, Сережа, надолго это?

Бедные женщины! Кто мог сказать, сколько им придется ждать и волноваться за своих близких?

Успокоив жену, я выбежал из дому.

На аэродроме техники спешно готовили самолеты. Когда мы прибежали, одно звено истребителей уже поднялось в воздух для

патрулирования. Боевые машины унеслись в жаркое небо и скоро скрылись из глаз. Они искали врага, но враг еще был далеко. Как сообщила вечерняя сводка, немецко-фашистские войска вели бои на границе. Но в той же сводке говорилось, что авиация противника бомбила Киев, Львов, Одессу и другие города. Трудно было представить, что старинные красивые города подвергаются сейчас варварской бомбардировке, рушатся здания, дым и гарь поднимаются в ясное летнее небо. Что собой представляет война, мы уже знали.

В штабе полка царила боевая, почти фронтовая обстановка. Беспрерывно звонил телефон. Командование отдавало распоряжения. Люди подтянулись, приготовились к самому худшему. Сознание, что враг нарушил наши границы, что идет война, льется кровь, наложило отпечаток на все наши действия.

Нашему полку было приказано: обеспечить охрану моста через Дон. Значит, скоро нужно ждать немцев и сюда, к Ростову?! Вот уж это никак не укладывалось в голове. Неужели враг проникнет на нашу землю так далеко?

В обед у столовой нас всех ждали семьи. Женщины плакали. Мы, как могли, успокаивали их. Тогда не думалось, что немцы продвинутся вперед. Мы были уверены, что коварного захватчика остановят на границе, а затем перенесут боевые действия на его территорию.

Однако с каждым днем сводки становились все безрадостней. Враг мощной лавиной наступал на огромном фронте. Создалась угроза Ленинграду, наметилось Смоленское направление: немцы рвались к Москве.

У нас пока было относительное затишье. Дни проходили в учебе. Мы жили на аэродроме, спали под самолетами и ждали приказа вылетать. Вечерами все собирались у репродукторов. Новости были угрожающими. Немецкие войска наступали.

Враг приближался к Москве.

Война для советского народа началась неожиданно. Но мы тогда не знали о той громадной государственной работе, которая проводилась в предвидении неминуемой беды. Международная обстановка осложнялась с каждым днем, над Страной Советов нависала грозная опасность, и партия проводила целый ряд мероприятий, направленных на укрепление нашей оборонной мощи.

Прежде всего большие задачи удалось выполнить в течение славных пятилеток. Пятилетние планы были направлены и на то, чтобы экономически обеспечить победу, если придется воевать. Страна создала новые и передовые отрасли промышленности – автомобильную, тракторную, авиационную. Развились

нефтедобыча и нефтеперерабатывающее производство, как раз те отрасли, которые со временем помогли нам выиграть жестокую войну. Перед самой войной мы уже имели новейшие образцы танков, самолетов, подводных лодок, артиллерийского вооружения. Увеличивалась общая численность армии, а такие современные рода войск, как танковые и механизированные, возросли в 12 раз!

Партия и правительство видели опасность войны и делали все для того, чтобы отстоять Отчизну в грозный час.

Когда утром 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, в Москве в этот же день внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о всеобщей воинской обязанности.

Еще 25 февраля 1941 года Центральный Комитет партии и Совнарком СССР приняли важнейшее постановление «О реорганизации авиационных сил Красной Армии». Оно определило план перевооружения авиачастей, формирования новых авиаполков, зон противовоздушной обороны. Документ этот во многом ускорил подготовку наших Военно-Воздушных Сил к приближающейся войне.

Из воспоминаний наших видных военачальников теперь известно, что перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска из глубины страны. И этот дальновидный шаг помог сорвать гитлеровский «блицкриг», измотать фашистские войска уже в первые дни военных действий.

Так что делалось и сделано было много.

Героические наши войска грудью встретили фашистские лавины и с предельным напряжением сил сдержали натиск коварного врага.

Ростов до некоторого времени был глубоким тылом. Но сознание того, что западные наши рубежи уже обагрены солдатской кровью, что через Двину и Буг переправляются чужеземцы, их грохочущие танки, артиллерия, самоходные орудия,- все это не давало покоя. «Коварное, вероломное нападение»,- билась в голове неотвязная мысль.

По мере того как разворачивались боевые действия, к нам в округ стали прибывать на переформирование полки и дивизии с фронта. Позднее эвакуировались авиаучилища и курсы из Полтавы, Одессы, Чернигова. Они заняли аэродромы всюду, где можно было разместить технику и людей.

Война медленно, неумолимо приближалась и к Дону. Фронт был уже недалеко от Ростова.

Наконец пришел приказ вылетать и нам. Нас собрали по

боевой тревоге. Командир полка И. И. Попов коротко доложил обстановку. Нам предстояло перебазироваться в район Таганрога.

В последний вечер нам разрешили сходить домой – проститься с семьями. Родные заволновались. Куда мы летим, когда вернемся? И вернемся ли? А что тогда будет с ними?

Тяжело дался всем нам этот последний разговор с родными. Времени на свидание нам было отпущено в обрез, мы то и дело поглядывали на часы.

Собираясь уходить, я окинул взглядом свою комнату, подошел к кроватке. Дочка спала.

– Будить жалко…- сказал я жене.

Она молча утирала слезы.

– Возьми, ничего. Потом уснет.

Бережно поднял я на руки теплое беззащитное тельце ребенка. Дочка проснулась и заплакала. Жена, тоже не переставая плакать, взяла ее и проводила меня.

Я ничего не ответил жене на ее вопрос, когда мы теперь увидимся. Да и что можно было обещать? Все мы понимали, что начавшаяся война не на месяц и не на два. Чтобы сломать хребет ворвавшемуся на нашу землю зверю, понадобятся годы, понадобится множество жертв…

Рано утром перед рассветом прозвучала команда: по самолетам.

– Как твои?- успел я спросить у Володи Пешкова. Ничего не сказав, он только махнул рукой. Да и что было говорить?

Вылетали мы эскадрильями – одна за другой. Первой поднялась эскадрилья Владимира Пешкова. Мы построились в боевой порядок и взяли курс на запад. Там, впереди, отчаянно дрались наши войска. Мы спешили им на помощь.

Как известно, большую роль в первоначальном успехе немецких войск сыграла авиация. Стремясь уничтожить советскую авиацию и с первых дней войны захватить господство в воздухе, немецкое командование сосредоточило крупные силы. К дню вероломного нападения фашисты перебазировали к нашим границам около четырех тысяч самолетов. Помимо этого более тысячи самолетов насчитывалось у Румынии и Финляндии.

Внезапность нападения позволила врагу уничтожить много наших самолетов непосредственно на аэродромах. Как выяснилось, в первый день войны свыше тысячи немецких бомбардировщиков подвергли неоднократным налетам шестьдесят шесть приграничных аэродромов, в первую очередь те, на которых базировались полки, вооруженные новыми типами самолетов. В ночь на 22 июня диверсионные группы врага нарушили связь и в значительной мере парализовали управление

ВВС. Поэтому командующие округами не имели возможности выяснить обстановку, быстро и четко поставить боевые задачи подчиненным соединениям, организовать взаимодействие и принять меры по выводу частей из-под удара, рассредоточив их на полевых аэродромах.

Тяжелее всех пришлось летчикам Западного особого военного округа, где командующим ВВС был наш старый знакомый И. И. Копец, бывший командир бригады в Пскове.

Однако несмотря на крайне тяжелую обстановку, наши летчики смело вступали в схватки с врагом, нанося ему серьезный ущерб на земле и в воздухе. За первые две недели боев немцы потеряли свыше 800 самолетов, и ныне немецкие историки вынуждены признать, что, несмотря на достигнутую ими внезапность, «русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия». (Воспоминания подполковника гитлеровских ВВС Греффрата).

Сейчас можно только восхищаться героизмом наших славных соколов. Летая на самолетах устаревших конструкций, явно уступавших немецким в скорости и маневренности, они с поразительным мужеством принимали неравный поединок в небе.

На первых порах, пока мы не встретились с врагом лицом к лицу, до нас доходили разнообразные слухи. О техническом оснащении фашистской авиации рассказывались буквально чудеса. Будто их самолеты не берет ни снаряд, ни пуля. Особенно превозносились вражеские бомбардировщики «юнкерсы», которые обычно шли под солидным прикрытием «мессершмиттов».

Словом, как всегда при временных неудачах, панические слухи намного преувеличивали опасность.

На самом же деле, несмотря на свое первоначальное преимущество, фашистские захватчики оказались бессильными подавить волю советских людей к сопротивлению. И на земле и в воздухе враг встретил такой отпор, какого не ожидал.

В моих наушниках раздался быстрый говорок Николая Мурова:

– Сережа, Сережа… Вижу три самолета противника!

Справа. Смотри! Справа…

Действительно, справа от нас, довольно далеко, все отчетливей вырисовывались три черточки. Наших самолетов там быть не могло. Значит, противник.

– Вижу,- ответил я и отдал команду:

- Приготовиться к атаке!

Наше звено барражировало над линией фронта. Дежурство в воздухе стало повседневной задачей. Обязанностью летчиков-истребителей было перехватывать вражеские самолеты на

подходе к важным оборонительным узлам.

К Ростову, через который следовали необходимейшие народнохозяйственные грузы, эшелоны с войсками и военной техникой, стали часто прорываться фашистские стервятники. Становилось очевидным, что гитлеровское командование намеревалось как можно скорее прервать связь центральных районов нашей страны с Северным Кавказом. Поэтому надежное прикрытие Ростовского железнодорожного узла, предохранение от налетов всех тыловых коммуникаций являлось одной из ответственных задач истребительной авиации. Для гарантированного перехвата неприятельских самолетов командование приказало организовать непрерывное дежурство боевых пар и звеньев истребителей в воздухе.

Наш полк, как только что прибывший с тыловых аэродромов и не понесший никаких потерь, имел высокую боеспособность.

Сегодняшняя встреча в воздухе со знаменитыми фашистскими «юнкерсами» была по существу первым крещением.

Мое звено быстро развернулось для боя. Набрана необходимая высота, и мы устремляемся на перехват. Скоро стали отчетливо видны вражеские самолеты. Так и есть,- бомбардировщики Ю-88, хваленые немецкие «юнкерсы». Три тяжело груженных машины направлялись для бомбежки.

Фашистские стервятники, обнаглев, шли открыто, без прикрытия истребителей. Сказывалось упоение налетчиков первыми успехами. «Ну, вы у нас сейчас запоете!»- подумал я, отдавая команду звену следовать за мной.

Впоследствии мне не раз приходилось атаковать вражеские бомбовозы. Но в тот день было первое знакомство с ними. Невольно пригнувшись, на полных оборотах мы приближались к неприятелю. Еще немного, и сойдемся на необходимую дистанцию. Вот они, зловещие кресты на крыльях и фюзеляжах. Огромные стервятники грузно плывут в чистом небе. Казалось, воздух дрожит от их могучего гула. Они нагружены до предела. В их металлическом чреве сотни килограммов смертоносных бомб, и эту свою злодейскую начинку они обрушат на головы наших людей там, в тылу.

Мне кажется, каждому летчику понятно в такую минуту сознание ответственности. Это сознание ответственности диктует самые решительные поступки. Желание каждого – не допустить врага.

Такая же решимость владела всеми нами и в тот день, когда мы атаковали вражеские «юнкерсы».

Однако враг не выдержал и струсил. Заметив советские истребители, «юнкерсы» стали поворачивать назад.

– Уходят, Сережа!- вновь услышал я беспокойный голос Мурова.- Ведь уйдут!

– В погоню!

Но фашистские бомбардировщики заблаговременно легли на обратный курс и стали удаляться. Преследовать их было бессмысленно.

Только прекратив погоню, я подумал: «А ведь говорили, что «юнкерсы» совершенно неуязвимы. Так почему же они испугались нашего звена?»

Мы вернулись на свой аэродром.

Слух о том, что мое звено встретилось со знаменитыми «юнкерсами», скоро облетел весь аэродром. У наших машин собрались свободные от полетов летчики, техники, бойцы батальона обслуживания. Всем не терпелось узнать, каков враг, так сказать, «при близком знакомстве». Это была первая встреча нашего полка с фашистами.

К сожалению, ничего подробно я рассказать не мог. Увидев нас, «юнкерсы» благоразумно повернули вспять.

– Ага, значит, боятся!- ликовали техники.

– А ты думал! Кричат-«юнкерсы, юнкерсы»…

А они – видал?

– Вот соберемся с силами, да как двинем по зубам!

Дай только срок.

Первая эта встреча с врагом, его трусость привели всех в боевое настроение. Фашисты тоже боятся нас, их тоже можно бить! И нужно бить! И мы будем бить!

А фронт все приближался. Шли последние дни сентября.

Враг уже хозяйничал в Донбассе. Танковые клинья фашистов прорвались на рубежи Артемовск, Горловка, Дьяково, Чалтырь. Даже при первом взгляде на карту боевых действий становилось ясно, что наступающая вдоль побережья Азовского моря 1-я танковая армия генерала Клейста при поддержке 4-го воздушного флота нацелилась на Ростов – крупный административный и промышленный центр, важный узел коммуникаций, связывающий центральные районы страны с Кавказом. «Ворота на Кавказ»- так фашисты называли этот город на Дону, подчеркивая его огромное значение в планах «молниеносной» войны.

По ряду перехваченных приказов противника советское командование разгадало стратегический замысел фашистов. Гитлеровские генералы сосредотачивали на нашем направлении громадные силы. К линии фронта подтягивались свежие части, танки, артиллерия. Наши же резервы пока были малочисленны.

К дню наступления на юге противник превосходил советские войска в живой силе в два раза, в артиллерии - в три и в

самолетах – в два раза. Наши войска, только что приступившие к укреплению занимаемых рубежей, так и не успели создать прочную и устойчивую оборону. И вот, начав наступление, гитлеровские войска после кровопролитных боев заняли несколько крупных населенных пунктов, в том числе город Мариуполь.

Летать на боевые задания теперь нам было совсем близко – линия фронта проходила неподалеку от аэродрома. Чтобы помочь нашим наземным войскам, истребители занялись знакомым еще по финской войне делом – штурмовкой. Под крылья истребителя привешивалось по бомбе, брался полный боезапас,- и самолеты взлетали.

На финской войне мы сначала удивлялись такому использованию истребительной авиации. Но вскоре оценили внезапность своих налетов, их короткий, но мощный удар. На финской войне нам сильно мешал снег, надежно маскирующий противника,- сейчас же стояло лето, враг, обнаглев, двигался совсем открыто и представлял собой превосходную мишень для огневого удара с воздуха.

Упоенные победами, немецкие пополнения подходили к линии фронта в настроении полной безопасности. Пылили колонны автомашин с пехотой, по обочинам дорог неслись мотоциклисты. Нашим истребителям, незаметно проникавшим в тыл врага, это было только на руку. Низко, на бреющем полете проносились мы над беспечным врагом, поливая его из пушек и пулеметов. Наши летчики расстреливали захватчиков в упор, как на полигоне. За страдания нашего народа, за кровь и слезы косили летчики ненавистного врага.

После налета «лаггов» в немецком тылу царили неразбериха и паника. Горели разбитые машины, дороги и обочины были усеяны трупами.

Расстреляв весь боезапас, облегченные и довольные проделанной работой, возвращались мы на свой аэродром. Как правило, потерь в эти дни у нас почти не было.

Возбуждение наших летчиков было настолько велико, что многие не хотели вылезать из машин, дожидаясь, пока их заправят.

Бывало, сядет машина, ее тотчас окружают техники. Летчик высовывается из кабины, торопит:

– Давай, давай! Скорее!

Командир полка Иван Иванович Попов приказывает:

– На отдых. Все. Хватит. Видите, уже вечер.

– Това-арищ командир,- обиженно заводит летчик,- до темноты еще разок слетать можно. Ведь рядом же!

Попов сокрушенно качает головой:

– Ах, ребята, ребята… Смотри, Сергей, сами просятся, цены нашим ребятам нет.

А летать на штурмовку становилось все ближе и ближе. Враг развивал наступление. С воздуха нам отчетливо видны были оставленные нами позиции. Еще вчера вот в этих окопах сидели наши бойцы, вон в том укрытии располагался пулеметный расчет, а сейчас, перепаханные снарядами, проутюженные танками, окопы эти в руках врага.

Ценой огромных потерь гитлеровцы перли все вперед и вперед. Они захватили огромную территорию. Мне кажется, в те дни, дни первых своих побед в России, немецкие генералы и солдаты поверили в кликушеские предсказания своего бесноватого фюрера.

Воодушевленные «избранники судьбы» самозабвенно лезли в глубь чужой территории, к своей неминуемой гибели.

Дымилась родная земля. В разбитых и сгоревших селах торчали одни печные трубы. Суетились немецкие солдаты. Но, услышав гул наших истребителей, разбегались кто куда. Нашествие на нашу землю не оказалось для них увлекательной прогулкой. Это была Россия, где находили свою гибель многие армии захватчиков. И для нас не было большей радости, чем видеть немецкую солдатню в панике. Вот почему наши ребята и просились слетать еще разок.

Но вот однажды поздним вечером, когда налеты были закончены и в наступившей кромешной тьме стал накрапывать мелкий дождичек, Иван Иванович вызвал меня из землянки и сказал:

– Видно, не миновать нам все же подаваться назад в Ростов. А ну как ночью он нагрянет на аэродром?… То-то брат .

Мы замолчали. Значит, что же – снова отступление? А ведь, оставляя свои семьи в Ростове, мы были уверены, что фашисты Ростова не увидят никогда. Отступление… Проклятое, обидное слово!

– Съезди-ка, Сережа, в Ростов,- вдруг попросил меня командир полка.- Посмотри там, что с нашими. Эвакуировать их надо.

Голос командира прозвучал глухо. Дождь звучно барабанил по кожаному реглану. Огонек папиросы изредка освещал подбородок Попова, и тогда я видел горькую складку у его губ.

Той же ночью я вылетел в Ростов.

В Ростове я посадил свой самолет на аэродром у Ростсельмаша.

Город был на колесах, на ногах. Тронулись все.

Эвакуировалось оборудование Ростсельмаша, «Красного Аксая» и многих других заводов и фабрик, лабораторное оборудование научных учреждений, культурные ценности. Уходило на восток население.

Вырвавшись в степи, получив оперативный простор, фашистские войска поставили перед собой цель – занять плацдарм на южном берегу Дона. Но, не рассчитывая на быстрый успех, гитлеровское командование все же хотело избежать длительной борьбы за город. Поэтому враг думал обойти Ростов с севера и выдвинуться на берег Дона через Шахты и Новочеркасск. Затем группа армии «Юг» под командованием фельдмаршала Кейтеля намеревалась развивать наступление непосредственно на Северном Кавказе, захватить Майкоп и Туапсе.

Захват Ростова был краеугольным камнем в планах гитлеровского верховного командования.

Перед всеми войсками южного фронта Советское Верховное Главнокомандование поставило задачу: любыми средствами удержать Ростов, закрыть ворота на Кавказ.

С трудом проталкивался я по неузнаваемо изменившимся улицам города. Часто попадались разбитые фашистской бомбардировкой здания. По улицам в тучах пыли проходили на запад колонны пехоты, грохотали танки. Гражданское население с детьми, стариками, со скарбом тянулось на вокзал.

Наш дом оказался целым. С бьющимся сердцем взбежал я на третий этаж. Дверь в квартиру распахнута. Я на цыпочках вошел, осмотрелся. Пусто, тихо, всюду следы поспешных сборов. Семьи моей не было. Я кинулся к одним соседям, к другим – тоже никого. Дом был пуст.

Не знаю, приходилось ли кому возвращаться в раскрытую, заброшенную и почти разграбленную квартиру, бывшую еще так недавно родным домом? Всего лишь месяц назад я приходил сюда с учебных полетов и моя маленькая дочка тянулась ко мне ручонками. Наступал тихий, спокойный вечер. Войны, казалось, никогда не будет. Потом ребенок засыпал, я брал с этажерки книгу и включал настольную лампу. И так во всех квартирах летчиков,- допоздна горели мирные огни.

А что я вижу сейчас? Хаос, погром, пустоту. И это мой родной дом…

Я долго стоял в квартире. Жена забрала с собой только небольшой чемоданчик дочурку. Она, видимо, сильно торопилась,- в обоих комнатах следы поспешных сборов. Разворочены постели, выдвинуты ящики. Дверь на балкон раскрыта. Так уходит из дома человек, если он не собирается больше в него возвращаться.

Разглядывая беспорядок, царивший в комнатах, я обратил внимание на груду бумаг, сваленных за письменным столом. Кое-какие листочки ветром разнесло по комнате. Это были старые письма, газетные вырезки. Обычно они лежали в самом нижнем ящике письменного стола. Я присел на корточки и взял бумаги в руки. Нет, тут были не только старые письма. Под ворохом бумаг я нашел большую пачку фотографий. Дед с бабушкой, отец, мать со всеми нами: братом, сестрой и со мной, еще какие-то,- и старинные на толстом плотном картоне, и недавние. Обидно мне стало оставлять дорогие снимки в брошенном доме. Не исключено, что какой-нибудь баварец или пруссак будет ржать, разглядывая бесконечно милые моему сердцу лица, а может быть, и просто на них наступит грязный сапог немецкого фашиста.

Забрав фотографии, я отыскал на кухне молоток и гвозди, заколотил дверь и отправился на вокзал.

Что там творилось! Все пути забиты составами с эвакуируемым имуществом. Бегают военные, требуя немедленного отправления воинских эшелонов. И тысячи, тысячи беженцев, совсем потерявших голову. Сюда, в Ростов, стекались эвакуированные из Одессы, Днепропетровска, Запорожья и других городов Украины. Много было скота, его гнали огромными табунами за Дон, в Астрахань и Армавир.

– Гриню!… Гриню!…- кричала какая-то совсем обезумевшая женщина и бросалась ко всем прохожим с расспросами, не видали ли ребенка.

На вокзале я нашел своих. Они уже несколько дней ночевали здесь, надеясь на какой-нибудь счастливый случай. Но беженцы все прибывали, а счастливый случай не представлялся.

Пока мы разговаривали, над станцией появился немецкий «хейнкель». С первого захода он принялся бомбить железнодорожные стрелки и эшелоны. Народ в панике кинулся бежать. Крики, слезы, давка. Пронзительный плач потерявшихся детей. А «хейнкель» сделал разворот и «прошелся» из пулеметов. «Сволочь, ведь видит же, что женщины с ребятишками!…»-думал я, глядя на это бесчинство. А фашистский стервятник, чувствуя полнейшую безнаказанность, пикировал и пикировал. В хищном размахе его крыльев, в грохоте пулеметов чувствовалось что-то зловещее. Ах, если бы мне сейчас оказаться в небе! От бессилья я в ярости стискивал кулаки. Честное слово, в эти минуты бесчинства «хейнкеля» я зарядился злостью на целую войну. Разве можно было простить убитых ребятишек и женщин, усеявших пути и перрон ростовского вокзала? Эта страшная картина до сих пор стоит перед моими глазами.

«Навоевавшись», вражеский самолет улетел. Мало-помалу все

утихло.

Требовательно сигналя, к разбитым путям пробралась машина с красным крестом. Сбегавшийся народ толпился, задние напирали, пытаясь разглядеть, что там творится. На путях, поперек вывороченного рельса, лежала та женщина, которая недавно бегала и кричала: «Гриню! Гриню!»

Видимо, она отыскала своего ребенка, но тут очередь фашистского стервятника прошила ее наискосок. Женщина лежала, все еще сжимая в руках четырехлетнего мальчишку. Оба, и мать и сынишка, были скошены одной очередью. – Пропадем мы тут,- сказала жена.- Не выбраться нам.

Она похудела, осунулась. Да и все остальные выглядели не лучше. Испытания последних нелегких дней наложили на всех свой заметный отпечаток. Женщины будто разом постарели, в их глазах появился какой-то лихорадочный беспокойный блеск.

Что же делать?- в растерянности проговорил я. Мне и в самом деле не приходило в голову, чем могу помочь.

Высокий костлявый старик, кипятивший на небольшом разложенном тут же костре кружку воды, поднял неопрятную седую голову и посоветовал сходить к коменданту вокзала. От него здесь зависело все. Только он мог в чем-то помочь.

Коменданта я не нашел, но побывал у начальника станции. В его кабинете творилось такое, что ни о чем путном договориться было невозможно. Какие-то люди, и в немалых чинах, наседали на него, требуя немедленной отправки.

– Вы же видите, что делается!- крикнул он, отмахиваясь от меня.

А тут снова завыл сигнал воздушной тревоги,- еще один налет.

Наши ждали меня, такая надежда была в их глазах, что мне стало совестно своей беспомощности. Ничего сколько-нибудь утешительного я не мог им сказать. Ясно было одно – надеяться на какой-либо счастливый случай безрассудно. Не будет такого случая. Надо выбираться из города самим.

Пешком, с чемоданом в руках пошли мы за Дон. Пришлось выбросить еще кое-какие вещи, чтобы легче было идти. Нескончаемым потоком тянулись на восток беженцы. Люди шли сутками, шагали как заведенные. Тут же гнали тысячные табуны скота. Все живое уходило от врага.

Мне нужно было возвращаться в часть. Я попрощался с семьей, и вскоре жена с дочуркой на руках затерялась в потоке уходивших на восток людей. Беженцы направлялись на Благородное.

– Да, худо, худо,- вздохнул Иван Иванович Попов, выслушав

мой рассказ о том, что творилось в Ростове.- Ну, ладно. Надо за дело. Сегодня жаркий денек будет.

Я только сейчас обратил внимание, как осунулся, будто постарел за эти дни и командир полка. Война, тяжелые, напряженные дни…

В полку меня не было больше суток, и я спросил командира полка о последних событиях. Он невесело махнул рукой.

– Молодняк жалко. Бьют.

Молодые летчики, приходившие к нам на пополнение, совсем не имели боевого опыта. К тому же летать им приходилось на тяжелом самолете ЛАГГ-3. Эта машина не отличалась высокими боевыми качествами. Многие летчики называли ее «летающим бревном».

Один из конструкторов этого самолета В. П. Горбунов побывал у нас в Таганроге. Летчики-фронтовики так прямо и заявили ему:

– Не будем мы летать на этой деревяшке. Лучше дайте нам «ишаков».

Конструктор заверил летчиков, что усовершенствование самолета уже началось. Конструкторское бюро С. А. Лавочкина приступило к модификации истребителя с целью улучшения его летно-тактических качеств. И действительно, уже в конце года самолет был несколько облегчен, а впоследствии авиационные инженеры во главе с Лавочкиным создали истребитель Ла-5, который превосходил короля воздуха – немецкий «фокке-вульф».

Заботы о предстоящем трудном дне начисто вытеснили все, что не касалось войны. Сразу же забылись невеселые картины, виденные в Ростове. Я успел лишь представить, как бредет сейчас жена с ребенком на руках по необъятной донской степи. Добраться бы ей до какой-нибудь станции, где поспокойнее!…

Иван Иванович предугадал верно – день и в самом деле выдался напряженный. Враг, чувствуя слабеющее сопротивление наших обескровленных войск, бросал в наступление все новые свежие силы, ломая нашу оборону.

С раннего утра мы вылетели на штурмовку. Наше командование бросало в бой все, чтобы только задержать лавину гитлеровских войск и дать возможность нашим частям перегруппироваться, занять выгодные рубежи, наладить оборону. Из пушек и пулеметов истребители били по пехоте, по танкам и мотоциклистам. Положение складывалось такое, что об отдыхе некогда было и подумать. Только в первой половине дня мы совершили по четыре-пять боевых вылетов. Громадное напряжение! Каждый из этих вылетов мог стать последним. Летать приходилось под непрерывным огнем. Минуты боя

тянулись, как часы.

После обеда стало известно, что гитлеровцы бросают в бой крупные силы авиации. Готовился массированный удар. Мы поняли, что теперь нам предстоит самое тяжкое испытание. Сумеем ли мы выстоять? Должны суметь.

Перед вылетом Иван Иванович Попов собрал всех летчиков. Много говорить не приходилось, да и времени не было для разговоров. Уже одно то, что в воздух одновременно поднимался весь полк, говорило о необычайно острой, ответственной обстановке. Приказ командира был кратким: сорвать замысел врага, постараться выйти из боя с возможно меньшими потерями. При этом Иван Иванович с особой тревогой посмотрел на молодых летчиков. За них у него особенно болело сердце. Они еще не были в серьезных переделках. Штурмовка, при всей ее пользе, все-таки не основное занятие истребителя.

В глубоком, сосредоточенном молчании шли летчики к машинам. У своего самолета Иван Иванович Попов последний раз оглянулся и решительно застегнул шлем. Сегодня он вместе с нами поднимался в воздух, командир полка лично вел свой полк.

Чувствуя серьезность боя, молчали техники и мотористы. Кое-где застреляли моторы, первое звено пошло на взлет.

Мы поднялись шестью звеньями. В самом верхнем ярусе шло звено И. И. Попова, ниже – мое, еще ниже вел свое звено Володя Пешков. По вертикали мы как бы закрыли доступ на нашу сторону.

Тех, кто видел войну и знал, что это такое, в полку было мало. В основном летела необстрелянная молодежь. Но иного выхода не было. Большая война теперь пришла для всех. Она никого не оставила в стороне. И вчерашние мальчишки поднялись в грозное небо.

Сейчас, в этом напряженном зловещем полете, я вспомнил, что вчера в Ростове я на многое не сумел обратить внимание. Мне вспомнилось, что неразбериха касалась Только тех, кто направлялся на Восток, в тыл. В направлении же фронта все работало четко: пронзительно-ясные огни светофоров, открытых перед воинскими эшелонами, грохот проносящихся составов. И вообще весь город приготовился к схватке,- он втянулся в извечную солдатскую работу: рыл землю для бомбоубежищ и оборонительных рубежей.

Длительное наступление дается врагу немалой кровью. Он вынужден поливать каждую пядь оставленной нами земли. И так будет до тех пор, пока он не выдохнется.

Высоко над собой я вижу стремительный крестик командирской машины. Солнце блестит на плоскостях самолета

Пешкова. За нами, держа положенный интервал, следуют ребята из недавнего пополнения.

Скоро показались «мессершмитты», хищные, маневренные, злые машины. Обе стороны устремились друг другу навстречу, одновременно набирая высоту.

Первым вступил в бой Иван Иванович Попов. Он пошел прямо в лоб ведущему «мессершмитту», тот не выдержал, отвернул и получил мощную очередь из всех пулеметов нашей командирской машины. Первая схватка была короткой. Наш командир как бы показывал пример экономии сил и времени.

Закончив атаку, Иван Иванович направил свой тяжелый «лагг» по вертикали вверх. За ним тотчас же пристроился легкий и быстроходный «мессер». Я видел этот маневр, и у меня от предчувствия тревожно сжалось сердце. Ну так и есть,- в верхней точке тяжелый самолет Попова на несколько мгновений завис, и это решило его судьбу. «Мессершмитт» расстрелял его в упор. Машина командира полка камнем рухнула вниз.

Все это произошло быстро, в какие-то секунды. Воздушный бой вообще длится недолго. До сих пор не пойму, как мне удалось разглядеть и запомнить все детали этого молниеносного боя.

Сейчас, когда прошло столько лет и я пишу эти строки, мне все равно трудно избавиться от ощущения, будто вражеская очередь попала не в командирскую машину, а в мою. Мне кажется, я сам всем своим существом почувствовал, как это случилось. Разрушение самолета – наиболее страшная опасность, подстерегающая летчика в полете, в бою. В те короткие мгновения, когда все мускулы, все нервы, все силы напряжены, вдруг прямое попадание, катастрофа,- и только коротенькие доли секунды, отпущенные летчику на то, чтобы понять, что произошло, осознать свое, положение и предпринять какие-то попытки к спасению. Это при условии, что пострадала только машина, а сам летчик невредим. В противном же случае… Видимо, как раз этот случаи произошел и с командиром. Иначе Иван Иванович Попов, великолепный летчик и замечательный мастер воздушного боя, человек редкого самообладания, нашел бы в себе силы спастись.

Бой разгорался на всех «этажах».

Сбивший Попова «мессершмитт» выходил из атаки, плавно, удовлетворенно разворачиваясь. Видимо, вражеский летчик переживал удачу, а может быть, снисходительно, с сознанием собственного превосходства высматривал новую цель,- только он не обратил внимания на мою машину. Мне представилась прекрасная возможность отомстить за нашего командира. Я

дождался, когда немецкий летчик зависнет и подставит живот машины. В прицеле мне отчетливо видны зловещие кресты. Я нажал на гашетку и буквально распорол очередью вражеские бензобаки. «Мессер» вспыхнул, как факел. Взяв ручку на себя и с левым креном, я положил машину в глубокий вираж,- маневр, который долго и тщательно разучивал еще в школе летчиков.

Но даже сбитый враг не помог избавиться от постоянной беспокойной мысли. В голове у меня стучало: «Командир погиб, командир погиб.,.». Не укладывалось как-то в сознании. Ведь только что, полчаса, не более, назад, Иван Иванович наставлял нас на аэродроме и заботился о молодых летчиках, и вот… Если бы это не произошло на моих глазах, я бы ни за что не поверил.

И опять, повторяю, все это промелькнуло в моем мозгу в какое-то мгновение. Шел бой, мне нужно было смотреть, видеть, замечать и быть начеку.

Выбирая новую цель, я видел, как мастерски сбил «мессершмитта» Володя Пешков. Кроме того, еще две вражеские машины, оставляя после себя дымные хвосты, падали на землю. Это наши ребята мстили за гибель командира полка.

Конечно, ни о каком строе теперь не могло быть и речи. В воздухе творилась настоящая свалка. Сейчас все зависело от искусства и сообразительности летчика.

Черными молниями проносились в небе самолеты. Виражи, петли… Разобраться в том, что происходило, было нелегко. Нужен опытный хладнокровный взгляд, чтобы не потеряться в такой свалке. Зазевавшийся летчик может попасть под случайную очередь из пулемета.

Чуть ниже меня кто-то из наших летчиков увлекся погоней и не заметил, как в хвост ему зашел «мессершмитт». Враги были опытными летчиками и выбирали цель наверняка. Надо было выручать товарища. Но вражеский летчик вовремя заметил мой «лагг» и попытался уйти. Однако я уже поймал его машину в прицел. И тут произошла досадная осечка. Жму на гашетку, жму изо всех сил, но привычного содрогания, когда работает пушка, не чувствую. Пушка молчит. Тотчас бросаю машину в вираж,- выхожу из боя. А что если немец бросится за мной? Но нет, легкий «мессершмитт» привычно взмыл вверх по вертикали. На время мы разошлись, и я успел перезарядить пушку.

Теперь, когда у меня и у немецкого летчика появился «взаимный интерес», приходилось быть начеку. Нужно маневрировать, создавать себе выгодную позицию. И в то же время не медлить,- решить все следует в считанные секунды. Такой, своего рода, блицтурнир, но только ставка в нем – жизнь.

Напряжение сил и нервов настолько велико, что даже моя

тяжелая, явно уступающая «мессершмитту», машина становится удивительно маневренной. В эти минуты, а вернее секунды, я испытал знакомое каждому летчику ощущение, когда машина послушно поворачивается в руках и тебя невольно охватывает чувство свободы. Было какое-то убеждение, что эту схватку ты не проиграешь,- не имеешь права проиграть. Все остальное пришло само собой, интуитивно и совершилось почти механически. Это как раз те минуты, когда самолет и летчик сливаются в одно целое.

Очередную атаку я начал не выходя из виража. Этим-то и хорош маневр: описав кривую, ты вновь оказываешься в выгодном, атакующем, положении. На этот раз моя пушка сработала исправно. Грянул залп, и я увидел, как от вражеского самолета словно полетели щепки. Еще один за нашего командира!

Чем дальше, тем тише становился бой. Он как бы рассыпался на отдельные схватки. Погоня друг за другом шла где-то вверху, внизу и далеко в стороне. Мне виделись зловещие кресты, потом звезды на плоскостях. Слышался треск пулеметов.

Понемногу все пошло на убыль. Враг так и не прорвался. Мы расстроили, остановили его.

Скоро бой прекратился, немцы и наши устало отправились на свои аэродромы.

Тяжело, невыносимо горько было возвращаться без Попова. Мы потеряли хорошего командира, отличного боевого товарища. С Иваном Ивановичем многие из нас воевали еще в Финляндии, гуляли по Москве, вместе получали награды. И вот его не стало… Обидная, тяжелая утрата!

Еще в воздухе, направляясь к себе на базу, я мучительно соображал, пытаясь понять, почему погиб такой опытный летчик, как наш командир полка. Ведь как умело, как точно зашел он на ведущую машину врага! И сбил. Хорошо вышел он и из боя. Видимо, зря пошел на вертикаль. Немец обыграл его именно на вертикали. Уйди Иван Иванович в вираж, несчастья не случилось бы. А так… Но обдумывать все до мелочей уже не оставалось сил.

Один за другим опустились «лагги» на аэродром. Летчики отрулили самолеты на положенные места. Лишь командирское место осталось незанятым.

Из кабины своего самолета я видел, как потерянно топтался техник. Когда самолеты возвращаются с задания, техники и весь обслуживающий персонал издали гадают, кого нет в строю. Каждый из них узнает свою машину из сотен других. Конечно, техник Ивана Ивановича Попова сразу увидел, что командирского самолета среди возвращающихся нет, но он еще не оставил

надежду, что летчик выбросился с парашютом и через день-другой может добраться до аэродрома.

Ничего утешительного мы сообщить технику не могли. Как раз подошло время обеда. В столовой на этот раз было сумрачно и тихо. Официантки, обычно веселые шумливые девушки, подавали неслышно и быстро Никто за время обеда не проронил ни слова. В похоронном молчании мы закончили обед и снова разошлись по машинам. Техник, хлопотавший у моего самолета, сказал мне, что насчитал в нем восемнадцать пробоин…

Иван Иванович был прав, предсказывая трудный, напряженный день. Мы совершили по девять боевых вылетов.

К вечеру я еле таскал ноги. Вернувшись из последнего полета, долго собирался с силами, чтобы отстегнуть парашют и вылезть из кабины. Отодвинув фонарь, я сидел с закрытыми глазами и жадно вдыхал вечерний воздух. Кругом было тихо.

На крыло поднялся мой техник Иван Лавриненко.

– Не ранены, товарищ командир?

Я пожаловался на великую усталость. Иван Лавриненко, успокаиваясь, скупо буркнул:

– Так денек-то был!

И привычно захлопотал вокруг машины. С трудом стянул я шлемофон и поплелся в землянку. Желание было одно – лечь и закрыть глаза. Интересно, долго ли мы выдержим такое напряжение? Ведь человек не машина… И тотчас же вспомнился Попов. Он непременно сказал бы: «Человек не машина. Он сильнее машины». Эх, Иван Иванович… Надо будет написать его семье. Хотя куда писать? Ни от семьи Попова, ни от моих не было пока ни слова. Живы ли они? Благополучно ли выбрались из прифронтовой полосы?…

Поздно вечером летчики собрались в своей землянке, чтобы почтить память погибшего командира. Молча разлили по кружкам водку. Место, где обычно сидел Иван Иванович, пустовало. Я вспомнил, как проводил разборы дня Попов,- скупо, немногословно. И что характерно – он ни разу не говорил вечером о задании на будущий день. «А то ребята спать не будут»,- сказал он мне как-то.

В землянку вошел комиссар полка Иван Федорович Кузьмичев, бывший инструктор Качинской летной школы, отличный истребитель и товарищ. В полку он появился недавно, но уже успел подружиться со всеми ребятами. Когда вошел комиссар, все встали. Иван Федорович остановился рядом с местом командира. Минутой молчания почтили мы память боевого товарища. Никто не проронил ни слова. Молодые ребята, для которых сегодняшние бои были первыми, словно повзрослели

за один день. Во всяком случае, мальчишеские их лица обрели мужскую фронтовую суровость.

Кружки с налитой водкой выстроились посреди стола. Притихшие стояли вокруг летчики. Касаясь друг друга плечами, ребята молчат. Им еще многое предстоит узнать на этой долгой и жестокой войне. Кто-то, по обычаю, отломил кусочек хлеба, макнул в водку и положил на край тарелки. Это ему, которого сейчас нет. Его нет, но он будет всегда с нами, в наших сердцах, в нашей памяти.

– Ну?…- молвил негромко комиссар и поднял свою кружку.

Мы чокнулись осторожно, словно боялись спугнуть настороженную тишину. Чокались мы не кружками, а пальцами, которые сжимали кружки. В этот миг мы почувствовали тепло рук друг друга. И мы, живые, уцелевшие, которым еще жить и драться, выпили за того, кто не вернулся на родной аэродром…

После ужина мало-помалу завязался разговор.

Разбирая сегодняшний бой, ребята говорили, что излюбленный немцами маневр – вести бой на вертикалях.

– Правильно!- воскликнул я. Мне тут же припомнилось все, о чем я устало думал сразу же после жестокого боя. Значит, не только я, но и все ребята заметили особенность немецких истребителей навязывать бой на вертикали.

– Так конечно,- сказал Кузьмичев, чуточку разгоряченный после водки,- «мессершмитт» легче нашего истребителя. Он всегда уйдет от тебя на вертикали. А тебе отнего не уйти.

И я снова, словно наяву, увидел, как пошел вверх самолет командира полка, как его догнал и распорол «мессершмитт». Теперь не только мне, но и всем стало ясно, что ошибка И. И. Попова заключалась в том, что он после атаки пошел на вертикаль. Положи он машину в глубокий вираж – остался бы жив… Нет, нам нужно навязывать свой маневр боя, а именно — на виражах. Правда, летчик при этом сильно страдает от перегрузок, но это пока единственное средство измотать противника, лишить его маневренности.

Русский солдат всегда навязывал противнику свою манеру боя. Недостатки в вооружении он восполнял отвагой, беззаветной смелостью. Штыковые атаки русской пехоты вселяли ужас в любого противника. Нам, летчикам, хорошо известно, что немцы не выдерживают лобовых атак, уклоняются от боя на виражах, избегают правых разворотов, чаще всего применяют левые фигуры. Значит, врагу надо навязывать такие положения, при которых дают себя знать конструктивные недостатки «мессершмитта», несколько зависающего на вертикалях. К примеру, немецкий самолет взмыл вверх. Гнаться за немцем

бесполезно: «мессершмитт» быстроходнее. Лучше уйти в сторону и встретить врага на вираже, атакуя в лоб.

– На виражах! Только на виражах!- настаивали ребята.- Да и смелей надо! Прямо в лоб! Они молодцы, когда стаей, а ты иди ему прямо в лоб – он и струсит.

Маневр самолета на виражах, надо сказать, принадлежит нашей, русской авиации. Еще в свое время Нестеров настаивал на выполнении виражей и разворотов с обязательным креном – тем более глубоким, чем круче разворот. Он тогда был пионером во многих фигурах высшего пилотажа,- не только автором знаменитой «мертвой петли». До Нестерова многие летчики и даже инструкторы опасались сколько-нибудь значительных кренов и любой разворот выполняли «тарелочкой». И понадобилось время, чтобы виражи стали обязательной и самой обыденной фигурой в арсенале любого летчика.

Так что в этом нам следовало лишь смелее развивать отечественную традицию и навязывать немцам в бою свой маневр.

Правы были ребята и в том, чтобы идти смелее в лоб. Здесь я должен немного отвлечься. На эту тему — о таране – во время войны и после нее долго не затухали страстные споры. В том, что такой поступок героичен, сходились все, и фамилии мастеров таранного удара до сих пор окружены в нашей авиации заслуженной славой. Спор шел о другом: выгодно ли идти на таран? Ведь счет получался равный: сбитый противник и поврежденный самолет у нас. И это при превосходстве немцев в технике! Простой арифметический подсчет говорил вроде бы против тарана: для немцев потеря одного самолета легче, чем для нас. У нас их и без того не много. Но тут следовало учитывать факторы, которые не поддаются холодным арифметическим подсчетам: моральное состояние, боевой дух, решимость. И в самом деле: фашистские летчики прекрасно знали, что наши без колебаний идут на таран. Здесь сталкивались как бы две психологии: захватчика и защитника. И захватчику не было расчета гибнуть. Немцы явно не любили, когда наш истребитель начинал энергично сближаться, тут им бывало уже не до выполнения задания, и они отворачивали в сторону. Для нас это был большой козырь, и в тяжелый период начала войны мы его бросали в игру без колебания.

Интересно, что по мере того как наша авиация становилась многочисленней, получала более совершенные самолеты с мощным пушечным вооружением, случаи тарана становились все более редкими, пока не прекратились совсем. В них просто не было больше нужды.

Что же касается маневрирования на виражах, то, забегая вперед, скажу, что маневр вести бой на глубоких виражах скоро усвоили все наши летчики. И даже впоследствии, когда у нас появились более быстроходные и облегченные машины, мы зачастую оставались верны испытанным и проверенным приемам воздушного боя, естественно, каждый раз внося в них необходимые элементы новизны, творческой смекалки.

Еще в октябре, когда на заседании Военного совета армии обсуждался вопрос об эвакуации важнейших предприятий и организаций из Ростова, было решено создать специальную эскадрилью истребителей, которая надежно прикрыла бы от вражеских бомбардировок железнодорожный узел. Такая эскадрилья была организована. Базировалась она на аэродроме под Ростовом, и летчикам ее помимо охраны железнодорожного узла часто приходилось принимать участие в воздушных боях на близких подступах к городу.

Одной эскадрильи для выполнения такой ответственной задачи оказалось мало. Но война тем временем подошла к Ростову почти вплотную, и прикрывать город стала вся авиация, которая только была у нашего командования.

В первые дни ноября, сосредоточив значительные силы артиллерии и танков, противник перешел в наступление на Шахты с тем, чтобы в последующем ударами с севера и северо-востока овладеть Ростовом. В северных районах области начались ожесточенные бои на земле и в воздухе.

В те дни в нашем полку родилась интересная идея.

Педантизм немцев недаром вошел в поговорку. Мы об этом знали, читали, а затем убедились сами. Верны себе они оставались и на войне.

Взошло солнце – война началась, зашло – войне конец, пора на отдых. Так, по крайней мере, было в первый период.

Новый командир нашего полка майор Федор Телегин умело воспользовался этим слепым педантизмом противника.

Федор Телегин пришел к нам в полк из другой части. Старый и опытный летчик, он понимал, что назначение к нам ставит его в очень сложное положение. Он знал, что погибший Иван Иванович Попов пользовался у нас огромным авторитетом, его беззаветно любили не только летчики, но и мотористы. Новому командиру предстояло заменить погибшего. На первых порах Федор Телегин вел себя вроде бы незаметно. Но летчики, ревниво следившие за новым командиром, сразу же отметили его высокое летное мастерство, отвагу и находчивость. Федор Телегин, новый командир полка, оказался летчиком высокого класса.

Мысль воспользоваться педантизмом немцев пришла Федору

Телегину вскоре после его назначения. Он поделился ею вначале с командирами эскадрилий. Все охотно поддержали ее. В самом деле, проще нельзя и придумать. Дожидаясь полного рассвета, мы как бы молчаливо принимали правило врага – воевать только днем. А какие могут быть общие правила с ненавистным врагом? Фашистов следовало уничтожать в любое время суток, в любую погоду.

И вот с тех пор наши «лагги» стали совершать налеты на самом рассвете.

Новый распорядок дня сократил и без того скудные часы отдыха. Рабочий день истребителей начинался теперь затемно.

Подъем на аэродроме производится бесшумно, в полной темноте. Не зажигая огня, летчики одеваются и покидают землянки. В этот ранний час на аэродроме уже кипит жизнь. Давно на ногах техники и обслуживающий персонал. В стороне, под прикрытием деревьев, еле светятся огоньки в столовой.

За завтраком командир полка только уточняет задание. Обо всем, что нужно, он переговорил с командирами эскадрилий вчера с вечера, когда закончился день. Всем все ясно, и летчики, позавтракав, отправляются к машинам.

Осень в том году выдалась поздняя, бесснежная. Дни стояли ясные, безоблачные, было тепло, но по ночам примораживало. Когда мы идем к машинам, под нашими ногами хрустят испепеленные морозом листья. Трава давно пожухла, и поле аэродрома как каменное.

В полном молчании летчики расходятся по большому полю.

До восхода еще далеко, только-только начинает развидняться. Сыро, зябко, но летчики быстро рассаживаются по кабинам. Истребители поднимаются в воздух. Курс известен хорошо – это наш прежний аэродром в оставленном Таганроге.

В полете запрещены всяческие переговоры. Внезапность должна быть полнейшая. Да и не о чем говорить. Все эскадрильи полка напоминают хорошо слаженный организм.

Рассвет идет с моря, и в бледном зеленеющем небе хорошо вырисовываются звенья наших истребителей. На земле еще темно и тихо.

Под покровом темноты заходим со стороны Азовского моря и неожиданно сваливаемся на голову противника. В этот ранний час немцы еще потягиваются, бреются и пьют кофе. Они любят воевать с комфортом.

Захваченные врасплох немцы и не пытаются взлетать, потому что нет ничего беспомощнее на свете, чем истребитель на взлете или посадке. И противнику ничего не остается делать, как только стискивать кулаки в то время, как «лагги» методично и

совершенно спокойно утюжат беззащитную технику на поле аэродрома.

Каждое звено заходит по нескольку раз. Пока одни работают, другие прикрывают их. Такая карусель продолжается несколько минут. Но этого достаточно. Скоро в наушниках раздается командирский голос: «Домой!»

Отрадная картина представляется глазу. Еще не рассветало, еще сливается в сплошную полоску кромка недалекого леса, а мы уже выполнили первый урок. Внизу хаос и паника. Перерыто воронками все летное поле. Ярко пылают заправленные еще с вечера «мессершмитты». Им теперь уже не суждено взлететь. Время от времени раздаются взрывы. Это загораются и рвутся баки с горючим.

Позднее такие неожиданные налеты мы стали применять для того, чтобы блокировать вражеские аэродромы и дать отработать нашим бомбардировщикам.

Чем ближе враг подходил к Ростову, тем ожесточеннее становились схватки в небе. Напряженные воздушные бои шли над мостами и переправами через Дон. В первую очередь фашисты стремились разрушить железнодорожный мост и перерезать дорогу, связывающую центральные районы страны с Кавказом.

Усилиями наших наземных войск и авиации наступление 1-й танковой армии противника было остановлено. В тот же день командование юго-западного направления обратилось в Ставку Верховного Главнокомандования с просьбой провести наступательную операцию. Ставка не возражала, но предупредила, что усилить войска Южного фронта не может и необходимо рассчитывать только на собственные силы.

По числу дивизий советская группировка превосходила вражескую, однако противник имел двойное преимущество в танках. Для поддержания наступающей группировки были выделены основные силы авиации Южного фронта под командованием генерал-майора авиации К. А. Вершинина.

Не останавливаясь на подробностях кровопролитных боев, скажу, что это первое наше контрнаступление позволило не только сбить врага, но и отбросить его на пятнадцать-восемнадцать километров.

Новый командир полка с первых же дней поставил дело, как мы тогда говорили, «на конкретность». Ему неважен был боевой вылет вообще, он добивался от каждого летчика конкретных результатов. Поэтому вечером при подведении итогов дня он придирчиво выспрашивал, кем что сделано. И летчики постепенно привыкли фиксировать результаты своей работы. На

вопрос командира полка отвечают:

– Подбил два бронетранспортера!

Или:

– Разбил паровоз!

– А как заметил, что разбил?- допытывается Телегин.

– Пар поднялся, товарищ командир. Потом взрыв.

Но зато горе тому, кто атаковал сумбурно и палил, сам не видя куда.

Каждый вылет должен был приносить результат. Каждая пуля, каждый снаряд должны были находить врага. Все действия, вся наша жизнь должны быть подчинены одной единственной цели – уничтожать захватчиков, гнать их с нашей земли.

Но, требуя конкретности, результативности, Федор Телегин в то же время по-отечески опекал молодых неопытных пилотов. Бывало частенько собирал он нас, уже стреляных летчиков, и заявлял:

– Вот что, братва. Сегодня молодежь будет дома сидеть. У немцев такие звери появились! Как пить дать собьют. Пошли сегодня одни «старики». И, как правило, вел «стариков» сам.

Случай этот произошел с Федором Телегиным поздней осенью, когда битва за Ростов достигла своего высшего накала.

В одном из воздушных боев нам удалось отбить и посадить на свое поле несколько «мессершмиттов». Вражеские машины достались нам совершенно целенькими.

В повседневных буднях войны пленные солдаты, офицеры, а то и генералы противника не являются из ряда вон выходящим событием. Но чтобы пленить самолет, заставить летчика капитулировать, вынудить его совершить посадку на вражеском аэродроме – такое случается не часто.

Вначале бой завязался почти над линией фронта. Сейчас трудно припомнить, но, кажется, потери были как с той, так и с другой стороны. Мы ожидали встречи с опытными немецкими асами, и на задание полетели одни «старики».

Постепенно воздушная схватка переместилась на нашу сторону. Под нами была своя земля, за нашим боем наблюдали советские солдаты.

Понеся большие потери, вражеские летчики стали выходить из боя, а проще сказать – удирать. Я обратил внимание, что командир нашего полка ястребом кинулся сверху и сбоку на отставший «мессершмитт». «Есть!»-подумалось мне. Но Федор Телегин, не открывая огня, проскользнул под самым носом немца, пересек ему курс. Я ожидал, что такая лихость не сойдет Телегину с рук,- немец в два счета влепит ему очередь в бок. Но немец молчал. А Федор заходил для новой атаки, готовясь

ринуться сверху.

Тут только меня осенила счастливая догадка. Я понял, что немец, увлекшись в бою, расстрелял весь боезапас и сейчас был безвреден, как теленок. На таран, как мы знали, немцы не способны.

В стороне другие наши летчики окружили еще один «мессершмитт». Отбившись от своей стаи, фашистские стервятники чувствовали себя неуютно.

– Ребята, в клещи!- слышалась команда командира полка.- Не стрелять!

Для нескольких опытных летчиков не составляет никакого труда «взять в клещи» лишенный огня самолет. «Мессершмитты» помыкались, но, видя, что вырваться и уйти не удастся, смирились и приняли наши условия. Обозначая им путь длинными очередями трассирующих пуль, мы повели их на свой аэродром.

Первым на посадку пошел Телегин. Он сделал понятный любому летчику знак: следуй за мной. Немцы, убедившись, что в воздухе осталось солидное прикрытие конвоиров, убрали газ и пошли вниз.

Сверху нам видно было, как запылили, запрыгали «мессершмитты». Остановились. К ним, размахивая руками, бежали удивленные бойцы аэродромной охраны, свободные от работы летчики и технари.

Едва успев приземлиться, все мы, участники только что закончившейся охоты, бросились к захваченным самолетам. Кое-кто не отстегнул даже парашюта. Немецких летчиков уже выволокли из кабин, и они испуганно стояли поодаль. На их лицах был написан смертельный испуг.

Напичканные геббельсовской пропагандой, они ожидали немедленной и кровавой расправы. Но нашим летчикам меньше всего дела было до пленных. Все сгрудились у захваченных машин. Мы часто дрались с «мессершмиттами» в небе, а вот такого близкого, мирного «знакомства» еще не было. Летчики заглядывали в кабину, интересовались системой управления. Обмениваясь впечатлениями, говорили все разом. Федор Телегин, не принимая участия в общем оживлении, раздумчиво похаживал у хвоста захваченного «мессершмитта», время от времени трогал рукой металлические плоскости. Как он потом рассказывал, именно в этот момент в его голове созрел дерзкий замысел: один из трофеев он решил приспособить для разведки.

В самом деле, в простом замысле нашего командира полка крылись большие возможности. Кто из немцев обратит внимание на одинокий истребитель с фашистскими опознавательными

знаками? Никто. А если и обратит, то подумает – свой. Мало ли зачем может летать назойливо кружащий над самыми позициями «мессершмитт»!

На следующий день Федор сам вылетел на трофейном «мессершмитте».

– Может, прикрытие какое-нибудь организовать?- предложил ему Володя Пешков.

Не только Володя, но и все мы с опаской отнеслись в первый раз к полету командира полка. Отпускать его одного было боязно.

На предложение Пешкова командир только рассмеялся.

– Ты мне еще почетную охрану организуй! Хороша разведка!

Он был прав, но все равно на душе у нас было неспокойно.

К тому времени, когда Телегин должен был вернуться на аэродром, на поле высыпали все. Мы прислушивались, не застрекочут ли в небе пулеметы. Но нет, все было тихо. И вот, когда нервы были напряжены до предела, из-за кромки леса, низко над землей, вынырнул черный «мессершмитт». Несколько мгновений мы еще сомневались: а свой ли? Но вот «мессершмитт» четким скупым маневром зашел на посадку, и мы узнали «почерк» своего командира полка.

Первый вылет прошел вполне благополучно.

Не раз и не два вылетал в последующие дни на трофейном самолете Федор Телегин во вражеский тыл. Расчет его оправдался полностью. Немцы не обращали на «мессершмитт» никакого внимания. В то время много немецких летчиков вылетало на так называемую свободную охоту. За свободного охотника принимали они и Федора Телегина.

Майор Телегин кружил над маршевыми колоннами и штабами, он замечал концентрирующиеся для удара войска, заносил на карту скрытно готовящиеся позиции. Короче,- сведения нашего разведчика были настолько ценные, что командование фронта предупредило соответствующие службы об одиноком «мессершмитте», выполняющем особо важные задания.

Немцы сами разгадали секрет таинственного «мессершмитта». Однажды, когда Федор Телегин возвращался из очередного задания, самолет его был подбит и он еле дотянул до наших передовых позиций.

У командира полка не было отдельной землянки. Для него отгородили небольшой уголок, где стояли топчан, две табуретки и столик с лампой.

– Проходи, садись,- сказал Телегин, разворачивая на столике карту.

Я стянул с головы шлемофон и осторожно опустился на табуретку.

Задание, которое ставит командир, сбивает меня с толку. Оказывается, девять наших бомбардировщиков СБ идут недалеко в тыл на бомбежку.

– Бомбардировщики?- удивился я.- Днем?

– Да, днем!- раздраженно оборвал меня командир.

Потом помедлил и пояснил:

– Танки. Скопление танков. Видимо, Ростову на днях… Так вот, слушай дальше…

Из дальнейшего разговора с командиром полка я понял, что положение на нашем участке фронта складывалось угрожающее. Федор разговаривал с командующим ВВС фронта, и командующий отдал приказ: все силы, какие только имеются, бросить на скопления вражеских сил. Нужно ослабить намечающийся удар.

После временного затишья на нашем участке вновь ожидались ожесточенные бои. Противник подтянул свежие силы и накапливает их в непосредственной близости к фронту. Ростову угрожает смертельная опасность.

Стояла холодная ветреная погода. Низко плыли тяжелые тучи, время от времени поднималась поземка. Уже несколько дней, как Дон скован льдом. Старожилы не помнят, чтобы река так рано замерзала. По льду из Ростова отходили наши войска…

Оказывается, в Ростове в помещении обкома партии состоялось заседание Военного совета фронта. На этом заседании были приняты меры, чтобы избежать возможного окружения наших войск.

Теперь было понятно и раздражение командира полка и тон, каким он отдавал приказ. Не от хорошей жизни наше командование посылает днем, при ясной видимости, бомбардировщиков. Сколько их вернется с этого задания? Однако Телегину я ничего не сказал и продолжал выслушивать боевое задание.

В прикрытие бомбардировщиков назначались мы с Муровым.

– Двое?- невольно вырвалось у меня.

– А ты сколько хочешь?- неожиданно разозлился командир полка.- Сам же понимаешь… Кого еще?

Я невольно прикусил язык. В самом деле, за время боев наши авиационные части понесли большие потери. Наша промышленность, эвакуированная из занятых районов на восток, еще не успела развернуться на новых местах.

Четко повторив задание, я вышел от командира. Техники уже подготовили самолеты.

Получая задание, а затем сопровождая бомбардировщиков, я понимал, что на войне, а особенно на такой войне, частенько

приходится принимать вынужденные решения. Особенно укрепился я в этой мысли, когда бомбардировщики добрались наконец-то до цели.

Глазам представился целый массив, огромное скопление танков. Вражеские машины стояли без маскировки. Их было такое множество, что я даже растерялся. Вся эта стальная армада нацеливалась на Ростов. Бомбардировщики ринулись утюжить. Вниз полетели тяжелые бомбы. В несколько минут вся армада скопившихся танков была разметана, деморализована, сожжена. Бомбардировщики успели вовремя.

Недолгое контрнаступление советских войск, потеснившее немцев, остановилось, и враг собирал силы для решающего штурма города. В небе шли беспрерывные бои. Наши бомбардировщики и штурмовики наносили удары по скоплениям танков, а истребители ввязывались в упорные воздушные схватки.

19 ноября гитлеровцы прорвались на северную окраину города. На другой день при поддержке авиации они попытались захватить переправу через Дон в районе Аксайской, но наши войска, занявшие оборону на берегу, не дрогнули. Враг стал искать более уязвимое место в обороне Ростова. И нашел. Фашисты ворвались в город. На улицах завязались кровопролитные бои. Начался отвод наших войск за Дон. В конце ноября командование советских войск собрало достаточно сил для нового контрудара. Перейдя в наступление, части южного фронта быстро выбили немцев из Ростова. Разбитые танковые части фашистов под командованием генерала Клейста откатились к Таганрогу. Немцы понесли большие потери в живой силе, боевой технике, военном имуществе и снаряжении.

В упорных кровопролитных боях за Ростов буквально каждый день задержки вражеских войск означал большой стратегический выигрыш. Ради этого и приходилось жертвовать. И прав был, конечно, Федор Телегин. Потерять шесть бомбардировщиков за один вылет – не шутка. Но гибелью этих машин, повседневными постоянными жертвами на других участках и пришла в конце концов к нам победа.

Со своей стороны мы тоже понимали все. Не понять невозможно. Но одно дело понимать спокойным рассудком, а другое — видеть, как на твоих глазах гибнут и гибнут смелые, боевые, великолепные ребята. С этим примириться трудно. Если бы у нас хоть в прикрытие побольше истребителей! Но нет, всего в обрез! Черт возьми, настанет ли наконец день, когда мы, наши летчики, будут давить врага превосходством в технике? Ведь в единоборстве немцы нам явно уступают. Значит, все дело в технике. Скоро ли она у нас будет?

Немцы напрасно бахвалились, разбрасывая листовки: «Ростов возьму бомбежкой, Кавказ пройду с гармошкой!». Под Ростовом нашли свою бесславную гибель отборные дивизии немецкой группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала Рунштедта. И если наши войска все же вынуждены были оставить город, то только потому, что превосходство противника в живой силе и технике было слишком уж подавляющим.

Именно под Ростовом, помнится, у нас появились так называемые «безлошадные» летчики. То есть летчики были, а самолетов не хватало. Пополнение техникой пока шло крайне медленно. Нередко летчики находились непосредственно на авиационных заводах и перегоняли на фронт по два-три самолета, а иногда и по одному. Едва самолет сходил с конвейера, его тут же отправляли на фронт. В полках на каждый исправный самолет имелось два, а то и три летчика. Пока один уходил на задание, другой ждал его возвращения с парашютом в руках. И каково было огорчение, если самолет возвращался поврежденным.

За день исправные самолеты совершали до десяти боевых вылетов. Не удивительно, что большая часть машин находилась в ремонте. На плечи техников ложилась огромная нагрузка. Ночи напролет они готовили самолеты к боевым полетам.

После Ростова мы некоторое время базировались в Батайске, затем на станции Верблюд, в Котельниково. Все это были этапы горького пути отступления…

Однажды, после изнурительного дня, который пришлось провести почти целиком в воздухе, я, закончив полеты, пришел к комиссару полка Ивану Федоровичу Кузьмичеву.

– Разрешите, товарищ полковой комиссар?- обратился я по всей форме.

Иван Федорович был утомлен, но моя официальность настолько его изумила, что он живо приподнялся.

– Заходи, заходи, Сергей! Что случилось?

– Вот!- стоя по стойке смирно, я протянул ему коротенькое заявление. Это было заявление о моем желании вступить в ряды Коммунистической партии.

– О!- воскликнул Иван Федорович.- Давно пора, Сережа.

– Как-то казалось, что еще не достоин,- сконфуженно сказал я.- Не подготовлен, что ли…

– У тебя уже шесть сбитых самолетов. А это,- комиссар потряс моим заявлением,- обяжет тебя драться еще лучше. Понял?

Вечером в нашей землянке состоялось партийное собрание полка. Было уже поздно, горела лампа. Товарищи сидели на нарах.

Собрание открыл Кузьмичев. На войне человек завоевывает авторитет делом, непосредственно в бою. Наш комиссар обладал самым действенным секретом агитации и убеждения – храбростью, высоким искусством воздушного боя. За это его и любили летчики.

Пока говорил комиссар, я сидел сбоку.

К моему удивлению, собрание закончилось очень быстро. Фронтовая обстановка не располагала к длительным словоизлияниям. Произносить долгие речи было незачем, да и некогда,- с рассветом начинался утомительный боевой день. И без того для сна, для отдыха оставалось очень мало времени.

Мне запомнились коротенькие выступления Володи Пешкова и Ивана Глухих, дававших мне рекомендации. Смысл бесхитростных речей обоих моих товарищей сводился к одному: «Достоин».

Собственно, и предложение тогда было одно – принять. Быстро проголосовали и разошлись.

Летчики давно уже улеглись, потушили лампу. А мне все не спалось. То, что произошло сегодня, для моих друзей, видимо, было уже привычно и давно пережито. Но для меня… «Теперь я уже не тот, что прежде, теперь я обязан быть лучше, смелей, настойчивей»,- думал я.

В эту ночь я так и не уснул. Потихоньку встал и вышел из землянки.

На аэродроме возле самолетов крутились техники. Одни осматривали моторы, другие пополняли боезапас. Продолжалась будничная жизнь войны.

Вскоре на востоке забрезжила заря.

Мы вылетели на Ростов вскоре после того, как его оставили наши войска. Внизу, под крыльями самолета, проплывала многострадальная обезображенная земля. Дымились развалины взорванных элеваторов, горел хлеб. Дымный чад застилал поля. Казалось, горела сама земля.

Скоро показался Ростов. Странно, еще совсем недавно это был свой, родной, город. Сверху я узнавал знакомые улицы, памятные места. Вот там, за городом, был наш аэродром. Ближе, где медленно тянется в небо густой столб дыма, стоял наш дом, мой дом. Все это еще вроде бы наше и уже не наше. Мы летим в свой город, но летим бить врага.

Под нами заблестела полоска Дона. Хорошо видно, как немцы наводят переправы через реку. К Ростову по степи тянутся колонны пленных. Мы не удержались и с бреющего полета обстреляли конвой. Воспользовавшись суматохой, пленные бросились в разные стороны. Впоследствии мне довелось

встречаться с людьми, которые сумели перебраться через Дон и вернуться в свои части.

Спускаемся ниже и видим, как в самом Ростове уже вовсю хозяйничают фашисты. Чужая жизнь, совсем чужой город…

Война, ожесточенные бои оставили на облике города свои ужасные следы. В последние дни Ростов дважды переходил из рук в руки. И сейчас, сверху, нам хорошо видно, как пострадал город. Особенно те районы, где были упорные очаги сопротивления. Дома разрушены, улицы завалены битым камнем. Обосновавшись в захваченном городе, немцы выгнали оставшееся население на расчистку.

Человек удивительно быстро свыкается со всем. Вот и сейчас, разглядывая все, что под крылом самолета, мы уже не видим своего родного города,- мы видим территорию врага и отыскиваем на ней нанесенные на наши карты цели. В связи с этим вспоминается пожар Москвы в 1812 году. Сдав город Наполеону, москвичи подожгли его. В этом была как бы непримиримая угроза врагу – русские люди были готовы ко всему, но только не к капитуляции. Так и теперь, в новой невиданно жестокой войне: мы отступаем, мы оставляем город за городом, но эти утраты только укрепляют нашу решимость уничтожать и уничтожать врага.

На обратном пути над Доном у нас произошла короткая стычка с «мессершмиттами». Мы постарались выйти из боя и скорее вернуться на базу, но случай с самолетом командира эскадрильи Ивана Глухих заставил нас задержаться.

Бой с «мессершмиттами» уже закончился, когда мотор машины Ивана Глухих забарахлил и вдруг остановился совсем. Видимо, случайная пуля все же повредила что-то в машине. Умело планируя, Глухих повел истребитель на посадку. Другого выхода у летчика не было. Внизу была вражеская территория, и выбрасываться на парашюте означало верную гибель.

Самолет быстро терял высоту. Летчик из последних сил тянул к своим. Но вот уже и земля. Не выпуская шасси, Иван Глухих посадил самолет на «брюхо». Мы сверху видели, как запахал по земле самолет и, оставив недолгий след, замер, окутался клубами мерзлой пыли. Скоро из кабины выскочил Иван. Он был жив и невредим.

До наших позиций было далеко. Летчик, лишившись крыльев, мог легко стать добычей врага.

А вот, кстати, и враг. Передовые части немецких мотоциклистов, перебравшиеся через Дон, заметили наш самолет. Несколько мотоциклистов, не разбирая дороги, помчались от берега к беспомощному летчику. Мы кружились так низко, что

мне отчетливо видны были подпрыгивающие на сиденьях фигуры людей в кургузых мундирах. Иван Глухих в отчаянии оглядывался. Бежать было некуда. Впереди лежала ровная, как стол, степь, позади, от реки, мчались прямо через поле мотоциклисты. С последней надеждой посмотрел Иван вверх, на наши самолеты.

Происшествие напоминало неожиданное несчастье в дружной слаженной стае. Только что был единый клин, каждый летел на своем месте и с надеждой, с уверенностью смотрел вперед, как вдруг одна из птиц выпала из строя и, с трудом удерживаясь на слабеющих крыльях, понеслась к страшной, пугающей всякими неожиданностями земле. И стая сбилась с пути, закружилась над местом несчастья, не зная, чем ей помочь.

Самолеты с ревом кружились над степью. Для принятия какого-либо решения оставались считанные мгновенья. Немецкие мотоциклисты на всей скорости приближались к обреченному летчику. Что же придумать, чем же помочь? Неожиданно правый ведомый Глухих, молодой летчик Володя Козлов, бросил свою машину в крутое пике и сильно прошелся из всех пулеметов по мотоциклистам. Ого, что получилось! Кувыркнулось с седел двое или трое, опрокинулся и задрал колеса разбитый мотоцикл. Мотоциклисты остановились. Следом за Козловым в пике заходили остальные наши машины.

Но что же делать с летчиком? Не оставлять же его в руках врага. Я вспомнил, как на недавнем партийном собрании Иван Глухих, давая мне рекомендацию, говорил о боевой дружбе, о золотом правиле летчиков – сам погибай, а товарища выручай. И вот теперь человек, который за меня поручился перед партийным собранием, попал в смертельную беду. Мы все прекрасно понимали, что ожидает Ивана Глухих, попадись он в руки немецких мотоциклистов.

Долго блокировать место происшествия мы не могли. Скоро кончится горючее, и нам придется улететь. Немцы, как трусливые шакалы, дождутся своего часа.

Пока летчики огнем своих пулеметов поливали мотоциклистов и отгоняли их от попавшего в беду летчика, я разглядел недалеко от вынужденного места посадки ровную твердую площадку солончака. Прикинув на глаз, я высчитал, что как для посадки, так и для взлета места достаточно. На нее, решившись, я и повел свою машину.

Самолет бросило, едва он коснулся земли, однако затем машина выровнялась и спокойно закончила бег. Я не выключал мотора.

Внизу было тихо, только невысоко в небе, по-ястребиному

взмывая и снова падая, рокотали машины. Слышался треск дружных пулеметных очередей. Из кабины я огляделся. Степь убегала к горизонту. Немецких мотоциклистов я не разглядел. Залегли они или повернули назад? Но нет, издалека по моему самолету кто-то открыл огонь. Значит, видят они, что происходит. Жаль им упускать добычу.

Иван Глухих, не снимая парашюта, со всех ног бежал ко мне. А над ним, оберегая его, кружились и кружились наши товарищи. Пулеметными очередями они не давали мотоциклистам поднять головы.

Бежать в комбинезоне и с парашютом было трудно. Иван взмок и задыхался.

– Быстрей, быстрей!- торопил я его, беспокойно поглядывая по сторонам.

Отчаянно ругаясь, Глухих полез ко мне. Его нога в тяжелом меховом унте несколько раз срывалась с плоскости. Наконец он за что-то уцепился и вскарабкался.

– Ох, помоги!- взмолился он, взобравшись на плоскость. Лицо его было как после бани.

– Лезь живее!- крикнул я.

Неуклюже, как медведь, тепло одетый Глухих полез ко мне за спину. В кабине истребителя можно поместиться только одному. Иван стал пристраиваться у меня за спиной, сидя почти что верхом на мне. Устроился, затих.

– Давай, Серега! Давай!

Но тут произошла новая беда: забираясь в кабину, Иван случайно наступил на рычаг и выключил зажигание. Мотор заглох, и, как я ни старался запустить самолет,- не удавалось.

А ведь спасение, казалось, было так близко. Сейчас бы разогнались, взлетели и через несколько минут дома. Так надо же… Глухих чуть не задохнулся от бешеной ругани. Машины у нас старые, еще довоенные И-16. Чтобы запустить мотор, нужен или амортизатор, или автостартер. Найди его, попробуй, здесь, в такой степи и под самым носом у немцев! Неприятный холодок отчаяния подкатил к сердцу. Ясно было, что самим нам мотора не запустить, значит… И мы оба, не сговариваясь, посмотрели в ту сторону, откуда вот-вот могли появиться немецкие мотоциклисты.

Глухих все еще сидел у меня за спиной. Я пошевелил плечами.

– Пусти-ка… Давай, слезай.

Он сполз на плоскость, соскочил на землю. Полез из кабины и я. Машина, замершая, ненужная, тихо стояла рядом. Никакого от нее проку сейчас.

Иван не выпускал из рук тяжелого парашюта.

– Брось ты его!- с раздражением сказал я.

– Постой, постой…- бормотал он и, не отрываясь,

смотрел и смотрел вверх. Чего он ждал? Помощи! Спасения?

Надеяться больше было не на что. Ребята еще покружат, покружат над нами, а потом подойдет к концу горючее и они вынуждены будут вернуться на аэродром. От мотоциклистов в ровной, как стол, степи нам не спастись Вот если бы лес! Но кругом, до самого горизонта, тянулась степь. Сколько еще ребята смогут нас прикрывать? Ах, насколько все-таки беспомощен летчик на земле!

Товарищи кружились над нами, не понимая, что могло случиться. Я представляю, как они разглядывали нас сверху: исправная машина и возле нее двое летчиков.

Мы стояли, задрав головы. Что бы там ни было, а только в наших ребятах было спасение. Как-то не верилось, что они улетят и бросят нас здесь одних. Но вот я увидел, как машина Володи Козлова пошла на по-садку.

– Поджигай машину!

Скоро от заглохшего самолета повалил густой дым.

Мы с Глухих нетерпеливо топтались неподалеку. Оба думали об одном и том же. Ну, хорошо, ну сядет Володя Козлов, а как мы поместимся у него сразу двое? Там одному-то места нет.

– Ребята,- проговорил, трогая меня за рукав, Глухих,- летите сами. А я уж… Оставь только мне пистолет.

– Не болтай! Чего ты… Вот подожди, вот сядет, тогда и… Тогда и придумаем чего-нибудь. А что?

Однако хоть я и старался говорить как можно бодрее, а у самого на душе скребли кошки. Как же все-таки нам разместиться троим?

Володя Козлов мастерски посадил машину на пятачок солончака и на тихом ходу подрулил к нам. Мы бросились навстречу. Из-за рева винта я не сразу разобрал, о чем кричит Володя. Он кричал и показывал рукой куда-то вниз. Чего он? Я недоуменно опустил глаза.

– На шасси!- наконец разобрали мы оба.

Рев мотора затыкал уши. От бешено работающего пропеллера исходило какое-то сияние, один сплошной радужный круг. Потоком воздуха выстилало по земле редкие пожухлые травинки. Володя, широко разевая рот, что-то кричал и взмахами руки подгонял нас: скорей, скорей!

Мы обрадовано бросились под крылья его машины. Правильно решил Володя – на шасси! Как это мы сразу не догадались? И, не теряя больше времени, кое-как пристроились

на тоненьких металлических распорках, а для верности крепко пристегнулись ремнями парашютов.

– Дава-ай!- ликующе заорал Глухих. Глаза его горели. Он уж, видимо, совсем потерял надежду выбраться из этой истории.

Самолет развернулся и тяжело побежал по солончаку. На неровностях почвы его бросало из стороны в сторону.

Нам приходилось держаться изо всех сил. Володя, не взлетев с первого захода, вновь развернул машину. Больно уж мала дистанция для разбега!

– Давай… Давай… Ну же!- шептали мы. «Неужели не поднимется?!»

Но вот самолет грузно оторвался от земли и, не набирая высоты, потянул к своему аэродрому. Над нами, прикрывая от случайного «охотника», сновали товарищи.

Трудно было поверить в спасение, но это было спасение. Совершилось буквально невозможное. Только что мы топтались, как медвежата, на земле и с тоской поглядывали в небо, а вот летим,- летим втроем на одной машине. Поистине на войне ничего невозможного нет.

Крепко держась обеими руками, мы видели, как одураченные мотоциклисты повернули назад, к Дону. Добыча ушла у них буквально из-под носа. Несколько немцев остались лежать на земле. Дымил разбитый мотоцикл. Молодцы, какие молодцы наши ребята! Вот что значит фронтовая выручка.

Иван Глухих, оседлав распорку, сидел, свесив толстые ноги в тяжелых меховых унтах. От встречного ветра сильно знобило. Стояла зима, стылая степная зима. Внизу под нами тянулись овражки и редкие заросли кустарника. В овражках в самой глубине белел снег. В степи же было серо, уныло. На ровном пространстве степи под постоянным ветром снег почти не задерживался.

В суматохе неожиданно свалившегося спасения Иван Глухих потерял перчатки и теперь старался и держаться и запрятать руки под комбинезон. Тоненькую распорку он держал в обнимку.

Над нами, над самой головой, надсадно гудел перегруженный мотор. Но распластанные крылья самолета казались нам самой надежной защитой от любой беды. Иногда, когда какой-нибудь самолет проходил неподалеку, мы ловили на себе внимательный взгляд летчика. Товарищи заботились о нас. Я разглядел сквозь стекло фонаря знакомое лицо Коли Мурова и, как ни замерз, изобразил улыбку и показал большой палец. Все в порядке, все хорошо!

Скоро показался аэродром. Володя Козлов убавил обороты и бережно, «на цыпочках», пошел на посадку. Я мельком взглянул

на Глухих. У него по лицу гуляла блаженная улыбка. Чтобы не удариться о землю, он задрал ноги в унтах и от души ругался.

Что и говорить, происшествие было не из приятных.

Страшно смотреть, когда горит подбитая машина.

Только что самолет был ловок, увертлив, он чертил в небе немыслимые кривые, нападая и уходя от врага, казалось, в нем клокочет неиссякаемая сила. Но вот шальная очередь,- и силы разом оставляют машину. Она снижает скорость, теряет управление и начинает клевать носом. Густой шлейф дыма тянется за ней следом. А пули, словно пригоршни града, стучат по фюзеляжу, по плоскостям, по бронеспинке. Враг остервенело добивает самолет-подранок. И вот уж огонь врывается в кабину, будто он давно был наготове и только ждал сигнала, чтобы охватить самолет, пилота своими цепкими кроваво-красными щупальцами.

Сейчас летчику остается одно – рывком откинуть колпак, поймать ртом несущийся навстречу воздух, затем отстегнуть ремень, одним движением метнуться, перевалить через борт кабины и – падать, падать. Это право летчика – покинуть горящую машину, по всем законам военным и просто человеческим.

Все происходит быстро, чрезвычайно быстро. Закон земного притяжения уже целиком завладел самолетом, еще мгновение, и он, объятый мощным пламенем, все круче и неудержимее устремляется к земле.

Так, в пламени и дыму, пронесся мимо меня самолет Володи Пешкова, старого боевого друга, великолепного летчика, Героя Советского Союза. Сколько я ни смотрел, летчик не показался. Он не откинул фонарь и не перевалился через борт кабины. Видимо, Володя получил ранение. Он так и не выбросился на парашюте…

Мы вели тяжелый неравный бой. На два наших звена навалилось восемнадцать «мессершмиттов». Бой шел под Батайском, над нашим же аэродромом, который мы только что оставили. Машина Володи сгорела на своей земле.

Володю Пешкова знали не только в нашем полку. Его любили и старшие начальники, и подчиненные. Боевой умелый летчик, он пользовался всеобщим уважением и непререкаемым авторитетом. Что же касается меня, то с Володей нас давно связывала дружба. Мы вместе начинали службу, воевали против белофиннов, В Кремле, в тот счастливый памятный год, мы одновременно получали правительственные награды. Да и давно ли это было? Какой-то год назад, может, чуть более.

Прекрасных парней уносит на войне смерть…

В бою, который мы вели, вместе с нами были молодые летчики, их-то и опекал Володя. Стремясь поспеть всюду, он

проглядел атаку немецкого аса и получил смертельную очередь.

В бою долго раздумывать не приходится. А особенно в таком бою, когда силы противника втрое больше.

Володю сбил старый опытный летчик. Я еще с самого начала боя обратил внимание на этот «мессершмитт». Он атаковал умело и стремительно. Тогда на нашем участке фронта появилось множество немецких асов, получивших немалый боевой опыт в Европе. После Ростова немцам открылась дорога на Кавказ и Сталинград, они бросили на ударные участки свои лучшие силы.

Гибель Володи Пешкова так и стояла у меня перед глазами. Какие-то считанные мгновения, пустяковая оплошность,- и человека нет. Погиб такой опытный летчик!

Я стал охотиться за зловещим «мессершмиттом». Выбирать удачный момент пришлось долго: вражеская машина носилась в воздухе, как сильный, беспощадный хищник. Зайти ей в хвост было не так-то просто. Но в одном из виражей я добился своего – наконец передо мной хвост вражеской машины. В своем прицеле, как говорят летчики, я вижу даже заклепки «мессершмитта». Пора открывать огонь!… Но в этот момент сильный удар потряс мой самолет. Раздался резкий треск, как будто чьи-то гигантские клещи с чудовищной силой разрывали обшивку. Я понял сразу – пушечная очередь. Увлекшись охотой, я совсем забыл об опасности… Хотя как тут за всем уследишь в этой сумбурной воздушной свалке?

Пушечная очередь убила в самолете стремительность. В тот миг я почувствовал машину как живое существо. Оно было все в напряжении, в полете, в нем клокотали сотни лошадиных сил, и вдруг смертельная рана – и все кончено. Так на полном скаку умирает здоровое полнокровное животное. Заряд охотника попадает ему в сердце, оно уже мертво, но делает несколько прыжков механически, по инерции набранного бега.

Самолеты, как и орлы, гибнут в вышине, в небе. Правда, они разбиваются о землю, земля для них страшна своим неодолимым притяжением, своей твердостью, но на землю падает уже мертвая машина. Ее жизнь, ее стремительный полет кончается там, в облаках. Удар о землю, взрыв – это как большая огненная точка в судьбе машины, а иногда и летчика.

Чтобы летчик не разделял судьбы погибшей машины, его снабжают парашютом. Если ему повезло, если его не тронула пуля врага, он еще может спастись. Утрата самолета обогащает его опытом. Такой опыт, правда, дорого достается, но зато он многого стоит.

Мой самолет стал ощутимо терять маневренность. Я как бы сбился с ритма боя. Здоровые машины продолжали сновать

вокруг меня, они еще были полны неизрасходованных сил. Вдруг на мой комбинезон брызнула струя масла, обожгло ноги. Самолет все больше терял управляемость, в кабину начал пробиваться дым. Загорелся мотор!… Чтобы не задохнуться, я открыл фонарь и высунул голову. Но дым все гуще. Задыхаясь и чувствуя на лице жар пламени, я неуклюже полез из кабины. Самолет уже валился на землю.

Обидно терпеть поражение. Но бой есть бой. Закон войны суров: или ты, или тебя. Сколько дней удача сопутствовала мне, а вот сегодня… Сегодня для нашего полка несчастный день. Хотя как он может быть счастливым, если на нас навалилось втрое больше,- и какого противника – отборные летчики Геринга.

Пламя жадно пожирало мой самолет, когда я отделился от него и провалился в спасительную пустоту. Падение было стремительным. Скоро я дернул кольцо, и меня рвануло, поставило вверх головой. Надо мной раскрылся огромный, туго надутый купол. Падение замедлилось. Раскачиваясь на стропах, я стал спускаться на землю.

Мне еще видно было, как агонизировал мой самолет. За ним тянулся густой и черный хвост жирного дыма. Покинутая неуправляемая машина завершала свое стремительное пике.

«Мессершмитты», сбив несколько наших машин, стали полными хозяевами положения. А став хозяином, можно порезвиться. Пока я спускался на парашюте, какой-то «мессершмитт» попытался сделать заход и срубить меня пулеметной очередью. Однако оставшиеся в воздухе наши летчики отогнали его и проводили меня до самой земли. Они были еще сильны, и враг не смог их одолеть. Во всяком случае, они уберегли меня, не отдали на расправу. Но как их мало осталось, наших ребят! Из шести машин уцелело всего лишь три. Да, точно, всего три наших самолета самоотверженно отбивались от наседавших фашистских стервятников. Кого же еще сбили? Кажется, Володю Козлова. Точно, это его машина догорала на земле.

Спускался я удивительно быстро. Поднял голову и увидел, что в куполе парашюта светятся несколько огромных дыр… Значит, вражеская очередь повредила еще и парашют. Вот невезение! Однако больше я ничего не успел подумать. Меня ударило о землю с такой силой, что казалось – еще немного и я потеряю сознание.

Под горячую руку вскочил и принялся тушить парашют. Болело все тело, хорошо еще, что не поломал ног.

Бой в воздухе продолжался, но уходил куда-то в сторону. Тройка наших самолетов дралась отчаянно.

Немцы, удовлетворенные результатами воздушной схватки, скоро вышли из боя. Наши тоже устало потянулись домой. Я проводил их глазами. Нетрудно представить, как встретят их на родном аэродроме. Сколько нас ушло и сколько вернулось… Но я-то еще жив, я еще могу драться! Мне бы только добраться до аэродрома. Я еще поднимусь в воздух и открою счет мести.

По инструкции летчик обязан не оставлять парашюта. Отдышавшись, я сбросил перепачканный в масле комбинезон, сгреб в охапку парашют и поплелся к дороге.

Ох, эти дороги военного времени! Сколько горя проковыляло, проехало по ним в незабываемые скорбные месяцы всеобщего отступления. День и ночь тянулся по дорогам нескончаемый поток людей, скота, машин. Сколько времени прошло с того дня, как я побывал в Ростове? Немало. А ведь все это время дороги не затихали ни на минуту. Люди шли и шли. И это не под одним лишь Ростовом. Такая же картина ненависти и презрения к врагу наблюдалась на дорогах Украины, Белоруссии, черноземных областей России.

Я стоял на обочине дороги, все еще держа в руках парашют. Мимо проходили почерневшие от пыли, солнца и лишений беженцы. Рюкзаки, детские коляски, самодельные тележки. Гурты скота, поднимая пыль, шли прямо по целине. Грохотали тракторы, еле тащились комбайны.

Сколько десятков, а то и сотен километров за спиной у этих измученных людей! Сколько бессонных ночей. Сколько горя и слез… Женщины, казалось, совсем разучились плакать. Сухими безучастными глазами смотрели они прямо перед собой, видя под ногами лишь бесконечную пыльную дорогу. Вот женщина, босая, почерневшая, с неприбранными волосами, отошла на обочину, устало опустилась на землю и, расстегнув кофту, поднесла к груди укутанного ребенка. Ни голоса матери, ни писка ребенка. Мне показалось, что ребенок мертв. Но женщина, вперив перед собой невидящий взгляд, заученно покачивает сверток и молчит… молчит…

Старик, осыпанный пылью, почерневший, как грач, под солнцем и ветром, катит тележку. Крепкие жилистые руки старика цепко держат оглобли. В его глазах, казалось мне, застыл ужас бомбежек и пожаров. За тележкой, с трудом переступая натруженными ногами, семенит старуха. Руками она не то подталкивает тележку, не то держится, чтобы не упасть. На тележке на самом верху лежит почему-то хомут. Для чего старикам этот хомут? Скорей всего, была у них лошадь, потом ее убило шальной пулей или осколком, и старики своим ходом, на собственном горбу увозят от врага нехитрый скарб.

Старуха за тележкой разгибается, выпрямляет спину, скользит по мне усталым, равнодушным взглядом. А мимо, по-прежнему пыля, гомоня, грохоча, тянется и тянется бесконечный поток.

Поудобнее подхватив парашют, я пошел вместе с этим потоком беженцев. Но боль в ногах скоро стала давать знать. Видимо, падая, я все же отбил ноги.

Преодолевая боль, я тащусь по обочине, чтобы не мешать. Идти тяжело, приходится часто опускать парашют на землю и переводить дух.

Неяркое солнце изредка заслоняют легкие прозрачные облака. Тень застилает равнину, полную угрюмых, молчаливо бредущих людей. Иногда кажется, что это не тень, а пыль от миллионов ног, устало идущих с запада на восток.

Напротив меня остановилась бричка, запряженная парой крупных медлительных волов. В бричке на копне сена сидел сивоусый дядько с невозмутимым, обожженным солнцем лицом. Он ничего не сказал, только медленно перевел на меня взгляд. Я бросил в бричку парашют и полез на сено.

Волы снова потащили бричку.

Сначала я вытянулся на сене, расправил ноющие ноги. Глаза закрылись сами собой. Беспрестанное колыханье брички убаюкивало, навевало сон. На какой-то миг я забылся. Мне показалось, что я не на войне, а на поле, в мирное, совсем почти забытое время. Сухое сено пахло неуловимо тонко, и его забытый аромат напомнил мне счастливые дни покосов, когда вот таким же еле ощутимым запахом тянет от копен травы, скошенной в наших зеленых предгорьях.

Женский крик заставил меня открыть глаза. В толпе плакала женщина, сжимая в руках завернутого в одеяльце ребенка. Умер? Убит? Все так же равнодушно, будто заведенные, тянулись люди. Крик женщины висел в воздухе, никому, казалось, не было до нее дела. У каждого своя забота, свое несчастье. Люди уж отупели от страданий, они стали привычными.

Сверху мне хорошо видно поле, над которым только что произошел наш злополучный воздушный бой. Неподалеку догорало несколько машин. Теперь уже невозможно было разобрать, чьи это самолеты – наши или немецкие. На земле валялись груды сгоревшего металла. Взрывом опалена земля на несколько метров вокруг.

– Видел я,- вдруг густым басом произнес дядько, не вынимая из усов коротенькой прокуренной трубки.- Видел… Лихо вас били. Это ж подумать только надо!

Я промолчал. Что ему скажешь! А дядько снова надолго

умолк, поглядывая прищуренными глазами на бесконечный и, видимо, привычный для него поток уходящих от врага людей. На голове возницы старенькая соломенная шляпа с опущенными полями. Из воротника пропыленной рубахи выступает крепкая шея в темных, словно задубелых морщинах.

– Ну, как думаешь?- снова спросил он.- Наверно, не побить нам немца? А?

Я удобнее пристроил на копне ноющее тело, подбил под голову парашют и закрыл глаза.

– Посмотрим.

– О, посмотрим!- горько сказал старик, качая головой.- Как будто в кино пошел да посмотрел…

Под монотонное бормотание возницы, под скрип и покачивание брички я задремал.

На аэродроме первым, кого я увидел, был мой техник Иван Лавриненко. Кажется, теряя последние силы, я дотащился до скамеечки, бросил парашют на землю и сел. Гудели ноги, звенело в голове. Я сидел на скамеечке, упираясь в нее руками, а техник глядел на меня обалделыми глазами и не знал, что сказать. Я понимал, что мое появление было воскрешением из мертвых. Редкий, очень редкий сбитый летчик возвращался на базу. И все же Иван Лавриненко ждал. Он не садился даже обедать, дожидаясь меня.

Наконец он спохватился.

– А мы уж!…- только и проронил он, обрадовано хлопоча возле меня и забирая парашют.

Оказывается, не садились обедать и техники Володи Пешкова и Володи Козлова. Тоже ждали, тоже надеялись…

Лишь сейчас в полной мере почувствовал я всю горечь утраты двух своих близких товарищей. А впереди еще ночь, когда особенно мучительно сознавать, что пустуют места на нарах по соседству с тобой. Еще вчера оба Володи как ни в чем не бывало весело балагурили, укладываясь спать, а сегодня… Проклятая война, проклятый враг! О, ты еще заплатишь за кровь наших ребят!

В землянке Иван Лавриненко налил мне кружку спирта, которым летчики неизменно запасались (все-таки разрядка для нервов после боя!), приготовил нехитрую закуску. Я медленно выпил спирт и долго сидел с опущенной головой. Скверно, тяжело было на душе, будто все виденное и пережитое – неравный бой, гибель друзей, незабываемая картина беженцев,- все это навалилось разом. Так я сидел долго. Иван Лавриненко молча сновал по землянке, куда-то уходил, что-то приносил и ставил на стол.

– Ну, как вы тут?- спросил я, отодвигая от себя тарелку.

– Да как…- откликнулся Иван.- Все так же.

Он всегда был немногословен. Лицо его с резкими скулами, казалось, еще больше похудело. Он незаметно приглядывался ко мне, пытаясь понять, не ранен ли я.

Вытянув ноющие ноги под столом, я поинтересовался

– Ребята все где?

– Где? Там.

Оно и в самом деле: что было спрашивать? Летчикам не выпадало ни одной минуты передышки. Едва сядут, заправятся и — снова в воздух.

Тихо в землянке, сумрачно. Где-то далеко слышится гул моторов. Мы молчим. Иван Лавриненко сочувственно смотрит на меня и вздыхает. Заговорить первым он не решается.

– Знаешь, Иван Иванович,- пожаловался я,- никогда еще так жарко не было, как сегодня… Как сейчас.

Вместо ответа техник разразился бранью: накипело. Он замысловато честил и Гитлера и его подручных, призывая на их головы все существующие на свете кары, но, между прочим, высказал опасение, как бы в дальнейшем не пришлось еще труднее, еще жарче. Спорить с ним не было смысла: каждый понимал, что после Дона немцы вырвались на оперативный простор и следующим серьезным рубежом нашей обороны будет только Волга.

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Битва за Сталинград началась примерно с середины июля 1942 года.

После тяжелых боев 6-я пехотная и 4-я танковая немецкие армии вошли в излучину Дона и стали развивать наступление к Волге. На реке Чир немецкие полчища встретились с подразделениями нашей 62 армии. Начались затяжные бои. Советские войска отходили к Сталинграду.

Ожесточенные сражения разгорелись не только на земле, но и в воздухе. На поддержку своих наземных войск гитлеровцы бросили лучшие силы своей авиации, в частности 4-й воздушный флот Рихтгофена. На этом направлении немцы сосредоточили более 1200 самолетов. Они превосходили в количественном отношении нашу авиацию в три-четыре раза.

Массированными ударами сотен самолетов враг рассчитывал полностью уничтожить нашу авиацию на сталинградском направлении, подавить волю к сопротивлению защитников города-героя. Немецкое командование использовало все виды своей авиации. Но главным его воздушным оружием были бомбардировочные части. Чтобы обеспечить безнаказанную работу своих бомбардировщиков в районе Волги, подавить нашу авиацию и удержать господство в воздухе, были переброшены из Германии части, укомплектованные лучшими летчиками-истребителями.

Нужно сказать, что немецкие асы нанесли большой урон нашей истребительной авиации. Положение под Сталинградом создавалось чрезвычайно тяжелое.

В один из жарких дней начала осени, когда Сталинградское сражение разворачивалось в полную силу, мы подучили приказ прибыть в штаб фронта.

Маленький кургузый автобус везет нас по разбитой пыльной дороге. Окна в автобусе открыты, и в лицо пышет жаром раскаленной степи, пылью. По обе стороны дороги простирается степь, раздольное русское Заволжье. Война дошла и сюда. Глаз привычно скользит по примелькавшимся приметам военного времени.

Приказ явиться в штаб фронта прибыл неожиданно. У летчиков в те дни было по горло работы, и вызов к большому начальству породил массу предположений. Но толком никто ничего не знал.

По дорогам тянулась техника, автобус то и дело обгонял усталые колонны войск. Солдаты, запыленные, почерневшие от

солнца, с постоянной настороженностью посматривали на небо. Чем ближе к Волге, тем явственней нарастал гул канонады. Солдаты при звуках недалекого боя подтягивались, у них словно пропадала усталость. Мы же, летчики, к этому гулу уже привыкли: он не прекращался ни днем, ни ночью.

Пыль, постоянный полог пыли висел над степными дорогами. Дождей давно не было, и, кажется, все вокруг стало однообразно серым: колонны танков, пожухлая трава, лица людей. Даже постоянный гул канонады сделался каким-то уныло надоевшим.

Третий месяц продолжалась беспримерная в истории войн битва на Волге. Третий месяц у стен героического города на великой русской реке перемалываются отборные войска гитлеровского рейха. «Этот город,- писал впоследствии западногерманский историк В. Герлиц,- впитал потоки лучшей немецкой крови и превратился постепенно в Верден восточного похода».

От пыли нет спасения и в автобусе. Она незаметно покрывает всех серым налетом, начинает скрипеть на зубах. От нечего делать пытаемся угадать, зачем нас вызывают в штаб фронта. Кто-то высказывает предположение, что будут вручаться награды. Но ему тут же возражают – в такое горячее время едва ли будут отрывать от дела столько людей. Нет, причина в чем-то другом.

А время действительно горячее. Намного уступая противнику в качестве самолетов, советская авиация вела неравную борьбу. Летчикам нашей 8-й воздушной армии приходилось действовать с невероятным напряжением. Мы вступали в бой часто в невыгодных для себя условиях, несли потери, но причиняли чувствительный урон и фашистской авиации.

Советское командование делало все, чтобы усилить группировку нашей авиации. Благодаря героическим усилиям тружеников тыла, авиационная промышленность наращивала выпуск боевых самолетов. Новые авиационные части, подготовленные в запасных полках, немедленно направлялись на фронт. Так прибыла на Волгу и сразу же включилась в сражение 16-я воздушная армия под командованием генерала С. И. Руденко.

Штаб фронта помещался в просторном, хорошо оборудованном блиндаже. Нас поторапливали. Мы на ходу почистились,- стряхнули пыль с гимнастерок, об колено выхлопали пилотки.

Перед тем как спуститься в блиндаж, мы обратили внимание, что по дороге, ведущей к штабу, бешено мчится военная машина. Густой шлейф пыли тянулся следом и долго висел в воздухе. Какой-то военный, привстав с сиденья, держался за плечо шофера

и с нетерпением приготовился выскочить. Не сбавляя скорости, машина неслась прямо на штабной блиндаж. Военный спрыгнул на ходу, и не успела машина затормозить, как он скрылся в штабе. В его поспешности было что-то тревожное. Во всяком случае, ясно было, что привез он какие-то срочные вести.

Мы замешкались у входа, давая возможность приехавшему сообщить свои вести. Однако аккуратный, с иголочки одетый штабной работник заторопил нас:

– Проходите, проходите, товарищи. Вас ждут. Сдержанно входим в большую комнату. Несколько накатов укрытия над головой создают впечатление полного покоя и безопасности. Деловито суетятся адъютанты, не обращая на нас внимания. У стола, сплошь заваленного картами, стоит группа военных со знаками различия самых высших степеней. В этой комнате мозг фронта, здесь находятся командующие и представители Ставки.

Этот день, 14 сентября, был одним из наиболее тяжелых в обороне города.

Введя в бой на узком участке фронта шесть дивизий, поддержанных с воздуха сотнями самолетов, противник прорвал нашу оборону, захватил вокзал и вышел к Волге. Наши части на правом берегу оказались отрезанными с севера и с юга. Враг пытался заблокировать их: воспрепятствовать подвозу с левого берега боеприпасов и продовольствия, не допустить переброски через Волгу свежих резервов.

Положение в городе создалось критическое. Оно осложнялось еще и тем, что Сталинград был переполнен эвакуированным населением и с приближением боев не всем удалось уйти за Волгу. На улицах скопилось огромное количество машин с различными грузами, с домашним скарбом. Кое-где принялись орудовать темные личности.

Органы госбезопасности очищали город от враждебных элементов.

Враг не гнушался любыми средствами, чтобы посеять панику, сломить боевой дух защитников волжской твердыни.

Нашим войскам, закрепившимся на правом берегу, необходимы были систематические подкрепления. И для переброски их оставался один единственный путь — через Волгу. На левом берегу реки скопилось множество подкреплений, боеприпасов. Все это следовало переправить водным путем. А как достичь правого берега, если в воздухе постоянно висело множество вражеских самолетов? Они бомбили переправы, набрасывались на лодки и пароходы. Враг всеми силами старался оборвать эту ниточку, которая еще связывала зацепившиеся в Сталинграде войска с левым берегом. Поддерживать, охранять эту

связь должны были мы. Поэтому-то представители всех авиационных полков фронта и вызывались в штаб. Сейчас судьба Сталинграда во многом зависела от нас.

И летчики в эти дни почти не сидели на земле. На аэродром прилетали только заправиться.

Нашей первоочередной задачей, поставленной нам в штабе фронта, было прикрыть переправу дивизии генерала А. И. Родимцева. Она пришла под Сталинград пешим ходом и сразу же направлялась на правый берег на помощь защитникам города.

Ужасную картину представлял собой разбитый Сталинград. Громадный цветущий город, в котором до войны проживало около 600 тысяч человек, превратился в сплошные развалины. Разрушены были промышленные предприятия, коммунальные учреждения, речной порт, нефтехранилища, жилые кварталы, больницы и детские учреждения. Из строя были выведены водопровод, электростанция и городской транспорт. Город горел, и зарево гигантского костра было видно на много километров.

«Ни шагу назад!»- гласил знаменитый приказ № 227.-…Пора кончить отступление,- говорилось в приказе.- Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Наша разведка перехватила приказ командующего 6-й немецко-фашистской армией генерала Паулюса о решающем наступлении. Немцы подтягивают свежие силы. Создана ударная группа войск в составе шести пехотных, двух моторизованных и одной танковой дивизии.

Кроме того поставлена решительная задача четвертой танковой армии противника: силами шести пехотных, двух танковых и одной моторизованной дивизий ворваться в Сталинград с юга.

До двадцати полнокровных немецких дивизий штурмуют укрепления Сталинграда.

В связи с угрожающим положением в городе создана оперативная тройка. На нее возложена ответственность за разрушение важнейших промышленных объектов в случае непосредственной угрозы. Но это — на крайний случай. А пока задача другая: сделать все, чтобы удержать оборону.

Командующий фронтом А. И. Еременко получил приказ Ставки, в котором говорится, что оборона Сталинграда и разгром врага, наступающего с запада и юга, имеют решающее значение для исхода войны.

В Сталинграде не прекращается жизнь. Строители срочно прокладывают железнодорожную магистраль Сталинград-

Саратов-Ульяновск (кстати сказать, гитлеровская разведка так и не узнала о проведении этой жизненно важной для нашего фронта ветки). С конвейера Сталинградского тракторного завода продолжают сходить новенькие танки. Завершается строительство наплавного моста через Волгу.

В своих послевоенных мемуарах гитлеровские генералы, пытаясь оправдать поражение под Сталинградом, обычно ссылаются на то, что Сталинград был сильной крепостью, опоясанной мощными инженерными сооружениями.

Однако справедливости ради следует отметить, что Сталинград никогда не был крепостью. Вокруг него не имелось ни фортов, ни крепостных стен, ни мощных оборонительных рубежей. Захватив гряду пологих высот с песчаными холмами на южной окраине и цепь курганов, обступающих город амфитеатром с запада, враг получил возможность насквозь просматривать город и переправы на реке.

Поэтому если уж говорить о Сталинграде как о крепости, то следует сказать, что настоящими фортами и бастионами города были мужественные сердца советских людей, героически защищавших Сталинград, их непреклонная воля к победе. Именно об эту крепость и разбилась лавина войск, огня и стали, обрушенная гитлеровцами на Сталинград.

Все великое лучше видится на расстоянии. И сейчас, после стольких лет, вспоминая те горькие, незабываемые дни, поражаешься героизму, самоотверженности, великой живучей силе защитников славного города. Ведь немцы триумфально прошли по всей Европе. Мы потеряли Украину, Белоруссию. Враг лез на Москву, обложил Ленинград. Немцы были в центре России, на Волге. И все-таки обреченность гитлеровских захватчиков чувствовалась уже тогда.

Именно у стен Сталинграда начались перебои в чудовищной военной машине гитлеровцев. Прежде всего немцы столкнулись с тем, чего боялись, начиная войну: с нехваткой резервов. «Блицкриг» не удался, а затяжная война поставила гитлеровцев перед непреодолимыми трудностями.

Нам стало известно – потери фашистов были настолько велики, что им пришлось перебросить в район боев авиационные части с острова Сицилии, с Ленинградского и Центрального фронтов.

Но и это им не помогло. Небо Сталинграда превратилось в гигантскую мясорубку для фашистской авиации. Овладев мастерством, наши славные летчики сбили спесь с хваленых немецких асов. Наша летная молодежь убедилась в том, что советская техника в руках умелых бесспорно превосходит технику

врага.

Воздушная битва над Волгой принимала небывалые размеры. Она дорого обходилась гитлеровцам. У наших истребителей с каждым днем увеличивался счет сбитых вражеских машин.

Большинство гитлеровских асов нашло смерть в сталинградских воздушных боях.

Каждый день обороны города укреплял наши силы, нашу веру в окончательную победу. Ибо таких героических защитников, такой народ не сломить никакому врагу, как бы ни был он силен.

Вот что писала 27 сентября 1942 года американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«В необозримом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мертвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно, не считаясь с жертвами для себя, своих друзей, своего города. Такие бои не поддаются стратегическому расчету: они ведутся с жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских воздушных налетов. Но именно такими боями выигрывают войну».

Трудно передать, что творилось в небе Сталинграда. На позиции, занимаемые нашими бойцами в разрушенном городе, десятками пикировали вражеские бомбардировщики. Сотни, тысячи бомб, казалось, перемололи не только каждый камень развалин, но и самую землю. Над бомбардировщиками кружилась карусель истребителей. То и дело завязывались ожесточенные схватки, и тогда небо чертили трассирующие очереди, а сбитые машины чадными факелами падали на землю, вздымая фонтаны грязи, гари и обломков.

То и дело на городских улицах завывают сирены воздушной тревоги. Сотни тяжелых бомбардировщиков застилают небо. Одна волна сменяет другую. Гитлеровцы методически сбрасывают то зажигательные, то тяжелые фугасные бомбы. Кромешный ад. Дым пожарищ скрывает полуденное солнце. Взрывы страшной силы сотрясают воздух. Горят жилые кварталы, рушатся здания школ, превращенные в госпитали, культурно-бытовые учреждения. Отовсюду доносятся стоны, крики раненых. Пожарные и бойцы противовоздушной обороны делают все возможное, чтобы не допустить распространения пожара на уцелевшие объекты, они растаскивают горящие крыши, извлекают людей из-под обломков. А с почерневшего от дыма неба продолжают падать бомбы. Все основные коммуникации города – водопровод, электросеть, телеграф, телефонные линии давно выведены из строя.

Разрушены крупные здания, госбанк, гостиницы, вокзал, театр, многие больницы и школы. Вся центральная часть города постоянно объята пламенем. От невероятного перегрева воздуха и сотрясений поднимается небывалой силы ветер. Он, как свечу, раздувает огонь.

Наши истребители мужественно бросаются в бой, но их мало, чтобы одолеть такую армаду бомбардировщиков. Например, в нашем полку осталось всего 18 самолетов.

Полк уже не мог называться полком, но кто учтет нашу решимость, наше беззаветное желание остановить ненавистного врага? Эти качества советских летчиков с лихвой покрывали недостачу в материальной части. Наши две эскадрильи успешно дрались за целый полк.

В штабе фронта перед летчиками поставили задачу – надежно прикрыть переправу. Вернувшись, мы тут же отправились по машинам. Восемь самолетов пошли на взлет. Я повел их к Волге. Там началась переправа гвардейцев генерала Родимцева.

В небе над Волгой самолеты врага висели почти беспрерывно. Уничтожая переправы через реку, они пытались разрушить и наше воздушное прикрытие. В эти дни им казалось, что еще немного, еще одно усилие – и цель будет достигнута: город перейдет в их руки. Рассказывали, что немецкие танки и мотопехота видны из окон тракторного завода. В бой против танков были брошены зенитные установки.

В эти напряженные, выматывающие все силы дни не обошлось и без курьезов. Во время одного из налетов вражеской авиации на город из зоопарка вырвалась и убежала любимица сталинградской детворы слониха Нелли. Оглушенная взрывами, не понимающая, что творится на земле, Нелли слонялась по горящим разбитым улицам. Все попытки увести ее к Волге и переправить на ту сторону ни к чему не привели. Вначале, правда, удалось успокоить и привязать к пятитонной грузовой машине. Но когда пытались погрузить ее на паром, раздались завывающие звуки воздушной тревоги, захлопали зенитки, стали рваться фугаски,- слониха взбунтовалась, оборвала привязь и убежала.

Несколько дней ее видели в самых различных районах. Близко к себе слониха никого не подпускала. Бродячая жизнь Нелли в пылающем разрушенном городе закончилась печально: ее убило взрывом фугаски.

…Враг встретил нас над Волгой. Не обращая внимания на вакханалию, которая творилась над самим городом, нам навстречу литым хищным строем неслась группа «мессершмиттов», а чуть выше – «хейнкелей».

У каждого летчика существует свой своеобразный «почерк», и бывает, что достаточно одного взгляда, чтобы определить, что за человек управляет самолетом.

По «почерку» было видно, что перед нами опытные летчики. На «хейнкелях», как правило, летали старшие офицеры, нередко вплоть до полковников. Это были асы 4-го воздушного флота под командованием генерал-полковника Рихтгофена.

Наша восьмерка истребителей выглядела обреченной перед этой стаей стервятников. Но выхода не было – мы тоже устремились навстречу.

Враги были настолько близко, что времени для маневра не оставалось. Я успел отдать короткую команду и, выбрав ведущего вражеской группы, пошел на сближение. Сходились мы на лобовых атаках. Советские летчики уже успели узнать как сильные, так и слабые стороны противника.

Нервы немца не выдержали. Когда до столкновения остались какие-то секунды, он ловко нырнул вниз.

Однако, проведя этот умелый и четкий маневр, немецкий летчик не учел одного – тарана. Он рассчитывал, что в последний миг я тоже постараюсь избежать столкновения. Однако я крепко держал штурвал машины. Мой тяжелый самолет на полной скорости с такой силой ударил немца левой плоскостью, что начисто снес стабилизатор. Потеряв управление, вражеская машина свалилась и завертелась.

Смотреть – выбросился ли летчик на парашюте – не было времени. Вокруг кипел бой, и секунды промедления могли дорого стоить.

Восемь наших истребителей смело врезались в литой строй немецких самолетов. Бой превратился в какое-то немыслимое переплетение «свечей» и пике, виражей и еще чего-то такого, чему нет названия. В такие ответственные, опасные минуты каждый летчик неизбежно что-то импровизирует. Иначе трудно уцелеть.

В этот день мы надежно прикрыли переправу. Из наших ребят не был сбит никто, но трое еле дотянули до аэродрома. Их машины были так изрешечены, что казалось чудом, как они не развалились в воздухе.

Прикрыть переправу и уцелеть всем,- такое случалось не часто.

А переправа через Волгу шла своим чередом. Батальоны 13 гвардейской дивизии прямо с марша грузились в речные трамваи и на суда Волжской флотилии, в лодки и на плоты. По наведенному саперами мосту перетаскивали легкую технику.

Воздушные бои над Сталинградом продолжаются весь световой день. Несмотря на численное преимущество фашистских

самолетов, наши летчики бесстрашно атакуют гитлеровцев.

Помимо бомб враг засыпал город листовками, в которых пытался убедить население, что сопротивление бессмысленно, что дни Сталинграда сочтены. В конце листовки обычная фраза: «Лучше всего сдаться».

Эти листовки вызывают еще большую ненависть к фашистам.

Городской комитет обороны отпечатал обращение ко всем защитникам Сталинграда.

«Дорогие товарищи! Родные сталинградцы!- говорится в нем.- Снова, как и 24 года назад, наш город переживает тяжелые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке Волге… Не отдадим родного города, родного дома, родной семьи. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью… Защитники Сталинграда! В грозный 1918 год наши отцы отстояли красный Царицын от банд немецких наемников. Отстоим и мы в 1942 году краснознаменный Сталинград. Отстоим, чтобы отбросить, а затем разгромить кровавую банду немецких захватчиков… Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!»

Это воззвание нашло горячий отклик в сердцах защитников. С удвоенным мужеством отбивали бойцы бешеные атаки осатаневшего врага.

Видя, что подкрепления с левого берега непрерывно поступают, враг обрушил на Волгу артиллерийский и минометный огонь.

Сдавая смену в воздухе своим товарищам и отправляясь на аэродром, я бросил взгляд на переправу. Волга, казалось, кипела от разрывов снарядов и мин. Нередко от прямых попаданий лодка с бойцами взлетала высоко в воздух. Но гвардейцы упрямо стремились на правый берег. К утру следующего дня в Сталинград переправились два полка дивизии. Они с ходу атаковали врага и выбили его из центра города. А еще через день гвардейцы дивизии А. И. Родимцева штурмом взяли Мамаев курган.

Оговорюсь сразу. В масштабах всей войны такие, на первый взгляд, незначительные успехи могут показаться мелочью. Но в Сталинградской битве решающее значение имели буквально метры оставленной и отвоеванной территории. Так было на земле, так было и в воздухе.

Переправа войск гвардейской дивизии генерала Родимцева проходит в исключительно тяжелых условиях. Вражеские самолеты все время висят над рекой.

Вернувшиеся с правого берега баржи доставляют раненых. Их

много,- баржи набиты битком. Кто сходит сам, кого выносят. Один из раненых, бородатый, с забинтованной головой, едва сошел, попросил закурить. Бойцы, ожидавшие команды на посадку, протянули ему несколько кисетов.

– Ну, что там делается?- спросил кто-то.

Раненый, скручивая цигарку, не торопится с ответом.

– Сам черт не разберет,- говорит он наконец.- Видите – весь город горит.

– Чему же там гореть так долго? – удивленно спрашивает молоденький боец, с испугом вглядываясь в дымный правый берег.

– Все горит,- мрачно поясняет раненый.- Все: дома, заводы, сама земля.

– Как же люди там?

– А что люди? Люди стоят. Насмерть стоят.

Раздается команда на посадку, бойцы подхватывают оружие и устремляются на сходни. Скоро нагруженная баржа медленно отходит от берега.

На переправе – ад кромешный. Огонь немецкой артиллерии не прекращается ни на минуту. Хотя вражеские наблюдатели из-за темноты густой осенней ночи не видят цели, но снарядов они не жалеют и стреляют без передышки. Огненные вспышки разрывов на миг освещают мокрый песок, обрубки деревьев, прибрежные лозы, темные силуэты барж на воде и фигуры людей.

Никто не обращает внимания ни на вой снарядов, ни на скрежет разлетающихся вокруг осколков. То и дело из темноты подъезжают грузовики с пехотой, и бойцы торопливо переносят на баржи ящики со снарядами, гранатами, бутылками с горючей жидкостью, мешки и пакеты с продовольствием. Все торопятся, потому что многое нужно успеть до наступления холодного осеннего рассвета.

Приказом по Сталинградскому фронту оборона города возложена на 62-ю армию. Командует этой армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Это боевой генерал, имеющий за плечами опыт современной войны, человек решительный, энергичный, волевой. Он без всякой рисовки заявил командующему фронтом:

– На левый берег меня немцы не выгонят. Или грудь в крестах или голова в кустах.

А гитлеровцы нагло требуют сдачи города. Они сбрасывают с самолетов тысячи листовок с изображением кольца окружения, в которое якобы попали защитники Сталинграда. На город непрерывно падают бомбы, пикируют самолеты с воющими сиренами, сбрасываются дырявые бочки и обрубки рельсов, издающие при падении душераздирающие звуки. Но все, кто

остался в Сталинграде, кто его защищает, уже привыкли ко многому: и к курлыкающим минам и бомбам, к ревущим снарядам, к воющим сиренам и к ослепительным ракетам.

Город живет и борется. Город стоит насмерть.

Нас, фронтовиков, поражает мужество тех, кто работает на тракторном заводе. Фронт совсем рядом, рукой подать, а цехи работают, люди трудятся с удвоенной энергией, выпуская все больше и больше продукции для нужд фронта. То и дело из заводских ворот, грохоча гусеницами по асфальту, выезжают грозные танки. Навстречу им тягачи волокут к проходным подбитые, почерневшие от дыма машины. Их подхватывают умелые руки слесарей, токарей, военных ремонтников. Стало правилом, что ремонт, на который полагается сутки, рабочие делают за три-четыре часа. И боевые машины снова отправляются на фронт. Отправляются своим ходом, благо, что идти совсем недалеко.

Вчера вечером я дольше обычного задержался в штабе полка. Узнал интересные новости. Оказывается, в занятую часть Сталинграда на днях из города Калача прибыла немецкая комендатура. Возглавляет ее генерал Лонинг. В помощь гитлеровцам переброшены с запада две роты полиции из бывших петлюровцев, которые приданы немецкой жандармерии. Фашисты приготовились хозяйничать в городе. Они ждут, когда падет Сталинград. Но не дождутся! Один Севастополь боролся дольше, чем вся французская армия, а Сталинград уже сейчас стоит немцам больше, чем все их победы в Европе. Не дождутся!

Дни и недели были удивительно однообразны: бои, длительные и ожесточенные бои. Казалось, им не будет конца.

Вернувшись из полета, я остановил машину у своего обычного места и отстегнул ремни парашюта. Стояла поздняя осень. Несколько раз выпадал снег, но его быстро сдувало резким степным ветром. Сегодня, однако, выдался тихий погожий день. Я снял шлемофон, разгоряченную голову приятно обдувал прохладный ветерок. Кое-где лежали нетоптаные полянки набившегося в траву снега.

Техник Иван Лавриненко с мрачным выражением лица неторопливо принялся осматривать машину. Сейчас он не спешил,- мне еще нужно сходить в столовую, значит, времени более чем достаточно.

– Почты не было?- спросил я сверху.

Вместо ответа неразговорчивый техник лишь махнул рукой. Я знал, что Иван тоже ждет известий из дому. Почта не приходила уже много дней. Не получая весточек от родных, ребята переживали, ходили туча - тучей. Здесь, на фронте, письмо из

дому – великий праздник.

Задержка почты была, конечно, связана с трудностями сообщения. Фронту в первую очередь доставляли то, что было необходимо. И хоть каждый из нас понимал это, все же на душе скребли кошки.

– Завтра будет,- успокоил я техника.- Вот увидишь.

– Примету знаете?- иронические прищурился Иван.

– А что ты думаешь? И знаю.

– Ну… поглядим.

Я спрыгнул с плоскости на землю.

Аэродром жил своей обычной фронтовой жизнью. Вот, оставляя за собой шлейф мерзлой пыли и снега, разогнался и круто пошел в небо истребитель. Скоро к нему пристроились еще два. Тройка самолетов ушла к Волге. В просвет между облаками проглянуло солнце. Заблестели плоскости самолетов. Техник, готовивший неподалеку машину, выглянул из-под крыла и засмотрелся на небо. Здесь, над аэродромом, оно было поразительно мирным, не то что над Волгой. Спокойно катились грудастые кучевые облака, рябая тень скользила по земле,

По дороге в столовую я обратил внимание на новенький самолет, стоявший в сторонке. На хвосте у него красовалась крупная цифра «9». Это был Ла-5 – новая модель истребителя. В последнее время в нашу воздушную армию непрерывно прибывали только самолеты нового типа: ЯК-7, Ла-5 и Пе-2.

Любопытно было посмотреть на новую модель вблизи.

Остановившись рядом, я стал разглядывать самолет. Летать на нем мне еще не доводилось. Новенький истребитель, однако, уже успел побывать в серьезной потасовке. На его плоскостях зияли огромные пробоины.

– Ого!- удивился я, измеряя пробоины.- Где это тебя так?

Возившийся у самолета летчик выпрямился и повернул ко мне смуглое, с необычайно густыми выразительными бровями лицо.

– Да понимаешь,- с едва заметным акцентом заговорил он, осторожно вытирая испачканной рукой лицо.- Навалились со всех сторон. Дыхнуть не давали.

Я покачал головой. В пробоины свободно пролезал кулак. Природа пробоин мне была ясна: пушечная очередь. Там, где снаряды попали в машину, курчавились острые края разодранного дюраля.

– Что же,- сказал я,- еще удачно все получилось.

– Могло быть хуже,- скупо согласился чернобровый летчик, критическим взглядом осматривая изрешеченную машину.

– В столовую?- спросил я.

– Да, сейчас. Одну минутку. Подожди, вместе пойдем.

Или тебе некогда?

– Ничего, подожду.

Летчик быстро закончил свои дела, и мы отправились в столовую. Так состоялось мое знакомство с Володей Микояном, летчиком соседнего истребительного полка, который базировался на нашем же аэродроме.

Микоян уже слышал обо мне от своих товарищей и принялся расспрашивать о последних боях. Из его вопросов я сделал вывод, что сам он на фронте недавно. Так оно и оказалось.

– Месяц как из школы. Едва настоял, чтобы на фронт… Но летал мало, очень мало. Учились по сокращенной программе.

– Не в Оренбурге кончал?

– Нет, в Каче. Качинскую школу.

Выпускников этой школы я знал, приходилось летать. Репутация школы была высокой. Но в такое тяжелое время обучение летчиков велось ускоренными темпами, зачастую в ущерб летной практике. Фронт ежедневно требовал пополнений.

Первые бои для Володи прошли удачно. Он даже сумел открыть личный счет сбитых вражеских машин. Но с немецкими асами встречаться ему еще не приходилось, поэтому его интересовали тактические новинки немецких летчиков. Я как мог удовлетворил его любопытство.

Разговаривая, мы шли по узенькой тропинке. Планшеты, едва не задевая землю, привычно хлопали по ногам.

В столовой было пусто,- многие летчики еще не вернулись из полета. Мы сели за длинный стол.

За стенкой, на кухне, гремели посудой. Чей-то тонкий печальный голос негромко выводил песню без слов, одну лишь мелодию. Мы невольно заслушались. Голос поющей девушки напоминал тихий летний вечер в мирное время. Уже смеркается, прошло с поля стадо, в воздухе оседает пыль… Заметив мое мечтательное настроение, Володя улыбнулся, но ничего не сказал. Я даже головой потряс, чтобы стряхнуть неожиданное оцепенение.

Принесли обед, Володя положил с собой рядом шлемофон и решительно придвинул тарелку.

За обедом я стал расспрашивать Володю о последнем бое. Как и все летчики, он оживился и начал отчаянно жестикулировать, передавая подробности недавнего воздушного боя. Ложка у него изображала вражеский самолет. Рассказывая, он успевал черпать из тарелки и показывать, как немец заходил для атаки.

– Понимаешь, по глупости чуть не пропал. Мальчишество! Сбил одного и, видишь ли, захотелось посмотреть, как он горит.

Вот тут-то мне и дали! Как только живой остался!

О новом истребителе он отзывался похвально, однако и эта машина была тяжеловата. На вертикальном маневре она проигрывала «мессершмиттам». Я посоветовал применять вираж. Это был мой излюбленный маневр, он оправдал себя уже десятки раз. Переняли его у меня и мои товарищи. Однако Володя относительно боя на виражах высказался, что это все-таки оборонительный маневр. Надо преследовать врага и на вертикалях, лишить его собственной излюбленной манеры. Я заспорил – бой на виражах отнюдь не оборонительный, если только навязать врагу свою волю. Конечно, желательно, чтобы мы не отказывались и от боя на вертикалях, но пока что, с такими тяжелыми самолетами…

– Простите,- перебил меня Володя, поднимаясь из-за стола. Прищурясь, он всматривался в ту сторону, где была дверь. Там стоял посыльный. За ним пришли.

В этот день поговорить нам больше не пришлось. Так и не закончив обеда, Володя наскоро попрощался, схватил шлемофон и побежал к своей «девятке». Срочный вылет. Такое у нас случалось частенько.

Начальника политотдела воздушной армии генерала В. И. Алексеева все летчики уважительно звали Батей. Василий Иванович не только знал всех «стариков» своей армии, но и их семьи, регулярно переписывался с некоторыми, помогал посылками. У меня, например, до сих пор сохранилась с ним самая теплая дружба.

Бывший боевой летчик, генерал водил самолет сам. Он посадил машину в углу нашего аэродрома и не спеша стал вылезать из кабины.

Прилетел генерал на легком двукрылом самолете У-2. Некоторые называют этот самолет иронически «кукурузником», но, ей-богу, машина эта заслужила на фронте самую высокую репутацию.

Вначале гитлеровцы называли самолет полупрезрительно, полуиронически «рус-фанер». Они были правы: машина действительно сделана из дерева и обтянута полотном. Тихоходная, с низким потолком, она предполагалась для использования на фронте только для связи. Хороша она для первых шагов авиационного спортсмена, для обучения будущего летчика. Но для боя!… И все же этот небесный тихоход, этот «рус-фанер» оказался очень ценной машиной в воздушной войне. Его минусы превратились в достоинства. Малая скорость и малая высота полета позволяли машине в ночное время беспрепятственно и вместе с тем с абсолютной точностью

сбрасывать на голову врага груз авиабомб. Маленький самолетик, этот труженик войны, простой, нетребовательный к аэродромам, взлетавший с любых площадок, заправлявшийся несколькими ведрами горючего, наносил немалый ущерб врагу. Фашисты бесились, но так и не придумали средств борьбы с этими ночными, больно жалящими осами.

Ироническое прозвище этих машин сменилось на грозное. Фашисты прозвали их «черт-машин». И недаром за каждый сбитый «черт-машин» гитлеровские асы награждались Железным крестом. Но сбить его было не так-то просто. Однажды я наблюдал за тем, как наш маленький «кукурузник» вел бой с немецким бронированным стервятником. На бреющем полете наш летчик искусно маневрировал вокруг огромного развесистого дерева, а разозленный немец, грохоча из пулеметов, проносился, взмывал и снова бросался в атаку. Его подводила огромная скорость самолета, он никак не мог попасть в увертливый «кукурузник». Поединок напоминал бой коршуна и мухи. И все же «муха» выбрала удачный момент, неожиданно ударила из пулемета в хвост промелькнувшему «мессершмитту». Вражеский самолет врезался в землю. А «рус-фанер» спокойно полетел своей дорогой.

Недаром командующий воздушными силами фронта генерал Т. Т. Хрюкин уважительно заявлял: «У-2 важная сила 8-й воздушной армии».

Так вот, такой «рус-фанер» и приземлился на нашем аэродроме, из него вылез генерал Алексеев. К генералу побежали встречающие. В комбинезоне, в полной летной форме Батя ничем не отличался от простого летчика. Стягивая перчатки, он шел навстречу.

– Товарищ генерал…- начал было, вытянувшись по стойке «смирно», рапортовать парторг нашего полка, но Батя прервал его и протянул для приветствия руку.

Поздоровавшись, генерал В. И. Алексеев спросил, где капитан Луганский.

– В воздухе,- озабоченно ответил И. Ф. Кузьмичев.- Долго вот что-то нет.

Как обычно, дожидаясь нашего возвращения, Кузьмичев все чаще поглядывал то на часы, то на небо. Это были самые неприятные минуты для тех, кто оставался на аэродроме. Вернутся, не вернутся? Сколько вернется, кого не будет? Генерал понимал озабоченность наших товарищей. Не донимая больше расспросами, он стал терпеливо ждать.

В тот день мы вернулись с боевого задания без потерь. Было еще довольно рано, всего одиннадцатый час утра.

Но к этому времени мы успели сделать уже два боевых вылета

Не зная, что прилетел Батя, мы собрались завтракать. Завтрак нам принесли прямо к самолетам. Мы с ребятами расположились на земле.

– Вот они,- сказал И. Ф. Кузьмичев.- Идемте.

– Нет-нет. Пускай спокойно позавтракают,- остановил его генерал.

Он взял комиссара под локоть и, расхаживая, принялся расспрашивать о жизни в полку. Генерала интересовало, получены ли листовки с обращением ленинградцев. Листовки в полк еще не поступали, но содержание их летчики уже знали. Из кольца вражеской блокады ленинградцы обратились с письмом к защитникам Сталинграда. В обращении запоминались такие волнующие строки: «Вы своей доблестью, мужеством, массовым героизмом при защите от фашистского зверя родного города прославили себя в веках. С мыслью о Сталинграде к станкам встают ленинградцы, с именем вашего города, как с боевым кличем идут в бой воины Ленинградского фронта. Сталинград – это теперь клятва на верность Родине, пример стойкости, образец мужества…»

В те же дни в адрес Сталинградского Совета депутатов трудящихся пришла телеграмма от мэра английского города Ковентри.

«Ковентри – наиболее пострадавший город Британии, с глубоким восхищением приветствует защитников героического города Сталинграда, чей пример вдохновляет каждого честного человека подняться против общего врага».

Телеграмму зачитывали на КП фронта, познакомили командиров и политработников. В ответе мэру Ковентри сталинградцы пожелали англичанам вместе со своими союзниками американцами быстрее открывать второй фронт, чтобы ускорить разгром фашистских захватчиков.

Генерал и Кузьмичев неторопливо прохаживались по краю поля. Летчики завтракали. Техники в это время заправляли машины.

Через пятнадцать минут В. И. Алексеев взглянул на часы:

– Ну, пошли.

Я издали заметил на поле аэродрома знакомую фигуру генерала. Батя неторопливо шагал к нам.

Летчики вскочили. Я коротко доложил.

Генерал внимательно всматривался в лица летчиков.

– Как дела?- расспрашивал он.- На самолеты не жалуетесь?

– А чего на них жаловаться? Летаем. Но если будут получше

этих – не откажемся.

– Скоро, скоро, товарищи, все будет. Был большой разговор со всеми конструкторами. Понимаете?… И вообще скоро все будет иначе.

В словах генерала нам почудился намек на какие-то изменения в обстановке. Уж не наступление ли? Наконец-то! Скорей бы уж!

Не знаю, каким образом, но слухи о близких переменах начали просачиваться сначала в штабы, потом к солдатам. Действует так называемый беспроволочный солдатский телеграф. А здесь, под Сталинградом, каждый солдат ожидал изменений еще и потому, что враг был остановлен и остановлен надежно, больше немцам не удалось продвинуться ни на метр. Но сколько же можно стоять друг против друга? Такова была нехитрая солдатская логика.

И еще одно. С наступлением ноября на нашем фронте основной объем воздушной работы стал перекладываться на плечи истребителей. Все чаще некоторым из нас стали даваться задания не допускать разведчиков противника в тыловые районы фронта. Толковать такие задания можно было только так: мы оберегали места сосредоточения наших войск. А любому военному понятно, что сосредотачивают войска только перед тем, как послать их в наступление.

Дежурство наших истребителей в воздухе стало постоянным. Группы самолетов, сменяя одна другую, закрыли фронт и успешно перехватывали вражеские машины. В дальнейшем это сыграло огромную роль: немецко-фашистское командование так и не добыло сведений о крупном сосредоточении наших войск, не разгадало планов подготовки решительного контрнаступления.

Итак, фронт жил ожиданием близких перемен. Остановив врага, мы собирали силы для ответного удара. Намек на долгожданное наступление уловили мы и в словах генерала Алексеева.

Закончив расспросы о житье-бытье, генерал на минуту замолчал и переглянулся с И. Ф. Кузьмичевым. По лицу полкового комиссара скользнула одобрительная усмешка.

Батя полез в планшет и достал новенький партийный билет.

– Твой!- значительно произнес генерал, показывая мне билет.

Я невольно вытянулся по стойке «смирно». Генерал поздравил меня со знаменательным событием, по-отечески похлопал по плечу:

– Много говорить не буду, но такое у человека бывает раз в жизни… Ладно, спрячь и пошли-ка в сторонку.

Расстегнув комбинезон, я бережно спрятал партийный билет

в нагрудный карман гимнастерки.

После, так сказать, официальной части, Василий Иванович принялся расспрашивать меня о семье. К тому времени жена с дочкой сумели добраться до Алма-Аты и прислали мне весточку. Жить они стали вместе с моей матерью.

– Смотри, как все хорошо получается,- порадовался вместе со мной Батя.- Дай-ка мне их адресок.

Достав свою пухлую записную книжку, генерал пристроил ее на планшете и, сильно щурясь, начал писать крупным четким почерком.

– Значит, в Алма-Ате обосновались?- приговаривал он, записывая.- Хороший город?

– Товарищ генерал, так я же сам из Алма-Аты!

– Я спрашиваю, как там жизнь? Дорого все? Есть ли что на базаре? Снабжение-то… сам понимаешь.

– Там мама. Сестра там. Огород есть, сад. Не пропадут. Теперь уж не пропадут! Главное – что добрались.

– Да, это хорошо. И очень удачно, что родные у тебя далеко от фронта. Им сейчас забыть все это нужно. Представляю, как они добирались Сейчас на железных дорогах бог знает что творится.

– Они пешком пошли, товарищ генерал.

– Ну, не до самой же Алма-Аты они тащились пешком.

В это время над полем взвилась ракета: на вылет! Я осекся на полуслове и умоляюще поглядел на генерала.

– Ну, ничего не поделаешь,- сказал он, пряча записную книжку.- Давай, беги. Смотри, ребята уж в машинах. Я, может быть, дождусь тебя!- крикнул он вслед.

На бегу я обернулся и покивал: хорошо. Техник уже стоял у моего самолета, чтобы помочь мне подняться. И. Ф. Кузьмичев потом рассказывал, что Батя долго ждал возвращения нашего звена, но так и не дождался. Времени было в обрез, а ему в этот день предстояло побывать в нескольких полках.

Генерал В. И. Алексеев не случайно оговорился относительно недалеких перемен. О том, что в скором времени наши войска перейдут к решительным действиям, стало говорить многое. В наш полк и в соседние начали поступать непрерывные пополнения летного состава и техники. Правильно мы догадались и по характеру наших охранных полетов. День ото дня в прифронтовой полосе происходила сугубо засекреченная концентрация мощных резервов танков и пехоты. Но главное, что говорило о приближении долгожданного дня, это тот боевой наступательный дух, который постепенно овладевал каждым бойцом, каждым командиром.

В день 25-летия Великой Октябрьской социалистической

революции в приказе Наркома обороны было сказано: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

Особенно радовало нас, что авиационные полки получили большое количество новых самолетов-истребителей, летные данные которых позволяли нам теперь вести бой не только на виражах, но и успешно применять излюбленный немцами вертикальный маневр. К тому времени военные заводы, перебазированные на Восток, уже наладили серийный выпуск новых марок. С каждым днем самолетов становилось все больше. Чувствовалось, что теперь не немцы, а мы будем наращивать свою мощь. Скоро, очень скоро придет праздник и на нашу улицу.

Приближался намеченный Ставкой день наступления. Предстоящая операция, условно названная «Уран», отличалась своей целеустремленностью, смелостью замысла и огромным размахом. Контрнаступление мыслилось, как стратегическая операция трех фронтов – Юго-Западного, Донского и Сталинградского. Советским войскам предстояло прорвать оборону врага, разгромить его войска северо-западнее и южнее Сталинграда, а затем, наступая по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить всю ударную немецкую группировку.

Разгром основных сил немецко-фашистских войск под Сталинградом создавал условия для развертывания общего наступления Красной Армии на всем советско-германском фронте.

Успех этой операции во многом зависел от решительных действий танкистов, поэтому основные силы авиации должны были взаимодействовать с танковыми соединениями. Для того, чтобы расчистить танковым корпусам дорогу, выделялись истребительная и бомбардировочная авиация.

Впервые за все время войны нам представлялась возможность в широких масштабах применить военно-воздушные силы для поддержки сухопутных войск.

К началу контрнаступления в составе трех фронтов имелось 25 авиадивизий с общим числом более 1300 самолетов. Предполагалось также использовать и соединения авиации дальнего действия численностью в 200-300 бомбардировщиков.

Нельзя не отметить, что в эти дни была произведена организационная перестройка. В целях создания полнокровных авиационных полков и дивизий вместо двух эскадрилий по девять самолетов новые штаты предусматривали в истребительных и штурмовых полках три эскадрильи по десять машин в каждой. Теперь звено состояло не из трех самолетов, а из двух пар. Наши летчики стали драться парами, в расчлененных боевых порядках.

Это было продиктовано всем опытом предыдущих боевых действий.

Теперь мы были уже не те, совсем не те, что начинали войну.

Для прорыва вражеской обороны были созданы мощные группировки пехоты, танков и артиллерии. Одна на северном крыле, в составе трех танковых и двух кавалерийских корпусов, и другая на левом фланге в составе двух механизированных и одного кавалерийского корпусов. Обе группировки должны в течение трех дней замкнуть кольцо окружения.

Координацию действий трех фронтов Ставка возложила на начальника генерального штаба и представителя Ставки А. М. Василевского.

До начала контрнаступления остаются считанные дни. Наша разведка доносит, что немцы и не подозревают о предполагаемом ударе. С немецкой педантичностью они ведут беспорядочную бомбардировку наших переправ и железнодорожных станций.

Враг даже не подозревает, что мы способны на активные и мощные противодействия.

В эти напряженные дни, когда враг, все более ожесточаясь, продолжал беспрерывные атаки сталинградских руин и не догадывался заглянуть чуть подальше, в наш тыл, где собирались мощные силы, много дел было у политработников. Наш полковой комиссар И. Ф. Кузьмичев знакомил молодых пилотов с боевыми традициями полка, рассказывал о подвигах героев-летчиков.

– Скоро, скоро, ребята, наступит веселое время,- говорил Иван Федорович.- Скоро и мы пойдем. И как пойдем!

Надо было видеть, как загорались глаза летчиков. Кончилось наконец отступление. Враг еще был силен, он еще не потерял надежды опрокинуть наши войска в Волгу, но теперь мы были совсем не те, что прежде. За Волгой, на запад, лежали тысячи километров поруганной фашистами родной земли. Эта земля ждала избавления от неволи, она ждала освободителей.

Душевный подъем воинов был так велик, что многие авиаторы изъявили желание идти в бой коммунистами. Во всех авиационных полках, изготовленных к удару, сотни лучших летчиков, штурманов, техников были приняты в члены и кандидаты партии.

Знаменательного дня все ждали как праздника. И теперь, по истечении времени, снова и снова не перестаешь удивляться той самонадеянности, с какой гитлеровцы вели войну. Ничто не заставило их почувствовать беду. Наоборот, геббельсовская пропаганда вовсю трубила, что после Сталинграда наступит полный крах советского государства. И это не было обычным пропагандистским трюком: падения Сталинграда, считали немцы,

следует ждать с минуты на минуту. Такое твердолобое убеждение в собственном превосходстве принесло горькие плоды. Немцы проглядели подготовку к колоссальному наступлению. Они и в мыслях не держали, что припертые к Волге русские войска способны на мощный контрудар.

Утром 19 ноября залп многих тысяч орудий и минометов возвестил начало сражения. Долгожданный час возмездия наступил!

Грозный, все потрясающий гул прокатился над степью – началась артиллерийская подготовка атаки. Огонь орудий и минометов уничтожал живую силу и технику на позициях вражеской обороны. Такого огневого шквала немцы еще не видели со дня вторжения. Недаром артиллерия, «бог войны», отмечает свой традиционный праздник именно 19 ноября.

К сожалению, низкая облачность и туман обрекли авиацию почти на бездействие.

Едва забрезжил рассвет и в атаку пошла пехота, с аэродромов поднялись и взяли курс на позиции врага мелкие группы бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. Низкие серые облака висели над заснеженными полями, сверху падали хлопья снега, видимость оказалась отвратительной. Налеты с воздуха не дали должного эффекта. Правда, в этот день почти бездействовала и авиация противника.

Не улучшилась погода и на другой день, но все же летчики мелкими группами и в одиночку наносили удары по врагу. Поддерживая успешное наступление сухопутных войск, экипажи бомбили и штурмовали вражеские аэродромы. Больше всего уделялось внимания самым крупным аэродромам врага – в Тацинской и Морозовском, на каждом из которых находилось до 300 самолетов. Об эффективности наших налетов говорят сами немцы. Впоследствии один из битых гитлеровских генералов, фон Манштейн, писал: «Гитлер приказал обеспечить всем необходимым окруженную армию Паулюса, а обеспечивать было нечем, так как аэродромы Морозовский и Тацинская подверглись жесточайшему разгрому, в результате которого материальная часть и горючее были уничтожены, а личный состав наполовину перебит, другая же половина разбежалась неизвестно куда».

Вернувшись из полетов, мы стояли у своих машин и с радостным волнением прислушивались к могучим звукам все нарастающего боя.

Наши войска идут в наступление!

Немецко-фашистское командование, не ожидавшее удара подобной силы, было захвачено врасплох. Советские ударные части стремительно развивали успех.

Ежедневно на своих летных картах мы отмечали продвижение наступающих войск.

Стремительно шла по отвоеванной земле наша 5-я танковая армия. Поддержанные авиацией, танкисты двигались в район города Калача, где должны были соединиться с войсками Сталинградского фронта и завершить окружение вражеских войск.

Под мощными ударами наших войск немцы откатываются. Разведка, действующая в тылу противника, а также пленные сообщают, что штаб генерала Паулюса спешно перешел на дивизионный командный пункт. За время наступления это уже вторая «кочевка» Паулюса со своим штабом. Бегает как заяц! Это тот самый Паулюс, который еще в 1940 году, будучи постоянным заместителем начальника немецкого генерального штаба, разрабатывал предложения относительно группировки войск для войны против; Советского Союза, порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. На основе докладной записки, Паулюса Гитлеру оперативный отдел генерального штаба составил проект директивы знаменитого плана «ОСТ». В декабре 1940 года в кабинете Паулюса был проигран штабными генералами подготовленный план Восточной операции. И вот теперь этот гитлеровский стратег под ударами советских войск мечется и не может найти себе места. Наконец наступил день, когда клещи советских войск сомкнулись. На аэродроме у нас всеобщее ликование. Летчики поздравляют друг друга, обнимаются и целуются. Настоящий праздник!

Снова в полку мы увидели Батю. Генерал прилетал как добрый вестник. Ликующие летчики чуть не закачали его. Подлетая в воздух, генерал умолял отпустить его на землю. Куда там! В конце концов пришлось вмешаться Кузьмичеву.

Переведя дух, генерал перешел к делам. Окруженная группировка, сказал он, и не подумает добровольно сложить оружие. Попав в котел, немцы будут пытаться всеми силами разорвать кольцо окружения. Генерал сообщил нам, что окруженным немецким войскам Гитлер направил специальную телеграмму. «6-я армия временно окружена русскими,- писал Гитлер.- Армия может поверить мне, что я сделаю все от меня зависящее для ее снабжения и своевременного деблокирования. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг. Адольф Гитлер».

Немецкая авиация, предупредил генерал Алексеев, станет постоянно опекать окруженных. И вот тут нам предстоит показать себя.

Мы горячо заверили Батю, что «опеку» над окруженными

целиком возьмем на себя. Над «котлом» и воробей не пролетит!

На следующий день мы узнали о размерах фашистской группировки.

Начальное кольцо оперативного окружения было замкнуто менее чем за сто часов, В кольцо окружения попали 22 немецко-фашистские дивизии с многочисленной техникой. Территория «котла» отлично простреливалась дальнобойной артиллерией в любом направлении.

Вооруженная передовой советской военной наукой. Красная Армия полностью развенчала пресловутую доктрину немецких генералов, перед которой долгое время преклонялись военные специалисты многих стран.

:В результате Сталинградской победы Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу и перешла в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до предгорий Кавказа.

В период разгрома окруженной группировки врага в небе Сталинграда с рассвета дотемна шли напряженные воздушные бои.

Генерал Алексеев правильно предвидел: для снабжения находившихся в «котле» войск немецкое командование сосредоточило почти всю свою транспортную авиацию, сняв для этого самолеты с воздушных линий Берлин – Париж и Берлин – Рим. На транспортные самолеты были посажены лучшие инструкторы летных школ Германии.

Все это напоминало лихорадочные действия зарвавшегося игрока.

Становится известно, что немецкие соединения в «котле» начинают перегруппировку, создавая группу прорыва окружения. Немецкое командование отдало приказ: уничтожить, сжечь или привести в негодность излишки снаряжения и военного имущества, поврежденные танки, пушки, грузовики, средства связи, запасы обмундирования, документы. Это была агония перед бесславным концом.

На Котельниковском плацдарме приказом Гитлера создана группа армий «Дон». Главнокомандующим группой назначен Эрих фон Манштейн. Ее задача – восстановить положение и деблокировать армию Паулюса,

К нам в руки попадает приказ Паулюса по армии. «Солдаты 6-й армии!

Армия окружена, но не по вашей вине. Вы всегда стойко держались даже тогда, когда враг у вас за спиной. Своей цели – вас уничтожить – он не добьется. Много еще я должен потребовать от вас: вы должны преодолеть все' трудности и

лишения, в мороз и холод выстоять и биться с любыми численно превосходящими силами противника! Фюрер обещал нам помощь. Вы должны драться до тез пор, пока не победим. Поэтому держитесь. Фюрер нам поможет».

И фюрер из кожи лез, чтобы помочь своим обреченным дивизиям. Ежедневно тяжело груженные самолеты Ю-52 направляются к «котлу». Они везут боеприпасы, продовольствие. Но большая часть грузов не доходит до места назначения.

Попытка германского командования снабжать армию Паулюса по воздуху окончилась полным провалом. Советские летчики надежно блокировали «котел». Представитель Ставки по авиации – командующий ВВС Красной Армии генерал-лейтенант А. А. Новиков – издал специальную директиву по организации воздушной блокады вражеской группировки. Основное ее требование было сформулировано предельно просто: «Уничтожение транспортных самолетов противника считать основной задачей».

Немецкие транспорты упрямо лезли к «котлу», а истребители били и били их. Мы расстреливали самолеты, и они огромными факелами валились на землю. Это была месть. Это было ликование. Кончились дни отступления. Теперь наш праздник.

Летчики, штурманы, техники, воины авиационного тыла не жалели сил, чтобы вырвать у врага победу. В дни боев над окруженной группировкой немецких войск по всем фронтам прогремело имя летчика-штурмовика, славного сына казахского народа Нуркена Абдирова. Летчик Абдиров был подбит во время штурмовки вражеских позиций. Самолет Абдирова загорелся. И тогда, собрав свою волга в кулак, летчик решил повторить подвиг капитана Гастелло: он направил горящую машину прямо в скопление вражеских танков. Тяжелый взрыв разметал вражеские машины, изготовившиеся для боя.

Примеров самопожертвования, героизма можно привести множество.

За время ликвидации окруженной группировки вражеская авиация понесла огромный урон. В воздушных боях были разгромлены лучшие летные части фашистской Германии. Там она потеряла своих опытных летчиков и штурманов. После Сталинграда в военно-воздушных силах Германии стал ощущаться недостаток в летчиках. Ликвидировать его противник не смог до конца войны.

…Знакомая мне «девятка» неутомимо сновала в беспорядочном бою. Бои стали обычным явлением на подходах к границам сталинградского «котла». В морозном небе далеко-далеко протянулись три дымовых хвоста – последний путь

горящих машин. Бой не ослабевал ни на минуту.

Торопясь на смену эскадрилье, в составе которой на неутомимой «девятке» дрался Володя Микоян, мы с ходу врезались в беспорядочный строй «мессершмиттов» и «лавочкиных».

На моих глазах «девятка» с ястребиного захода атаковала вражескую машину, и еще один дымный след потянулся к земле. В этом хаосе беспрерывных пушечных и пулеметных очередей трудно было решить, правильно ли выбран тот или иной маневр. Не мудрено было получить шальную очередь или попасть под огонь своего же товарища. Я заметил, что, выходя из атаки, «девятка» как будто потеряла маневренность. Поврежден мотор? Или ранен летчик? Во всяком случае, с этого момента я старался быть поближе, чтобы в нужный момент прикрыть пострадавшего товарища.

На поврежденном самолете Володя устремился в новую атаку, пристроившись за вражеской машиной. Но я заметил, что следом за ним увязался «мессершмитт».

«Девятка» выписывала сложнейшие фигуры, ни на шаг не отставая от намеченной жертвы. Немец свечой вверх – «девятка» за ним, немец в вираж – «девятка» как привязанная. Но следом за самолетом Володи Микояна все это сплетение фигур выписывал и пристроившийся к нему «мессершмитт», а уж за ним и я. Такой каруселью мы и носились в стылом зимнем небе над Волгой. Оглушительно ревели моторы, но огня никто не открывал. Каждый из летчиков старался «увидеть в прицеле заклепки вражеской машины».

Но вот длинной очередью Володе удалось поджечь «мессершмитт». Вражеский самолет задымил и потянулся к земле. Ничего не подозревая о погоне, «девятка» легла в неглубокий вираж, открыто подставляя себя под огонь.

Видя все это, я понял, что медлить нельзя ни секунды. И мне удалось опередить Володиного преследователя. Пушечная очередь почти в упор разворотила вражескую машину. На землю полетели обломки.

Не убавляя газа, я вышел из атаки и взмыл вверх, набирая высоту. Убедился, что на хвосте у меня никого нет. Можно было атаковать снова. Но враг уже уходил и бой затихал. Я стал всматриваться вниз, пытаясь разглядеть самолет Володи Микояна. Его не было. Хотя, вот он! «Девятка», словно обессилев, плелась устало и безучастно. Я догнал ее лишь сейчас, рассматривая вблизи, увидел, насколько пострадала она в бою: фюзеляж был изрешечен, крыло еле держалось.

В кабине за стеклом фонаря я рассмотрел Володю. Он

повернул в мою сторону лицо, улыбнулся слабенькой улыбкой усталого человека и опустил голову на штурвал. «Девятка» тотчас же начала зарываться. «Ранен?…» Но нет, машина снова выровнялась, и я увидел, что Володя делает отчаянные усилия, чтобы не свалиться в штопор. «Хоть бы дотянул до аэродрома!…»

Однако я тут же заметил, что «девятка» плетется совсем в обратную сторону – на запад. Куда он? Я поправил наушники.

– Володя… Володя… Разворачивайся. Разворачивайся, слышишь?

Но в наушниках было тихо. «Девятка» клевала все чаще.

– Володя, ты не туда летишь! Слышишь? Володя, поворачивай домой.

Все напрасно. Изрешеченный самолет упрямо тянул на запад.

Я надеялся, что с остатками сил Володя все же сумеет добраться до своего аэродрома. А нам надо поворачивать, уходить в обратную сторону. Беспокоило и другое – в любую минуту могли показаться «мессершмитты». В нашем положении отбиться от этих стервятников было бы трудно. Но впереди, там, куда мы летели, пока чисто. Надо пользоваться затишьем, разворачиваться и идти домой.

Как сильно ранен Володя? Почему не откликается? Становилось ясно, что летчик начинает терять сознание.

Я хотел было пресечь курс «девятки», чтобы показать, куда надо лететь, но тут, видимо, силы совсем оставили раненого летчика, и машина перевернулась, а еще через мгновение загорелась.

Зная по опыту, что теперь положение поправить немыслимо, я все же сделал несколько кругов, но купола парашюта так и не увидел. «Девятка» ударилась о землю. Еще одна безымянная могила отважного человека. Сколько их было в наших бескрайних степях…

После воины мне довелось встретиться и разговаривать с Анастасом Ивановичем Микояном. Потерю сына Анастас Иванович перенес мужественно. В то тяжелое для Родины время в боях под Сталинградом многие семьи понесли невозвратимые утраты, Так, в кровопролитных боях под Сталинградом был смертельно ранен командир пулеметной роты курсантского учебного батальона Рубен Ибаррури, сын секретаря ЦК Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. С большим трудом раненого переправили через Волгу и доставили в госпиталь. Врачи сделали все возможное, но спасти жизнь ему не удалось. Рубена похоронили в поселке Средняя Ахтуба. Смертью героя погиб в боях под Сталинградом Тимур Фрунзе, сын легендарного М. В. Фрунзе, и многие-многие другие. Имена

их свято чтут однополчане, товарищи по фронту, весь наш народ.

Система воздушной блокады оказалась весьма эффективной. Враг потерял на аэродромах и в воздухе более тысячи самолетов. Почти семьдесят процентов из них транспортные. Несмотря на все потуги Геринга, генерала Рихтгофена организовать снабжение по воздуху немцам фактически не удалось.

Не получая необходимых подкреплений, окруженная группировка противника с каждым днем теряла свою боеспособность.

За подписью Вальтера Ульбрихта – депутата рейхстага, Эриха Вайнерта – писателя Берлина, Вилли Бреде-ля – писателя Гамбурга среди немецко-фашистских войск, запертых в «котле», распространяется листовка с призывом прекратить бессмысленное кровопролитие и капитулировать. Это самое разумное, что остается сделать окруженным. Положение в «котле» с каждым днем резко ухудшается. Нет продовольствия, начался голод. Немцы получают в Сталинграде по 50 граммов хлеба в день. Своим союзникам они не дают и этого.

Наши разведчики сообщают, а пленные немецкие солдаты подтверждают, что в окруженных войсках введено чрезвычайное военно-полевое законодательство. За маломальский проступок – недовольство командованием, высказывание критических мыслей, протест против сокращения хлебного пайка или за необеспечение медикаментами – предусматривается самое тяжелое наказание. Только за последние дни вынесено около 400 смертных приговоров солдатам и даже офицерам, которые немедленно приведены в исполнение. Такими чудовищными мерами гитлеровское командование хочет заставить своих солдат продолжать сопротивление.

Новое сообщение из «котла»- Паулюс со своим штабом перебрался в подвал больницы. Пленный немецкий генерал показал на допросе: «Паулюс окончательно надломлен. Он сдался бы немедленно, но получил от Гитлера радиограмму – не омрачать десятилетие фашистского строя в Германии, которое будет отмечаться 30 января 1943 года. Паулюс с нетерпением ждет этой даты».

Однако несмотря на приближающийся юбилей фашизма, немцы сдаются в плен целыми подразделениями. Затравленный Паулюс перебирается из подвала больницы в универмаг на площади Павших борцов. На пленных жалко смотреть. Грязные, вшивые, одетые в рванье, измученные морозами, они еле волокут ноги и, как заведенные, бормочут заученные слова: «Гитлер капут!» Жалкий финал самоуверенных вояк. Не получился юбилей у Гитлера! Как раз 30 января вечером советские войска

обложили универмаг, в подвале которого засел Паулюс со своим штабом. Немцам ничего не оставалось делать, как выкинуть белый флаг.

Чтобы не омрачать своего праздника, фашистское радио Берлина объявило: «Генерал-фельдмаршал Паулюс, находясь в Сталинграде, носил с собой два револьвера и яд. Попал ли он в советские руки, будучи в бессознательном состоянии (поскольку он несколько дней назад был тяжело ранен) или мертвым – еще неизвестно».

Так завраліись фашистские заправилы в Берлине, не сумев выручить своего генерала.

А генерал Паулюс в это время живой и невредимый, только очень исхудавший, под надежной охраной переправлялся в штаб Донского фронта.

Закончилась кровопролитная битва на Волге. 200 дней и ночей безуспешно штурмовали отборные части гитлеровцев Сталинград. Здесь, в глубине России, нашли они свой бесславный конец.

По утверждению пленных генералов, только в период с 24 января по 2 февраля, т. е. почти за неделю, было убито и умерло более 100 тысяч немецких солдат и офицеров.

Поражение на Волге заставило Берлин объявить по всей Германии траур. Так на белый флаг Паулюса Германия ответила черными флагами траура.

После Сталинграда наш полк перевели в один из приволжских городов. Там предстояло нам получить новые машины ЯК-1, пополнение в летном составе, а заодно и отдохнуть.

Признаться, мы совсем отвыкли от мирной обстановки. Более полутора лет шла война, более полутора лет мы только и знали, что вылеты, штурмовки, воздушные бои. И вот тыловой город, уличное движение, машины, поток людей, гремя, несется трамвай, а на подножке, размахивая портфелем, пристроился мальчишка. Несколько девчушек чинно переходят оживленную улицу. Старик в шапке пирожком засмотрелся на световую рекламу нового кинофильма. Милиционер на перекрестке четко регулирует уличное движение. Хорошо!

Зима выдалась снежная. Улицы очищались от снега только в центре, чуть подальше снег лежал нетронутым слоем, лишь к калиткам вели протоптанные тропинки. Очень часто на город набегали жестокие ветры. Разогнавшись на просторах заволжских степей, ветер врывался в городские улицы, гудел в проводах и поднимал такие тучи колючего снега, что становилось сумеречно. Окраинные избушки заносило по самую крышу. В остальные же

дни стоял ядреный солнечный мороз, и снег под нашими ногами скрипел тонко и пронзительно.

Пожалуй, лучшим нашим отдыхом в то время было бесцельное хождение по улицам. Все летчики, едва выдавалась свободная минута, отправлялись в город.

И, неторопливо гуляя по оживленным улицам, мы как о чем-то невозвратном вспоминаем все, что довелось увидеть и пережить на фронте. Причем воспоминания эти приходят в голову неожиданно, по каким-то, видимо, непостижимым законам контраста. Мне, например, часто видится, как я возвращаюсь с боевого задания и вдруг различаю внизу впечатляющую картину. Под крыльями моего самолета тянется огромное кладбище вражеской боевой техники. На заснеженных полях чернеют остовы сгоревших танков и бронемашин.

Кто-то из ребят вспоминает, как пленных немцев пришлось спасать от румын. Происшествие случилось на переправе через Волгу. Когда паром с пленными достиг середины реки, румыны согнали немцев к самому краю и начали сталкивать их в Волгу. Сталкивая своих «друзей», они смеялись и приговаривали: «Фриц хотель Вольга! Вот Вольга! Прыгай Вольга! Буль-буль!» Пришлось вмешаться охране. Так обернулась на русской земле «дружба» чужеземных захватчиков. Бывшие союзники готовы были перервать друг другу горло.

Но война наложила свой отпечаток и на город. Через несколько дней, немного освоившись, мы уже стали замечать и ночное затемнение, и деловитые указатели бомбоубежищ, а главное – какие-то сумрачные, замкнутые лица жителей. Люди словно забыли о веселье и беспечности.

На улицах встречалось много военных. Да, война чувствовалась и здесь.

На заводе, который наладил конвейерное производство истребителей Як-1, нас поразило обилие ребятишек школьного возраста. Это были ремесленники, заменившие у станков ушедших на фронт отцов и братьев. Нам рассказали, что ребята сутками не уходят с завода, ночуют здесь же. Все они, как правило, намного перевыполняют нормы. Значит, это их руками собирались те машины, которые мы получали на фронте? Это их руки помогали нам бить врага в небе Ростова и Сталинграда? Золотые ребячьи руки!

– Эх, Серега,- вздохнул как-то Федор Телегин.- Ребятишки-то, видал? Им бы еще играть…

Но не об играх думало это поколение советских ребятишек. Когда враг разбомбил военный завод, ребята вместе со взрослыми в короткий срок восстановили производство, а потом сутками не

отходили от станков.

И на такую страну Гитлер занес свою лапу. Да никогда ни одному врагу не удастся поставить на колени наш героический народ! Интересно, понимают ли это все новоявленные претенденты на мировое господство?…

Последние дни прошли в хлопотах.

Мы вдруг почувствовали, что успели свыкнуться с жизнью в тылу.

Приближалась весна. Все чаще из глубины заволжских степей налетал влажный ветерок, донося аромат талых снегов. Днем, в затишье, сильно припекало. С крыш землянок весело булькала капель. По ночам, правда, еще крепко подмораживало.

Днем, когда таял снег и начинали куриться редкие проталины, техники копошились у самолетов без теплых комбинезонов. Самолеты приземлялись, разбрызгивая жидкий снег. Унты намокали так, что таскать их приходилось с великим трудом.

Наша тыловая жизнь подходила к концу. Как-то вечером Федор Телегин попросил меня зайти к нему в землянку.

Хлопотливый день кончился, и командир полка сидел на постели по-домашнему. На столике под лампой я разглядел запечатанный конверт.

– Удивительное дело,- сказал он, заметив мой взгляд.- Так не хочется домой писать. Что я им скажу? Опять на фронт? Изведутся же все. Хоть не пиши.

Он был прав: сообщать родным такие вести не поднималась рука. Я заметил, что, едва пришел приказ вылетать в тыл, на переформирование и отдых, все летчики написали домой в тот же день. Дескать, живые и ничто теперь не грозит. А вот если снова на фронт…

Мы долго сидели с ним в тот ранний весенний вечер. Чуть слышно потрескивала керосиновая лампа. Мне тоже следовало садиться и писать письмо родным, но я, радуясь хоть какой-то, пусть временной, оттяжке, не торопился уходить к себе.

На прощание Федор попросил меня сходить завтра в запасный полк и отобрать пополнение.

– Только смотри, бери дельных парней,- наказывал он.

– Ну, будто сам не знаю.

– Машины теперь у нас что надо,- говорил Федор.- Хорошие парни нужны.

Утром я пришел в казарму запасного полка. Молодые летчики только и говорили, что о разгроме немецких войск под Сталинградом.

– Возьмите меня, товарищ капитан!- посыпались просьбы.-

Меня!… Меня!…

Фронтовой опыт научил с первого взгляда узнавать дельных летчиков. В полк подобрались крепкие, надежные ребята. Мы прошли с ними долгий боевой путь.

Вскоре наш полк перелетел под Курск. Там в предвидении боев летней кампании создавался Резервный (впоследствии Степной) фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева. По многим приметам, на которые уже был наметан глаз бывалого фронтовика, время надвигалось горячее.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Четвертый год второй мировой не предвещал гитлеровским стратегам ничего хорошего. После Сталинградской битвы начался все ускоряющийся процесс распада всей фашистской коалиции.

События на Восточном фронте позволили западным союзникам развернуть активные действия в Северной Африке. В мае 1943 года англичане и американцы окружили в Тунисе и взяли в плен восемь немецких и шесть итальянских дивизий вместе с их боевой техникой. Эта победа союзников поставила фашистский блок перед угрозой выхода Италии из войны.

В этих условиях весной 1943 года перед гитлеровским руководством встала задача выработки дальнейшей стратегической линии и плана боевых действий на предстоявшее лето. По тому вопросу среди военных руководителей вермахта возникли большие разногласия. Были сторонники предложения Муссолини, который советовал попытаться заключить временное перемирие с Советским Союзом, чтобы полностью развязать руки для войны на Западе и Средиземном море. Однако окончательный верх взяло мнение генерального штаба сухопутных войск, считавшего, что прежде всего надо решающим образом подорвать наступательную мощь Советской Армии и только после этого переместить основные усилия на борьбу против англо-американских войск. К этому мнению присоединился и сам Гитлер.

После тщательного изучения всех вариантов действий было принято решение провести крупную операцию против группировки советских войск на Курском выступе. Этот выступ глубоко вдавался в расположение немецких войск. Ликвидация его сулила немецкому командованию крупные оперативно-стратегические преимущества.

Наступлению под Курском в немецких планах отводилась роль центрального события всего 1943 года.

Ни к одной операции гитлеровское командование не готовилось с такой тщательностью, как к этой. Основная проблема состояла в восполнении потерь в людях и вооружении и создании надлежащей группировки войск для наступления. В Германии был издан «Указ фюрера о широком использовании мужчин и женщин для задач обороны империи». В стране была объявлена тотальная мобилизация.

Готовя наступление под Курском, гитлеровское командование бросало в игру свою основную карту. Ему нужен был выигрыш, любой ценой.

Для проведения операции «Цитадель» (так был назван план операции) германское командование сосредоточило до 50 дивизий, около трех тысяч танков и самоходных орудий, более двух тысяч самолетов – три четверти всей авиации, действовавшей на советско-германском фронте. Особенно большие надежды возлагались на новый самолет «Фокке-Вульф-190», имевший сильное вооружение – четыре пушки и шесть пулеметов – и большую скорость: свыше 600 километров в час. Этот истребитель, по расчетам фашистского командования, должен был господствовать в воздухе.

На Курскую дугу были переброшены танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», оснащенные новинками германской танковой промышленности: мощными машинами «тигр» и «пантера» с толстой броневой защитой. Эти танки гитлеровская пропаганда называла сверхсекретным оружием, которое изменит весь ход войны.

Уверенное в успешном завершении задуманной операции, фашистское верховное главнокомандование пригласило на советско-германский фронт для наблюдения за ходом наступления турецкую военную миссию и группу высших румынских офицеров. Союзники, а также те, на чью помощь рассчитывали гитлеровцы в случае удачи, должны были своими глазами убедиться в силе и мощи немецкого оружия. Фашистские стратеги из кожи лезли, чтобы всячески принизить значение поражения на Волге, показать его как незначительный, частичный неуспех гитлеровского командования.

В канун наступления Гитлер обратился к личному составу ударных группировок с воззванием: «С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну. Ваша победа больше, чем когда-либо, убедит весь мир, что всякое сопротивление немецкой армии в конце-концов все-таки напрасно».

Однако советское командование своевременно разгадало замыслы врага. Правильно оценив сложившуюся обстановку на советско-германском фронте, Ставка решила использовать выгодные условия обороны под Курском, измотать ударные группировки противника, перейти затем в контрнаступление и разгромить их.

Последующие события показали, что это был наиболее правильный план действий.

Перед Красной Армией стояла сложная и ответственная задача: выдержать удар чудовищной силы, перемолоть в боях основные силы врага, а затем перейти в решительное наступление, внеся тем самым коренной перелом в ход всей

войны.

На участке предполагаемого наступления Ставка создала мощный оборонительный узел. Войска двух фронтов: Центрального и Воронежского должны были принять на себя главный удар гитлеровских армий. Кроме того в тылу наших войск был создан так называемый Резервный фронт. В составе двух фронтов, оборонявших Курский выступ (не считая Резервного фронта), имелось 1300 тысяч человек, около 20 тысяч орудий и минометов, около 3600 танков и самоходных артиллерийских установок, 3130 самолетов с учетом авиации дальнего действия. Таким образом наши войска превосходили противника как в живой силе, так и в технике.

Нас, летчиков, особенно радовала насыщенность фронта новейшими самолетами. Теперь положение изменилось самым решительным образом. Летом 1943 года советские Военно-Воздушные Силы по количеству самолетов на фронте превосходили немецко-фашистскую авиацию в два раза.

Таким образом, вся эта небывалая по размаху операция с самого начала была нацелена советским командованием на успешное контрнаступление.

Огромную работу при подготовке войск к сражению – по повышению их политико-морального состояния, воспитанию у солдат и офицеров стойкости, чувства ответственности за удержание рубежа – проводили Военные Советы всех трех фронтов, политорганы, партийные и комсомольские организации. Политической работой занималась также большая группа ответственных партийных работников. Многие секретари обкомов были назначены членами Военных Советов армий.

И воины клялись: «Мы уничтожали и уничтожили гитлеровскую гадину под Сталинградом, уничтожим ее и здесь, под Орлом и Курском. Будем стоять насмерть. Враг не пройдет! Наступать будем мы!»

Начало июля. Сводки Совинформбюро пока неизменно гласили: «На фронте ничего существенного не произошло». Но это было предгрозовое затишье. Теперь известно, что в самый канун операции Гитлер вновь собрал руководителей вермахта и произнес перед ними исступленную речь. Он выразил непоколебимую уверенность в полном успехе, подчеркнув, что никогда еще за все время войны с Россией немецкие войска не были так подготовлены к боям и не имели в таком изобилии тяжелого вооружения, как под Курском.

Истекали последние часы напряженного ожидания. Громадные армии стояли друг против друга. Поединок огромного скопления войск и техники должен был вот-вот начаться.

Сражение началось на рассвете 5 июля.

Накануне мы облетывали район предстоящих боевых действий. Это было тем более необходимо, что местность представляла собой удивительно однообразную равнину, лишь кое-где пересеченную небольшими оврагами и балками. Ориентиров абсолютно никаких. Предвидя горячие дни, мы понимали, насколько гибельным может оказаться отсутствие хоть каких-нибудь приметных точек на местности. Я помнил из опыта финской войны, как некоторые наши летчики, заблудившись среди снежного однообразия, не в состоянии были найти родной аэродром, садились где попало.

Такие же случаи могли повториться и здесь.

Нужно было очень четко засекать, сколько минут мы летели от своего аэродрома. Возвращаясь, мы отсчитывали такое же количество времени и начинали искать внизу аэродром. Нетрудно понять, насколько ненадежен такой метод. Хорошо бы иметь на местности железную дорогу, водокачку, ветряк. Словом, что-нибудь приметное.

Обычно летчики очень быстро обживают незнакомую местность. Один-два полета, и наметанный глаз привычно засекает какие-нибудь приметы на местности, и теперь уж летчик, куда бы его ни забросило, откуда бы он ни возвращался, никогда не пролетит знакомого участка.

Однажды, возвращаясь с боевого задания, мы заблудились и долго кружили над степью, разыскивая свой аэродром. Судя по часам, мы уже давно должны прилететь. Но аэродрома внизу не видно. Летим еще, кружим, высматриваем. Степь и степь. В сердца начала закрадываться тревога: горючее на исходе, а местность незнакомая. По компасу ориентироваться невозможно: влияние Курской магнитной аномалии. Положение складывалось безвыходное. Сажать самолеты на брюхо в поле? Но это – неминуемо попасть под военный трибунал. Что же делать?

В наушнике слышится дружная брань, но ведь руганью дела не поправишь.

Я отдал команду по радио:

– Кто знает дорогу – выходи вперед!

Однако самолеты продолжали бестолково кружиться – дороги никто не знал.

Парами и поодиночке самолеты разлетались в разные стороны и вновь сходились. В таком положении никому из летчиков не хотелось отставать от товарищей. Вокруг, кто куда ни полетел бы, было одно и то же: степь. Неужели всей эскадрильей придется садиться в поле?

Неожиданно слышу чей-то торопливый взволнованный голос:

– Товарищ, кажется, вижу ориентир!

– Конкретней!

– Колонна! Большая колонна! Пехота идет.

Действительно, далеко на горизонте, на самом почти краю степи двигалась, поднимая пыль, колонна. Видимо, по густой пыли и засек ее летчик. На душе стало легче: все хоть люди, живые существа. Направляемся навстречу пехотинцам. Колонна все видней. На глаз машинально определяю: примерно с батальон. Но различить, чьи это солдаты, наши или немцы, невозможно. Решаем подлететь еще ближе. Идем почти на бреющем полете.

Сверху видно, что солдаты, увидев самолеты, забеспокоились. Видимо, раздалась команда, и колонна начала разбегаться. Солдаты залегают и готовятся открыть огонь.

«Ну, если немцы,- думаю,- то придется угостить, а если наши…» Снижаемся еще и с облегчением видим: наши!

С трудом удерживая машину в горизонтальном положении, я оторвал клочок карты и кое-как нацарапал карандашом: «Где Новый Оскол? Покажите». Засунул записку в перчатку и, чуть не задевая пехотинцев по головам, бросил перчатку на землю.

Пехотинцы, разглядев на наших крыльях звезды, снова сбились в кучу. Подобрали перчатку, оживленно жестикулируют. Потом десятки пилоток полетели в одну сторону, указывая нам нужное направление. Вот спасибо-то!

Меньше всего думая о боевом построении, мы потянулись в указанную сторону. Забота у всех была одна: только бы долететь. Горючего оставалось едва-едва. Через семь минут показался наш аэродром. Сели. Но один самолет так и не дотянул до места и приземлился на самой границе поля.

После этого происшествия Федор Телегин собрал весь полк. Стали искать выход из положения. Ведь начнись бои, каждая минута будет на счету. Из кабины некогда будет выскочить. А тут мыкайся по степи, разыскивай аэродром. Отсутствие верных ориентиров грозило сорвать всю работу нашего полка. Предложения, помнится, были самые различные. Но в конце концов приняли предложение кого-то из командиров эскадрильи: прямо на земле были нарисованы указатели – огромные стрелы шириной пять метров и длиной метров пятьдесят. Сверху их отлично видно.

Но какой-никакой, а выход был найден. И вскоре нам представился случай, да не один, проверить до начала решающих боев, насколько полезны летчикам эти указатели, намалеванные в степи.

В ходе подготовки к боям на Курской дуге наша авиация вела

упорную борьбу с ВВС противника, наносила удары по железнодорожным объектам, штабам, узлам связи. Вела, так сказать, текущую фронтовую работу.

В этот период у нас случилось два заметных события. Я говорю о крупных воздушных операциях с целью уничтожения вражеской авиации непосредственно на аэродромах. В первой из них участвовало шесть наших воздушных армий.

Мы нанесли удар сразу по семнадцати аэродромам противника. Скрытность подготовки обеспечила внезапность и высокую эффективность такого массированного удара советской авиации. Ущерб, нанесенный противнику, был велик: за три дня он потерял более 500 самолетов. А вообще в результате обеих операций мы уничтожили около 800 вражеских машин.

Эти потери сильно обескровили противника перед началом основного сражения.

Возвращаясь со штурмовок, мы отлично замечали намалеванные на земле стрелы, и больше у нас никто не блуждал над бескрайней степью.

Накануне начала сражения по обеим сторонам фронта установилось глубокое затишье. Последняя передышка.

Вечером 4 июля меня вызвал Федор Телегин. Когда я вошел в отгороженный уголок командира полка, Федор, не дав мне доложить, как того требовал устав, лихорадочно поманил рукой:

– Заходи, заходи скорее! Садись, смотри.

Меня удивила его возбужденность. Оказывается, только что пришел приказ – завтра на рассвете вылетать на Харьков, бомбить аэродром. Собственно, основную работу будут выполнять штурмовики, мы же, как обычно, идем в прикрытие.

– Значит, что же, началось?- спросил я. Как-то не верилось, что подошел, незаметно наступил день начала великих боев.

– Начинается. Но что начинается!- Телегин догадывался о масштабах предстоящих сражений, и все же действительность скоро превзошла все наши ожидания.

Советскому командованию стало известно, что по немецким планам, операция «Цитадель» начнется завтра, и оно решило нанести по скопившимся для наступления войскам противника мощный удар артиллерии и авиации. Удар намечалось нанести в самый ранний час, когда пунктуальные немцы только-только продерут глаза.

Чтобы обеспечить устойчивость и непрерывность управления авиацией, была развернута широкая сеть запасных и вспомогательных пунктов управления. Телегин рассказал, что в штабе армии и в соединениях проводились специальные занятия по вопросам организации взаимодействия, использования

различных средств управления. Большинство командиров, которым предстояло управлять авиацией над полем боя, побывали на тех направлениях, где, по мнению командования фронта, противник мог вести наступательные действия.

– Вроде бы все должно пройти без заминки,- говорил Федор, ожесточенно зарываясь пальцами в волосы.- Но – бой ведь! Сам понимаешь.

Он рассказал, что наши разведчики, вернувшись из поиска, притащили пленного сапера. Пленный рассказал, что завтра утром немцы переходят в наступление.

– Значит, по Харькову?- спросил я, склоняясь над картой.- А разведданных достаточно.

– Вполне,- ответил Федор.

Его беспокоило другое: знает ли враг о том, что мы собираемся упредить его удар?

– Как думаешь, встретят они нас или нет?- спросил он.

– Едва ли.

– А вдруг?

– Видишь,- рассудительно ответил я,- по самой логике, немцы так готовились к наступлению, так вроде бы все рассчитали, что сейчас ни о чем другом и не думают – только бы в наступление! Знать бы должен их – не первый год воюем.

– А все-таки надо учитывать самый худший вариант,- решительно сказал осторожный командир полка.

В тот вечер мы долго просидели над картой. Смеркалось, Федор зажег лампу. Перед началом таких ожесточенных, затяжных боев важно было продумать каждую мелочь. К тому же мы оба уже успели убедиться, что на войне мелочей не бывает. Особенно для нас, летчиков.

Засиделись допоздна. Кажется, все продумано, все учтено. Голова горела. Федор поднялся и с наслаждением потянулся. Сна не было. Он дунул на лампу и в кромешной темноте мы вышли из землянки. Стояла тихая звездная ночь. Невольно подумалось, что в такую вот ночь самым приятным звуком был бы глухой стук ступиц возвращающейся с поля брички или конский храп и звяк пут, когда стреноженная лошадь вдруг делает неуклюжий скачок по мокрой от росы траве. Ребятишки, приехавшие в ночное, разложили бы небольшой костер, и он уютно светился бы в непроглядной черноте ночи… Обо многом может задуматься в такую тихую июльскую ночь человек на войне. И не верилось, что на сотни километров вокруг сейчас скопилось, замерло и ждет условного сигнала такое количество самой совершенной техники, что, обрати ее человек не на взаимное смертоубийство, а на мирный созидательный труд, жизнь на земле стала бы

прекрасной.

– Иди, поздно уже,- негромко проговорил Федор, задумчиво глядя куда-то в темноту.

Я промолчал. Уходить не хотелось.

Через несколько минут Федор вдруг оживился и произнес, с трудом унимая нервное возбуждение:

– А поспать-то нам сегодня так и не придется!

Июльская ночь коротка. Едва только забрезжило на востоке, раздался рев множества авиационных моторов.

Сначала в воздух поднялись два полка «илов». Штурмовики построились в свой обычный боевой порядок и плотной грозной тучей двинулись на запад. Там было еще темно.

Следом за штурмовиками поднялся и наш полк.

Триста пятьдесят самолетов, поднявшись почти одновременно, отправились бомбить и штурмовать аэродромы в Померках, Сокольниках, Микояновке, Тамаровке. В боевые порядки построились пикирующие бомбардировщики генерала И. С. Полбина, штурмовики генерала В. Г. Рязанова, несколько полков истребителей. Командиры соединений сегодня тоже поднялись в воздух.

Вчерашние опасения Федора Телегина оказались не напрасными. Не везде наши летчики застали немцев на земле. Много «юнкерсов» и «мессершмиттов» уже успели взлететь с глубинных аэродромов. И все же удар нашей авиации был сокрушителен. Противник сразу потерял более шестидесяти самолетов. И надо было видеть, в какое замешательство пришел противник, когда наша артиллерия и авиация обрушили мощные удары по пехоте, занявшей исходное положение для атаки, по огневым позициям артиллерии, командным и наблюдательным пунктам. Замешательство врага было таково, что в районе Обояни, например, основные силы немцев вынуждены были отложить начало своего наступления на полтора-два часа. А такие задержки в условиях тщательно продуманной, расписанной по часам и пунктам операции значат очень много.

Харьков мы увидели на рассвете. На окраинных улицах пустынно. А дальше, над центром города, какой-то сизый туман. Сквозь пелену тумана вырисовывается знаменитый Дом промышленности, он полуразрушен. За поселком Алексеевкой можно разглядеть желтоватую линию противотанкового рва.

Как ни надеялся враг на успех «Цитадели», но об обороне Харькова он не забывал ни на минуту. В течение полутора лет укреплялась оборона города. Всех жителей Харькова немцы под страхом смерти заставили работать над сооружением противотанковых рвов, блиндажей, дотов и траншей. Кроме того

перед городом тянулись многочисленные ряды колючей проволоки и обширные минные поля. Противотанковый ров опоясал весь город, а в глубине была сконцентрирована хорошо укрытая артиллерия.

Туман над городом все реже, и вот уже можно рассмотреть одну из красивейших площадей Харькова – площадь Дзержинского. Вернее, то, что от нее осталось. Площадь окружают полуразрушенные здания. А вон там парк, известный под названием «Сокольники». Его деревья искалечены, земля изрыта воронками, траншеями.

В свете занимающегося дня армада штурмовиков выглядит зловеще. Мы летим сверху, и нам хорошо видно, как они идут – грузно, тяжко, плотным карающим строем.

По радио связываюсь с ведущим группы штурмовиков, которую нам предстоит прикрывать. В наушниках отзывается знакомый голос Ивана Драченко, веселого, красивого и отчаянного парня.

– Сегодня понадежней прикрой, Сережа!- просит Драченко.

– А когда тебя прикрывали ненадежно?

– Так вот я и говорю: как всегда!- быстро находится Иван.

– Будь спокоен!

С приближением к Харькову строй нашей армады распался. Каждому соединению дано свое задание – ведь Харьковский аэроузел насчитывает восемь аэродромов. Отделяются и уходят в сторону «пятляковы» под командованием генерала Полбина. Их объект расположен чуть дальше. Штурмовики, которых мы прикрываем, похожи сейчас на живые существа, я гляжу на них, и мне кажется, что они, как хищные птицы, чувствуют приближение цели. Что-то меняется в их строе, в самом почерке их полета. Появляется какая-то устремленность, нетерпеливое желание броситься, вцепиться, растерзать. Я представляю, что должен чувствовать враг, завидя эти грозные машины над головой, особенно когда они, ревя и завывая, заходят и пикируют несколькими волнами, не давая времени опомниться и перевести дух.

Но вот в небе начинают вспыхивать белесые букетики разрывов. Это проснувшиеся зенитчики открывают поспешный огонь. Скоро разрывов становится больше, а через минуту просыпается вся немецкая оборона. Завидев приближение штурмовиков, да еще в таком количестве, враг открыл ураганный зенитный огонь. Он в панике, он не ожидал «гостей». Однако поздно. К тому же наши летчики заранее знали об огневых точках обороны и обошли их. Что касается самолетов противника, то с харьковских аэродромов они не успели и подняться.

Намеченный для удара аэродром прямо под нами. Я смотрю на него и завидую штурмовикам: им предстоит действовать, как на учебном полигоне. Ровными рядами замерли на поле самолеты. Каждый из них уже заправлен и готов к полету. Но не будет теперь для них полетов. Они не взлетят никогда, они обречены. Штурмовики, умело перестраиваясь, заходят на бомбежку. Истребителям пока работы не предвидится.

Построившись в своеобразный хоровод, самолеты один за другим пикируют на обреченный аэродром.

В утреннем воздухе, кое-где перебиваемые панической немецкой речью, звучат возбужденные русские голоса,- я отчетливо слышу их в наушниках.

– Я «Ландыш», я «Ландыш»,- захлебываясь, докладывает радостный молодой голос Ивана Драченко.- Разрешите работать?

– Я «Фиалка», я «Фиалка»,- откликается густой и неторопливый командирский голос.- Работу разрешаю.

И так без конца,- обычная рабочая сумятица в эфире. Часто подключаются посты наблюдения и управления: живет вся сложная и продуманная система взаимосвязи.

Черные грузные машины со звездами на распластанных крыльях носятся низко над землей. Сначала «илы» сбросили бомбы. Аэродром заволокло дымом. Со второго захода на землю полетели реактивные снаряды. В заключение штурмовики прошлись по тому, что осталось на аэродроме, из пушек. Они не любят оставлять после себя хоть какие-то огрехи.

Аэродром разбит. Горят склады, рвутся боеприпасы. Все поле усеяно обломками горящих «юнкерсов». Враг не ожидал налета: он был слишком уверен во внезапности своего удара.

Сбросив смертельный груз, штурмовики легли на обратный курс. Теперь нам нужно смотреть в оба – гитлеровцы, конечно, постараются перехватить непрошенных гостей. Ведь паника поднялась по всему немецкому фронту.

Немцы встретились на подходе к линии фронта. Они караулили нас. «Мессершмитты» навалились стаей. С запоздалой яростью и ожесточением они пытались разбить строй штурмовиков, внести хаос и тогда, нападая на одиночные машины, забить, заклевать до смерти. Штурмовики изредка огрызались огнем, продолжая держать строй. Они не ввязывались в бой, и это, казалось, удесятеряло бессильную злобу вражеских истребителей. Так шавки, задыхаясь от хриплого лая, налетая и трусливо отскакивая, провожают мимо своих ворот сильного невозмутимого противника.

Подобраться к штурмовикам вплотную немцам очень трудно. Зайти спереди равносильно самоубийству: у штурмовиков

мощные пушки, им только попадись в прицел; поднырнуть снизу невозможно, потому что идут они низко, почти над землей; сверху же и сзади их прикрывают истребители.

Противнику ничего не остается, как принять воздушный бой с самолетами прикрытия.

Навязав немцам бой, мы отвлекаем их силы на себя и добиваемся своей главной цели: не допустить их к штурмовикам. Наша задача: в целости и сохранности доставить домой армаду штурмовиков. Таков строгий приказ командования, потому что «илы», ценнейшие в начавшихся боях машины, оберегаются пуще глаза. Тут, как говорится, сам погибай, а штурмовик спасай. Вот почему, увидев, что на отставший «ил» налетело сразу двое «мессершмиттов», я бросил преследование вражеского самолета, которому успел зайти в хвост, и поспешил на выручку.

Немцы, насевшие на штурмовик, атаковали умело. Отбив машину от общего строя, они клевали ее. Но даже в азарте не забывали об опасности: ведомый как привязанный ходил за ведущим, чтобы прикрыть его в случае нападения. Видно было сразу, что очень опытная, слетавшаяся пара.

Заклеванный штурмовик опускался все ниже. А два стервятника, кружась возле него, спешили добить. Расстреливали тяжелую бронированную машину чуть ли не в упор.

Опытную, хорошо взаимодействующую пару одолеть не так-то легко. Во всяком случае, с налету не сунешься Тут необходимо действовать, соблюдая определенную очередность. Поэтому я пристроился сначала к ведомому немецкой пары. .

Сблизившись на привычную дистанцию, уверенно ударил из пулеметов Есть – прямое попадание! «Мессершмитт» задымил и свалился. Тогда ведущий, потеряв прикрытие, взмыл вверх, оставив штурмовик в покое. В азарте боя я погнался было за ним, но он быстро затерялся в немыслимой свалке кипевшей над строем наших штурмовиков. Продолжать погоню было неразумно, так как все мысли у меня были теперь о заклеванном «мессершмиттами» штурмовике.

Но где же он? Всмотревшись, я увидел его далеко внизу. Изрядно потрепанный «мессершмиттами» штурмовик тянул из последних сил. Благо, мы летели уже над нашей территорией. «Дотянет, нет?» Надо бы хоть запомнить хвостовой номер самолета, однако он был слишком далеко: не разглядеть.

Несчастный штурмовик опускался все ниже и ниже. Наконец летчик, не выпуская шасси, искусно посадил машину прямо в поле, на фюзеляж. Поднялась пыль, самолет развернуло боком. Скоро из кабины показался летчик.

Вокруг продолжал кипеть бой. Фашисты, чувствуя, что

добыча уходит, дрались неистово. Они смирились с тем, что желанная цель – штурмовики – ушли, и решили отыграться на нас. Я видел как мой ведомый, увлекшись, ввязался в самостоятельный бой и одного за другим сбил два самолета противника. Сделано Это было до того лихо, четко и мастерски, что я на какое-то мгновение залюбовался. «А ведь совсем молодой летчик. Молодец!» В том. как он зашел в атаку, отстрелялся и взмыл вверх, во всем его реющем соколином полете было что-то вдохновенное. Такие минуты, я это по себе знал, бывают у летчика в момент наивысшего душеного напряжения.

Прийти в себя меня заставили тяжелые удары по обшивке. Самолет затрясло. Бросив быстрый взгляд по сторонам, я убедился, что меня зажимают два «мессершмитта»: тоже парой и тоже опытные летчики. Один из них только что закончил атаку, выпустив в мой самолет пушечную очередь. Несколько снарядов пронизало плоскости. Опомнившись, я рванул ручку управления на себя. В воздушном бою, как и в кавалерийской атаке, каждый старается создать для себя наиболее удобный момент для нападения. Если кавалерист ладится рубануть справа и с упором на ногу, то летчик пристраивается в хвост врагу. Это – классическая позиция для атаки. На такую позицию и выходил я, когда взял ручку на себя, а затем неожиданно сделал боевой разворот. Выйдя из-под огня, мой самолет оказался на хвосте вражеской машины. Прямо передо мной была открытая мишень.

Дальнейшее сейчас трудно объяснить. Впоследствии мне сказали, что я все же поджег «мессершмитта». Но мне в тот момент запомнилось одно – ощущение полнейшей беспомощности. Не помню, успел ли я открыть огонь? Скорее всего так оно и было,- ведь враг был под самым носом, в прицеле. Но в памяти осталось только то, что вдруг я ощутил бессилие моей машины. Каким-то непостижимым шестым чувством летчика я понял, что подбит. Машина совсем не слушалась управления.

Не скажу, что в таком беспомощном положении я находился впервые. Нет, на войне приходится испытывать всякое: и радость удачи и горечь поражения. И мне памятно было, как приходилось уже выбрасываться из горящей машины на парашюте. Но так уж устроен человек, что он не может привыкнуть к несчастью, каждый новый случай заставляет человека переживать его заново. Горький опыт лишь не позволяет удариться в панику, он помогает быстро взять себя в руки, моментально оценить обстановку и обостренным рассудком, но вполне хладнокровно попытаться найти наилучший выход из создавшегося положения. В летном деле, а особенно в боевой обстановке, дело решают считанные

секунды.

После некоторых манипуляций ручкой управления мне удалось наладить контакт с машиной. Значит, не все еще потеряно. Самолет, хоть и подбит, но держится в воздухе и даже послушно отзывается на усилия летчика. Как потом оказалось, вражеский осколок попал не в бензобак, а всего лишь в масляный бак. Но так или иначе, а в кабине появился густой едкий дым. Скверно!

Дым набивался в кабину жирный, маслянистый, ядовитый. Чтобы не задохнуться, я откинул колпак. В лицо ударила струя свежего воздуха. Появилась возможность оглядеться. Бой, как я понял, закончился, немцы отстали. Но на всякий случай товарищи надежно прикрывали меня.

Как уж водится, вслед за дымом показалось пламя. В любую минуту могли взорваться бензобаки. И все же жаль было покидать боевую машину. Попробовать разве сбить пламя? Резко бросаю машину на крыло и так, боком, скольжу вниз. Кажется, маневр удался. Копоть еще тянулась, но огонь исчез. Появилась уверенность, что смогу не только дотянуть до аэродрома, но и посадить машину.

Садиться мне пришлось первым. К тому времени, когда сели товарищи и, выскочив из кабин, бросились к моему самолету, я уже спустился на землю и осмотрел себя. У меня не было ни одного ранения, но вдребезги оказался разбитым пистолет и в нескольких местах порван парашют. Осколки прошли совсем рядом…

Летчики рассматривали безнадежно испорченный пистолет, который, возможно, предохранил меня от осколка, изрешеченный парашют и удивленно крутили головами.

Забегая вперед, скажу, что вечером мы собрались в столовой, чтобы скромно отметить первый день боев. Начало курского сражения прошло для нашего полка удачно. Мы никого не потеряли, все были в радостном, возбужденном состоянии. Молодые летчики горячились и, как всегда, отчаянно жестикулировали, воспроизводя отдельные эпизоды воздушных сражений. Разговоров и воспоминаний для них хватило на весь вечер.

Неожиданно меня позвали. Я обернулся. Битком набитая столовая гудела, как улей. Ко мне подходил невысокий летчик с застенчивым лицом. Незнакомый. С первого взгляда я признал в нем земляка, казаха. Летчик был еще очень молод.

За нашим столом сильно шумели. Я отодвинулся вместе со стулом и наклонился к подходившему летчику.

– Чего тебе, земляк?

Летчик обрадовался.

– Из Казахстана? Вот не подумал бы!

Когда он узнал, что я из Алма-Аты, радости его не было границ. Оказывается, и он тоже из Алма-Аты. Там учился, там вырос, оттуда уходил в летное училище.

За разговором, за воспоминаниями мне и в голову не пришло спросить, зачем разыскивал меня неожиданно объявившийся земляк. Спохватился он:

– Товарищ капитан,- он наклонился к моему уху,- а кто у вас летает на 47?

Я удивился – номер 47 носила моя машина.

– Вы?- обрадовался мой земляк.- Так это же меня вы сегодня выручили! И ведь как здорово выручили!

Еще одна радостная неожиданность: застенчивый паренек оказался тем летчиком-штурмовиком, которого я спас сегодня от «мессершмиттов». Радость его была так искренна, что мы тут же у всех на глазах обнялись.

– Как же ты на поле сел?- поинтересовался я, будто заново оглядывая спасенного земляка.

– А так и сел!- рассмеялся он.- Видишь синяк?- он приподнял челку на лбу.- Легко отделался.

– А вы их здорово утюжили сегодня,- вспомнил я работу штурмовиков на харьковском аэродроме.

– Ладно, хватит о деле. Пошли.- И как я ни отговаривался, летчик-штурмовик поднял меня из-за стола, утащил к своему месту и там в знак традиционной благодарности отдал свои сто граммов водки.

– Ну, тогда за твое здоровье!

– Пей, спасибо.

В столовой было шумно, накурено. Каждому хотелось рассказывать. Мы с земляком поискали свободный столик и уселись в сторонке. Чтобы хорошо слышать друг друга, приходилось склоняться голова к голове.

– Получаешь что из Алма-Аты?- почти кричал я в лицо своему собеседнику.- Что пишут?

Летчик с улыбкой покачал головой.

Понемногу стало тише, мы разговорились и проговорили весь вечер. Он рассказал мне о себе. Летчик-штурмовик Талгат Бегельдинов попал на фронт сразу же после окончания летного училища. Что привело его, степного жителя, в небо? Оказывается, он, как и тысячи других ребят, с малых лет мечтал стать летчиком.

– Не в Оренбурге учился?- спросил я.

– Точно! А ты?… Ну, смотри ты, какое совпадение!

Вдвойне земляки!

В тот день, когда фронтовая судьба свела меня с Талгатом, я еще не знал, что этому застенчивому казахскому пареньку придется заканчивать войну на германской земле. Жизнь летчиков-штурмовиков тяжела и опасна, но к Талгату судьба была милостива. Он прошел всю войну, был ранен, лечился и снова возвращался на фронт. За подвиги в боях он был дважды награжден Золотой медалью Героя Советского Союза.

С той неожиданной встречи у нас завязалась с Талгатом крепкая фронтовая дружба. Мне и моим товарищам истребителям не раз и не два приходилось прикрывать Талгата, и мы неизменно восхищались мужеством этого коренастого юноши-степняка, уверенно оседлавшего грозную машину.

Но вернемся к событиям утра 5 июля.

Только наш полк совершил посадку, как воздух и земля вздрогнули от мощного артиллерийского гула. После авиации на скопления вражеских войск обрушился сам «бог войны».

Стали отвечать и орудия противника, и скоро на огромном участке фронта разгорелась ожесточенная артиллерийская дуэль.

В тот же день утром мне пришлось вылететь в воздушную разведку, и я своими глазами видел, какую разрушительную работу производит артиллерия как с той, так и с другой стороны. Огонь настолько силен, что от дыма и разрывов земли совсем не видно. Нужно сказать, что плотность артиллерийского огня на Курской дуге была гораздо выше, чем при наступлении под Сталинградом.

Сила огневой мощи нарастала с каждой минутой. Особенно доставалось Белгороду. Над раскинувшимся на холмах городом поднялись тучи огня и дыма. Небо стало темным, казалось, что день, не успев начаться, сменился ночью.

На участке от Белгорода до Тамаровки широким фронтом наступали сотни немецких танков и самоходных орудий. Изрыгая пламя, они бесконечной стальной лавиной двигались на штурм наших укреплений. Впереди, если вглядеться, можно различить «тигров», под их прикрытием двигались средние и легкие бронемашины, самоходные орудия.

Как потом выяснилось, основной удар врага приняла на себя гвардейская армия генерала И. М. Чистякова. В ее составе были защитники Севастополя и Сталинграда, Ленинграда и Москвы. Прославленные гвардейцы смело встретили чудовищную лавину фашистских танков.

По мере приближения «тигров» к нашим траншеям вражеская артиллерия переносила огонь в глубину обороны. Раздались залпы советских противотанковых батарей. Их огонь был так

плотен, что казалось – вся курская земля занялась огнем, загудела от разрывов снарядов. А тут еще, дождавшись своего часа, показались пикирующие бомбардировщики Полбина и штурмовики Рязанова. Развернутый строй немецких танков уже надвигался на наши позиции, когда над самыми головами пронеслись первые девятки «петляковых». Перевалив наш передний край, они устремились в атаку. Целей у них было более чем достаточно. Стальной смерч бомб рвал броню «тигров», «пантер», «фердинандов», сжигал все, что встречалось на пути. Немецкий генерал Фрост впоследствии писал: «Началось наше наступление, а через несколько часов появилось большое количество русских самолетов. Над нашими головами разразились воздушные бои. За всю войну никто из нас не видел такого зрелища».

Фашисты рассчитывали, что под их натиском советские войска дрогнут и беспорядочно побегут. Немецкие разведчики даже получили специальное задание следить за отступлением русских армий. Однако вместо победной информации разведчики сообщали: «Отхода русских войск не наблюдаем, наши танки несут большие потери».

А в тылу советских войск по направлению к фронту двигались колонны мощных резервов. Подходили соединения второго эшелона. Курская битва набирала силу.

Докладывая Федору Телегину о результатах разведки, я рассказал и о том, что творится на поле сражения.

Что там делается!- невольно вырвалось у меня. – Да, началось,- совсем не обращая внимания на мои эмоции, сказал Федор. Склонившись над картой, он быстро ставил пометки. Сидел он в застегнутом летном комбинезоне, с непокрытой головой. Шлемофон валялся рядом. Командир полка в любую минуту был готов к вылету.

В эти дни мы забыли об отдыхе. Противник поднял в воздух всю свою авиацию. И нашим истребителям был дан приказ: во что бы то ни стало рассеять вражеские бомбардировочные эскадры.

Чтобы расколоть строй бомбардировщиков, у наших соседей двое летчиков пошли на таран. Именно в эти дни начал свой боевой счет сбитых самолетов трижды Герой Советского Союза И. А. Кожедуб, здесь сражался удостоенный звания Героя Советского Союза старший лейтенант Алексей Маресьев. В Курской битве он участвовал уже потеряв ноги и в первых же воздушных схватках сразил три фашистских самолета. В боях на Курской дуге совершил свой беспримерный подвиг и летчик-истребитель А. К. Горовец.

Бой Горовца с немецкими бомбардировщиками и по сей день

представляется удивительным явлением в военной практике, и потому о нем следует рассказать подробнее.

Закончив дежурство близ линии фронта, группа наших истребителей развернулась на свой аэродром. Замыкающим в группе летел гвардии старший лейтенант Александр Горовец. Место замыкающего в эскадрилье он занимал не случайно: Горовец летал уверенно, мог в любой момент прикрыть всю группу от внезапного нападения с задней полусферы. И вот Горовец увидел позади себя армаду Ю-78, которая направлялась к нашим позициям. Первой мыслью летчика было: предупредить ведущего своей группы. Но то ли передатчик отказал, то ли где-то осколком повредило кабель, командир не услышал предупреждения, и вся группа продолжала полет прежним курсом.

Отважный летчик один ринулся навстречу строю «юн-керсов». Первая очередь – и объятый пламенем флагман фашистской стаи рухнул на землю. В строю врага возникла паника. «Юнкерсы» стали сбрасывать бомбы куда попало: теперь им было не до прицельного бомбометания. Рассредоточив свой строй, вражеские бомбардировщики нарушили огневое взаимодействие внутри группы. Это было как раз на руку советскому истребителю. Выбрав самолет, который находился ближе всех, Горовец дал по нему пушечную очередь и снова пламя лижет фашистскую свастику. Маленький самолет носился в воздухе птицей. Целей для нападения сколько угодно. Только успевай увертываться от трасс воздушных стрелков да занимай позицию для атаки.

Считанные минуты прошли, как одинокий летчик бросился в строй «юнкерсов», а четыре вражеских бомбардировщика уже пылали на земле. Потом он поджег пятого, шестого.

От могучего строя Ю-87 осталось жалкое воспоминание. Бой шел уже на небольшой высоте, когда Горовец уничтожил девятого «юнкерса». Это было равносильно чуду. Никому и никогда еще не удавалось в одном бою одержать' девять побед! Этот рекорд, насколько я знаю, остался непобитым до последних дней.

Охваченный азартом боя, Горовец слишком поздно заметил подоспевших на выручку «фокке-вульфов». Четыре истребителя против одного. У советского летчика не оста-лось возможности набрать высоту, кончились и боеприпасы. И все же он принял неравный бой. Имитируя атаки, Горовец выбирал момент для нанесения таранного удара, но враг был осторожен и увертлив. Вскоре самолет был подбит. Выпрыгнуть с парашютом не было никакой возможности – слишком мала высота. Изрешеченная фашистскими очередями машина рухнула на землю.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября

1943 года за образцовое выполнение боевых за-даний командования на фронте борьбы с немецкими за-:хватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство А. К. Горовцу было посмертно присвоено звание Героя' Советского Союза.

Летом 1957 года близ хутора Зоринские Дворы были найдены отдельные части самолета старшего лейтенанта А. К. Горовца, партийный билет, оружие, полетные документы. Ныне на белгородской земле летчику-герою воздвигнут бронзовый памятник.

Так самозабвенно дрались наши истребители. И не мудрено, что все чаще и чаще фашистские бомбардировщики, только завидя советских соколов, начинали поспешно сбрасывать бомбы куда попало и поворачивать назад.

Сохранились приказы вражеского командования с категорическим предписанием не принимать боя с советскими истребителями, особенно с модернизированными. В этих приказах указывались приметы наших самолетов, чтобы немецкие летчики могли опознавать их издали.

Такой приказ не случаен. Только за шесть дней наши летчики сбили 1037 немецких самолетов. Огромная цифра! Долго выдержать такое напряжение гитлеровцам оказалось не под силу: они были измотаны и обескровлены.

Наши ребята заметили, что у немцев появилось множество истребителей с пестрыми фюзеляжами. На вражеских машинах были изображены червонный и пиковые тузы, черные кошки, драконы, птицы, змеи. Как потом выяснилось, летали на них знаменитые асы воздушного флота Геринга, лучшие летчики Германии.

Узнав об этом, наш товарищ, командир эскадрильи Николай Шутт рассмеялся:

– Что-то, чем больше мы их лупим, тем пестрей они становятся. Помнишь, Сережа, трефовых тузов? У тех по скромней было, а от этих аж в глазах рябит.

– Ты здорово-то не задирай нос,- сказал ему Николай Дунаев.- Говорят, такие звери летают.

– На «фоккерах» все,- вставил Иван Корниенко.

– Ну, даст бог – побачимся,- заявил Шутт. А «фоккеры» ихние… Что ж, тоже ведь должны гореть. Нет пока такой машины, чтоб не загоралась.

Он никогда не унывал, наш Николай Шутт.

В нашем полку Шутт – один из самых знаменитых летчиков. На фюзеляже самолета Николая до десятка звездочек.

Забегая вперед, скажу, что Н. К. Шутт отважно воевал в небе Берлина и Праги, закончил войну начальником воздушно-

стрелковой службы полка, получил за свои победы много орденов и был удостоен высшей награды – звания Героя Советского Союза.

В тот день, когда летчики обсуждали прибывшее к немцам пополнение, Николай Шутт высказал верное суждение о пестрой раскраске вражеских самолетов. Слов нет, на этих машинах летали далеко не новички, но ведь и мы были уже совсем не те, на кого действовали устрашающие изображения на самолетах немецких асов. А вскоре выяснилось, что прибыли эти немецкие летчики на фронт из Западной Европы. Там гитлеровцы еще могли щеголять своими драконами и питонами, но на Восточном фронте…

Все же предусмотрительный Федор Телегин решил поберечь молодых летчиков.

– Сегодня пойдут одни «старики»,- распорядился он.- Говорят, у соседей шестерых сбили.

Большинству «стариков» нашего полка было по 25-27 лет. Но каждый из них имел за плечами более двух лет фронтовой жизни. И я не помню ни одного без какой-либо

(Сергей Луганский с группой летчиков (подпись к фото, наверное. В скане не было. ААС).

награды. У всех собственный «текущий счет», причем довольно солидный.

После распоряжения командира полка «старики» отправились готовиться к полету. Вижу, как хлопочут у своих машин Николай Дунаев Николай Шутт, Иван Корниенко Илья Андрианов, сам Федор Телегин, замполит Кузьмичев. Скоро командирская машина вырулила на старт, потянулись и мы.

День выдался исключительный. Пожалуй, никогда ни до, ни после мне не доводилось наблюдать одновременно такое количество самолетов в небе. Говорю без преувеличения,- в небе стало темно от самолетов Немцы послали около 500 машин. С нашей стороны поднялось 270 истребителей.

Гитлеровцы по-прежнему придерживались своей излюбленной тактики. На наши передовые линии они посылали крупные группы бомбардировщиков, по 150 машин в группе. Наряду с мощной артподготовкой и танковыми атаками они все еще намеривались сокрушить советскую оборону. Бомбардировщики шли под прикрытием сотен истребителей. Правда, цифры эти не будут столь устрашающими, если присмотреться, что же за машины были в воздухе. Понеся большой урон в технике, немцы, наряду со своим новейшим истребителем «Фокке-Вульф-190», о котором говорили ребята, пустили в бой такое старье, как итальянские «Макки-200», «Хейнкель-113», «мессершмитты» первых серий.

С нашей же стороны участвовали самолеты только новых марок. В период подготовки к боям и в дни Курского сражения советская авиапромышленность давала фронту ежедневно около 100 самолетов.

Бой завязался сразу на всех высотах. Все, что поднялось в воздух, сцепилось в этом невиданном поединке. В наушниках творилось черт знает что: какие-то сумасшедшие выкрики, просьбы, имена и ругань, ожесточенная ругань на обоих языках.

Наша эскадрилья схватилась с истребителями прикрытия. Нам повезло – во вражеских самолетах мы узнали знаменитые «Фокке-Вульф-190». Машина эта сильная, слов нет, с двигателями воздушного охлаждения, с мощным вооружением. Но очень тяжела, а значит, и менее маневренна. А как раз это и свело на нет ее преимущества. Советские самолеты оказались легче, более послушны и ловки в атаке.

После недолгого маневрирования мне удалось сбить ведомого одной чрезвычайно слаженной пары. Ведущий, заметив у себя на хвосте советский истребитель, с хладнокровием опытного бойца дал ему приблизиться на дистанцию огня и вдруг, задрав самолет вверх, круто пошел по вертикали. Расчет немца был прост: он давно знал, что советские летчики не принимают боя на вертикалях и надеялся убить сразу нескольких зайцев – уйти от атаки, набрать высоту и выгодно атаковать сверху. Но немца погубило устарелое представление о советских летчиках и наших самолетах. В прежнее время мне, несомненно, пришлось бы положить самолет в вираж За немцем я бы не угнался. Но сейчас я летел на «яке», очень легкой, послушной и скоростной машине. И я решил воспользоваться просчетом немца. Мой «як», яростно ревя, тоже круто полез вверх.

Каждому летчику известно, что такое резкий вертикальный взлет. Когда моторы пущены на полную мощь, когда машина, задрав нос, с бешеной скоростью устремляется вертикально вверх, на летчика начинают действовать колоссальные перегрузки. Тело кажется утяжеленным в несколько раз. Чудовищная сила прижимает тебя к бронированной спинке кресла. Бывают моменты, когда темнеет в глазах. Вот этого момента следует бояться. Громадным напряжением сохраняешь ясное сознание и стараешься не упустить врага из виду.

Догнал я немца в самой верхней точке. Он, конечно, и не ожидал погони. Не выходя из вертикального положения, я из всех пулеметов расстрелял вражескую машину почти в упор. «Фоккер» опрокинулся и задымил.

Это была удача! Сбить подряд два расхваленных немцами «фоккера»!

А бой не затихал. В небе настоящая вакханалия. То и дело проносятся с ревом самолеты. Мельком узнаю по номерам машины своего полка. Много и других,- соседей. Сейчас здесь все перемешалось. Немецкие истребители, пестрые, с красочными очень заметными эмблемами, сильно выделяются в свалке. За ними, за раскрашенными ведется настоящая охота.

Мне видно, как несколько наших самолетов, дымя потянулись к земле. А там, в самом низу, невысоко над землей белеют бутончики парашютов. Ветер спокойно сносит их в сторону. В сегодняшнем бою, пожалуй, одно хорошо: за выбросившимися летчиками нет охоты – не до них

Ощущение от перегрузки все еще дает себя знать Недаром в летчики отбирают особенно придирчиво. Слабый человек на вертикальном маневре может потерять сознание Справиться со слабостью помогает непередаваемое ощущение разгоревшегося боя, ощущение близкой и постоянной опасности. В таких условиях просто нельзя себе позволить ослабить внимание. И я чувствую, как все мои силы, вся воля сосредоточиваются в руках и глазах: летчик сжимает штурвал и смотрит, смотрит, стараясь углядеть за всем.

Небольшая передышка все же не помешает, и я благоразумно не забираюсь в самую гущу свалки. Кружусь в сторонке, высматривая, не отколется ли кто. Кажется, есть. Вот показался немец, тоже из осторожных: ищет, принюхивается. Меня он пока не видит. Что ж, верный шанс. Делаю быстрый маневр и сразу захожу в хвост. Близко вижу заклепки, черный крест и свастику вражеской машины. С наслаждением нажимаю гашетку, но… Что это? Пулеметы и пушка молчат. Молниеносно перезаряжаю, снова жму,- снова ни одного выстрела. Испортились? Ах, черт! Ах… И я, как только можно, принялся ругать своего техника по вооружению Гришу Абояна. Очевидно, в спешке он не проверил исправность пулеметов и пушки.

В тот момент мне и в голову не могло прийти, что ведь только что, несколько мгновений назад, исправно работали и пушка и пулеметы. И я на чем свет стоит честил бедного техника.

Однако выходить из боя не следует, хотя бы по той причине, что опытный враг сразу же заметит твою беспомощность. И я принялся «темнить»: атаковал, маневрировал, старался помочь товарищам. Но, совсем безоружному, мне удалось счастливо закончить бой. Вернулся я вместе со всеми.

Зато на аэродроме, едва приземлившись, я обрушился на техника с самой непечатной бранью. Узнав, в чем дело, Гриша побледнел. Он понимал, какой опасности подвергался летчик по его вине.

– Не может быть, товарищ капитан!- крикнул он.- Я сейчас проверю.

Не успел я вылезти из кабины, как Гриша уже занялся вооружением.

– Раньше надо было проверять! Раньше,- ворчу я, прохаживаясь возле самолета.

– Товарищ капитан!- радостно крикнул сверху Гриша.- У вас все в порядке!

– Да как все в порядке!- снова вспылил я.- Тебе же говорят…

– Да у вас весь боезапас расстрелян, товарищ капитан!

– Расстрелян? – сразу сникаю я. Такая простая мысль почему-то и в голову не приходила. Я смотрю на оскорбленное лицо техника и понемногу успокаиваюсь. А техник уже спрыгнул на землю и старается не смотреть в мою сторону. Он оскорблен, обижен, с преувеличенным вниманием чистит руки.

– Извини, Гриша. Я как-то… Сам понимаешь. Ну… сорвалось. Извини, брат.

– Ладно, товарищ капитан! Чего уж… Я бы и сам, если такое случилось. А сегодня вон что творится. Тут и отца родного… Идите, товарищ капитан, в столовой уже все готово.

Мне хочется рассказать ему о той досаде, которую я сейчас испытываю, понимая, что упустил еще один наверняка обреченный фашистский самолет.

– Ведь он у меня в прицеле торчал! Кулаком бы ударил! Представляешь?

Гриша сочувственно кивает головой и цокает языком.

Помимо досады об упущенной возможности сразить еще одного врага я уже ничего не чувствую. Странно, что, едва я ступил на землю и немного поругался с Гришей, моментально забылось ощущение опасности, которое охватило меня, когда я, нажав на гашетки, не услышал выстрелов. Тогда, у безоружного перед врагом, это чувство было очень острым. Теперь же – только вспоминается…

– Идите в столовую, товарищ капитан.

Гриша все-таки обижен, хоть и скрывает это. Раскаяние мое велико, и мне хочется сказать, убедить его в этом. Техник он великолепный, и мне, конечно, прежде чем налетать на него с такими нелепыми обвинениями, следовало бы… Хотя, действительно, как тут удержишься? Нервы совершенно износились. И, кстати, не только у меня. Замечаю, что ребята стали раздражительными, некоторые плохо спят по ночам. Одно у всех утешение, что скоро спадет это предельное напряжение. Немецкое наступление захлебывается, удары все слабее. Говорят, на главном направлении гитлеровцы уже остановились,

выдохлись. Что ж, значит, скоро пойдем в наступление мы. А когда наступаешь, дерешься веселей…

Остановившись посреди поля, я наблюдаю, как возвращаются мои товарищи. Узнаю знакомые машины. Вот неподалеку остановилась командирская машина. Федор Телегин тяжело спрыгнул на землю и устало стянул шлемофон. День сегодня выдался как никогда. Я подождал Федора, чтобы вместе идти в столовую.

Вернулась из боя эскадрилья майора Николая Дунаева. Еще крутились пропеллеры, когда Дунаев откинул фонарь, и на плоскость из кабины весело выпрыгнула маленькая собачка. Высунув язык, она подбежала к краю плоскости и заглянула вниз. Ухо и хвост ее задорно торчали. Это была обыкновенная дворняжка.

Откуда вдруг появилась в полку собачонка,- сейчас трудно сказать. Скорее всего, ребята подобрали ее в каком-нибудь разбитом или сожженном населенном пункте, которых так много попадалось на нашем пути. Была она еще очень мала, слаба и беззащитна. Видимо, беззащитность маленького неокрепшего щенка и подействовала на отзывчивое сердце Николая Дунаева. Майор попросил на кухне молока, накормил собачонку, а спать устроил в собственном шлемофоне. Так дворняжка и прижилась в эскадрилье майора Дунаева. В свободные минуты, отдыхая от боев, летчики с удовольствием забавлялись с ласковым пушистым щенком. В его прыжках, повизгивании, в том, как он бросался на людей с веселым щенячьим лаем и ласкал загрубелые руки летчиков своим теплым бархатным язычком было что-то домашнее, давно прошедшее, но очень близкое и дорогое сердцу.

Однажды Николай Дунаев рискнул взять собачку с собой на вылет. Не знаю, как им пришлось в кабине во время боя, но, видимо, дворняжка показала себя с самой лучшей стороны, потому что с тех пор командир эскадрильи постоянно брал ее с собой в кабину самолета.

Летчики полюбили собачку, каждый звал ее по-своему, каким-нибудь домашним именем: Трезорка, Жулик, Жучка, а все вместе, эскадрильей, ласково называли ее спасительницей. И это была правда: собачка однажды действительно спасла эскадрилью Дунаева.

Как-то, намаявшись за день, летчики повалились на нары в своей землянке и уснули глубоким сном. Дворняжка устроилась там же, в чьем-то шлемофоне. Среди ночи в землянке вспыхнул пожар, загорелась солома. Чуткий собачий нюх сразу учуял запах дыма. Но измученные летчики спали как убитые. Тогда собачка принялась беспокойно лаять и теребить спавших летчиков. Кто-то

наконец проснулся, и очень вовремя.

– Пожар, братва!- закричал летчик и принялся расталкивать спящих. Собачка, озабоченно прыгая среди тех, кто еще не проснулся, заливалась отчаянным лаем.

Летчики успели выскочить из огня.

С тех пор спасительница стала не просто забавой для летчиков, а полноправным членом эскадрильи. Теперь, вылетая на задания, ребята обязательно брали ее с собой. И постепенно собачка так освоилась к кабине боевого самолета, что уже привычно, едва раздавался сигнал тревоги, бежала к машинам и устраивалась на своем месте за спиной летчика.

Майор Дунаев вылез из кабины и заботливо снял собачку с плоскости. Дворняжка успела признательно лизнуть его в лицо. Однако командир эскадрильи, в котором еще не прошло напряжение боя, сурово одернул своего пушистого друга.

– Ну, ну… Нашла тоже!

Собачка, ласково махая хвостом, смотрела снизу вверх на командира. Розовый язычок, свисающий изо рта, помахивание хвостом как бы говорили, что она понимает строгость летчика и нисколько не обижается.

– Обедать!- произнес знакомое слово Дунаев, и собачка шустро побежала впереди летчика по полю. Путь к столовой был ей хорошо известен. По дороге она весело облаивала воробьев, и тявканье успокаивающе действовало на взвинченные после боя нервы летчиков. Каждый старался приласкать ее, взять на руки.

Будто понимая, что испытывают сейчас вернувшиеся из смертельной схватки люди, собачка каждого из летчиков одаривала своими знаками любви и признательности. Лизнет в щеку, в нос, а когда ее опустят на землю, пробежит весело рядом, прикасаясь пушистым мягким тельцем к ноге.

Летчиков ждут в столовой, и у разбитных аэродромных официанток уже приготовлена для собачки лакомая косточка.

Жаль, что «повоевать» ей пришлось недолго. Она не пропускала ни одного боя. И вот, вернувшись однажды из боя, Дунаев с удивлением обнаружил, что Жучка не торопится выпрыгивать из кабины. Он отстегнул парашют и оглянулся. Дворняжка лежала и не двигалась. В воздушном бою шальная пуля попала в кабину и убила ее. Кто знает, может быть, она собой прикрыла летчика?

Помнится, ребята очень жалели о гибели «спасительницы».

Любовь всех к дворняжке говорила о том, как велика была у ребят тяга ко всему, что напоминало о доме, о мирной спокойной жизни. А если учесть, что на войну теперь шли вчерашние мальчишки, то станет понятным, насколько тяжело привыкали

они к трудным обязанностям воина.

Советские люди терпеливо переносили лишения военного времени. Они быстро научились бить, уничтожать, его – врага, коварную гадину, пришедшую к нам с мечом. Однако равнодушным, профессиональным убийцей, каким воспитал немецкую молодежь Гитлер, советский человек никогда не станет. Он не может привыкнуть убивать.

Уже после войны мне довелось посмотреть несколько документальных фильмов, в которые были вставлены кадры из трофейной фашистской хроники. Меня поразил бесчеловечный метод, к которому прибегали воспитатели из «Гитлерюгенда». Как сейчас помню худеньких парнишек-подростков в коричневой униформе со свастикой на рукаве, обучающихся метанию кинжала в цель. В мишень, изображающую силуэт человека, мальчишки остервенело мечут и мечут тяжелые, кованные из лучшей крупповскои стали ножи. Что же из них будет, если уже сейчас у этой по существу еще детворы горят глаза и при удачном попадании удовлетворенно кривятся тонкие губы. А для воспитания твердости характера, чтобы будущий солдат фюрера был лишен начисто жалости и сострадания, чтобы ему вообще чужды были эти чувства, мальчишкам поручались на воспитание кролики, и едва подростки привыкали и привязывались к своим пушистым воспитанникам, им приказывали убить их собственными руками и без применения какого-либо оружия.

Как это все продуманно и бесчеловечно. Я вспоминаю свои мальчишеские годы, наши игры… И вот – фронт, столкновение двух систем, встреча одногодков с той и другой стороны.

Наши милые, озорные, буйные в играх мальчишки повзрослели слишком рано, пришлось повзрослеть. Многие из них еще не брились, воротники гимнастерок были им слишком широки, а тяжелые армейские сапоги сидели на ноге неуклюже и стеснительно для легкого мальчишеского шага. Прав был Федор Телегин, давая им время осмотреться, освоиться за спиной «старичков», чтобы не стать жертвой какого-нибудь поднаторевшего в убийстве фашистского стервятника в первом же воздушном бою. Ведь тех убивать учили с детства.

И мальчишки наши осваивались. Подчас очень быстро, а иногда трудно и мучительно. Но осваивались. Нужно было воевать, гнать со своей земли проклятого врага.

Передо мной за время войны прошло очень много молодых летчиков. Они поступали к нам в полк сразу же после училища. Учиться быть летчиком, боевым летчиком, приходилось непосредственно на фронте. Это была трудная, опасная учеба, особенно в тех случаях, когда против нас дрались немецкие асы

лучших авиационных полков Геринга. Но наши мальчишки – а я называю их мальчишками несмотря на то, что они имели звания младших лейтенантов,- наши мальчишки скоро осваивали высокую науку воздушного поединка, и еще как осваивали!

Помнится, пришел к нам в полк молоденький летчик Иван Мокрый. Шея тоненькая, глаза ребячьи. Только что из летной школы. Мне, да и не только мне, хорошо понятен этот лихорадочный блеск в глазах молодого летчика. Тут все – и неподдельный интерес ко всему, что связано с суровой профессией летчика, и ожидание первого боя и что-то еще совсем мальчишеское, почти детское, чему нет определения.

Солдат из такого мальчишки, конечно, еще никудышный. И – точно: в первый же день на взлете самолет Ивана Мокрого неуклюже врезался в другой самолет, и обе машины вышли из строя. На аэродроме паника,- дикий, невероятный случай! Что было делать с Мокрым? Судить? Наказывать самому? Пока ребята выруливали на взлет, ругал я его на чем свет стоит. Он только сконфуженно заливался румянцем и беспомощно разводил руками.

– Не болтать руками! Стоять как следует!- Хоть в крике отвести душу.

– Виноват, товарищ капитан…- замямлил, чуть не плача, Иван.

– Кругом! К чертовой матери, в землянку! Вечером поговорим.

Зашагал Иван Мокрый.

Досада у меня все еще не проходила. Вывести из строя сразу две боевых машины! Если узнают в штабе дивизии, разбора не миновать. А по законам военного времени… Надежда была на то, что самолеты столкнулись на земле, на малой скорости, и повреждения незначительны. Надо будет поговорить с техниками, чтобы поторопились с ремонтом.

«Ну, Мокрый! Ну, растяпа!»- ругался я, подбегая к своему самолету. Надо было догонять товарищей.

С плоскости машины, залезая в кабину, я оглянулся на летное поле, оглянулся просто так и вдруг увидел Ивана Мокрого. Сначала я не понял – в чем дело? Молодой летчик стоял в траве на четвереньках, с поднятой рукой. В руке у него была пилотка. Изумление мое было настолько велико, что я так и замер с занесенной в кабину ногой. «Что с ним?» Неожиданно Иван Мокрый плюхнулся в траву на живот, накрыл что-то пилоткой, а когда поднялся, я увидел в его руке бьющегося кузнечика. Ну что тут было делать? После того как угробил две машины, после командирского нагоняя, летчик как ни в чем не бывало ловит

себе самозабвенно кузнечиков. Ребенок еще, ну, сущий мальчишка! Ему бы не воевать, а вот так вот ладошкой ловить бабочек где-нибудь в полях под Рязанью.

Но война ведь!…

Перед тем как тронуть машину, я в последний раз посмотрел на поле. Иван стоял на коленях в траве и, щурясь, со счастливой улыбкой разглядывал пойманного кузнечика. Теплый июльский ветер, пролетавший над полем аэродрома, трепал его буйный мальчишеский вихор.

Вечером на общем собрании на провинившегося летчика наложили взыскание: от полетов отстранить, назначить вечным дежурным по аэродрому.

Заскучал Иван Мокрый. Стыдно ему отставать от товарищей. Все в небе, а он вечный дежурный по аэродрому. Обидно, до слез обидно! Они, эти мальчишки, всей душой рвались в бой.

И неизвестно, что сталось бы с молодым летчиком, если бы не случай. Скорей всего, сидеть бы ему в аэродромной прислуге безвылазно. До полетов бы его не допустили. Хватит, испытали!

Но как-то под самый вечер нежданно-негаданно на наш аэродром налетели четыре «мессершмитта». Мы бросились по щелям. Положение безвыходное – любой самолет на взлете немцы собьют, как куропатку.

В щелях, в укрытии, страшная ругань. Откуда их черт принес, этих немцев? Надо же попасть в такое беспомощное положение!… Глядим снизу, что будет. А «мессершмитты» заходят на штурмовку. Без помех они разворачиваются, как на учении. Пропали наши самолеты.

И вдруг все мы видим, как какой-то летчик, размахивая руками, бежит сломя голову к ближнему «яку».

– Кто это?- чуть ли не разом спросили все, кто был в укрытии. Поступок безрассудный – ясно любому.

А летчик, не обращая ни на что внимания, бежит к машине. Тоненький, худой. Пилотку где-то потерял. На голове его торчит лихой мальчишеский вихор. По этому приметному вихру я и узнал Ивана Мокрого. Да он что, с ума сошел?

– Сергей, твой это?- спросил Телегин.

– Мой!- признался я, не отрывая взгляда от бегущего летчика.

А немцы уже поливают аэродром из пулеметов. Подбежав к самолету, Иван проворно вскочил в кабину, заработал мотор.

– Вот дурной-то!- чуть не со стоном проговорил Телегин.

– Собьют же, как…

А «як» уже разбежался и оторвался от земли.

– Ну!…- и Федор Телегин даже сморщился, глядя, как на взлетевший «як» заходит в атаку «мессершмитт». Немец и ждал

этого момента. Сейчас одна только очередь и… Смерть, верная гибель… Расстреляет в упор.

Неожиданно «як» задрался вверх, прямо навстречу пикирующему врагу, и с дальней дистанции ударил из пулеметов. Мы потом никак понять не могли: как он задрал так самолет? Какой-то дикий, необъяснимый маневр. Сплошная импровизация. Но как бы то ни было, а все мы снизу увидели, что «мессершмитт» задымил и, не выходя из пике, врезался в землю. Прямое попадание.

Мы остолбенели – вот это номер! Надо же изловчиться из такого положения, да еще с такой дистанции!

А «як» тем временем взмыл вверх и ушел в облако. Теперь ему не страшно, теперь он хозяин в небе.

Обозленные «мессеры» кинулись за смельчаком следом и тоже исчезли в облаке. Разозлил их Иван Мокрый. Минуту-две мы прислушивались к тому, что творилось в небе. За облаком самолетов не было видно.

Бой стрекотал где-то наверху, об аэродроме немцы забыли.

Первым опомнился Телегин.

– По машинам!

Действительно, что же мы сидим как наблюдатели! И мы бросились из щелей на поле.

Впереди всех бежал командир полка, за ним гурьбой летчики. Надо было успеть вскочить в кабины, пока немцы не опомнились.

Но не успели мы добраться до своих машин, как из невысокого облака прямо над полем аэродрома показался объятый пламенем самолет. Пылая, он падал отвесно на землю. Сильно бушевал огонь, густой шлейф дыма тянулся следом.

Все невольно придержали шаг. Пропал наш Мокрый…

– Отлетался,- прошептал кто-то.

Самолет врезался в землю, раздался взрыв. На краю поля взметнулся столб земли и гари.

– Санитары!- крикнул я, но по полю уже неслась санитарная машина.

Я на ходу прыгнул на подножку.

– Сережа, стой!- услышал я отчаянный крик Ивана Корниенко. Оглянулся с подножки – Иван машет мне рукой и показывает: не надо. Почему не надо? Корниенко бежит к своему самолету, оглядывается на меня и лихорадочно показывает туда, где горит свалившийся с неба самолет.

Я вгляделся и, к радости, к изумлению, увидел, что на задравшемся хвосте сбитого и догорающего самолета красуется крупный крест. Значит, это не наш, не Иван Мокрый? Он что, сбил еще одного? Вот молодчина-то!

– Остановись!- сказал я шоферу.- Это не наш. Машина развернулась и помчалась туда, где стоял мой самолет.

И, словно в подтверждение нашему внезапному открытию, мы услышали в небе неумолчный треск пулеметных очередей. Там все еще шел бой. Наш вечный дежурный по аэродрому вел неравный бой. Вот так Иван Мокрый!

Санитарная машина прыгала по кочкам летного поля. От нетерпения я подгонял и подгонял шофера:

– Скорее, скорее!

Мне не терпелось оказаться в небе. Легко представить себе, каково приходилось сейчас Ивану Мокрому.

Вот наконец самолет, я спрыгнул на землю. Пристегивать парашют, переодеваться для боя не было времени.

Однако взлететь мне так и не удалось. Подняться в воздух успели только один или два самолета. Остальные летчики как сидели, так и замерли в кабинах. Иван Мокрый, увидели все, возвращался из боя. Мы узнали его машину и уставились на нее во все глаза. А где же немцы? Оказалось, что оставшиеся два «мессершмитта» позорно бежали. Это от одного-то новичка!

А Иван, словно зная, что за ним наблюдают сотни глаз, снова поразил нас, но на этот раз немыслимым летным шиком. Прежде всего он лихо исполнил над аэродромом традиционные две «бочки», а затем так чисто, так мастерски посадил самолет, что позавидовали даже «старики».

– Нет, это фокус какой-то!- закричал изумленный Николай Шутт, в восторге воздевая вверх руки.

К Ивану Мокрому бросились все – летчики, техники, девушки-официантки. Спрыгнув на землю, он попал в неистовые объятия друзей.

– Качать его!- крикнул кто-то. В Ивана Мокрого вцепились десятки рук.

Подлетая вверх, он смешно дрыгал своими худыми длинными ногами.

– Да стойте же!- просил Иван, но жалобный крик его только подстегнул ребят.

– Выше!… Еще раз! Еще!…

С ноги Ивана Мокрого слетел тяжелый сапог и упал на чью-то голову. Сапог тут же забросили в траву.

Отпустили Ивана нескоро. С разутой ногой, ошалелый от полетов, он держался нетвердо и пытался схватиться за кого-нибудь руками. В глазах его все плыло. А вокруг бесновались от радости летчики, хлопали героя по плечу и требовали немедленных рассказов о том, что и как происходило в небе.

Зацелованный, затисканный, Иван не успевал отвечать на

расспросы. Со счастливого лица его не сходила детская улыбка. Он сам не понимал, как это у него все произошло.

Вечером мы чествовали новоиспеченного аса. Прежде всего ему торжественно поднесли положенные двести граммов. Иван зарделся, кому-то подмигнул. Обед был приготовлен парадный.

– До дна, Иван! Слышишь?- крикнул с другого конца длинного стола Николай Шутт, видимо, заметив, что молоденький летчик с невольным страхом поглядывает на поднесенное традиционное в таких случаях угощение.

Иван Мокрый сделал издали красноречивый успокаивающий жест: дескать, будь спокоен.

Попросив внимания, поднялся Федор Телегин. Лицо его было торжественным. Он дождался полной тишины и поднял стакан.

– Все мы знали,- медленно проговорил он,- что до сегодняшнего дня был Иван Мокрый. После сегодняшнего дня наш Иван стал…- тут Федор сбился и ласково по смотрел на счастливое, красное лицо молодого летчика.

Смотрели летчики, ждали официантки, из окошечка кухни высунулся белый колпак повара. Все ждали, как закончит свой тост командир полка.

– Да чего говорить. Вы же видите, кем он стал. Героем стал, настоящим героем!

И все потянулись к парню чокаться.

Через несколько дней за мужество и отвагу в воздушном бою Иван Мокрый получил орден Красного Знамени. С тех пор он неизменно вылетал на все ответственные и тяжелые задания.

А вот еще один пример.

Вечер после страшно напряженного дня. Летчики устали и спят глубоким беспокойным сном. То и дело слышится невнятное бормотание, нет-нет да раздастся яростный, безумный выкрик. Ребятам и во сне мерещатся нацеленные дула немецких пулеметов, безжалостный косой полет атакующего фашистского стервятника.

Как и в мирной жизни, на фронте тоже иногда выпадают ночи, когда человеку не спится. Наступает возбуждение, а точнее сказать, какое-то беспокойство, которое прогоняет сон. В такие ночи человек думает о разном, переживает зачастую то, о чем давным-давно забыто. Результатом всего бывает легкая грусть и умиротворенная усталость, человек как бы отмякает, отходит душой, в эти минуты он кажется себе взрослее, опытней и даже умудренней. Может быть, как раз в такие ночи у него навсегда пропадает былая мальчишеская порывистость, он становится нетороплив и обстоятелен, как человек, имеющий дело с ежедневной угрозой смерти. Вчерашние мальчишки взрослеют,

ускоренно минуя все этапы, на которые в обычной мирной жизни понадобились бы годы и годы. Тут, на фронте, это происходит почти моментально, нередко в день, в полдня.

Осторожно поднявшись с нар, я нахожу папиросы и спички и пробираюсь к двери,- она светлеет четким удлиненным квадратом. В землянке остаются тяжелый храп и сонные вздохи уставших, намаявшихся товарищей.

Закатывается поздняя ночь, сырой покойный воздух недвижим.

У входа в землянку, прямо на траве, обняв колени, задумчиво сидит Валерка Федоровский. Ему тоже не спится, и он уже давно, едва ли не с вечера, сидит на воздухе, уставившись мечтательными глазами в кромешную тьму спящего аэродрома. Тихо, очень тихо вокруг, багровеет на небе закатный поздний месяц. Валерка молод, сегодня он впервые был в бою и даже сбил самолет.

– Чего не спишь, Валерик? Устал?

Молодой летчик хочет подняться, но я кладу ему руку на плечо: – Сиди, сиди.

– Не то, товарищ капитан,- доверчиво говорит Валерка.- И устал, и… А не могу. Только закрою глаза – кресты. Со всех сторон кресты. Кошмар какой-то! Пробовал уснуть – не могу.

– Иди, спи, Валерик,- говорю я летчику.- Это бывает.

– С вами тоже было, товарищ капитан?

– А как же. С каждым бывает.

– Вы понимаете,- оживляется Федоровский,- ведь враг же, а вот мерещится… Черт бы его побрал!

В темноте мне совсем не видно лица Валерки. Он нервно поводит плечами и отворачивается. Такое впечатление, что ему холодно. Но стоит теплая безветренная ночь. Постепенно Валерка отходит. Он сидит, поджав ноги, подбородок на коленях. Голос его тих и доверчив. Он рассказывает о матери, о сестренке. «Смешная, косички хвостиками…» Плохо, что редко приходят из дому письма.

Выговорившись, Валерка успокаивается окончательно и идет спать. Завтра снова трудный день, нужно восстановить силы. Я смотрю ему вслед и думаю: обломается. Все они сначала так, молодые ребята. Война, кругом смерть. А тут сам сбил, убил человека. Хоть и враг, но… Сложно все это. Человек ведь не машина.

Однако обломаться Валерке не пришлось,- он успел лишь получить орден Красной Звезды за первые успехи и вскоре погиб в воздушном бою.

«Операция «Цитадель»,- пишет в своих воспоминаниях

гитлеровский фельдмаршал Манштейн,- была последней попыткой сохранить нашу инициативу на Востоке. С ее прекращением, равнозначным провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. В этом отношении операция «Цитадель» является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте». Советские войска выиграли Курское сражение. Утром 12 июля наши бомбардировщики и штурмовики сбросили тысячи противотанковых бомб на боевые порядки танковых войск противника. Затем на врага обрушился огонь советской артиллерии, после чего в атаку пошли танки. Началось советское контрнаступление, разгорелось знаменитое Прохоровское танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до тысячи пятисот танков и самоходных орудий. Бомбардировщики эшелонированными действиями поддерживали наземные войска, нанося удары по скоплению танков противника. Самолеты вызывались на поле боя и наводились на цель по радио авиационными представителями, находящимися в наземных войсках.

В первый день наступления удар противнику нанесли войска Брянского фронта и левого крыла Западного фронта. 15 июля пошли войска Центрального фронта, а 3 августа началось наступление Воронежского и Степного фронтов. Немецко-фашистские войска побежали к Днепру. Последняя попытка гитлеровского командования вернуть утраченную стратегическую инициативу потерпела крах.

Некоторые западногерманские историки пишут, что руководство вермахта стремилось под Курском создать для Советской Армии новый Верден, чтобы перемолоть, как в мясорубке, ее силы. Однако этот «Верден» в своем все усиливающемся водовороте поглотил немецкие дивизии.

Сказалось поражение под Курском и на политическом положении фашистской Германии. 10 июля англо-американские войска произвели высадку на Сицилию и быстро захватили весь остров, служивший трамплином для последующего вторжения в Италию. 25 июля фашистский режим Муссолини пал.

После Курской битвы гитлеровская Германия вступила в полосу глубокого и безысходного военного и политического кризиса.

24 июля советское радио передало приказ Верховного Главнокомандующего:

«Вчера, 23 июля, умелыми действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска.

…Немецкий план летнего наступления надо считать

полностью провалившимся. Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы в летнем наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

Прошло еще две недели. 5 августа наши войска овладели Орлом и Белгородом. В этот же день, 5 августа в 24 часа, москвичи были свидетелями победного салюта из десятков артиллерийских орудий.

Немцы были ошеломлены таким поворотом событий. Они не ожидали контрудара. А наши войска, развивая успех, вступили на землю Украины. Началось изгнание врага с советской территории.

После понесенного поражения на Курской дуге немецко-фашистское командование отдало приказ о немедленном строительстве «Восточного вала» по правому берегу Днепра. Широкая многоводная река с высоким западным берегом представлялась немцам надежной преградой для наших наступающих войск.

В эти дни ЦК Компартии Украины, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики приняли обращение: «Выходи на решающий бой, народ Украины! В борьбе мы не одни. Плечом к плечу с нами идут русские, белорусы, грузины, армяне – сыны всех народов Советского Союза… Вперед, в наступление на врага!» Пламенные слова обращения вдохнули в войска новый наступательный порыв.

Целью наступления являлся разгром противника в районе Белгорода и Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и перекрыть отход противника из Донбасса на запад.

На наших планшетах теперь знакомые названия украинских сел, речек, городов. Наступление идет успешно. Не успеем мы освоиться на новом аэродроме, как нужно подаваться вперед, все дальше на запад. Начались бои за Харьков.

Многострадальный Харьков! Повсюду густые столбы дыма, поднимающиеся высоко к небу. Город в развалинах. С чердаков и из подвалов бьют орудия. Немцы создали мощную оборону, проломить которую могут только части, имеющие большой опыт уличных боев.

В этот день на всех командных пунктах, на траве и планшетах, на раскладных столиках и досках вместо карт лежали планы города Харькова. Напряжение битвы нарастало с каждым часом. С утра до вечера неумолчно били пушки и минометы. Эскадрильи самолетов проносились над окраинами города, и внизу поднимались столбы дыма и пыли.

Впереди шел бой, уже не первый, за эту городскую окраину, называемую Холодной Горой. Многие бойцы с медалями и орденами на груди, полученными еще в зимних боях, рассказывали, как в морозный февральский день мчались они на лыжах, с ходу врываясь в кварталы Холодной Горы. Она и теперь, как в тот раз, являлась ключом к Харькову.

– Как только возьмем ее – дело сделано! Враг сопротивляется жестоко.

Бой в городе – это очень своеобразное сражение. Для боев на улицах нужен особый опыт.

До нынешнего года наши войска вели в основном оборонительные бои. В Сталинграде немцам приходилось брать с бою буквально каждый камень. Наша оборона была цепкой, изобретательной и предельно насыщенной убийственным огнем. Теперь советские части сами оказались в роли наступающих. Сталинградский опыт обороны оказался весьма полезным в харьковских наступательных боях. Предельно рассредоточившись, наши автоматчики методично очищают дом за домом, квартал за кварталом. Ломая оборону в самом городе, части Красной Армии в то же время обтекали город, и линия фронта все больше и больше напоминала петлю, которая захлестывала немцев, упорствующих в своем стремлении удержать Харьков. Захваченные пленные показывают, что в городе укреплены все важнейшие перекрестки. Значит, в центре Харькова предстоят особенно кровопролитные бои. Там у немцев пристрелян каждый метр площадей и улиц. На окраинах города засели полки потрепанных под Белгородом и пополнявшихся прибывающими резервами дивизий. Старые знакомые… Те же пленные рассказывают, что на улицах появились эсэсовцы в своей зловещей черной форме. Офицеры внушают солдатам, что Харьков будет обороняться до последнего патрона, ибо сдача его равносильна потере всей Украины. В частях недавно оглашен особый приказ Гитлера – удержать Харьков во что бы то ни стало.

Но все это напрасно. Мощь наступления советских войск нарастала с каждым днем.

Нашему полку по нескольку раз в день приходилось летать на Харьков. Нам уже настолько примелькались городские кварталы, что мы по малейшим изменениям узнавали, как идут дела у наземных войск.

Чем уже смыкалась петля окружения, тем ожесточеннее дрались зажатые в Харькове войска. Немецкие летчики, прикрывавшие город с воздуха, несли большие потери.

Истребительные полки были укомплектованы только новыми машинами: Ла-5, ЯК-7 и ЯК-9. У противника действовал старый

знакомый – немецкий 4-й воздушный флот. Советские летчики теперь полностью господствовали в воздухе. Правда, у немцев еще были опытные искусные летчики, но поединки с ними заканчивались, как правило, в нашу пользу.

Однажды не вернулся с задания самолет Николая Шутта. Мы бросились к летчикам, которые летали с ним и только что совершили посадку. Оказалось, Николай задержался. У самой линии фронта он увидел «мессершмитт» и, передав заместителю распоряжение сопровождать штурмовиков до аэродрома, сам пошел на перехват. Последнее, что видели летчики – «мессершмитт» охотно принял вызов. А вот о том, как проходил поединок, никто из ребят не знал.

Нам пришлось изрядно поволноваться, прежде чем мы увидели возвращающийся самолет. Николай сделал над полем «бочку» и пошел на посадку. Значит, все в порядке.

Николай потом рассказывал, что немец попался очень опытный. Долгая погоня друг за другом кончилась тем, что «мессершмитт» с полупереворота ушел вдруг в пике, Николай, вовремя разгадав маневр, пристроился за ним и почти у самой земли срезал его очередью.

– Вся гимнастерка мокрая!- жаловался Николай, шевеля лопатками.- Вот измотал, дьявол!

Много напряженных поединков довелось выдержать и другим летчикам полка.

На фюзеляже моего самолета в эти дни появилась двадцатая звездочка – непрерывно растущий лицевой счет сбитых вражеских машин.

Техник Иван Лавриненко обладал философским складом ума.

– Вот интересное дело, товарищ капитан,- неторопливо говорил он, благодушествуя на поросшем травою бугорке.- После войны бы взять да проехать по всем тем местам, где вот сейчас приходится… Дунаева бы взял с собой, Колю бы Шутта… Ну, кого бы еще?… Да, Корниенко!

Стоял тихий теплый вечер. Догорала заря. Скинув гимнастерку, я сидел по пояс голый и, ловчась перед крохотным зеркальцем, с наслаждением намыливал щеки, слушая своего техника.

С утра никто из летчиков не бреется. Прежде всего – нет времени, потому что вставать приходится до свету, а потом – дурная примета. Летчики – суеверный народ. Зато после долгого дня, вечером, когда полеты закончены, все ребята с удовольствием располагаются на пенечках и начинают «наводить красоту». Бреются долго, тщательно. Живые радуются жизни. Благо, что никаких других занятий почти нет.

– А ведь после войны, товарищ капитан, на этих самых местах люди хлеб сеять будут. Это уж наверно. А может, овес. А может…

Резкий телефонный звонок в землянке прервал размышления техника. Я повернул голову – кто бы это?

– Вы брейтесь, брейтесь, - сказал он.- Я спрошу.

Лавриненко нырнул в землянку, и тотчас оттуда раз дался его беспокойный голос:

– Товарищ капитан, вас!

– Кто?- спросил я, все еще поглядывая в зеркальце.

– Скорее!

В землянке я принял из рук обеспокоенного техника трубку и осторожно, чтобы не испачкать в мыле, приложил к уху. Лавриненко, ожидая, напряженно наблюдал за моим лицом. Я сразу узнал в трубке голос командира дивизии генерала Баранчука. Ничего не объясняя, генерал только справился, я ли это, и крикнул: «В воздух!»

– Есть в воздух, товарищ генерал!- крикнул

В трубке тотчас запищало.

Техника в землянке не было.

– Иван!

Но когда я выскочил из землянки, увидел, что Лавриненко со всех ног бежит к моему самолету.

– Что случилось, Сережа?- спросил, не отрываясь от бритья, Николай Дунаев.

Ничего не ответив, я пробежал мимо. Дунаев, недоуменно скосив глаза, посмотрел мне вслед. Кое-кто тоже оторвался от бритья – слишком уж стремительно пробежал Лавриненко, а за ним и я.

Готовить самолет к вылету пришлось недолго. Когда я подбежал, Лавриненко уже проворно стаскивал с него маскировочную сеть.

– Бритву-то оставьте, товарищ капитан!- напомнил он в самый последний момент.

Без гимнастерки, с намыленным лицом я бросился в кабину и, не прогревая мотора, пошел на взлет. «Парашют, думаю, в воздухе как-нибудь приспособлю».

Короткий разбег – и самолет в воздухе. Едва поднявшись над кромкой леса, убираю шасси, а сам глазами рыскаю по сторонам: что так встревожило командира дивизии? А-а, вон что!… Непрошенный гость. Еще не набрав высоты, совсем недалеко вижу воровато крадущийся на свою сторону двухмоторный «хейнкель». Это, по всей видимости, был разведчик. «Сфотографировал что-нибудь серьезное. Недаром генерал позвонил сам».

Теперь уж не до парашюта: когда с ним возиться, если враг

вот он, почти рядом.

Привычно набираю высоту и захожу «хейнкелю» в хвост. Но не тут-то было! Вражеский стрелок встретил меня пулеметной очередью. «Мама родная,- мелькнуло в голове,- а ведь у меня парашют не пристегнут!».

Стремясь уйти от преследования, «хейнкель» начинает отчаянно маневрировать. То уйдет в крутое пике, то вдруг взмоет вверх. Глядя, с какой легкостью вражеский летчик бросает тяжелую машину, я подумал, что летят на разведчике отнюдь не новички. Да новичков и не послали бы в разведывательный полет.

Приблизиться для верной атаки нет никакой возможности. Только сунусь – очередь. Хвостовой стрелок умело держит меня на почтительном расстоянии.

Боясь напороться на смертельную очередь, кручусь в безопасной зоне, а сам лихорадочно соображаю, как поступить. Вывод пока напрашивается один – попробовать измотать хвостового стрелка. Тоже опасно, тоже рискованно, но делать больше нечего. Так, за здорово живешь, он ни за что не подпустит меня на верную дистанцию.

Чтобы измотать его, начинаю бесконечно менять позиции. Игра с огнем в прямом смысле слова: только я появлюсь в его зоне, он тут же открывает стрельбу из пулемета. Нырок, вираж и – новая атака. И снова стрелок, припав к пулемету, поливает меня свинцом, высматривая в прицеле мой неутомимый и неотвязчивый самолет. Мне хорошо видно, как трассирующие очереди рассекают воздух, норовя хлестнуть по фюзеляжу моей машины. Пока что мне удается благополучно избегать их смертельного прикосновения, и я, рассчитывая на охотничий азарт хвостового стрелка, становлюсь все нахальней. Лезу почти под самый пулемет. Самолет мой, как назойливая муха, вьется у самого хвоста «хейнкеля». Стрелок измучился, без конца перебрасывая тяжелый пулемет. «Давай, давай! Еще немного…» На этом строится весь мой расчет.

Пулеметные очереди с разведчика все злее и продолжительней. Хвостового стрелка явно подводят нервы. Он уже не выжидает верной возможности, а сразу же открывает огонь, едва я появлюсь в полосе видимости. Надо полагать, и возненавидел же он меня!

Иногда я оказываюсь так близко возле «хейнкеля», что мне отчетливо видно злое лицо немца. Он весь взмок, но по-прежнему не выпускает из рук пулемета. Длинные очереди то и дело устремляются в мою сторону. И вдруг я слышу – пулемет затихает. Делаю один маневр, другой – тихо. Что он: хитрит, выжидает? Осторожно приближаюсь и продолжаю следить за

немцем. Ого, как упарился! Но бешеные глаза его настороженно прикованы ко мне, и на сердце у меня тревожно екает: кажется, я зарвался, хлестанет он меня сейчас очередью! Однако пулемет молчит. Что с ним? Хорошо вижу, что стрелок ругается, злой, и вдруг он бросает пулеметы и выхватывает ракетницу. «А-а, так у тебя патроны кончились! Ну, ракетница твоя мне не страшна». Теперь уж без всякой боязни сближаюсь до предела. Несколько мгновений я держусь так близко, что мы с немцем смотрим друг другу в самые зрачки. Лицо стрелка свела гримаса злобы и отчаяния. «Да, брат, не уберег патроны-то!» Сощурившись, летчик прицелился и выстрелил из ракетницы. Я нажал гашетку: длинная очередь отбросила немца назад.

«Хейнкель», по существу, остался совсем неприкрытым.

Огромная грузная машина плывет прямо подо мной. Мы летим невысоко, и на земле я различаю быструю тень распластанных крыльев. «Хейнкель» несет крупные, четко нарисованные кресты, которые постоянно кажутся мне зловещими. И по себе знаю и ребята рассказывают, что стоит только увидеть эти ненавистные кресты, как руки сами собой тянутся к пулемету. А тут еще свастика на хвосте, напоминающая нелепого изломанного паука. Фюзеляж самолета выдается вперед, по бокам, с той и другой стороны, разливаются мерцающие круги – работающие пропеллеры. Во всю мощь двух своих моторов вражеский разведчик тянет за линию фронта к своим.

Может, во время стремительного пикирования мне кажется, что я различаю немецких пилотов под плексигласом кабины. Они, поглядывая на мой атакующий самолет, беспокойно крутят головами в гладких, затянутых под подбородками шлемах.

Сближаясь почти вплотную, из всех пулеметов поливаю моторы вражеской машины. Отчетливо вижу: прямое попадание. Но вот что удивительно: не горят! Захожу в новую атаку, стреляю еще, еще, опять вижу, как длинные очереди попадают прямо в баки с горючим – все равно не горят. Не могу ничего понять. Не обман же зрения! Лишь позднее я узнал, что с некоторых пор немцы стали применять резиновые обкладки внутри баков с горючим. Отдельные пулевые пробоины моментально затягиваются эластичной резиной.

Еще не зная этой новинки, сильно раззадоренный, я, по старому опыту, весь огонь сосредоточиваю на левом моторе. Но понадобилось несколько заходов, прежде чем показывается дымок. На этот раз не помогла и резина.

Кружусь сверху и вижу, что «хейнкель» начал терять высоту. Теперь можно подождать. Вражеский самолет пошел ниже, ниже, ясно – сейчас сядет. А дым из мотора все гуще, показалось пламя.

Вот самолет запахал по полю, пыль поднялась столбом: сел на фюзеляж. Не успела рассеяться пыль, как распахнулась дверца, выскочили двое летчиков, вытаскивают третьего, убитого стрелка, отнесли подальше от пылающего самолета, положили на землю.

Приземлился разведчик на нашей территории. Я пролетел над ним совсем низко. Немцы даже не посмотрели в мою сторону. Высокие, в черных кожаных курточках, они стояли безучастно, зная наперед все, что должно произойти.

Огонь охватил весь самолет. Взрывается бак с горючим. Немцы, оглянувшись, оттаскивают убитого еще дальше. Они не пытаются даже бежать. Куда тут убежишь? Степь, ровная степь. Просматривается кругом далеко-далеко.

Кружусь на небольшой высоте, дожидаясь, пока к месту посадки разведчика не прибудут наши. Кто знает, может, летчики все же решатся дать тягу или займут оборону. Сверху мне с ними легко будет справиться.

Далеко в степи показалась густая пыль. Еще немного, и я увидел бешено несущуюся машину. Наши! И не одна машина, а несколько. Тяжелая плотная пыль густым хвостом тянется за ними и долго висит в воздухе.

Немцы пока не видят машин. Один из них расстегивает курточку, затем стаскивает шлемофон и сердито отбрасывает в сторону. Садится на землю и горько опускает голову. Другой не выдерживает и бросает взгляд вверх, на мой самолет. И только третий, убитый стрелок, лежит, опрокинувшись навзничь, в сухой выжженной солнцем траве. Этот отлетался навсегда.

Приближаются автомашины. Мне видно, как из них на ходу выскочили автоматчики и офицеры. Немцы даже не пошевелились. Все, теперь можно лететь домой.

Над аэродромом я сделал традиционную «бочку» и повел самолет на посадку. Сверху вижу Ивана Лавриненко. Он радостно бежит с банкой белил – рисовать на фюзеляже очередную звезду. Вижу Дунаева. Он уже закончил бритье, умылся, пришил чистый подворотничок. Стоит нарядный, свежий, ждет, когда я вылезу из кабины.

– Что там?- кричит издали. В голосе его никакого беспокойства: будто соседа за плетнем окликает: «Интересно, а если бы хвостовой стрелок влепил мне пулеметную очередь?»

Но теперь не до размышлений. Подбегает сияющий Иван Лавриненко и, глядя на засохшую мыльную пену на моих щеках, смеется:

– Вот добрая примета, товарищ капитан. Небритому везет. А вы не верите!

Пена засохла и неприятно стягивает кожу. Надо было бы хоть

стереть.

– Ну тебя с твоими приметами. Горячая вода еще есть?

– Есть. Идите, добривайтесь. А скажите, товарищ капитан, немцы не дивились, что вы такой голый казаковали?

Тут только я обратил внимание, что в спешке забыл одеться. Так и взлетел полуголым, без гимнастерки, с намыленным лицом. Смеется Дунаев, не могу и я удержаться от улыбки. Видимо, потому-то и замешкался, перед тем как выстрелить из ракетницы, хвостовой стрелок. Разглядев меня как следует, он, ясное дело, не мог побороть изумления. Оно и в самом деле – такое встречается не часто.

Утром следующего дня за мной приехал полковник из штаба фронта и увез с собой. Там я как следует рассмотрел вчерашних сбитых немцев. Рослые блондины. Один из них, как мне сказали, имеет старший офицерский чин. «Видимо, он-то и вел самолет»,- подумал я, вспоминая, как искусно маневрировал «хейнкель».

Пленные, все такие же безучастные, как и вчера у своей горящей машины, сумрачно моргали опаленными ресницами. Я пригляделся к ним. Тот, что помоложе, медленно, словно нехотя, перевел на меня взгляд. Старший же продолжал упорно смотреть куда-то вдаль. Когда младший что-то тихо сказал ему, он лишь презрительно дернул щекой, но ничего не ответил, даже не переменил позы. «Старый волк»,- подумал я.

Оказывается, везли они какие-то очень важные сведения для своего командования. В нашем тылу в погоню за ними поднялись два истребителя. Одного из них вражеский стрелок сбил сразу же. Другой летчик получил ранение и не смог продолжать погони. «Значит, вот почему так скоро кончился у него боезапас! Действительно повезло…»

В штабе фронта меня поздравили с успехом командир штурмового корпуса генерал-лейтенант М. Г. Рязанов и наш старый знакомый В. И. Алексеев. Батя на прощание даже ухитрился сунуть мне небольшую посылку.

– Чтобы было чем обмыть,- шепнул он, заговорщически подмигивая.

Как-то вечером, на одном из полевых аэродромов под Харьковом, мы услышали чеканный голос Левитана, зачитывавшего Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза летчикам-истребителям Н. Дунаеву, И. Корниенко и С. Луганскому. Все награжденные были из нашего полка.

Излишне говорить о том, какое это волнующее и радостное событие было для всех нас. До поздней ночи царило возбуждение на аэродроме. О многом вспомнили мы в тот памятный вечер, о

многом переговорили, в частности и о том, что знак высшей воинской доблести, которым удостоили нас партия и народ, обязывает бить врага еще искусней, еще беспощадней.

Утром в полк приехал Батя. Я ничего не знал о приезде генерала. Сообщил мне об этом вездесущий, всезнающий техник Иван Лавриненко. Запыхавшийся, он прибежал в землянку.

– Батя прилетел, товарищ капитан. Только что.

Я сразу к вам…

Мы еще вчера гадали, когда же получим правительственные награды. И вот генерал уже в полку. Я догадывался, с какой целью прилетел он, но технику старался не показать и вида. Лавриненко был расстроен моим показным равнодушием.

– Как думаете, товарищ капитан,- допытывался он,- будет сегодня вручать?

– Едва ли,- небрежно обронил я.- Хотя, может, и будет.

Техник испытующе оглядел меня,- так мать осматривает дочь перед тем как проводить ее на первый танцевальный вечер.

– Может, побреетесь?- несмело предложил он.- Я все это мигом.

– Брось, Иван. Ты лучше вот что – есть у тебя белые нитки? Вот и принеси мне поскорее. У меня одни черные остались. Подворотничок хоть подошью.

– Мигом, товарищ капитан!- просиял техник.- Скидывайте пока гимнастерку. Я – сейчас!

Предчувствие техника, да и наши ожидания оправдались: генерал прилетел вручать правительственные награды. Торжеств не было. Начинался день, мы были уже у боевых машин. С помощью Лавриненко я едва успел переменить подворотничок. Генерал показался на поле и стал обходить всех по порядку. Орденами и медалями были награждены почти все летчики нашего полка. Тут же, у машин, ребята расстегивали комбинезоны и привинчивали награды к гимнастеркам. Батя подошел к моему самолету, остановился. Позади меня замерли техник и моторист. Генерал достал ярко блеснувшую звездочку и знаком показал, чтобы я расстегнул замок комбинезона. Орден и звездочку он повесил мне сам.

– Ну…- проговорил он, и мы обнялись.

Там, на краю, где генерал уже побывал, гулко заработали моторы самолетов. Чья-то машина, подпрыгивая, тронулась на старт. За ней потянулись на взлет другие. Генерал отступил от меня на шаг, что-то сказал и четко взял под козырек. Над аэродромом стоял такой гул, что не расслышать ни слова. Я тоже вытянулся по стойке «смирно».

Батя хлопнул меня по плечу и пошел дальше. Невысокий,

коренастый, он шагал вразвалку, приминая пожухлую осеннюю траву летного поля. Мой сосед Меншутин, к которому направился генерал, приготовился к встрече.

Застегнув распахнутый на груди комбинезон, я полез в кабину. Настроение было приподнятое. Застегнувшись, затянув молнию комбинезона до самого горла, я все же осязаемо чувствовал на своей груди новые награды: Золотую Звезду и орден Ленина.

– Товарищ капитан, поздравляю!- негромко позвал снизу Иван Лавриненко. Он и моторист, дождавшись, когда генерал перешел к соседнему экипажу, приблизились ко мне. Я был уже на плоскости. Было что-то трогательное в их преданных товарищеских взглядах, и мне стало не много совестно, что я под впечатлением всего случившегося забыл о них.

Свесившись с плоскости, я протянул руку.

– Спасибо, друзья. Спасибо за все!

Лавриненко, отступая от самолета, помахал рукой:

– Счастливо!

Задвинув над головой прозрачный фонарь, я пустил мотор и повел машину на взлет. Первые тройки самолетов уже взмыли в воздух. Из-за вручения наград мы все сегодня чуточку припозднились. Но в этой задержке перед боем, в отеческом напутствии генерала, которое слилось с грохотом вдруг разом заработавших моторов, во всей этой коротенькой фронтовой церемонии награждения было что-то неизъяснимо торжественное, поистине незабываемое.

ЗА ДНЕПР!

Курская битва положила начало грандиозному летне-осеннему наступлению Советской Армии, развернувшемуся на фронте протяженностью в две тысячи километров – от Великих Лук до Черного моря. В результате этого наступления советские войска завершили освобождение западных областей Российской Федерации, приступили к освобождению Белоруссии, очистили от врага Левобережную Украину, Донбасс, заняли Таманский полуостров и создали плацдармы на Керченском полуострове и на севере Крыма.

Все попытки гитлеровского командования стабилизировать оборону на «Восточном валу» потерпели полный провал. У врага были отвоеваны области, имевшие крупнейшее военно-экономическое значение. Ведь достаточно сказать, что украинская железная руда, вывозившаяся в период оккупации в фашистскую Германию, покрывала треть всей потребности немецкой военной промышленности.

После Харькова противник безостановочно покатился к Днепру.

Успешное наступление вызвало необычайное воодушевление в советских войсках. Забывались и усталость от напряженных боев, и тяжесть длительных переходов. Всех охватило стремление быстрее гнать врага все дальше и дальше на запад, освобождая родную землю. Не дать противнику закрепиться на правом берегу Днепра, с ходу форсировать эту мощную водную преграду, создать плацдарм для наступления на Правобережной Украине – такая задача стояла перед советскими войсками.

Обращаясь к командирам и политработникам, Военный Совет фронта подчеркивал, что наступило время полного и окончательного изгнания врага со священной советской земли. Предстоящая Днепровская операция, говорилось в обращении, сыграет исключительно важную роль. Днепр – это рубеж стратегического значения. Гитлеровцы пытаются запугать Красную Армию утверждениями о том, что они заковали Днепр в железо и бетон, превратили его в неприступный «Восточный вал» Надо вселить в сознании каждого бойца твердую уверенность в успехе форсирования Днепра и захвате плацдармов. Поэтому все должно быть подчинено решению этой главной задачи. Важно - не дать противнику опомниться и закрепиться на правом берегу Для форсирования Днепра необходимо использовать все, что попадется под руку рыбачьи лодки, плоты, бревна, пустые бочки. Внезапность – важное условие победы на Днепре.

Порыв наступающих войск был настолько велик, что «Восточный вал» не устоял. Преодолевая яростное сопротивление фашистов, наши передовые части уже 21 сентября вышли к Днепру, с ходу форсировали эту естественную преграду Южнее Киева был захвачен букринский плацдарм, а затем в двадцати километрах севернее города - лютежский плацдарм. Закрепившись на них, наши части тут же стали наводить переправы.

Ожесточенная разгорелось борьба в воздухе севернее и южнее Киева. Следует иметь в виду, что основные силы авиации противника базировались тогда на аэродромах Белая Церковь, Умань, Винница, и небольшое удаление от линии фронта позволяло фашистам с одной заправкой производить три-четыре вылета. Вражеская авиация неоднократно пыталась разрушить наши переправы через Днепр, но каждый раз навстречу фашистским бомбардировщикам поднимались наши истребители.

Советские передовые части, отбивая бешеные атаки гитлеровцев, успешно удерживали захваченные плацдармы.

Над Днепром разгорелись ожесточенные воздушные бои. Немецкие бомбардировщики группами по 20-30 самолетов в сопровождении большого количества истребителей стремились во что бы то ни стало разрушить переправы, подавить и уничтожить огневые точки и живую силу на плацдармах.

В этих условиях командиры истребительных авиационных дивизий организовали свои командные пункты рядом с командными пунктами командиров стрелковых дивизий и корпусов. Они лично руководили воздушными боями, перенацеливали летчиков в зависимости от обстановки, вызывали подкрепления с аэродромов. Группы наших истребителей водили в бой, как правило, командиры полков.

Солдаты и офицеры наземных войск с большой радостью встречали вести о каждой новой победе наших летчиков над воздушным противником. В своих письмах они выражали благодарность мужественным авиаторам, пресекавшим попытки врага бомбардировать войска на плацдармах и переправы через реку.

Снова, как в самый тяжелый период Великой Отечественной войны, нам приходилось совершать по восемь-девять боевых вылетов за день.

…С самого утра в штабе полка лихорадочное настроение. Суетятся связисты. Вот быстро прошел И. Кузьмичев и с озабоченным лицом скрылся у Федора Телегина. Нервозность обстановки передается всему аэродрому, и это заметно по техникам и мотористам. Они сегодня малоразговорчивы,

деловиты, исполняют свои обязанности в заметно повышенном темпе.

Никто из летчиков ничего не знает, хотя каждый чувствует, что день предстоит не совсем обычный.

– Приказано: собраться,- говорит Иван Корниенко, с надеждой поглядывая на запертую дверь, за которой совещаются командир полка и замполит.

– Как на правом?- спрашивает Дунаев. У нас у всех в эти дни одна забота: держатся ли наши на правом берегу Днепра?

– Все хорошо. Точно знаю,- с уверенностью говорит Николай Шутт.

Появляются наконец Федор Телегин и Кузьмичев. Оба уже готовы в вылету. Лицо командира полка полно значительности. Мы поднялись, затихли разговоры. Ждем.

Объяснения командира полка недолги. Сегодня рано утром на командный пункт командира дивизии на левом берегу Днепра прибыл Главный маршал авиации А. А. Новиков. Он будет лично наблюдать за предстоящей операцией.

Сообщение, что и говорить, неожиданное.

– А сейчас – по машинам!- заканчивает краткий инструктаж командир полка.

Гурьбой вываливаемся из штаба.

– Значит, держись,- сказал мне Николай Дунаев, торопливо шагая к ребятам своей эскадрильи.

Направляемся в прикрытие штурмовикам. Задание как будто привычное, но все понимают, что если вдруг в дивизию пожаловал Главный маршал, значит, предстоящий бой будет не совсем обычным.

Успеваю предупредить ребят. Все подтягиваются. Сознание, что уходим на задание под наблюдением такого высокого начальства, заставляет настроиться по-особому.

Над командным пунктом дивизии грозной бронированной тучей прошли штурмовики, их ведет гвардии подполковник Чернецов. У штурмовиков задание – разметать наступающие порядки врага, не дать ему опрокинуть в Днепр небольшой отряд советской пехоты, закрепившийся на крохотном клочке земли на правом берегу. Бои там идут ожесточенные, все висит на волоске.

Следом поднимаемся мы, прикрываем штурмовики сверху. В несколько этажей строй советских самолетов направляется К Днепру.

Привычно связываюсь по радио с ведущим группы штурмовиков, называю свои позывные. Мне отвечает голос подполковника Чернецова. Вдруг подполковник спрашивает:

– Слушай, ты не воевал в Финляндии?

– Было дело.

– То-то голос знакомый,- басит подполковник, и я невольно гляжу вниз, на строй штурмовиков, будто надеюсь под фонарем ведущей машины разглядеть летчика.

– Ну, здорово, старый друг!- все так же раздается в наушниках.- Ведь вот где довелось встретиться!

Действительно неисповедимы пути фронтовые! Кто бы мог предполагать такую неожиданную встречу?

Подполковник предлагает как-нибудь встретиться – «отметить встречу». Конечно же я согласен.

Так мы на расстоянии друг от друга каждый во главе группы боевых машин толкуем неторопливо и совсем мирно, будто направляемся на прогулку.

– Надо, надо встретиться!- говорит Чернецов, перед тем как перейти на обычный, «предгрозовой» разговор, где уж совсем не будет места никаким воспоминаниям и дружеским излияниям.

Но я отвлекся.

Маршал и командир дивизии наблюдают за приближающимся боем. Даже невооруженным глазом хорошо видно, как с немецкой стороны показались «юнкерсы» и «хейнкели». Вражеских машин такое множество, что кажется – достаточно одного удара с воздуха и кончится все: оборвется ниточка переправы, с трудом наведенная саперами, перепахан будет каждый дюйм земли правобережного плацдарма.

Быстро идем на сближение. Стена на стену: кто кого?

Внизу, на Днепре, бьет вражеская артиллерия, от разрывов снарядов река кипит. В этом хаосе смерти неутомимо трудятся работяги саперы. Им некогда поднять головы, и они привычно не обращают внимания на вражеский обстрел. От них сейчас зависит многое. На левом берегу скопилось огромное количество наших войск. Вал наступающих с востока уперся в Днепр. Успех наступления зависит от целости переправ, которые то и дело приходится восстанавливать.

Приближающиеся «юнкерсы» и «хейнкели» выглядят устрашающе. Может быть, это оттого, что их такое множество. Высоко над ними идут «мессершмитты». Эти станут охотиться за нами. Но надо во что бы то ни стало не пустить бомбардировщиков. Смертоносный груз не должен обрушиться ни на переправы, ни на скопления наших войск.

Трудно передать, что в эти минуты творится в эфире. Я уж не говорю о том, что лихорадочно переговариваются немцы,- они тоже увидели нас, и тучу тяжелых штурмовиков, и строй истребителей, идущих в прикрытии. В наушниках я слышу множество русских голосов, причем многие кажутся очень

знакомыми. Переговариваются командиры полков, слышатся короткие громкие команды. Отдают распоряжения командиры эскадрилий. В ожидании приближающегося боя каждый выбирает удобную позицию, хочет заранее занять положение для атаки.

Первоначально у нас складывается такой план: часть самолетов отвлекает на себя немецких истребителей, не давая им приблизиться к штурмовикам, другие же сопровождают штурмовиков к объектам бомбежки, чтобы обеспечить им «зеленую улицу» и спокойные условия для работы.

Распределяя таким образом свои силы и уже приступая к перестроению, мы заметили грозную армаду вражеских бомбардировщиков, надвигающуюся на правобережные плацдармы советских войск и на еле наведенные переправы.

Неожиданно по радио раздается твердый категорический голос, и все мы, летчики, узнаем голос Главного маршала авиации. Наблюдая за сближением воздушных армад снизу, маршал А. А. Новиков приказывает:

– Вступить в бой всем. Всем!

Коротко и веско. И сразу же новая картина предстоящего боя.

На командном пункте вовремя оценили приближающуюся опасность. Нам, истребителям прикрытия, хватит работы с «мессершмиттами». Немецкие летчики не дадут нам и выстрелить по бомбардировщикам. А пустить их к Днепру, значит поставить под угрозу успех всего наступления.

Приказ Главного маршала касается главным образом штурмовиков. Теперь их цель – приближающиеся «юнкерсы». Штурмовики тоже должны вступить с ними в воздушный бой.

Не меняя боевого строя, штурмовики, тяжелые бронированные утюги, устремились навстречу вражеским бомбардировщикам. Их удар был страшен. Немцы не ожидали, что «черная смерть» так вызывающе ввяжется в воздушную схватку. Приблизившись к армаде фашистских бомбардировщиков почти вплотную, штурмовики разом ударили из пушек и реактивными снарядами. Одним заходом они расстреляли сразу десять немецких машин.

Это было незабываемое зрелище. Начиненные бомбами «юнкерсы» взрывались от прямых попаданий, на землю летели лишь осколки. Вражеская эскадра запаниковала. А штурмовики, пройдя сквозь строй немецких бомбардировщиков, разметали их и стали разворачиваться на новую атаку. Нервы немцев не выдержали. Сначала один «юнкере», затем другой, а потом и все разом вражеские неповоротливые машины стали освобождаться от тяжелого бомбового груза. До Днепра они не дошли, и бомбы полетели на боевые порядки своих же войск. «Юнкерсы» один за

другим разворачивались и ложились на обратный курс.

– Уходят!- услышал я голос Меншутина.- Будем преследовать?

Ответить я не успел, потому что в наушниках снова раздалась команда маршала Новикова:

– Капитану Луганскому… Капитану Луганскому. «Хейнкели» заходят на переправу. Не допустить бомбежки. Ни в коем случае не допустить!

Неужели все-таки прорвались? С какой стороны они появились?

Тревога маршала передалась и нам. Ни о каком преследовании бомбардировщиков не могло быть и речи, хотя цель они представляли соблазнительную. Мы даже штурмовиков оставили без прикрытия. Все повернули к переправам. И вовремя: «хейнкели» уже заходили для пикирования.

Как ведущий своей группы, я выбрал флагманскую вражескую машину.

Атаковать всегда полагается сверху. Это, так сказать, азбучная истина. Снизу такой тяжелый самолет, как «хейнкель», надежно защищен броней, и огонь истребителя для него безвреден.

Для принятия решения оставались мгновения. «Хейнкель» уже готовился заскользить вниз, на переправу. Он очень удачно вышел на цель, и мне показалось, что попадание в ниточку переправы неминуемо. Вот почему я даже не набрал необходимой для атаки высоты – было некогда.

Подбираясь к «хейнкелю» снизу, я увидел хвостовое оперение врага с четко намалеванным крестом. Радужное мерцание воздуха разливалось перед фюзеляжем моей машины: бешено работал пропеллер. Короткое, настороженное движение ручки управления – и неистово вращающийся пропеллер рубанул по рулю высоты фашистской машины. Мой самолет сразу же затрясло, бросило в сторону. Не отлетел ли пропеллер? Но, привычно взяв ручку на себя, я с левым разворотом четко вышел из атаки. Значит, все цело. «Хейнкель» же, потеряв управление, камнем падал на землю.

Наши ребята по всему небу гонялись за вражескими машинами, а внизу, на Днепре, продолжалась муравьиная работа саперов и пехоты.

Ни один «хейнкель» так и не успел спикировать на переправу. Мы подоспели вовремя. Советские истребители отогнали врага в сторону и навязали ему бой над степью. Теперь «хейнкелям» не до пикирования. Огрызаясь, как загнанные звери, они спешили выйти из боя и повернули к своим базам.

Плацдарм на правом берегу был сохранен, уцелели и переправы. С левого берега, прямо с марша, по наведенным мостам шла пехота, легкая техника. Подкрепления поступали непрерывно. Бой за Днепр был выигран. Войска, основательно закрепившись на правом берегу, готовились развивать наступление.

Но таран не прошел для меня даром. У моего истребителя оказался исковерканным пропеллер. Самолет держался в воздухе, но его трясло как в лихорадке и время от времени бросало в сторону. Управлять им становилось все труднее. Я снизился и на бреющем полете потихонечку потянул на свой аэродром.

Вечером этого дня к нам на аэродром приехал Главный маршал авиации А. А. Новиков. Он дал высокую оценку деятельности всех эскадрилий. Одновременно маршал поздравил нас с высокими правительственными наградами. Подполковник Чернецов получил звание Героя Советского Союза, я – орден Александра Невского.

Ночь прошла беспокойно. На аэродроме хорошо было слышно, как, не умолкая, била вражеская артиллерия. Приходилось только догадываться, что за ночь провели сегодня бойцы, закрепившиеся на пятачке земли на правом берегу Днепра.

Напряженно прошла ночь и у нас в полку.

Перед самым рассветом я поднялся со своего топчана. В землянке было темно. Закуривая, я при свете спички оглядел ребят. Все они лежали не раздеваясь. Увидев, что я встал, поднялся и Дунаев, попросил бросить ему спички.

Как всегда чуткий, Меншутин тотчас же проснулся и поднял голову.

– Что, уже?

– Спи, спи,- успокоил его Дунаев.

– Вот хорошо-то!- блаженно проговорил молодой летчик, укладываясь поудобней. Дунаев, поднявшись, набросил ему на босые ноги свалившуюся куртку.

– А ты чего не спишь?- спросил Дунаев, заметив в темноте блеснувшие глаза Корниенко.

– Уснешь с вами,- ворчливо проговорил тот, переваливаясь на другой бок.- Чего вас подняло ни свет ни заря?

– Все царство небесное проспишь!- с ласковым упреком заметил Дунаев, хотя по голосу товарища можно было без ошибки определить, что не спалось сегодня и тому.

– Пошли,- шепнул мне Дунаев, направляясь к светлевшему проему двери.

После землянки на воздухе нам показалось свежо. Выпала

обильная роса. Дунаев, нагнувшись, рукой провел по траве – рука стала мокрой.

– Ясный будет денек,- хрипло проговорил он, сильно затягиваясь папиросой.

– Надо бы хоть вздремнуть часок,- сказал я, чувствуя, как тяжела голова и режет усталые глаза.

Николай Дунаев, ожесточенно затягиваясь потрескивавшей папиросой, смотрел в темноту и молчал.

– Надо бы,- вздохнул он, отбрасывая далеко в сторону светлячок окурка.- Да когда теперь?

На аэродроме в полной темноте уже угадывалось большое оживление. Изредка с той стороны, где базировались штурмовики, долетали приглушенные звуки. Там давно все на ногах. Штурмовикам сегодня предстоит много работы. А если штурмовикам, то и нам не знать покоя.

Незаметно стали вырисовываться деревья, скаты землянок, а вдалеке, еще не совсем ясно,- расчехленные самолеты. Светало быстро.

– Подъем!- сдержанно произнес Дунаев, вернувшись в землянку. Сказано было не громко, но привычный сигнал дошел до сознания каждого спящего. На фронте даже самый беспробудный засоня спит настолько чутко, что достаточно одной команды – и человек на ногах. Хотя, как замечалось, к посторонним звукам спящий солдат невосприимчив. Какой-то центр его сознания постоянно настроен лишь на командирскую команду. Иному можно выстрелить над ухом, и он не проснется, а достаточно ровным голосом произнести одно слово, и сна как не бывало.

Первым поднялся Корниенко. Он так и не уснул.

В сумерках занимающегося дня летчики с привычной сноровкой готовились к предстоящим полетам.

Еще не совсем развиднело, а на взлет уже пошли штурмовики. Загруженные до предела, машины тяжело разгонялись и там, в конце поля, с трудом отрывались от земли. Мы ждали своей очереди. Из кабины самолета я наблюдал за взлетом штурмовиков. На плоскостях, на фюзеляжах этих неутомимых воздушных работяг уже играли первые отблески утренней зари. На одной из машин я разглядел знакомый номер. Это пошел мой друг и земляк Талгат Бегельдинов. Сегодня Талгат повел звено.

Советским войскам предстояло сделать бросок, чтобы расширить плацдармы, дать простор для прибывающих подкреплений. Штурмовики направлялись на привычное дело: утюжить немецкие позиции.

У каждого командира штурмовиков есть свой почерк, свой стиль. Много раз наблюдая их в работе, я научился узнавать старых знакомых. Вот, например, сразу видно эскадрилью Степана Пошивальникова. Машины для штурмовки у него разворачиваются своеобразным веером. А вот Шубин, тот любит построение клиньями. Все продумано и отработано у каждого десятки раз. В своей манере работает и группа Драченко.

В бледном свете занимающегося дня штурмовики принялись долбить немецкие укрепления. В воздух полетела земля, обломки. Стала огрызаться зенитная артиллерия, но ребята Пошивальникова не обращают на огонь никакого внимания.

Немецких истребителей пока нет, и мы сидим без работы. С земли, я знаю, ведется непрерывное наблюдение. Командир корпуса штурмовиков генерал Рязанов находится сейчас на передовой. Мне слышно, как измученный бессонными ночами генерал хриплым голосом отдает команды по радио.

– Степа,- басит в наушниках генеральский голос,- Степа, еще один заход.

– Есть!- сдержанно отвечает Пошивальников и снова разворачивает свою эскадрилью.

Штурмовики проносятся низко над немецкими позициями, стреляя из пушек и пулеметов. Это уже их третий заход, у них больше не осталось ни бомб, ни снарядов. Израсходовав весь боезапас, штурмовики засобирались в обратный путь, но тут в наушниках снова послышался умоляющий голос генерала Рязанова:

– Степа, еще один заход. Последний. Хотя бы один еще, пусть холостой! Сейчас наши в наступление поднимутся.

Было слышно, как выругался Пошивальников. Но штурмовики, перестроившись, снова стали заходить на атаку.

Не думаю, чтобы генерал не слышал ругани Пошивальникова: связь в бою прямая. Но в такие минуты прощается многое. Скорее всего, генерал просто пропустил мимо ушей. К тому же у лихого Степы очень велик авторитет. Скупой на слова, неторопливый, Степан Пошивальников считается одним из самых боевых летчиков в штурмовом корпусе. На счету штурмовика десятки вылетов на самые опасные задания.

Расчет генерала Рязанова, когда он просил штурмовиков повторить заход, был ясен. Фашисты пуще огня боятся штурмовиков. Немецкая пехота, едва завидя наших «горбатых», в ужасе забивается в землю и не решается поднять головы. А тут штурмовики только что сделали три свирепых захода и продолжают висеть над самыми головами. Откуда было врагам знать, что у них вышел весь боезапас? Поэтому генерал Рязанов

правильно решил сыграть на страхе забившихся в норы гитлеровцев. Пока штурмовики в воздухе, пока они над позициями, ни один немец не рискнет высунуть из своего укрытия носа. А это как раз на руку нашей пехоте, поднявшейся на штурм немецких укреплений.

Штурмовики великолепно выполнили свою задачу. Талгат Бегельдинов потом рассказывал, что услышав просьбу генерала, летчики спустились до самого предела, чуть не задевая землю.

Грозно ревя моторами, эскадрилья Пошивальникова снова пронеслась над затихшими окопами, а в это время наша пехота шла в атаку. Множество крохотных фигурок бегут по изрытой снарядами и бомбами земле. Немецкие позиции молчали. Штурмовики зашли еще раз. Фигурки советских бойцов достигли первой линии вражеских окопов.

За воздушные бои над станцией Знаменка, крупным опорным пунктом вражеской обороны, нашей истребительной дивизии было присвоено наименование Знаменской.

В этих боях я стал свидетелем отваги бомбардировщиков «петляковых» и, в частности, их командира генерала И. С. Полбина.

Имя Ивана Семеновича Полбина в то время уже было овеяно поистине легендарной славой. Это был великолепный летчик, отчаянно смелый человек. Будучи в генеральском звании и командуя корпусом, он неизменно сам вылетал на задания и показывал образцы летного искусства и храбрости.

Война застала генерала под Москвой, а до этого он несколько лет служил в Забайкалье. В боях на Халхин-Голе получил орден Ленина, на Волге удостоен звания Героя Советского Союза. После Сталинградской битвы И. С. Полбин был отозван в Москву, в главный штаб ВВС. Однако штабная работа оказалась не по характеру генерала, и он через три с половиной месяца снова попросился в действующую армию.

Я хорошо знал этого человека и очень сожалею, что жизнь его оборвалась столь трагически.

И. С. Полбин был выдающимся специалистом по бомбометанию. Еще под Сталинградом он впервые применил пикирование. Можно без преувеличения сказать, что с именем генерала Полбина связана славная фронтовая судьба выдающегося достижения советских конструкторов и самолетостроителей – пикирующего бомбардировщика ПЕ-2.

Примерно в 1938-39 гг. конструкторский коллектив Владимира Михайловича Петлякова создал новый скоростной и высотный бомбардировщик с условным названием «Самолет-100». Даже многие фронтовики, воевавшие на ПЕ-2, не знали, что

первоначально разрабатывался проект высотного истребителя дальнего действия с герметической кабиной. Однако позже было решено изменить назначение самолета и создать скоростной высотный бомбардировщик.

Спустя год самолет успешно прошел государственные испытания и под маркой ПЕ-2 был запущен в серийное производство. Новая машина оказалась очень перспективной.

Полбинцы очень гордились пикировщиком и делали все необходимое, чтобы летать на нем мастерски и выявлять новые возможности машины.

– Отличнейшая, маневренная машина,- отзывался о бомбардировщике И. С. Полбин.- И крепкая: будто из одного куска сделана.

В тот раз, когда нам довелось прикрывать бомбардировщиков, «петляковы» начисто разнесли Знаменку. Бомбежка проходила по системе, разработанной самим И. С. Полбиным. Он ввел ее еще в боях над Волгой и Доном, и впоследствии она была внедрена в практику советской авиации как обязательный, так сказать, хрестоматийный метод. Изучили его и мы, истребители, потому что система Полбина предусматривала новую схему взаимодействия бомбардировщиков и самолетов прикрытия.

Отбомбившись над станцией, «петляковы» не понесли ни одной потери. На обратном пути неожиданно обнаружили немецкий аэродром и, быстро перестроившись, обстреляли его. Действовали они неторопливо и обстоятельно.

Подлетая к линии фронта, мы увидели идущие навстречу тяжелые самолеты. Сначала подумалось, что это наши бомбардировщики отправляются в тыл врага. Но, сблизившись на достаточное расстояние, узнали «юнкерсов», Вражеские бомбардировщики возвращались с задания.

Обычно в таких случаях, если враг идет без прикрытия, в бой вступают истребители. Но, едва мы узнали «юнкерсов», в наушниках послышался голос генерала Полбина. Генерал приказывал всем «петляковым» вступить в бой. И наши бомбардировщики, идя могучим литым строем, направились навстречу врагу. «Юнкерсы», заметив наш маневр, заметались. Они надеялись, что бомбардировщик бомбардировщику «глаз не выклюнет». Дескать, встретились и разошлись. Но «петляковы» навязали бой. Это было впечатляющее зрелище.

Флагманская наша машина с первого захода расстреляла ведущего вражеской группы. Открыли огонь и остальные машины. В этом коротком бою было сбито шесть «юнкерсов». Остальные разбрелись по небу кто куда.

Показалась передовая. «Петляковы» и тут не удержались,- они основательно проутюжили вражеские окопы и только после этого направились на свою базу.

Не могу забыть восхищения, охватившего всех нас, истребителей, когда бомбардировщик, который вел сам И. С. Полбин, вдруг замер над аэродромом, словно перед ним выросла невидимая стена, а потом начал переворот через крыло. Тяжелый самолет опрокинулся на спину. Потом летчик еще раз перевернул машину и начал снижаться. Мы не поверили своим глазам. Бомбардировщик исполнил «бочку». Немыслимо! И все-таки это было так. Я видел это сам. Зная обычай истребителей сообщать количеством «бочек» число сбитых в бою вражеских самолетов, генерал не отступил и от этой традиции.

Впоследствии, уже в Военно-воздушной Академии, я познакомился с дважды Героем Советского Союза Павлом Плотниковым, летчиком из корпуса И. С. Полбина. В свое время Плотников впервые в истории решился сделать «бочку» на бомбардировщике. Узнав об этом, генерал И. С. Полбин рассвирепел и объявил летчику строгий выговор за лихачество. Плотников с улыбкой вспоминал, как после жестокого нагоняя генерал вдруг плотнее прикрыл дверь своего кабинета и поманил летчика.

– Слушай,- шепотом сказал он, оглядываясь на закрытую дверь,- научи ты, ради бога, меня, как ты это сделал!…

И впоследствии, как рассказывал Плотников, лихой генерал на своем бомбардировщике, будто на истребителе, легко крутил несколько «бочек» подряд: три одинарных и одну двойную.

В конце октября завершилась перегруппировка наших войск с букринского плацдарма на лютежский. За несколько суток удалось скрытно перебросить на расстояние 150-200 километров крупные силы. Истребительные авиакорпуса прикрыли войска во время движения к районам сосредоточения. Им была поставлена задача – не пропустить ни одного воздушного разведчика противника, не дать возможности немецко-фашистскому командованию вскрыть подготовку наших войск к наступлению с лютежского плацдарма.

Штаб 2-й воздушной армии работал в те дни напряженно. Его офицеры оказывали практическую помощь командирам авиационных частей и соединений в подготовке удара на Киев, выезжали в сухопутные войска для организации взаимодействия. 1 ноября Военный Совет фронта рассмотрел и утвердил план взаимодействия частей и соединений 2-й воздушной с войсками 38-й армии.

Предусматривалось, что боевые действия авиации начнутся

ночью, накануне наступления.

Поздно вечером 2 ноября у командующего войсками фронта состоялось совещание, на котором были даны последние указания, установлен час атаки.

На рассвете 3 ноября сухопутные войска и авиация были приведены в полную боевую готовность. На многих аэродромах перед первым вылетом состоялись короткие митинги. Были вынесены овеянные славой знамена авиационных частей, сражавшихся с врагом на Дону и Волге, на Курской дуге и под Харьковом. Перед строем летчиков и техников был зачитан приказ Военного Совета фронта. В приказе подчеркивалось громадное значение Киева для нашей страны, говорилось о братстве русского и украинского народов. Приказ требовал, чтобы каждый солдат и офицер проникся чувством ответственности за выполнение почетной боевой задачи.

К сожалению, утром 3 ноября землю окутал плотный туман. Первый вылет бомбардировщиков и штурмовиков задержался. Но как только туман рассеялся, по основным узлам сопротивления противника был нанесен массированный удар. Части 38-й армии начали продвижение в глубину вражеской обороны.

На второй день снова не повезло с погодой. Низкая облачность нависла над районом сражения, переправами, аэродромами. Но сухопутные войска продолжали напряженные бои на подступах к Киеву и вышли к третьей позиции вражеской обороны.

Хорошая погода установилась к вечеру 4 ноября. В воздухе разгорелись ожесточенные бои.

Ночью выяснилось, что в обороне противника пробита огромная брешь. Командующий фронтом Ватутин бросил в ночное наступление танковую армию Рыбалко. Включив фары и прожекторы, установленные на машинах, танкисты ринулись на врага. Их поддержали расчеты реактивных минометов, артиллеристы.

После упорных боев наши танки перерезали дороги на Коростень, затем на Житомир. Над врагом вот-вот должна была захлопнуться крышка гигантской западни. Чтобы избежать окружения, фашисты дрогнули и побежали.

На рассвете 6 ноября над зданием Центрального Комитета Компартии Украины взвился красный стяг!

…В боях 1943 года сила немецкой авиации была основательно надломлена. Как теперь известно, фашисты потеряли семнадцать с половиной тысяч боевых самолетов. Покрыть такие гигантские потери было невозможно. И не случайно, что начальник генерального штаба ВВС и штаба

оперативного руководства гитлеровской авиацией генерал-полковник Ешоннек, не видя никакой возможности предотвратить гибель и скорую ликвидацию этого вида вооруженных сил, покончил жизнь самоубийством.

После боев на Днепре нас отвели на переформирование. Мне предоставили отпуск, и я получил возможность побывать в Алма-Ате.

Сколько же я не был в родном городе? Подумать только!

Путь лежал почти через всю республику. Где-то вскоре после Оренбурга, за Орском, въехали на территорию Казахстана. Потянулись знакомые места, привычные уху названия.

В коридоре позади меня какой-то бойкий старичок, всю дорогу не снимавший с головы драной шапки, собрал вокруг себя попутчиков и, философствуя, тыкал пальцем в окошко вагона:

– Это только поглядеть, какие у нас пространства!

Ехать надоест. Тут любой немец на одном керосине со своими танками прогорит.

– Танки на бензине, отец,- вставил раненый в шинели, баюкая замотанную в бинты руку.

– Ну, так и того хлеще!- подхватил старичок.- Тут никакого богатства не хватит. Да ее, этакую страну, век не пройти!

Послушать словоохотливого старичка подходили из соседних купе, народ толпился в коридоре.

Поезда тогда ходили переполненными. Среди пассажиров преобладали военные. В нашем вагоне множество раненых,- на костылях, с руками на перевязи. Часто попадались инвалиды. Эти ехали домой навсегда.

Скоро потянулись совсем знакомые места. Поезд опаздывал. С чемоданом в руке я уже давно стоял в тамбуре и нетерпеливо выглядывал.

Поплыли стройные свечки пирамидальных тополей. Ярко сияло солнце. Недалекие горы были затянуты легкой дымкой. Молоденькая проводница с бледным измученным лицом открыла ключом дверь, и в тамбур ворвался морозный воздух.

Мать и жену я узнал еще издали. Наш вагон тихо проплыл мимо них и сразу же остановился. Мои родные жадно глядели в вагонные окошки, вглядывались в повисших на подножках людей. «Не видят!…»

Сняв со ступенек вещевой мешок и чемодан, я подошел к ним сзади и остановился. Мать за эти годы постарела, согнулась, как будто меньше стала ростом., – Мама!

Она дернулась и обернулась с какой-то досадой, будто рассердившись на неожиданную помеху. Несколько мгновений глаза матери смотрели на меня с недоумением, она не узнала

меня.

– Здравствуйте, мама, Маша!

– Господи!…- только и проговорила мать, припала, заплакала.

В те минуты на вокзале, когда я обнимал плачущих мать и жену, я подумал о тех матерях и женах, которые уже никогда не придут на вокзалы встречать своих сыновей и мужей. Скольких ребят мы недосчитывались после боевых заданий только в одном нашем полку…

На вокзале я нашел попутную легковую машину, и мы поехали. Мать и жена всю дорогу держали меня за руки. Алма-Ата засыпана снегом. Сверкают под солнцем величественные вершины Ала-Тау, они кажутся близко-близко. Снег нарядно убрал деревья. Гремит старенький трамвай. Кажется, ничто не изменилось в родном городе. На проспекте имени Ленина, по которому поднимается машина, мальчишки играют пустой консервной банкой в футбол. На мгновение они замолкают, пропуская машину, а затем снова с громкими криками рассыпаются по всей ширине проспекта.

На второй или на третий день после приезда я отправился в горком комсомола, туда, где мальчишкой получал путевку в оренбургскую школу летчиков. Там меня встретили радушно. Здесь пристально следили за событиями на фронте, и мне чуть не до вечера пришлось отвечать на расспросы.

Вечером в филармонии собралась общественность столицы Казахстана. Зал был переполнен. Здесь студенты и преподаватели, рабочие алма-атинских предприятий и ученики училищ трудовых резервов, много школьников. И всех интересуют подробности – как там, на фронте? Рассказывать мне пришлось долго. Вспомнил я бои под Ростовом, потом Сталинград, когда судьба города висела на волоске, потом воспоминания пошли веселее: Курск, Харьков, бои над Днепром. Сейчас немцу, хоть он еще и силен, уже не остановиться, не зацепиться на нашей земле. Враг бежит, и его бьют везде – на земле и над землей. Естественно, о боях в воздухе я в основном и рассказывал.

И вот, когда кончился мой рассказ, когда зал успокоился, из-за стола президиума вдруг поднялся старенький профессор Штесс и предложил объявить сбор средств на постройку истребителя – подарок алма-атинцев земляку. Штесс тут же внес пятьсот рублей.

Почин старого профессора поддержали единодушно. Часть денег собрали тут же, на вечере, часть – на следующий день. Очень волнующе выглядел сбор денег у ребят. Школьники отдавали в общий котел свои двугривенные и рубли, некоторые несли их прямо в горком комсомола. «Дяде Сереже на самолет»,-

сказала в горкоме одна маленькая девочка.

Дома у меня не было ни минуты свободной. С раннего утра приходят и приезжают посланцы из школ, с предприятий с просьбой встретиться с учениками, с рабочими. Ежедневно приходится бывать в горкоме комсомола. Там кипит лихорадочная деятельность: комсомольцы взяли под свой контроль сбор средств на истребитель.

За два дня было собрано 180 тысяч рублей.

На заводе имени Кирова появилась передовая молодежная бригада имени Луганского. Совсем еще юные ребята и девчушки объявили ударную вахту и все заработанные деньги внесли на самолет. Я съездил на этот завод, познакомился с бригадой.

Поистине золотая у нас молодежь! С юношами и девушками этой бригады у нас завязалась переписка, и мы переписывались до конца войны. Сейчас эта переписка хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Очень быстро, почти незаметно подошел день отъезда. Только вроде бы приехал, а вот уж и уезжать надо.

– Ну вот,- с огорчением сказала мать, качая головой,- по-человечески-то так и не посидели.

Действительно, все дни у меня складывались как-то так, что для родных совсем не оставалось времени. С утра кто-нибудь приезжает, куда-то надо было идти, вечером обязательно встречи. Мать пожаловалась, что очень обижаются родственники: на нас, дескать, у него и часа не найдется.

Возразить было нечего.

Украдкой утирая слезы, мать с женой неторопливо собирали меня в дорогу. Белье мое перестирано и выглажено, заново перешиты все пуговицы на гимнастерке. Теперь до конца войны не оторвутся!

На вокзал поехали с женой и матерью. Однако и там нам не удалось побыть наедине. Едва мы появились, нас сразу же окружила шумная гурьба молодежи.

– Сергей Данилович, а мы боялись, что вы опоздаете!

Для получения самолета вместе со мной направлялись представители алма-атинской молодежи: один паренек и две девушки. Они должны были вручить мне самолет.

– Вы там, Сергей Данилович, получше выбирайте,- наказывали мне в Алма-Ате.

– Не беспокойтесь, выберем самый лучший.

Последние минуты на вокзале прошли в обычной суете.

Из окна вагона я в последний раз увидел расстроенные лица родных и помахал им рукой.

Поехали.

Директор авиационного завода принял нас приветливо. Делегация вручила ему письмо комсомольцев и молодежи.

– Ого, вот это петиция!- удивился директор.- Что ж, выбирайте, какой понравится.

– Дядя Сережа, тут уж вам…

И «дядя Сережа» вопросительно посмотрел на директора.

– Пожалуйста, пожалуйста, дядя Сережа,- рассмеялся директор, делая приглашающий жест на поле.

– Заправлены?- спросил я, не зная, на каком самолете остановиться.

– Готовы к отправке.

У меня разбежались глаза. Передо мной на поле сплошь стояли совершенно одинаковые, новенькие истребители Як-1. Наконец я подошел к стоявшему с краю самолету и полез в кабину.

В воздухе я попробовал исполнить несколько фигур высшего пилотажа, которые применяются во фронтовой обстановке в воздушном бою Хоть и одинаковы на вид машины, но собственный опыт убедил меня, что они разнятся друг от друга. Малейший дефект – и бой с врагом может оказаться проигранным.

Первую машину я забраковал и полез во вторую. Видя это, директор завода указал мне на одиноко стоящий в сторонке истребитель:

– Попробуйте-ка вот этот. Попробуйте! Я полез в кабину. Мои спутники остались смотреть. Директор стоял широко расставив ноги и заложив руки за спину. «Ну, ну, что ты скажешь?»-как бы говорила его поза.

Самолет на самом деле оказался выше всяких похвал. Я исполнил на нем целый каскад фигур высшего пилотажа, сел и, едва спрыгнув на землю, заявил:

– Все. Беру этот. Никому не отдам.

Директор рассмеялся:

– Желаю счастья!

Он с особой теплотой распрощался с моими юными спутниками и ушел.

– Ну, значит, теперь все в порядке?- прошептала девушка.

– Все, все!- отвечал я в радостном настроении. Мне и в самом деле было приятно, что нашлась такая машина, которая отвечала всем требованиям суровой фронтовой обстановки.

– Значит, мы так и доложить можем: выбрали самую лучшую?

– Так и доложите. А лучше всего я сам передам с вами письмо.

– Ну, тогда совсем хорошо!

Тут же, на заводе, на фюзеляже истребителя масляной краской было написано: «Герою Советского Союза Сергею Луганскому от комсомольцев и молодежи г. Алма-Аты».

На прощание мы обнялись и расцеловались.

На следующий день я вылетел на фронт.

После отдыха, после картин мирной тыловой жизни особенно остро, почти болезненно воспринимается все, что связано с войной. Пепел и руины остались после изгнания врага на многострадальной земле Украины. Фашисты отступали на запад.

В звериной злобе, чувствуя свой неизбежный конец, фашисты с неистовым остервенением сеяли вокруг смерть и разрушения.

Несмотря на отчаянное и, в сущности, бесперспективное положение, гитлеровская верхушка и не думала отказываться от продолжения войны. Для нее теперь речь шла лишь о том, чтобы продлить свое существование, каких бы жертв это ни стоило немецкому народу.

В предвидении новых боев в Германии были приняты все меры, чтобы поднять боевой дух войск и восполнить понесенные потери. В частности, Гитлер отдал грозный приказ о прочесывании тылов, чтобы направить в боевые части около миллиона человек. Он продолжал навязывать немецкому народу свои бредовые планы.

В приказе о прочесывании говорилось: «Я намерен восстановить боевую силу сражающихся на фронте войск с помощью самых беспощадных методов и сломить посредством драконовых наказаний всякое сопротивление отданным приказам».

Однако все старания гитлеровской клики укрепить свое положение оказались тщетными. Военные события на советско-германском фронте снова потрясли до основания вооруженные силы фашистской Германии.

А военные события разворачивались тем временем своим чередом.

Гитлеровское командование полагало, что после летне-осенней компании 1943 года Советской Армии потребуется длительное время для восстановления сил и она не сможет скоро предпринять широкого наступления, особенно в зимних условиях и в период весенней распутицы. За это время оно рассчитывало основательно подготовиться к летним боям. Однако расчеты врага были снова опрокинуты.

В январе 1944 года советские войска начали, вопреки общепринятым представлениям о сезонности боевых действий, крупные наступательные операции и почти полностью освободили Ленинградскую, Калининскую области, вступили на

территорию Эстонской ССР, очистили от фашистов Правобережную Украину, вышли к Карпатам, вступили в Румынию.

Зимнее наступление Советской Армии было лишь началом центральных событий 1944 года на советско-германском фронте: летне-осенней кампании советских войск, окончившейся выдающимися военно-политическими результатами.

…Зима 1944 года на Украине была снежной, но теплой. Вьюги то и дело сменялись дождями. Грунтовые дороги развезло. Аэродромы часто выходили из строя Только на старых довоенных летных полях, имевших бетонные взлетно-посадочные полосы, боевая работа шла без существенных перерывов.

Нелегко было нам, но еще труднее приходилось противнику. Наше Верховное Главнокомандование прекрасно понимало это и принимало все меры, чтобы именно в распутицу наносить новые удары по врагу.

В конце января главные силы 2-й воздушной армии сосредоточились южнее Киева. Готовилась Корсунь-Шевченковская операция,

В каком-то селе, сплошь засыпанном снегом, я разыскал штаб своего полка, встретил старых боевых товарищей. Ребята засыпали меня вопросами: всех интересовало, как идет жизнь в тылу. Долго рассказывал я о поездке на родину, о встречах в Алма-Ате, о том, что видел и пережил. Всех заинтересовал рассказ о подаренном земляками самолете. Летчики загляделись на мой новый истребитель. Теперь я и сам как будто другими глазами взглянул на подаренную машину. Здесь, на фронтовом аэродроме, среди обстрелянных, много раз чиненных самолетов, она выглядела ярко, как игрушка.

– Хорош!- сказал кто-то из ребят.- Только пестрый больно. Смотри – и звезды и надпись. Живого места нет. Немцы тебя сразу заприметят.

– Пускай примечают!

– Опробовал в воздухе?- спросил Николай Дунаев.- Слушается?

– Еще как! Такого у меня еще не было!

– Ну, тогда дай бог! Скоро у нас тут начнется…

Началось наступление в один из последних дней января. Несколько наших армий при поддержке авиации прорвали вражескую оборону и устремились на юго-восток. В районе Звенигородки прорвавшиеся войска встретились с танкистами генерала П. А. Ротмистрова, замкнув таким образом кольцо окружения. Десять немецких дивизий оказались зажатыми в кольцо.

Снова, как и под Сталинградом, немецко-фашистское командование попыталось спасти свою окруженную группировку. На внешнем фронте окружения появились свежие дивизии, к окруженным войскам направились транспортные самолеты. И снова перед нашей авиацией была поставлена главная задача: наглухо заблокировать противника.

В боях под Корсунь-Шевченковским кроме 2-й армии принимала участие воздушная армия, которой командовал генерал С. К. Горюнов.

Для координации действий авиации прибыл представитель Ставки генерал С А. Худяков. Через две недели его заменил командующий ВВС маршал авиации А. А. Новиков.

Действия самолетов затруднялись отвратительной погодой. Почти все время шел снег, мела метель. В таких условиях каждый полет был подвигом. Сквозь туман и пургу летчики настойчиво пробивались к целям.

Пользуясь нелетной погодой, приковавшей основные силы нашей авиации к своим аэродромам, враг активизировал войска прорыва. В штаб фронта поступило указание Верховного Главнокомандующего: считать основной угрозой не те войска, которые в окружении, а те, что стремятся прорвать внешний фронт.

Надо было выполнять приказ, невзирая на непогоду.

Тогда отличился наш земляк, впоследствии дважды Герой Советского Союза старший лейтенант Иван Павлов, Группа штурмовиков под его командой взяла обязательство взлететь в любых условиях, пробиться к цели и выполнить боевое задание.

Пурга не утихала. Метель и снегопад заслоняли все взлетные ориентиры. Тут на помощь летчикам пришли техники, оружейники, мотористы Живой цепочкой они выстроились на взлетной полосе. Ориентируясь по этой цепочке, штурмовики поднялись и, не делая круга над аэродромом, легли на курс. Вскоре они скрылись в кромешной снежной мгле.

О том, как проходил этот полет, рассказывал сам Иван Павлов, с которым мы были хорошо знакомы.

Фонари самолетов постепенно затягивало льдом. Из-за обледенения винтов началась тряска моторов. На одной из машин двигатель вышел из строя, и летчик совершил вынужденную посадку. Но остальная группа упорно продолжала идти к цели.

Враг не ожидал в такую погоду появления штурмовиков. Немецкие танки шли плотным нерассредоточенным строем. В танковых колоннах двигались бензозаправочные машины. Великолепная цель для бомбометания! Советские штурмовики сделали четыре захода. Только израсходовав весь боекомплект,

они взяли обратный курс и благополучно вернулись на аэродром.

К концу февраля с окруженными немецкими дивизиями было покончено.

Весна. Стояли теплые погожие дни. Наши войска освобождали Бессарабию.

Жители Бессарабии встречали освободителей с радостью. Помню, перелетели мы на новый аэродром, сели на большом поле у самой околицы села. День выдался солнечный, снега не видно. Еще приземлялись последние самолеты, а мы увидели, что из села на поле бегут празднично разодетые люди, целая толпа. Оказалось, сегодня первый день пасхи, в церкви шло богослужение, но, узнав, что прилетели советские самолеты, все бросились из церкви на поле. Женщины прибежали первыми, с куличами в платочках. Мужчины забежали домой и захватили жареных гусей и бутылки с самогоном.

Какой-то древний старик в холщовых портах и сыромятных постолах ходил по полю, обнимал всех летчиков по очереди и со слезами на глазах говорил:

– Господи, думал уж не дождусь!

Одеты жители были пестро, ярко, но в самодельное: холст, сыромятная кожа. Ничего фабричного, городского в селе и в помине не было.

Немцы изрядно похозяйничали на бессарабской земле. Повадка оккупантов известна давно: брать все, что находится, а взамен не давать ничего. И вот результат. Я сам видел, как жители с жадностью подбирали ветошь, которой техники обычно вытирают промасленные руки.

– Ну, хлопцы, а хлопцы!- взывал старик в холщовых штанах и сыромятных постолах. В руках его уже была большая бутылка и стакан.

Летчики, посмеиваясь, неловко переминались с ноги на ногу и поглядывали на командира полка.

В обстановке удивительного радушия и сердечности мы отдыхали несколько недель.

Летчики, чтобы хоть чем-то отплатить за радушный прием, отдавали жителям все лишнее: куртки, брюки, гимнастерки. Я, например, подарил своему хозяину добротные ботинки на толстой подошве.

– Им же сносу не будет!- радовался он, пряча подарок. – Вековечная вещь!

Вечером в полк привозили кинопередвижку, и тогда все жители со своими скамеечками устремлялись на лужайку, где на двух шестах техники проворно натягивали две сшитые вместе простыни. До сего времени жители и понятия не имели о кино.

Единственным их развлечением служили губные гармошки да песни, прекрасные протяжные песни. Кинопередвижка скоро крепко вошла в сельский обиход.

В Бессарабию к нам в полк приехал гость – отец Ивана Корниенко. Пользуясь затишьем, летчики шумно отпраздновали это событие. Иван даже покатал отца на самолете.

– Кататься, оно хорошо,- заключил после полета старик.- А вот как вы воюете там?

И он, с сомнением покачивая головой, долго глядел в голубое бездонное небо.

Так проходили у нас дни в перерыве между боями.

Вскоре, однако, стала ощутима подготовка к большим боям. Готовилась знаменитая Ясско-Кишиневская операция. Немцы прекрасно понимали, что из Бессарабии открывается путь на Балканы, и стягивали сюда самые боеспособные части. Так стало известно, что на наш участок прибыли летчики из остатков некогда знаменитого воздушного флота Геринга.

– Ну, не первый раз видимся,- говорили ребята, вспоминая бои на Курской дуге.- Старые знакомые.

Рассказывали также, что на наш участок в скором времени перебросят истребительные части из воздушного прикрытия Берлина. Но и это известие ничуть не удивило ребят.

– Тоже бывали встречи,- сказал Николай Шутт.- Да и вообще – кого мы только у них не видели? Может, сам Геринг сядет в самолет?

– Его сейчас в кабину не всунешь!- рассмеялся Корниенко.- Он раза в три тебя потолще будет.

– Значит, в него уж не промахнешься!- смеялся Николай.

Но если Геринг решил ослабить оборону самого Берлина, да еще в такое время, когда участились налеты союзников на Германию, значит – немцы придают предстоящей операции первостепенное значение и бои ожидаются упорные.

Шел предпоследний год войны.

Эту нахальную «семерку» ребята приметили совсем недавно. Казалось, она безрассудно лезла в самую гущу боя, но там чувствовала себя как рыба в воде: атаковала всегда скрытно и неожиданно, никому из ребят еще не удалось поймать ее в прицел. Сразу было видно, что летал на ней опытный летчик. Фюзеляж «семерки» украшал громадный червовый туз.

В моей эскадрилье от «семерки» пострадал Володя Бабкин, хороший пилот, награжденный тремя орденами Красного Знамени. В горячке боя он ее не заметил. Она спикировала на него откуда-то сверху и подбила пушечной очередью. Сам Володя был ранен, но успел выброситься на парашюте.

Бой в тот раз был недолгий, мы скоро вернулись на аэродром.

– Нашли Володю?- спросил я первым делом.

– Ушла машина.

Нас беспокоила судьба выпрыгнувшего из горящей машины товарища.

Сбитого летчика отыскали в конце дня. Володя был ранен и, пока его искали, потерял много крови. Его привезли на аэродром без сознания и тут же отправили в госпиталь.

На следующий день я поехал проведать товарища. Летчики собрали передачу.

– Пусть поправляется скорей,- наказывали они, провожая меня.- А то, глядишь, и война кончится.

В госпитале мне выдали халат, я долго шел по длинному коридору, отыскивая палату. Наконец нашел. Володя был еще очень слаб. Он чуть не заплакал, увидев меня.

– Ведь такое зло берет, товарищ капитан! Откуда только ее черт вынес, эту «семерку»? Слышу только- р-раз!- и горю.

Я, как мог, успокаивал товарища:

– Ничего, Володя, «семерка» от нас не уйдет. Попадется как-нибудь. Рассчитаемся и за тебя. Тут вот товарищи собрали: ты ешь, поправляйся скорей.- Я выложил на тумбочку гостинцы летчиков.

Но Володя не мог ни о чем другом думать: только о злосчастной «семерке».

– Не упустите,- наказывал он.- И следите за ней знаете как! Очень коварная тварь. Из засады, можно сказать, бьет.

– Лежи, лежи. Поправляйся.

Рассчитаться за Володю нам удалось очень скоро.

К тому времени господство нашей авиации в воздухе было полным, и мы, несмотря на то, что против нас дрались немецкие асы, иногда позволяли себе появляться над вражеским аэродромом вчетвером или впятером – Телегин, Дунаев, Шутт, Корниенко, все Герои Советского Союза.- Бросаем вызов: «Выходи драться. На взлете бить не будем». Как правило, немцы предпочитали отсиживаться в укрытиях. Вражеская служба наблюдения еще заранее предупреждала своих летчиков: «Ахтунг, ахтунг! В воздухе…»- и далее шло перечисление наших фамилий. Немцы тоже приметили наши машины.

Собственно, не приметить их было трудно. Я сейчас мысленно представляю себе, как выглядели тогда наши самолеты. У каждого на борту в несколько рядов были четко выведены звездочки,- лицевой счет сбитых вражеских машин. А счет к тому времени у каждого был немалый – двадцать, тридцать, а то и более самолетов. Весь фюзеляж усеян звездочками. Летали Герои

Советского Союза, летчики, прошедшие войну чуть не с самого первого дня. Перед такими иной ас, увидев, невольно заробеет.

Не нужно к тому же забывать, что немецкие летчики набирались опыта в боях с плохо подготовленным противником. Фашистская военная машина была давно нацелена на войну, самолеты в Германии, особенно боевые истребители, являлись в свое время лучшими. И не мудрено, что, летая на хороших машинах, немецкие летчики выходили победителями в схватках с французами, поляками, увеличивали счет сбитых самолетов, набирались уверенности. А это очень много: выходить на бой уверенным в себе, хладнокровным. Молодым летчикам, которые поднимались в небо, часто не хватало как раз этого: уверенности в себе. Нам, советским летчикам, опыт доставался дорогой ценой. Наши ребята уходили в бой, умея зачастую лишь водить самолет. Но уж те, кто уцелел, прошли такую выучку, что им не страшен был никакой враг. Пусть немец хоть с измалеванным тузом, хоть с драконом,- плевать. А вот немцы, завидя наши машины, на фюзеляже которых зафиксирован весь счет сбитых врагов, зачастую побаивались и уходили от прямого боя. Одно дело – расстреливать неопытных, робевших в первом бою мальчишек. И совсем другое – иметь против себя летчика, прошедшего выучку в три долгих фронтовых года.

Так что советская авиация могла теперь похвалиться и своими асами.

Ас – слово французское. Означает: туз. Так называют выдающихся летчиков-истребителей.

Первыми асами были летчики мировой войны 1914- 1918 гг. Сначала это звание присваивалось официально, и, чтобы получить его, нужно было сбить десять вражеских самолетов. Понятно, что асом становился человек смелый, большой выдержки, умеющий безупречно владеть самолетом.

Немцы особенно кичились своими летчиками. Они звали асов рыцарями воздуха. Самым знаменитым «рыцарем» считался барон Рихтгофен, отличившийся в первую мировую войну. В войне с Советским Союзом Рихтгофен командовал 4-м воздушным флотом. Немецкие летчики этого флота, пожалуй, самого лучшего в Германии, были нашими постоянными противниками.

Гитлеровская пропаганда специально создавала культ аса. Она рекламировала их, как сверхчеловеков. Отсюда и украшения, измалеванные на фюзеляжах самолетов: тузы, драконы, женские ножки. Пусть каждый видит, что перед ним не рядовой летчик, а выдающийся: ас!

У советских летчиков в войне установилась совершенно другая традиция: они украшали свои самолеты звездочками.

Сколько сбитых врагов – столько и звездочек.

Культ аса, или сверхчеловека, не соответствует духу Советской Армии. В буржуазных армиях, раньше – в гитлеровской, а теперь – в американской, выдающиеся летчики являются по существу своему индивидуумами. У них что-то общее с кинозвездами. Они заносчивы, высокомерны – каста избранных. Наши же, советские, асы ничем не выделяют себя из всей массы летчиков. Обладая высокими индивидуальными качествами, они сражаются в групповых боях наравне со всеми, выручают товарищей, передают им свой опыт.

Мне приходилось встречаться со многими советскими асами, и я могу уверенно сказать, что все они просты в обращении, прекрасные товарищи, ничуть не кичащиеся своими заслугами.

С тех пор как я побывал у Володи Бабкина в госпитале, перед глазами у меня все время стояло осунувшееся лицо сбитого в бою товарища. Парень сильно переживал, не находил себе места. Вот же проклятая «семерка». Встретить бы ее!

И встреча с «семеркой» состоялась. Получилась она, можно сказать, совсем неожиданно. Мы вылетели на прикрытие и удачно провели все задание; штурмовики отбомбились, повернули назад. Немецких истребителей не было, хотя обычно они появляются моментально.

«Мессершмитты» встретили нас на обратном пути. Часть наших ребят отправилась провожать штурмовики на аэродром, а несколько самолетов ввязались в воздушный бой.

Немцы, по всей видимости, вылетели на свободную охоту. Каждый «мессершмитт» украшен каким-нибудь изображением. Эти яркие пятна на фюзеляжах вражеских машин видны издалека. У наших ребят тоже приметные самолеты: я вижу ряды звездочек у Телегина, Дунаева, Корниенко, Кузьмичева. У всех «стариков» полка за плечами не один десяток боев.

Во время сближения с противником, когда мы, разгоняясь, набирали высоту, я увидел на одном из «мессершмиттов» крупную цифру «7». Тотчас вспомнился Володя. Так вот она, «семерка»! И с той минуты я старался не спускать с нее глаз.

Однако в самый ответственный момент боя она неуловимо исчезла из поля моего зрения. Не пойму, как это случилось. Скорее всего потому, что я загляделся на действия товарищей. Бывают мгновения, когда просто глаз не оторвешь от филигранной работы умелого мастера воздушного боя. Сознавая превосходство противника в количестве, командир полка не кинулся в лобовую атаку, а приблизившись, оттянул на себя несколько вражеских машин и лег в крутой разворот. Немцы устремились в погоню хороводом. Тогда Федор каким-то

немыслимым нырком заскочил в хвост последнему из преследователей и пулеметной очередью срезал его.

Мы потом разбирали этот бой, и Федор пояснил, что немцы, совершенствуя свои истребители, добавляли им вооружение и броневую защиту, а значит – утяжеляли их. Тяжелый самолет – грозная машина, но в определенных условиях. Нашим истребителям немцы стали проигрывать в маневренности. Вот этим-то и воспользовался Телегин.

Он и из атаки вышел легко и стремительно, как жалящий овод: был – и нет его. Тяжелым немецким машинам нужно было выписать громадную дугу виража, чтобы вновь занять боевую позицию.

Лихо сбил вражескую машину и Дунаев.

Залюбовавшись работой товарищей, я вдруг почувствовал крепкой силы удар по правой плоскости своей машины. Понял – пушечная очередь. Глянул вбок и близко, совсем рядом, увидел хищные очертания немецкого самолета. Я сразу узнал его,- это была та самая «семерка» с червовым тузом. Немец свалился на меня сверху, дал очередь и свечой пошел вверх.

Не знаю, почему немец выбрал именно вертикальный маневр. Скорее всего по шаблону. Раньше это им давало известное преимущество, теперь же – никакого. Прошло то время, когда немцы неуязвимо чувствовали себя на вертикалях.

Выправив машину, я кинулся в погоню. Внутри у меня все кипело. Ну, думаю, сейчас будем рассчитываться!…

Немец, как видно, не ожидал преследования, потому, завершив подъем по вертикали, спокойно сделал переворот. Вот уж это было глупо: немецкие летчики не могли не знать, что мы теперь охотно принимаем бой и на вертикалях. Так что погони он обязан был остерегаться.

В тот момент, когда «семерка» опрокинулась на спину, я всадил в нее длинную очередь. Тут уж никакого спасения быть не могло. Не закончив переворота, вражеский самолет вспыхнул и беспомощно рухнул на землю.

В этом бою мне удалось сбить еще один самолет.

Теперь Володя Бабкин мог спокойно залечивать свою рану. «Семерка» сгорела на земле.

Вечером я, как обычно, побрился, сменил подворотничок и отправился в госпиталь. Меня долго не пускали в палату. Пришлось найти дежурного врача и объяснить ему, почему я так настойчиво добиваюсь свидания с раненым. Дежурил седой неразговорчивый доктор с пышными усами. Выслушав меня, он бросил из-под густых бровей испытующий взгляд.

– Что ж, причина уважительная. Даже вполне…

Пройдите.

Дежурная нянечка, не пускавшая меня в палату, ворчливо заметила:

– Настырные вы все, молодые. Будто в кино пришел или на базар. Тут мучаются люди, понимать бы надо.

– Так я и добиваюсь, чтоб человек не мучился. На минутку ведь просился…

– На минутку…- В груде халатов она отыскала какой почище, встряхнула, оглядела и только тогда протянула мне.

– Постой, постой!- закричала она, когда я ринулся на лестницу.- Куда летишь? Твоего вниз перевели, в другую палату. Сюда вот иди.

– А почему вниз?- насторожился я, и недобрые предположения тотчас пришли в голову.- Что-нибудь… не того?

Но нянечка снова занялась своим вязанием, проговорив:

– Потому и перевели, что здоровый.

«Значит, все хорошо!»- обрадовался я.

Длинный белый коридор. Множество дверей. «Где же искать Володю?» Запахивая накинутый на плечи халат, я быстрыми шагами пошел по коридору. На улице было темно, в палатах горел свет. На впритык составленных койках лежали раненые. Кое-где в палатах слышался смех.

Володя издали увидел меня и нетерпеливо приподнялся.

– Лежи, лежи. Все в порядке.

– Встретили все-таки?

– Встретил и рассчитался. Даже с процентами получил.

Бабкин удовлетворенно откинулся на подушки.

– Спасибо, товарищ капитан! И у меня дело на поправку пошло. Вниз перевели.

К нашему разговору прислушивались раненые. Палата затихла. Каждому было интересно узнать, как там и что…

Володя стал спрашивать о товарищах. Я подробно рассказал, как в бою отличились все - и Шутт, и Дунаев, и Телегин.

– Ох, скорей бы уж подняться! Так и война может кончиться.

– Еще успеешь. Ребята тебе шлют привет, завтра зайдут проведать. Ну, я пошел, Володя. Завтра у Телегина день рождения.

– Привет ему. И поздравьте, товарищ капитан.

– Будет сделано.

Этот фронтовой день нам, летчикам истребительного полка, запомнился надолго. Я, например, помню его и по сию пору.

Начался он празднично. Рано утром летчики явились с поздравлениями. Федор Телегин, усмехаясь, принимал подарки: мундштук, перочинный нож. Кажется, ребята из эскадрильи

Дунаева отыскали маленькую куклу. Настроение у всех было приподнятое. День рождения командира полка всегда отмечается, как семейный полковой праздник.

После поздравлений разговор перешел на воспоминания. Каждый припоминал, как праздновались дни рождения в мирное время. Уточнялись мельчайшие подробности.

– Вот у меня,- рассказывал Николай Шутт и мечтательно щурил глаза.- Ну, встаешь утром и уж чувствуешь: праздник. Пахнет даже праздником! Это там на кухне разные шуры-муры… Ну, рубаха отглажена, кругом чистота. А главное – жена как ангел. Чувствует момент и на стол выставляет бутылку: тоже, заметьте, собственного рецепта. Заранее все готовилось! Ну, дальше…

Однако начинались полеты, и Николай скомкал свой рассказ.

– Вот жизнь пошла,- с сожалением вздохнул он.- Даже вспомнить некогда. А ведь как жили! Как жили!

Летчики разошлись, и мы с Телегиным остались одни. Командир полка выглядел вялым, озабоченным. Я поинтересовался, что случилось.

– Да ничего вроде особенного,- хмурясь, сказал Федор.- Просто какое-то дурацкое состояние. Сон, видишь ли, плохой приснился. Вот и не выходит из головы.

– Бро-ось. Выдумал тоже! Ты что, суеверный, что ли?

– Какое там суеверный! Но вот что-то тут…- Федор постучал себе по груди,- тут что-то побаливает.

Я внимательно посмотрел на осунувшееся лицо командира.

– А может, тебе просто отдохнуть надо? Ведь замотались. Давай-ка отдохни сегодня. День вроде будет спокойный, мы тут сами…

И я уговорил Телегина поехать в деревню, помыться в бане, выспаться и не думать о полковых делах. Федор уехал.

– Если что – пошлешь за мной,- наказал он напоследок.

У меня стало спокойней на душе. Командиру полка на самом деле следовало давно уж отдохнуть. За последние дни он не знал ни минуты покоя. При любом мало-мальски ответственном задании Федор обязательно вылетал сам. Он был, пожалуй, самым опытным из «стариков».

Жизнь на аэродроме шла своим чередом. Летчики получали задания, улетали, возвращались и докладывали мне о сделанном.

День так и закончился бы без происшествий, если бы неожиданно не позвонил командир дивизии генерал Баранчук. Он спрашивал Телегина. Я кое-как объяснил его отсутствие и выразил живейшую готовность выполнить задание.

– Нет, нет,- ответил генерал.- Нужен сам Телегин.

Сейчас я к вам выезжаю.

«Не придется Федору отдохнуть»,- подумал я.

Все еще надеясь сберечь отдых командира полка, я встретил генерала.

– Где Телегин?- едва поздоровавшись, спросил он.

Дальше скрывать его отсутствие не было возможности.

Выслушав меня, генерал сокрушенно покачал головой.

– Плохо дело. Но все равно – садись, поехали,- и генерал направился к своей машине.

Я сел впереди, рядом с шофером, и стал показывать дорогу.

– Устал Федор?- спросил со своего места генерал.

– И устал, и… вымотался.

– Ничего не сделаешь,- снова как-то загадочно проговорил генерал, глядя на недалекую рощицу, разбитую артиллерийским огнем: торчали лишь сломанные, расщепленные пеньки.

Спрашивать, что за срочная надобность в командире полка, было неудобно, хотя вопрос так и вертелся у меня на языке. Но я знал, что генерал по пустякам не стал бы его беспокоить. Сам боевой летчик, он прекрасно понимал, насколько устает в боях человек и как иногда важна для него коротенькая передышка.

Показалась околица деревни, мы влетели в улицу. Я подсказывал шоферу: «Направо… Налево…».

– Стоп. Вот здесь!- и мы вышли из машины.

Федор только что помылся в бане и находился в самом благодушном настроении.

– Едем!- коротко приказал командир дивизии.

Вскочив с кровати, Федор засуетился. Благодушие его как рукой сняло. Через минуту он был готов.

– Сюда,- предложил ему генерал, пропуская впереди себя в машину.

С Федором мы успели только переглянуться, но я постарался дать ему понять, что командир дивизии в настроении и нисколько не сердит, не застав на месте командира полка.

Поехали.

По дороге генерал объяснил, чем вызвана такая необходимость. Оказалось, корпус «петляковых» под командованием самого И. С. Полбина идет на бомбежку и нам нужно не только прикрыть их, но и постараться заранее блокировать вражеские аэродромы. Задание ответственное, связанное с чем-то таким, о чем не знал и сам генерал.

– В общем, сам понимаешь,- заключил он, будто извиняясь за вынужденное беспокойство.

День выдался серенький, облачный – самый неприятный для летчиков. Видимость никудышная.

Готовя полк к вылету, Федор распорядился, что полетят сегодня одни «старики».

Мы поднялись и тут же затерялись в облаках. Летать пришлось рассредоточенно, полагаясь в критический момент только на собственные силы и опыт.

С «петляковыми», что шли ниже нас, мы постоянно поддерживали связь. Иногда в редких разрывах облаков становился виден четкий строй бомбардировщиков. Всякий раз я спешил отыскать глазами флагманскую машину. Ее вел сам И. С. Полбин.

– «Колос»… «Колос»…- время от времени раздавался в наушниках глуховатый голос генерала. Ему немедленно отзывался Телегин. Наш истребительный полк прикрытия был подчинен командиру соединения бомбардировщиков.

Настороженные русские голоса перекликались в эфире, как в темном непроходимом лесу. Видимость по-прежнему оставалась отвратительной.

Появилась уверенность, что так вот, под прикрытием облаков, мы беспрепятственно выйдем к намеченному объекту. Однако ближе к цели облачность вдруг стала редеть. Временами мы отчетливо видели друг друга. А вскоре в наушниках раздался твердый командирский голос Телегина,- он заметил вражеские самолеты. Навстречу нам шли «Фокке-Вульф-190».

Теперь пробил наш час. Вражеские перехватчики не должны были войти в соприкосновение с бомбардировщиками.

«Петляковы» продолжали двигаться к цели. Ревя моторами, они вонзались в плотную пелену облаков, на несколько секунд исчезали с глаз, затем снова показывались в голубых просветах. С распластанных крыльев бомбардировщиков отслаивались клочья облаков. Мокрые плоскости блестели и вспыхивали на солнце.

Телегин сделал перекличку эскадрильям. Отозвались по очереди все – Дунаев, Корниенко, Шутт. Многословных наставлений не было – за долгие месяцы войны мы научились понимать друг друга с полуслова.

Решение командира полка было таким: пользуясь облачностью, рассыпаться и вести бой каждый в одиночку, без ведомых. Летчики все опытные, каждый может постоять за себя.

Выясняется, однако, что такого же плана придерживаются и немецкие летчики. При сближении с нами «фоккеры» рассыпали строй, и теперь каждому предстоит выбрать себе соперника. Для нас задача усложняется лишь тем, что предстоит постоянно наблюдать, все ли «фоккеры» «заняты», не увязался ли кто за «петляковыми».

Первым завязал бой Телегин. Он отбил одну машину в

сторону и погнался за ней. Вражеский летчик привычным маневром пытался ускользнуть в облака, но Телегин прицепился к нему намертво. Оба самолета скрылись.

Через минуту из облака вывалился настоящий факел – «фоккер» грохнулся на землю.

Первая удача как бы задала тон всему поединку. Командир полка, как всегда, показывал пример.

Бой еще не разгорелся в полную силу, только завязывались отдельные схватки. Сцепившиеся пары чертили небо по самым замысловатым кривым. Стрельба слышалась изредка: у противника хватало опыта открывать огонь только с верной дистанции.

В то, что произошло дальше, трудно было поверить. Никто и не видел, как все случилось. Из облака, откуда только что вывалился пылающий «фоккер», вдруг показался еще один горящий самолет. Будто что-то подтолкнуло меня в сердце – я сразу узнал машину командира полка. Самолет обреченно летел на землю. Видимо, в облаках Телегин не заметил подкравшегося врага и получил неожиданную очередь. Я тотчас же спикировал следом за горящей машиной командира полка. Была слабенькая надежда, что сам Федор жив и выбросится на парашюте. Но все напрасно…

Коротенький бой, всего минута, снова схватка – и какая потеря… Бой этот так и не разгорелся в полную силу, словно немцы только затем и вылетели, чтобы сбить командирскую машину.

Пользуясь разбросанной облачностью, «фоккеры» рассыпались по небу, попрятались, ушли от боя.

Плохо помню, как мы довели задание до конца. «Петляковы», сбросив бомбовой груз, взяли курс на базу. Мы шли, как полагается, над ними, но в наших наушниках траурная тишина. Похоже было, что мы возвращаемся с похорон. Да, собственно, так оно и было. Мы лишились своего боевого командира, своего товарища…

Излишне говорить о той горечи, которую испытывали не только летчики нашего полка, но и других соединений, близко знавшие Федора Телегина. А нас с Федором связывала фронтовая дружба, крепче которой, как это знают только однополчане, нет ничего на свете.

На следующий день меня вызвал на военный совет командир штурмового корпуса генерал Рязанов. Я прибыл рано утром. В штабе уже все были на ногах. Меня без задержки провели к генералу.

– Товарищ генерал, капитан Луганский прибыл по вызову!

Командир корпуса внимательно посмотрел мне в глаза. Мне показалось, что он хочет расспросить о подробностях гибели Телегина. Они знали друг друга очень давно, воевали бок о бок. Я не сомневался, что генерал очень переживал неожиданную утрату.

– Вот так…- грустно произнес генерал, опустил голову и с минуту посидел молча, барабаня пальцами по столу.

– Полк примете вы!- сказал наконец он, и это прозвучало как приказ. Я не был готов к такому разговору, я вообще не ожидал такого поворота и стал решительно отказываться, ссылаясь на молодость, на неопытность (мне и в самом деле казалось немыслимым заменить Федора Телегина). Однако генерал оборвал меня и повторил приказ снова, В армии, а тем более на фронте, в боевой обстановке, спорить не принято, и я, вытягиваясь, вскинул руку к пилотке.

Итак, на плечи мои легли обязанности командира полка. Помимо хлопот, связанных со сложным хозяйством, каким является авиационный полк, я должен был неизменно принимать участие в боевых вылетах. Летал на задания я и раньше, но теперь за мной следили десятки глаз, ибо нигде, как в авиации, не ценится так умение командира полка. Как старший товарищ, он обязан быть смелее, искуснее, неутомимее других. В этом отношении он постоянный образец для подчиненных, особенно для молодых летчиков (вспоминаю, как все мы всегда брали пример с Федора Телегина).

Из первых дней моего пребывания на этом посту мне вспоминается один довольно интересный случай.

В штабе полка, где мы находились с Кузьмичевым, раздался телефонный звонок. Трубку взял Кузьмичев.

– Слушаю!… Здравия желаю, товарищ генерал! Да, да, здесь. Передаю трубку.

– Сам!- шепнул мне Кузьмичев, протягивая телефонную трубку.

«Сам» или «хозяин»- на нашем условном языке командир дивизии. Генерал Баранчук, поздоровавшись, передал приказание организовать воздушную разведку. Предварительно он указал несколько квадратов, на которые следовало особо обратить внимание. Я занес все на карту.

– Разрешите выполнять?

– Кого думаешь послать?- спросил генерал.- Он знал всех летчиков полка,- по крайней мере, всех «стариков».

Мгновенно прикидываю в уме – кого?

– Сам полечу, товарищ генерал!

– Н-ну, добро,- немного замешкавшись, согласился генерал.-

Буду ждать.

– Мог бы и не сам,- заметил Кузьмичев, когда разговор с генералом закончился.- Кого с собой возьмешь?

– Усова. Слетаем, проветримся.

Виктор Усов был молодой летчик из недавнего пополнения. Я взял его к себе ведомым, и мы уже несколько раз вылетали на задания.

– Иди готовься, я его сейчас вызову,- сказал Кузьмичев, поднимая телефонную трубку.

Перед тем как вылететь на разведку, договариваемся с Усовым, что он будет меня прикрывать, а я наблюдать за местностью и заносить все замеченное на карту.

– Посматривай кругом внимательней!- напоминал я.

– Не первый раз, товарищ командир!

Слетали мы очень удачно. Пролетая над тылом врага, засекли множество танков, механизированных частей и других войск. Все это немцы сосредоточивали для контрудара. Судя по количеству и концентрации военных сил, удар готовился в самое ближайшее время. Интересно, знают ли об этом в штабе? Видимо, догадываются. Противник сосредоточивался как раз в тех квадратах, на которые мне указал командир дивизии.

Стремясь побыстрее доставить ценные сведения, мы тут же легли на обратный курс. Разведав такие важные для нашего командования данные, рисковать нецелесообразно. На обратном пути нам могли встретиться немецкие охотники. Волей-неволей пришлось бы вступить в бой. Поэтому, чтобы не искушать судьбу, мы снизились до предела и так, на бреющем полете, благополучно миновали линию фронта. Все шло хорошо. Вот-вот должен был показаться наш аэродром.

Как потом выяснилось, два немецких истребителя давно уже следили за нами. Они засекли нас еще далеко в тылу, но, не решаясь напасть в открытую, тоже перешли на бреющий полет и незаметно крались позади, выбирая удобный момент. Такой момент наступил, когда мы стали заходить на посадку: я впереди, Виктор за мной.

Хорошо помню: земля все ближе, прямо перед глазами посадочный знак «Т» и вдруг панический голос в наушниках:

– Товарищ командир, «мессеры»!

Это с земли заметили вражеских охотников.

Все дальнейшее заняло какие-то секунды. Виктор Усов, оберегая меня, без всякой подготовки бросается на врага и сбивает ведомого, но сам попадает под огонь ведущего. Горит «мессершмитт», горит и самолет Усова. Виктор, впрочем, успел выброситься на парашюте и удачно приземлился на своем

аэродроме. Потом он рассказывал, что, не отстегивая парашюта, лежал на земле и смотрел за воздушным боем. И только потом, когда все кончилось, он опомнился, увидел себя, запутавшегося в стропах, поднялся на ноги. Как летел, как приземлился, он не мог припомнить.

В воздухе остались двое – я и немецкий летчик.

– «Мессер» на хвосте! «Мессер»…- звенит в наушниках истошный голос.

Положение мое критическое: понятно и без подсказки с земли. Я шел на посадку и уже выпустил шасси. Самое беспомощное положение. В качестве добычи я представлял собой великолепную мишень. И летчик знал это,- недаром он так долго крался за мной. Схватки в открытую он благоразумно решил избежать. Видимо, его насторожила пестрота моей машины: надпись на борту, множество звезд на фюзеляже. Он знал, что перед ним далеко не новичок. Поэтому-то и решил действовать только наверняка.

Как стервятник, бросился на меня «мессершмитт». Сбить самолет на посадке или на взлете – пустяковое дело даже для необученного летчика. Исход здесь только один – гибель. И если я все-таки уцелел, то спас меня от верной смерти только счастливый случай.

Дело в том, что при выпуске шасси самолет сильно «проседает» в воздухе. Вовремя, очень вовремя просел мой самолет. Я слышал, как над головой прошла длинная очередь.

Мимо меня промелькнул силуэт «мессершмитта». С ревом пронесся он и взмыл вверх. Сейчас его положение предпочтительнее. Он хозяин ситуации, он атакует. Пока у моего самолета еще не убрано шасси, надо успеть зайти на боевую позицию, спикировать еще раз и уже теперь не дать промаха.

На фюзеляже вражеской машины я успеваю разглядеть кокетливый пиковый туз. А, старый знакомый. Видимо, решил мстить за своих.

Получив возможность осмотреться, я быстро убрал шасси и приготовился. Но драгоценные секунды все равно потеряны, и опытный противник это использует. В воздушном бою как в шахматах: потерянные темпы помогают сопернику развить неотразимую атаку.

Так и теперь: пока я выходил из беспомощного положения, немец уже зашел ко мне в хвост.

Кому из летчиков не знакомо то непередаваемо сложное чувство, когда видишь у себя на хвосте врага, причем врага опытного, хитрого и беспощадного, врага, который знает твое бессилие и уж постарается не выпустить тебя из когтей. Любой из

летчиков на месте немца ни за что бы не выпустил добычи. Такая выгодная позиция! Азбука… Ко всему прочему нужно учесть, что бой происходил на глазах всего аэродрома – летчиков, техников, бойцов охраны. «Командир полка дерется!…» А у меня нарядная, вся в звездах и с дарственной надписью алма-атинцев машина. Как тут можно было осрамиться? И в этот момент я почувствовал, что та пестрота моей машины, над которой я до сих пор не задумывался, обязывает ко многому.

Но «пиковый туз», как ни крути, на хвосте.

Всем существом своим ощущаю хищную и стремительную нацеленность врага. Он раздосадован, разозлен. Промахнуться из такого положения! И теперь, в новой атаке, он весь собран, потому что больше удобной позиции не подвернется. Дай он мне возможность развернуться, и бой пойдет на равных. Но не ради этого «мессер» крался за мной так долго. Он собрался в комок, чтобы эта его атака была успешной, последней.

От ожидания удара хочется пригнуть голову. Ведь очередь последует вот-вот! Я, кажется, чувствую, как фашист нашарил своими пулеметами мою незащищенную голову. Закрыться бы, спрятаться. Но в то же время понимаешь, что прятаться некуда.

Новую пулеметную очередь немец всадил почти в упор. Всадил плотно и злобно. Но – снова удача для меня! Он лишь разбил мне фонарь, приборную доску, прострелил пистолет и парашют. Сам я остался цел, только сильно обожгло ногу. Верю и не верю собственной удаче. Два раза подряд!

Но теперь надо самому переходить в наступление.

Резко беру ручку на себя, и машина послушно взмывает вверх. Сейчас разговор пойдет совсем другой.

Смотрю: где немец, откуда собирается атаковать? А может быть, он уже убрался подобру-поздорову? Но нет, «мессершмитт» висит надо мной чуть сбоку, нацеливается опять. Решил, видимо: или пан или пропал!

Гадать не приходится: передо мной бывалый волк. Решаю навязать ему бой на глубоких виражах. В бою, а тем более в воздушном, соображаешь очень быстро, в какие-то мгновенья. Тактика боя созревает как бы сама собой, чуть ли не механически. Соображаю, что у меня уже совсем не оставалось горючего, значит, машина намного легче «мессершмитта». К тому же бой на глубоких виражах – дело давно знакомое. Попробую измотать немца на перегрузках.

Итак, он принял бой, не уклонился и азартно лег за мной в вираж. Он был по-прежнему уверен в себе. А может быть, решил, что неудачи в конце концов перестанут его преследовать. В самом деле, сколько можно? Промахнуться два раза подряд из таких

выгоднейших положений!

Наши машины стали носиться друг за другом, находясь почти в перпендикулярном положении к земле. Я оглянулся на преследователя и заложил вираж как можно круче – на самом пределе. Расчет оказался верным. Мой самолет был легче, поэтому я обращался по кругу гораздо меньшего диаметра. Постепенно я оторвался от противника и стал догонять его, а повиснув у него на хвосте, дал длинную очередь. Видимо, сказалась перегрузка,- стрелял я не совсем точно: разбил немцу только фонарь и спинку сиденья.

Что ж, теперь удача улыбнулась немцу.

Однако я был хозяином положения и не выпускал инициативы. Со следующего захода я влепил снаряд прямо в магнето «мессершмитта». На этот раз выстрел был прицельный и точный. «Пиковый туз» снизил скорость, пропеллер у него заработал вхолостую и скоро остановился. «Мессершмитт» начал планирование.

Бой был выигран.

Немец планировал, быстро теряя высоту. Иногда «мессершмитт» клевал носом, но летчик умелым властным маневром выравнивал машину и ровно вел ее к земле. Черный зловещий самолет с ненавистными эмблемами фашистской авиации был обречен и представлял сейчас беззащитную мишень. Соблазн расстрелять его был велик, но я сдержался и подождал, пока он не сядет.

«Пиковый туз» приземлился в трех километрах от нашего аэродрома.

Кружась над местом приземления, я перевел дух. Хотя бой длился всего несколько минут, усталость была страшная – перегрузка. Горючего в баке оставались какие-то крохи.

«Мессершмитт» спланировал умело. Немецкий летчик, не выпуская шасси, посадил самолет на брюхо. Сверху я наблюдал, скоро ли покажется из кабины летчик и что он станет делать. В последнее время наиболее отъявленные фашисты предпочитали отстреливаться до последнего, не желая сдаваться в плен. В этом случае я «усмирил» бы немца с одного захода. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из наших ребят получил вражескую пулю на земле.

Немец не показывался долго, но, когда с аэродрома подъехали машины и выскочившие ребята подбежали к сбитому самолету, вражеский летчик вылез из кабины и первое, что он сделал, протянул свой пистолет. Отдавая оружие, немец держался за шею, по щеке его струилась кровь. Значит, ранен.

Над самой землей, заранее выпустив шасси, я потянул на

аэродром. Горючего не оставалось совсем, и последние метры я одолел планированием

Приземлившись, побежал докладывать о результатах разведки. Освободился я не скоро, а когда вышел из штаба, то сбитого фашиста уже доставили на аэродром. Зажимая кровоточащее ухо, немец стоял в окружении наших летчиков, бледный, с осунувшимся лицом. Но глаза его надменно устремлены куда-то вдаль. На наших летчиков он совсем не обращал внимания. Иногда презрительно дергались тонкие губы. Чтобы подойти ближе, я тронул стоявшего передо мной за плечо. Он обернулся, и я узнал Виктора Усова, своего ведомого.

– Пройдите, товарищ капитан. Занятный волчонок.

«Пиковый туз» оказался плечистым сильным парнем лет двадцати восьми. На груди его красовалось четыре креста. Из короткого допроса, который ребята учинили тут же, выяснилось, что немца зовут Отто. Воюет он давно, сражался с французскими, английскими, польскими летчиками. За все время сбил семьдесят самолетов. Из них больше тридцати – русских.

– Ах ты гад!- громко сказал Виктор Усов.

Понял ли немец, что это относилось к нему? Скорее всего – да, потому что он нехотя перевел взгляд на Усова и несколько мгновений смотрел ему в глаза. Но любопытство, с которым рассматривали пленного наши летчики, сменилось ненавистью, и немцу стало не по себе. Несколько раз он с беспокойством посмотрел по сторонам, явно ища защиты от самосуда. Угадав во мне старшего, он с надеждой обратил взгляд.

– А трусит!- сказал кто-то с удовольствием.

Пленного повели в штаб. Он пошел охотно, не желая больше оставаться в окружении летчиков.

В штабе, словно в благодарность за избавление, немец охотно разговорился. За подвиги на русском фронте Гитлер наградил «пикового туза» «Дубовыми листьями к рыцарскому кресту»- знак высшей воинской доблести в немецкой армии. Награды фюрера, однако, Отто еще не успели вручить – он ждал ее со дня на день.

На следующее утро к нам на аэродром приехал командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Приезд маршала застал нас врасплох. Ребята быстро привели все в порядок, и я встретил гостя рапортом.

Маршал был в обычной своей фронтовой форме, без каких-либо наград. Большой козырек военной фуражки закрывал от солнца усталые глаза. Мне показалось, что яркий свет утомляет его.

Сопровождало командующего несколько генералов. Я узнал командира корпуса Рязанова и командира нашей дивизии

Баранчука. Остальные были незнакомы.

Не помню, что в моем рассказе о воздушном поединке вдруг заинтересовало командующего фронтом, но усталые глаза его оживились, и он привычным жестом сбил фуражку на затылок.

– Ах даже вот как!- проговорил он с удивлением, словно изучая меня живыми, прищуренными глазами.- Ну, просто молодец! Поздравляю!

– Служу Советскому Союзу, товарищ Маршал Советского Союза!

Командующий, показывая, что официальная часть встречи кончилась, взял меня за локоть и повел рядом с собой.

– Значит, что же – есть еще возможность увеличить счет?- спросил он, то и дело взглядывая на меня сбоку.

– Так точно, товарищ Маршал Советского Союза.

Уезжать от нас маршал не торопился. Он прошелся по аэродрому, заглянул в землянки и в столовую. Стоял ясный день.

– А сбитый далеко?- спросил он.

– В штабе, товарищ маршал. Получено было приказание отправить его в штаб.

– Да не-е-ет. Я не о пленном.

– «Мессершмитт»? Он здесь, близко. Разрешите, товарищ командующий?

– Да уж покажите. Интересно взглянуть.

– Пешком?

– Ну, если недалеко… Идемте, товарищи,- пригласил он сопровождающих и, заложив руки за спину, почему-то долго смотрел на ясное голубое небо.- А день-то, день-то!

Сбитый «мессершмитт» еще вчера вечером подтянули ближе к аэродрому, идти было совсем недалеко. Вокруг вражеской машины по-хозяйски суетились техники. Завидев большую группу во главе с маршалом, техники замерли по стойке «смирно».

И. С. Конев подошел к сбитому немецкому самолету и стал внимательно его разглядывать. Сбоку, отбежав на несколько шагов, приготовил аппарат фотограф. Ногой, затянутой в высокий, выше колена, сапог, маршал постучал по плоскости «мессершмитта», но ничего не сказал. С минуту, если не более, лицо его было задумчивым. Потом он вскинул голову и тут же, на поле, приказал командиру нашего корпуса генералу Рязанову:

– Я бы хотел иметь сегодня же документ о представлении капитана Луганского ко второй Звезде Героя.

Уставным «слушаюсь» командир корпуса принял к исполнению приказ маршала.

Радостную весть о присвоении мне звания дважды Героя Советского Союза принес техник Иван Лавриненко. Запыхавшись

от бега, ввалился он ко мне в землянку: Товарищ капитан… Сам слыхал. Сейчас только!

В первое мгновение я ничего не понял, но, напуганный неожиданным вторжением техника, вскочил на ноги. Его громкий крик, его вид могли говорить о чем угодно. Несчастье? Неожиданный налет? Гибель товарища? Кажется, все эти подозрения моментально пронеслись у меня в голове, потому что перед этим в своих мыслях я был очень далек от фронтового аэродрома: писал письмо домой.

Лавриненко как бежал, как уперся обеими руками в косяки, так и остался на пороге, загораживая собою весь дверной проем. Он еще не мог перевести дух.

– Левитан читал… Из Москвы!

Смысл происходившего постепенно доходил до моего сознания.

– Так быстро?- только и спросил я, когда наконец понял, что за весть принес мне Иван Лавриненко.

После визита командующего фронтом на наш аэродром прошло всего несколько дней.

– Идемте,- говорил, переводя дыхание, Иван.- Там все уже знают.

Теперь, конечно, было не до письма.

Подбегая к радиостанции, я издали увидел сгрудившихся летчиков: чуть ли не весь полк. Значит, так оно и есть: Указ Президиума Верховного Совета.

– Вот он!- закричал, увидев меня, Николай Шутт.

– Сергей, бегом!

– Ты шагу можешь прибавить?- кричал Корниенко.

– Ну, закачают вас сегодня, товарищ капитан!- успел сказать сзади Лавриненко, и я попал в крепкие руки друзей.

– Качать его!- ревел кто-то восторженно, и этот голос я слышал снова и снова, подлетая в воздух.

– Качать!… Качать!…

Лавриненко как в воду глядел, предупреждая меня: когда ребята опустили меня на землю, ноги почти не слушались и кружилась голова. Я не знал, что и сказать. Со всех сторон крик. Поздравления, объятия. Молодецкие шлепки по спине. Требование отметить событие.

– Да постойте вы…- еле выговорил я наконец.- Может, это еще не на самом деле.

– Бро-ось!- заревела вся братия.- Все же слыхали своими ушами. Не зажимай, не зажимай. Такое следует отметить!

Скоро пришли поздравительные телеграммы – от маршала И. С. Конева, от генералов Рязанова, Алексеева, Баранчука.

Телеграммы читали всем полком.

– Гляди, Батя-то какой разразился!- сказал кто-то из офицеров, тронутый длинной, очень теплой телеграммой В. А. Алексеева.

– Вот, а ты не верил,- наступал на меня радостный Коля Шутт.- Ставь! С тебя причитается.

– Да дай ты ему очухаться,- сочувственно заступился за меня Дунаев.- Видишь же, человек в себя никак не придет.

– Тогда вот что, ребята,- сказал я, пряча в карман поздравительные телеграммы,- сегодня, пожалуй, устрою себе выходной. Вы уж без меня поработайте.

– Еще бы!- зашумели летчики.

– Конечно!

– Но вечером…- пригрозил Коля Шутт.- Вечером ты не отделаешься. Готовь настоящий праздник.

Первый угар радости миновал, ребята разошлись по машинам.

Очередной боевой день в полку начался.

Ребята улетели, я отдал распоряжение о приготовлениях к вечеру и ушел с аэродрома.

Мне хотелось побыть одному. В землянке было пусто и тихо, недописанное письмо белело на самодельном, грубо сколоченном столе. Дописать, сообщить сейчас? Или оборвать на том, что написано, отослать, а потом написать еще? Я долго вертел в руках наполовину исписанный листок бумаги. Нет, решил я наконец, сейчас у меня ничего не получится. Потом, может быть, вечером…

День тянулся долго. Голова горела. И только походив, успокоившись, я смог соображать последовательно и собранно. Все награды, какими удостоила меня Родина, я неизменно воспринимал как свой неоплатный долг на будущее. Смогу ли я когда-нибудь оплатить его? И вот сегодня новое свидетельство: мне, сыну простого русского крестьянина, оказана высокая честь. Как жаль, что отец не дожил до этого дня!… И перед моим мысленным взором вновь и вновь возникали суровое лицо деда Афанасия, наш маленький домик в Алма-Ате, где прошло мое детство, мать, брат, сестра…

Вечером я возвратился на аэродром с чувством глубокого душевного покоя. Человек живет и исполняет свои обязанности. Они скромны и велики, эти обязанности. Скромность их в обыденности повседневных человеческих поступков, величие – в исторической грандиозности задач, которые начертал в Октябрьские дни семнадцатого года ленинский гений и которые отстаиваем мы теперь в смертельной схватке с врагом.

ЗАРЯ ПОБЕДЫ

Ясско-Кишиневская операция до сих пор считается одной из самых блестящих побед Советской Армии. В результате окружения и разгрома вражеской группировки наши войска вывели из строя целую группу армий «Южная Украина». Из 25 немецко-фашистских дивизий, попавших под удар, 18 сдались в плен.

Июнь на южном крыле советских войск выдался относительно спокойным. Дивизии и полки пополнялись людьми и техникой. Летный состав был занят учебой: на тактических конференциях, на занятиях в классах изучался опыт только что отгремевших боев.

В последних числах июня стали заметны приготовления к новым крупным наступательным операциям. На штабных картах появились направления предполагаемых ударов: Львов и Сандомир. На фронт помимо пополнений уже действующих соединений стали прибывать из тыловых районов страны вновь сформированные дивизии.

Фронтовые соединения теперь не ощущали какого-либо недостатка в самолетах и были укомплектованы до полной штатной численности.

14 июля более полутора тысяч самолетов почти одновременно поднялись в воздух. Колонну бомбардировщиков вел прославленный мастер ударов по врагу генерал И. С. Полбин.

В результате удара авиации многие огневые точки в системе обороны противника были уничтожены. Наземные войска получили возможность развивать наступление.

Командир штурмового корпуса генерал В. Г. Рязанов все время находился на командном пункте генерала П. С. Рыбалко. Он хорошо видел колонны наших танков, двигавшиеся на запад, и засекал огневые точки противника, которые обстреливали боевые порядки наших войск. По радио генерал Рязанов вызывал с аэродромов группы штурмовиков и ставил им конкретные задачи.

Наступление развивалось стремительно.

Прикрывая танкистов, зорко несли боевое дежурство в воздухе истребительные эскадрильи. Как всегда, мастерски сражались с врагом дважды Герой Советского Союза полковник А. И. Покрышкин и капитан Г. А. Речкалов. Покрышкин в этих боях командовал 9-й гвардейской истребительной дивизией.

Высокое мужество проявил старший лейтенант М. П. Девятаев. В районе Горохова он был вынужден покинуть горящий самолет и выбросился с парашютом. Тяжело раненный советский

летчик попал в плен. Фашисты подвергли его жесточайшим пыткам. Но Михаил Девятаев стойко вел себя на допросах и не выдал гитлеровцам военных секретов.

К 18 июля вражеская оборона была прорвана на обоих главных направлениях. Поддержанные авиацией, танковые соединения устремились вперед.

Интересны показания одного из пленных немецких офицеров. «Большой ущерб,- заявил он на допросе,- причиняла нам русская авиация. Бомбардировщики и штурмовики бомбят в течение всего дня непрерывными волнами. Зная, что русская авиация активно действует на центральном участке фронта, в Белоруссии, мы никак не могли предполагать, что против нас будет введено в действие такое большое количество самолетов. Бомбили нас беспрерывно, не давая возможности поднять головы…».

27 июля Львов был освобожден.

Пока шли бои за Львов, армии правого крыла фронта неудержимо развивали наступление. При поддержке авиации они форсировали Сан, затем с ходу преодолели Вислу и в районе Сандомира захватили плацдарм на западном берегу.

Бои на Сандомирском плацдарме во многом напоминали форсирование Днепра. Так же, как и там, авиация прикрыла переправы через реку, и наши наземные части вырвались на оперативный простор за Вислу.

На польской земле в руки советских войск попали фашистские засекреченные предприятия. В первую очередь авиационные заводы. Гитлеровцы весьма искусно замаскировали их в глухом лесу. Стремительность наступления наших войск помешала гитлеровцам взорвать их. В некоторых цехах тотчас были оборудованы ремонтные базы, и вскоре поврежденные в боях советские самолеты стали быстро возвращаться в строй.

Итак, солнце свободы взошло и над многострадальной землей Польши. Советские войска освобождали от фашистской нечисти район за районом.

Тяжелые поражения последних месяцев привели фашистский блок к окончательному крушению. С августа по сентябрь 1944 года в результате успешных действий Советской Армии из войны вышли гитлеровские сателлиты: Румыния, Финляндия. Гитлеровскому военному руководству стало ясно, что война безнадежно проиграна. Недолгая история фашистского рейха, которому гитлеровские идеологи предсказывали тысячелетнее процветание, близилась к своему логическому концу.

Мощные удары советских войск сотрясали фронт на всем его протяжении от стен героически сражавшегося Ленинграда до предгорий Карпат.

При проведении крупных операций наш полк, как обычно, вылетал на прикрытие штурмовиков или бомбардировщиков. Но иногда выдавались «незанятые» дни, и тогда наиболее опытные летчики отправлялись на так называемую свободную охоту.

Это очень точно и емко сказано – свободная охота. Кажется, впервые термин этот ввели в фронтовой лексикон летчиков истребители А. И. Покрышкина. Не «привязанные» ни к какому штурмовому или бомбардировочному полку, летчики А. И. Покрышкина действовали как свободные стрелки. Они поднимались в небо в поисках добычи.

Парой, ведущий и ведомый, перелетали на большой высоте линию фронта, затем на бреющем полете принимались шарить по тылам противника. Их добычей становились штабные самолеты, самолеты связи и т. п. Но могли напороться и на истребителей, причем на численное превосходство. Тут свободных стрелков выручали опыт, мужество, высокая техника воздушного боя. Потому-то на свободную охоту отправлялись только «старики». Молодые необстрелянные летчики могли сами легко стать добычей какого-нибудь немецкого аса. Разведка постоянно доносила, что противник бросает на фронт остатки своих резервов: сохранившиеся кадры из противовоздушной обороны Берлина. Видимо, гитлеровское командование рассудило, что наступающих надо задерживать подальше от столицы, когда же они подойдут к стенам города, то даже самые лучшие летчики окажутся бессильны.

В один из дней фронтового затишья я вылетел на свободную охоту со своим напарником Евгением Меншутиным. Старший лейтенант, Герой Советского Союза Евгений Меншутин был отличным летчиком.

– Чего вам не сидится?- ворчливо заметил замполит И. Ф. Кузьмичев.- Сам мотаешься, парню покоя не даешь.

– Да он сам вызвался,- ответил я.- Никто его не принуждал.

– Корниенко просился,- сказал Иван Федорович.- Уступил бы.

Теперь было понятно, почему вдруг замполит принялся выговаривать мне. Он обещал устроить свободную охоту Корниенко. Ребята охотно вылетали в свободный поиск. Представлялась редкая возможность не быть связанным обязательствами по отношению к штурмовикам, которых мы обычно прикрывали. На свободной охоте истребитель думает только о себе, он сам ищет и находит противника.

Я обещал замполиту:

– Если завтра будет тихий день, полетит Иван. А сегодня уж мы с Евгением настроились.

Отпускать на охоту сразу две пары было рискованно: из

штаба дивизии мог в любую минуту поступить неожиданный приказ вылететь на задание.

Перед вылетом мы посмотрели на карте, где у немцев аэродромы. Если подобраться незамеченными, то можно подкараулить и бить на взлете или на посадке. Занятие не опасное, но очень продуктивное. Совсем как на охоте в скрадке: притаился и подкарауливай. Дождался – бей.

Стоял погожий, но облачный денек. Чтобы миновать линию фронта, мы забрались на большую высоту – примерно три с половиной тысячи метров. Для обозначения линии фронта у нас имелся приметный ориентир, небольшой массив леса.

Летим мы не в хвост один другому, а рядом, как и положено для поиска. Но на таком расстоянии, чтобы не теряться из виду. Лесной массив, замечаем сверху, уже под нами. Значит, еще немного – и можно будет переходить на бреющий полет.

– Сережа, впереди!- слышу вдруг в наушниках спокойный голос напарника.

Смотрю. Точно – непредвиденная встреча. Нам навстречу идут два «мессершмитта». Направляются на нашу сторону, видимо, тоже на свободную охоту. Ну вот: охотник на охотника. Или, как говорится, рыбак рыбака видит издалека. В «засаде» у аэродрома не удалось укрыться ни нам, ни противнику. Встретились лоб в лоб. Теперь уж не до легкой добычи. Хорошо еще, что силы поровну: двое на двое.

Никаких распоряжений Евгению отдавать не нужно. Летаем мы с ним давно и в любых случаях действуем слаженно. Так и теперь: спокойно идем на сближение, посматривая, как поведут себя немцы.

«Мессершмитты» тоже заметили нас. Перестраиваются: ведомый заходит в хвост ведущему. Так, один за другим, они и вступят в бой.

– Похоже, пожарник топает,- вновь раздается в моих наушниках слегка насмешливый голос Меншутина.

Вглядываюсь в ведущий самолет вражеской пары. На самом деле, «мессершмитт» сильно выделяется ярким капотом, выкрашенным в красный цвет. Все ясно: ас со своей «визитной карточкой». В последнее время за яркие капоты наши летчики прозвали их «пожарниками»: красные, как пожарные машины. Ведомый аса, без всякой «визитной карточки», послушно идет в хвосте.

Быстро сближаемся на встречных курсах. Нужно выбирать маневр.

– Евгений,- говорю в микрофон,- держись теперь меня. Слышишь?

– Понял,- скупо, как обычно, отвечает Евгений, и я вижу: его самолет отворачивает с курса и скрывается за мной. Теперь он будет позади, как привязанный.

Для исполнения задуманного маневра отвесно пикирую в облака. Меншутин за мной. Это было уже много раз отработано и проверено. Немцы, думая, что мы уходим от боя, тоже пикируют. Однако найти нас в облаке невозможно, и они намереваются перехватить внизу, не дать уйти и прижаться к земле. Так и есть – «мессершмитты» подкарауливают под облаками. Ждут, когда мы покажемся. Но в этом-то и состоит наш расчет. В облаках, невидимые для противника, мы поворачиваем обратно и боевым разворотом выходим прямо для атаки сверху. Немцы оказываются под нами, в самой невыгодной для летчика позиции. Маневр, повторяю, старый, но немцы постоянно попадались на эту удочку.

Так получилось и сейчас. Пока немцы поняли свой просчет, было поздно. Снова приходится обратиться к шахматным правилам, которые во многом схожи с боевыми: выигрывает не тот, кто вообще сильнее, а тот, кто сильнее на данном участке, в момент удара. В создавшейся ситуации у «пожарника» и его напарника положение, конечно, незавидное.

В атаке обязанности ведущего и ведомого определены заранее: каждый занимается своим «подопечным».

Меншутин с первого же захода сбивает ведомого. У нашего Евгения, если он атакует из выгодной позиции, промахов обычно не бывает. Бьет, как коршун: наверняка. «Мессершмитт» свалился на крыло и, переворачиваясь, полетел на землю. Мне же «своего» никак не удается поджечь. То есть я очень точно, как на учении, захожу «пожарнику» в хвост и с близкого расстояния всаживаю длинную очередь. Самолет должен бы вспыхнуть, как факел, ведь я чуть не распорол ему баки. Но не горит! Разворачиваюсь и бросаю машину еще в одно пике. «Пожарник» ведет себя странно: он послушно, как обреченный, тянется передо мной, принимает в себя мои очереди, но не огрызается. Ранен пилот? Видимо, так и есть, потому что «мессершмитт» идет с сильным уклоном к земле.

Не маневр ли? Может, хитрит немец? Видит» что остался без помощника, один против двоих, и хочет сманеврировать к земле, выйти из боя и удрать к себе на аэродром.

На всякий случай караулю на некотором расстоянии. «Мессершмитт», не меняя уклона, все быстрее устремляется вниз. Вражеская машина уже во власти земного притяжения. Еще немного, какие-то метры, и падения не предотвратить. Теперь надо держаться подальше. При ударе о землю неминуемо взорвутся баки и взрыв может зацепить.

Так, со все возрастающим уклоном, ярко раскрашенный

«мессершмитт» ударился в землю.

Делаю несколько кругов, опускаюсь. ниже. «Мессершмитт», к моему удивлению, не взорвался. От сильного удара летчик проломил фонарь и вылетел далеко в сторону. Он пролетел по воздуху, как мягкая тряпичная кукла, и остался лежать без движения. Мертвый? Видимо, я попал в него из пулемета.

Далеко в стороне догорает и уже начинает чадить куча почерневших обломков. Это сбитый Меншутиным самолет ведомого. Сам Евгений, пока я наблюдал за падающим «пожарником», по-ястребиному выписывал круги в вышине, карауля врага.

– Домой?- спросил он, когда я вызвал его на связь.

Внизу под нами зеленеет приметный массив леса: ориентир, обозначающий линию фронта. Подбитый самолет и выброшенный из кабины «мессершмитта» летчик находятся на нейтральной полосе. Значит, можно дать знать своим на аэродром, чтобы послали машину. Оно и в самом деле интересно: кто такой «пожарник»? Ведь некоторых из вражеских летчиков, наиболее известных, мы знали по фамилиям А сейчас, к концу войны, из опытных пилотов Германии остались в строю лишь единицы. Наверняка это какой-нибудь «знакомый».

Убитого доставили на аэродром в этот же день. Черноволосый смуглый парень. На груди три Железных креста.

– Документы какие есть?- спросил Кузьмичев.- Не смотрели еще?

По удостоверению, найденному в нагрудном кармане, убитый оказался итальянцем Джибелли.

– Ах, Джибелли!- обрадовался Дунаев, словно увидел хорошего знакомого.- Так ведь под Кишиневом еще могли встретиться! Ты смотри…

И он еще раз, будто заново, вгляделся в лицо вражеского летчика.

Дунаев был прав,- об известном итальянском асе Джибелли разведка предупреждала нас еще перед началом Ясско-Кишиневской операции. Джибелли к тому времени имел на своем счету более пятидесяти сбитых самолетов. Тогда он уцелел, пройдя через многие воздушные бои. И вот, совершенно случайная встреча в небе. Но так ли. уж она случайна? Джибелли вылетел на свободную охоту и сам нарвался на охотника.

Припоминая детали недавнего боя, я недоумевал -почему мне никак не удавалось поджечь истребитель Джибелли? Техники, осматривавшие подбитый «мессершмитт», обнаружили интересную новинку: мало того, что бак с горючим имел изнутри толстую прокладку из сырой резины – с этим мы уже

встречались,- он к тому же был обтянут сверху лосевой кожей. Немцы из последних сил пытались уберечь свои лучшие летные кадры.

– Да-а… Такой бак только из противотанковой пушки разворотишь,- качал головой Дунаев.

О новинке быстро узнали все летчики. Появился даже приказ – стрелять в бою не по бакам с горючим, а по мотору или летчику.

– Ну, это бы и не приказывать,- сказал Николай Шутт.- У самих голова на плечах имеется.

– Это не для тебя,- сказал Меншутин.- Для молодых, которые еще немца не видали.

Вскоре после памятного боя мне пришло сразу два письма. Одно – от земляков моих, алма-атинцев, а другое – от Верховного Главнокомандующего. В своем письме земляки сообщали, что в республике проведен сбор средств на целую эскадрилью истребителей. В письме Верховного Главнокомандующего указывалось, что подаренная алма-атинцами эскадрилья включается в состав моего полка и ей присваивается название: «Комсомолец Казахстана».

– Да-а…- вздохнул Николай.- Мы уже из комсомольцев вышли. Шутка сказать – двадцать пять лет! Четвертушки века как не бывало. Старики мы с тобой, Серега, совсем старики!

Скоро к нам в полк прибыли новенькие самолеты. У каждого на фюзеляже красовалась крупная свежая надпись: «Комсомолец Казахстана».

– Ишь ты!- ребята любовались подаренными машинами.- Привет от земляков… Придется тебе, Серега, после войны отчитываться дома. «Куда, скажут, девались наши «коняги»? Скольких немцев посбивали?»

– А что, и в самом деле могут спросить!- согласился я.- Надо будет сразу же сказать командиру эскадрильи, чтобы завел какую-нибудь тетрадку.

– Да что тетрадку!- сказал Дунаев.- Пусть настоящий журнал ведет!… А кого командовать назначишь?

О том, кому доверить подаренную эскадрилью, я уже думал. Хотелось, чтобы был казахстанец, комсомолец и в то же время опытный парень, хороший летчик. Но Николай Шутт был прав, называя нас стариками. Все старожилы полка давно были коммунистами. А новую эскадрилью, повторяю, хотелось сформировать полностью комсомольско-молодежной. В конце концов, посоветовавшись со «стариками», я сделал окончательный выбор. Командовать эскадрильей стал опытный летчик комсомолец Василий Терещенко. Ребят он себе подобрал сам, молодых комсомольцев. Однако в скором времени эскадрилья

«Комсомолец Казахстана» поднабралась фронтового опыта и стала одной из лучших в нашем полку.

После боев на Сандомирском плацдарме полку, которым я командовал, было присвоено наименование «Сандомирскии». Теперь он назывался так: 157 гвардейский истребительный авиационный Сандомирский орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк». Вся боевая история полка в этом длинном названии!…

Незабываемы дни, когда советские войска освобождали польскую землю. Названия польских городов и местечек очень скоро стали привычны нашему слуху. Русские солдаты и офицеры сдружились с местными жителями и научились бойко объясняться с ними.

Мне много раз приходилось присутствовать при беседах, которые вели И. Ф. Кузьмичев и другие офицеры нашего полка с местными жителями. Поляки радостно встречали русских солдат и постоянно расспрашивали о жизни в России, о том, как теперь сложится жизнь на их родной земле. Летчики разъясняли, что Советская Армия освободила от врагов родную землю и теперь идет вызволять из-под фашистского ига и другие народы Европы.

– Это наш долг,- говорили летчики.- Интернациональный долг. Мы должны помогать соседям.

После некоторого затишья ожидались новые нелегкие бои. Каждый солдат, каждый офицер понимал, что освобождена пока лишь небольшая часть Польши. На пути наступающих войск лежала Чехословакия. Ей раньше многих выпала горькая доля познать ненавистное иго фашизма. Чехословацкий народ, мы знали, ждет не дождется освобождения. И наши солдаты были полны решимости не считаться ни с какими жертвами, только бы помочь чехословакам.

Начались жестокие бои. Наши войска преодолели Главный Карпатский хребет, овладели перевалами Дукля, Русским и другими и стали продвигаться в глубь Словакии. В этих боях отличился чехословацкий корпус Людвика Свободы. В одном из сражений, в сложной ситуации, генерал Свобода лично повел солдат в атаку. Он шел впереди под огнем, подвергаясь смертельной опасности.

И надо было видеть, как солдаты Свободы целовали родную землю, под развернутым знаменем, под грохот пушек давали они клятву патриотической верности.

5 мая 1945 года наши войска услышали голос Праги: «На Прагу наступают немцы со всех сторон. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!»

В то время как наместник Гитлера в Праге Франк, выигрывая

время, пытался вести переговоры с восставшими, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Шернер отдал своим войскам приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами». «Страшно подумать,- писал затем в своей книге «От Бузулука до Праги» нынешний президент Чехословакии Л. Свобода,- что бы случилось с нами, если бы Советская Армия не разгромила гитлеровские войска и не принесла бы нам свободы!»

И наши войска не позволили залить улицы Праги кровью пражан. Много погибло там наших солдат: тысячи, десятки тысяч…

Очень радостно слышать, что чехословацкий народ всегда помнил и будет помнить о том, каких жертв стоил разгром гитлеровской Германии.

Передо мной сейчас строки, которые невозможно читать без волнения. Они написаны ветераном военно-воздушных сил Чехословакии полковником К. Борским. Вот что пишет наш старый боевой товарищ:

«…Мы ненавидели фашизм, готовы были с ним бороться, не щадя себя, но как и где бороться, чтобы быстрее освободить свою родину, не всем было ясно. Среди нас были и такие, которые считали, что следует пробираться в Англию, где находилось эмигрировавшее чехословацкое правительство, и, по слухам, там предполагалось формирование чехословацких частей. Но никому не было ясно, каким образом, когда и где эти части вступят в борьбу с немецко-фашистской армией и как они смогут изгнать фашистов из Чехословакии…

Мы высказали свои сомнения командиру батальона подполковнику Л. Свободе и заместителю командира батальона Б. Ломскому и получили от них немногословное, но убедительное разъяснение… В мире существует только одна армия, которая способна одолеть фашизм,- это Красная Армия. Поэтому у нас, чехов и словаков, один путь к освобождению нашей родины – вместе с Красной Армией громить врага до полного его уничтожения».

И лучшие сыны чехословацкого народа с оружием в руках влились в ряды нашей армии.

Вот короткий перечень боевой славы первых воинских формирований чехословаков. 1-я чехословацкая бригада получила боевое крещение еще на Воронежском фронте, затем сражалась за Киев. Весной 1944 года была создана авиационная эскадрилья, на базе которой в скором времени сформировался 1-й истребительный авиаполк. Это регулярные воинские части. А сколько патриотов боролось с немцами в партизанских отрядах и

в подполье!

Осенью, когда началась знаменитая Карпатско-Дуклинская операция, главный удар по врагу наносил вместе с 38-й армией генерала К. С. Москаленко и 1-й чехословацкий корпус под командованием Л. Свободы. С воздуха наступающие части прикрывали летчики 1-го чехословацкого авиаполка.

День 6 октября, когда советские и чехословацкие войска вышли на государственную границу СССР и Чехословакии, стал праздником единства наших народов и ежегодно отмечается как День чехословацкой Народной армии.

Нет, никогда не изгладится из нашей памяти полное искренности и верности боевое сотрудничество советских и чехословацких народов. Оно зародилось и окрепло в тяжелые годы боев против немецко-фашистских захватчиков, в сражениях за свободу и независимость. И эта дружба, сцементированная кровью, лежит в основе наших сердечных взаимоотношений, которые служат надежной гарантией укрепления оборонного могущества обеих стран.

В те дни в войсках и в тылу очень много говорили об открытии второго фронта в Европе. Однако союзники что-то не торопились. Советская Армия по-прежнему в одиночку ломала хребет издыхающему, но все еще сильному врагу.

Из официальных источников нам было известно, что союзники усилили бомбардировки Германии, подвергая города разрушительным налетам. Все чаще стали применяться так называемые челночные операции самолетов американских ВВС.

Что это за операции?

Американская авиация всегда имела свои особенности: в отличие от советской, английской, немецкой она делала основной упор на производство бомбардировщиков. До Америки добраться врагу трудно, а для войны вне пределов собственной территории американцы создали мощную и разнообразную бомбардировочную авиацию.

Основную массу ВВС Америки составляли «летающие крепости»- тяжелые четырехмоторные бомбардировщики весом около 50 тонн. Каждый такой самолет поднимал несколько тонн бомб и летел на расстояние до двух с половиной тысяч километров. Если цель отстояла от аэродрома на меньшем расстоянии, самолет брал меньше горючего, но больше бомб. И, наоборот, чем дальше расстояние до цели, тем больше горючего и меньше бомб.

И все же не все объекты на территории Германии были доступны для бомбежки с аэродромов, находившихся в распоряжении американских ВВС. Радиус действия

бомбардировщиков был недостаточен. Вот тогда совместно с командованием советской авиации и были организованы челночные операции. «Летающие крепости» поднимались с авиационных баз в Северной Африке, достигали любого пункта территории противника, сбрасывали бомбовой груз и направлялись на советские аэродромы. Для возвращения на свои базы у них не хватало горючего. У нас, на советской территории, был специально оборудованный аэродром, предназначенный для «летающих крепостей». Здесь американцы заправлялись горючим, брали новый бомбовой груз и вылетали в обратный рейс. После вторичной бомбежки они возвращались на свои базы.

Эффект челночных операций был довольно внушителен. Ведь в составе воздушной армады бывали десятки, а то и сотни самолетов. Каждая «летающая крепость» брала до 10 тонн бомб. За один полет на Берлин сбрасывалось до трех тысяч тонн бомбового груза. На фашистскую столицу летели смертоносные разрушительные снаряды калибром в две, три, пять, а в конце войны – десять тонн весом.

Не помню точно дату, но случилось это в один из погожих дней поздней осени. К нам на фронт приехала американская делегация. В ее составе были маршал – командующий стратегической авиацией, которая совершала челночные операции с запада на восток и обратно, два генерала и полковник.

Вечером мне позвонил командир корпуса генерал Рязанов.

– Встречай гостей. Завтра утром будем. Я растерялся.

– Как их встречать? Что приготовить?

Генерал рассмеялся:

– Что, никогда не встречал?

– Американцев – нет!

– Обычные люди. Все будет хорошо. До завтра.

Делегация прилетела на самолете, которым управлял мой добрый знакомый. Я обрадовался ему и принялся выспрашивать: что из себя представляют высокие гости.

– Да ничего особенного. Обыкновенные люди.

– Интересно, с какой миссией прилетели американцы?

– А черт их поймет! Ездят, смотрят. Видимо, рассчи тывают – а не пора ли открывать второй фронт? И прогадать не хочется, и опоздать опасно… Словом, смотрят, достаточно ли мы обескровлены.

– Эге… Ничего себе – гости!

– Ну, они уже, кажется, насмотрелись. Это ж не первый год войны. Посмотреть теперь есть что. Чего-чего, а такого они не ожидали. Ладно, пошли давай. Зовут.

Вместе с гостями прилетели командир дивизии генерал Баранчук и командир корпуса генерал Рязанов. Американцы выделялись среди наших своей светлой походной формой: куртки, брюки навыпуск, рубашка бледно-зеленого цвета и такой же галстук. Когда нас знакомили, я обратил внимание, что рука американского маршала сухая, но очень крепкая, пожатие его было быстрым, сильным, как у человека, не забывающего спорт.

При первом знакомстве были сказаны какие-то пустые, ни к чему не обязывающие фразы. Переводчик переводил быстро, почти не умолкая. Пожалуй, из всех гостей переводчик выглядел наиболее солидно. Полный, холеный, с аккуратно подстриженными усиками. Темных светозащитных очков он не снимал и за столом.

– Маршал интересуется,- передал он мне,- за какие бои вы получили свои награды?

Американец смотрел на две Золотые Звезды на моей груди и ждал ответа.

– Долго рассказывать,- почему-то смутился я.- Ростов, Сталинград, Днепр…

– О, Сталинград!- тотчас повторил маршал, не дожидаясь перевода. Он с выражением величайшего уважения покивал огромным козырьком своей надвинутой на самые глаза фуражки.

– Приглашай, Данилыч,- вполголоса подсказал генерал Баранчук,- показывай хозяйство.

– Прошу,- сделал я приглашающий жест рукой.

Нужно сказать, что американцы при осмотре полка проявляли поразительную любознательность и деловитость. Их сухощавые подтянутые фигуры в несколько необычной для нас форме цвета хаки мелькали повсюду. Гости интересовались материально-технической оснащенностью полка, наградами летчиков, потерями в боях, спрашивали наше мнение о противнике. Словом, придирчиво взвешивали и рассчитывали.

С летчиками полка у них сразу установились дружеские отношения. Всем нашим понравилось, что американцы не важничали, вели себя открыто, просто. Мне несколько раз приходилось видеть, как какой-нибудь замасленный техник что-то горячо и долго толкует склонившемуся к нему долговязому американцу и все жестикулирует, жестикулирует… «Разговор», как правило, кончался тем, что техник лез за кисетом, американец тотчас выхватывал пачку сигарет. Обе стороны удовлетворенно пускали дым в небо, улыбались и кивали головами, изо всех сил стараясь отдать должное и вкусу и крепости табака союзника.

– А настырные мужики,- сказал мне потом техник Иван

Лавриненко.- И к разговору охотники. Я тут с некоторыми хорошо поговорил. Обещают, что скоро тоже долбанут по немцам. Я уж стыдил их: дескать, сколько можно на дядю надеяться?

В первый день с американскими гостями произошел небольшой курьез. Не успели они как следует освоиться – на наш аэродром налетели несколько «Фокке-Вуль-фов-190». Самолеты появились неожиданно, но существенных разрушений произвести не смогли, сбросили лишь несколько мелких пехотных бомб. Помешало им поднявшееся в воздух звено наших истребителей под командой Виктора Усова, которое я предусмотрительно, готовясь к встрече гостей, определил на дежурство. В коротком бою над самым аэродромом Усов сбил один самолет. Остальные «фоккеры» поспешили уйти восвояси.

Налет как налет, бой как бой. На фронте мы к этому привыкли. Когда показались «фоккеры», никто из наших даже не спрятался в укрытие. Тем удивительней показалось нам поведение гостей. Веселость их как рукой сняло, едва они заслышали вой моторов немецких самолетов. Первым бросился в блиндаж маршал. За ним – остальные. Забившись в блиндажи, американцы настолько испугались, что чуть ли не под столы забрались. Помнится, летчиков наших это очень поразило. Случай обсуждался до самого вечера.

Защищали гостей лишь рассудительные техники.

– Смешно вы рассуждаете, товарищи. Мы сколько уж воюем? О, с самого сорок первого. А они? Да они еще и пороху как следует не нюхали. В диковинку им все это. Вот подожди, повоюют, тогда…

Сами американцы были заметно смущены неожиданным происшествием. Мне подумалось тогда, что надо было бы кому-нибудь из нас тоже броситься с гостями в укрытие: за компанию. Но мы же и не предполагали, что обычный рядовой налет вызовет у них такую панику.

Сильнее всех переживал унижение почему-то переводчик. Остальные же сделали все возможное, чтобы воспринять случившееся в комическом свете. Скоро они опять хохотали и приставали к ребятам с расспросами.

Вечером в общей землянке был накрыт праздничный стол. Хозяева и гости расселись кто где хотел. Американцы и тут показали себя веселыми, общительными людьми. После нескольких тостов за победу, за дружбу русских и американцев создалась весьма непринужденная обстановка. Шум, смех, мешается русская и английская речь.

Маршал за столом показался мне совсем не военным человеком. Без большой фуражки, с маленькой редковолосой

головой, он походил на самого обыкновенного штатского, зачем-то надевшего военную форму. Генерал Рязанов, его сосед, хлебосольно угощал американца, время от времени прося кого-нибудь из наших передать ему тарелку или открытую банку консервов. И ел и пил маршал с удовольствием.

Но самым веселым был угол, где сидели Дунаев, Корниенко и высокий сухопарый полковник с двумя рядами орденских планок на груди. Американский полковник был уже сильно навеселе и беспрерывно хохотал над рассказами наших летчиков, закидывая счастливое беспечное лицо. Наши быстро нашли с ними общий язык.

Но вот генерал Рязанов, незаметно подмигнув мне, попросил внимания, постучав по стакану. Шум и смех за столом пошли на убыль. Все приготовились слушать. Командир нашего корпуса завел речь об открытии второго фронта.

Речь советского генерала не имела успеха. Развеселившиеся американцы готовы были говорить о чем угодно, только не об этом щекотливом деле. Едва дождавшись конца речи, маршал бросил несколько ничего не значащих общих фраз и поспешил перевести разговор. Однако Рязанов упрямо гнул свое. С наивным выражением лица он попросил перевести гостям анекдот.

– Да, да,- откликнулся переводчик и отставил стакан.

– Какой-то чудак, удобно расположившись у бочки с водой, неторопливо отчерпывает в ведро чайной ложкой,- начал генерал.- «Да чего ты мучаешься? Возьми и отлей, сколько нужно».-«Зачем?- отвечает чудак.- Мне торопиться некуда».

Неожиданно расхохотался угрюмый переводчик. Он первым оценил лукавство генерала. Намек на затяжку с открытием второго фронта был слишком ясным.

Сухощавое, в мелких морщинках лицо маршала покраснело, но он, ничего не сказав, только рассмеялся и погрозил Рязанову пальцем.

Генерал, как бы ни о чем не догадываясь, с улыбкой развел руками.

Кто-то быстро предложил очередной тост, и минутная неловкость была замята.

Подвыпив, американцы потребовали музыки и танцев. Мы вспомнили, что кто-то из бойцов по вечерам как будто пиликает на баяне. Послали найти этого музыканта и привести.

– Какой из него музыкант!- удивился Николай Шутт.- Знаю я его. Он только учится.

– Ничего, ничего. Хоть пошумит.

– Ну, пошуметь он сумеет!…

Баянист скоро явился. Николай был прав – им оказался боец

охраны, который совершенно не умел играть. Я часто видел его в лесу на пенечке, от скуки и безделья он пытался выучиться играть на трофейном аккордеоне.

Вступив в землянку, боец совсем растерялся. Подмышкой он держал новенький аккордеон. Один из американцев, разгоряченный выпивкой, шумно вскочил и, обняв музыканта, потянул к столу. Боец, щурясь от яркого света, от блеска генеральских звезд, упирался. Я поднялся. Проходя мимо бойца, вполголоса сказал:

– Ну, чего ты – сыграй что-нибудь. Просят же.

– Товарищ капитан,- испуганно взмолился он,- да я только «Матаню» умею!

Долговязый американский полковник, раскачиваясь со стаканом в руке, смотрел на нас и пытался понять, о чем мы говорим.

– Ну, давай свою «Матаню»,- махнул я рукой.- Только погромче играй!

– Оскандалимся, товарищ капитан!

– Ничего, садись и играй. Только громче.

– Это я могу,- с готовностью откликнулся музыкант и, придвинув табуретку, уселся. Кое-какие навыки у него уже появились – он с таким шиком набросил на плечо ремень аккордеона, так уверенно пробежал пальцами по клавишам, что гости, следившие за его приготовлениями, почтительно умолкли.

Чтобы ненароком не расхохотаться, я поспешил выскочить за дверь.

Но, выходя из землянки, в самых дверях я еще успел расслышать громкий голос подвыпившего полковника:

– Вальс!… Штраус!… Да?

Бедный музыкант!…

Наутро гости проснулись поздно. Может быть, они проспали бы еще дольше, но генерал Рязанов, озабоченно посматривая на часы, послал меня разбудить их. Сам он по привычке был на ногах с раннего утра. Чтобы не мешать мне распоряжаться в своем хозяйстве, командир корпуса налег на телефон, связываясь со своим штабом и с соседними полками. Через час должна была подняться в воздух первая волна самолетов,- начало большой наступательной операции.

– Американцам надо это обязательно посмотреть,- сказал он, решив разбудить подгулявших вчера гостей.

В самом деле, это был лучший случай показать американцам всю мощь советской авиации.

Гости не успели позавтракать, как началось наступление. Все выскочили из землянок и задрали головы. Небо гремело. Над

нашими головами нескончаемым потоком шли тяжелые эскадры бомбардировщиков, «петляковых», штурмовиков, надежно прикрытых истребителями. Самолеты шли несколькими ярусами, зрелище было внушительное.

За обедом американцы были молчаливы, лишь изредка переговаривались о чем-то, почти не поднимая глаз от тарелок. Их сдержанность можно было объяснить по-разному. Может быть, они устали после вчерашнего веселого ужина, поднявшись сегодня утром намного раньше привычного часа, а может быть, каждый из них вспоминал и оценивал все, что довелось увидеть при начале нашего наступления. Во всяком случае, фразы, которыми гости время от времени перебрасывались, были коротки, деловиты. Никого из наших генералов на этот раз за столом не было – и Рязанов и Баранчук уехали, извинившись: срочные дела требовали их присутствия у себя в штабах.

Обед подавался по-фронтовому. Неожиданно маршал произнес длинную тираду, и по тому, как он поглядывал на меня, а затем перевел взгляд на молчавшего все время переводчика, я понял, что он обращается ко мне.

– Господин маршал,- учтиво пояснил переводчик,- хотел бы увидеть воздушный бой… О нет, не настоящий! Показательный бой. Господин маршал интересуется вашими истребителями «Яковлев».

Фамилию конструктора переводчик произнес так, как она прозвучала в устах маршала: Яковлефф…

Мне подумалось, что как раз вчера представлялся прекрасный случай посмотреть настоящий бой наших истребителей с «фоккерами». Виктор Усов очень красиво провел схватку. И ведь над самым аэродромом,- как по заказу, как в кино. Но… Однако я ничего не сказал о вчерашнем конфузе американцев и распорядился поднять в воздух две боевых машины.

Когда мы вышли из-за стола и показались на поле, машины уже выруливали на старт.

Взлетели И. Ф. Кузьмичев и Н. Шутт. Сначала они продемонстрировали несколько фигур высшего пилотажа, а затем провели показательный воздушный бой, Американцы, задрав головы, внимательно наблюдали. Высокий сухопарый полковник горячился, о чем-то живо рассказывал маршалу. Тот, не отрываясь от боя, изредка издавал короткие, гортанные звуки.

– Хо-ро-шо,- раздельно, как на уроке, произнес по-русски маршал, когда «бой» кончился. Лицо его было озабоченным. Время от времени он потирал рукой занемевшую шею.

Полковник же, вдруг подмигнув мне, засмеялся и погрозил пальцем. Я ничего не мог понять. Тогда он поманил меня за

собой.

Едва самолеты Кузьмичева и Шутта приземлились, американский полковник, размашисто шагая, подошел к одной из машин, быстро оглядел ее со стороны, затем ногтем постучал по крылу. По лицу его скользнула снисходительная усмешка. Он постучал еще раз и прислушался. Опять поманил меня, приглашая послушать.

– Да, да,- сказал я, догадавшись.- Фанера. Настоя щая фанера.

– О!- воскликнул полковник, явно довольный тем, что не ошибся в своей догадке, и что-то быстро заговорил.

Я не стал ждать перевода.

– Фанера, но вашу «кобру», между прочим, с одного захода – фьють!… Это точно.

Стоявший тут же, у самолета, Николай Шутт перевел на суетившегося гостя свой медлительный насмешливый взгляд. Он как бы прикидывал на глаз, на что способен этот высокий, оживленно говорящий американец там, в небе, в настоящей боевой обстановке.

Американец не видел красноречивого взгляда Николая, он ждал, пока ему переведут мои слова. Выслушав перевод, он недоверчиво рассмеялся:

– Ну да! Не может быть!

– Зачем же спорить?- с вызовом произнес я.

Неожиданно полковник протянул мне руку. Лицо его было очень задорным.

– Серега, он пари предлагает,- пояснил мне Дунаев.

– Принимай!- сказал Шутт.- Покажи ему, где раки зимуют!

Ах вот оно что,- спор! Что ж, пожалуйста. Мы ударили по рукам. Снисходительная усмешка скользнула даже по тщательно выбритым губам американского маршала. Он снова что-то коротко сказал.

Полковник, разгорячившись, скинул пилотку и быстрыми шагами направился к «кобре». Мне ничего не оставалось, как садиться в свой ЯК.

– И не чикайся с ним, не миндальничай,- наказывал провожавший меня к самолету Шутт.- Цепляйся к хвосту, и никуда он от тебя не денется.

Видно было, что насмешка американца задела и его за живое.

Взлетели. Изучая своего «противника», я сразу увидел, что самолетом американец управляет четко и уверенно. Опыт есть. Наши машины сошлись раз и разминулись. Мы снова стали сближаться. После второго захода я сделал маневр, «прицепился» к хвосту американца и уже не выпускал его. Он попробовал несколько фигур, но для нас, после схваток с немецкими асами,

это были сущие пустяки. Я висел у него на хвосте, как привязанный. Устав, полковник первым повел самолет на посадку.

Едва остановился мой самолет, подбежали Иван Лавриненко и Шутт. Оба незаметно для гостей, стоявших в стороне, показали мне большой палец. Я откинул фонарь и спрыгнул на землю.

– Ну, вот,- сказал Николай Шутт.- А куда-то хвост задирал!… Тебе его надо бы еще к посадке принудить.

Прижал бы сверху – он и не пикнул бы. Сел бы как миленький.

– Неудобно. Гость все-таки,- урезонивал я разошедшегося Николая.

– Так и пусть себя ведет, как в гостях… Не знаю, Серега, как они с немцами встретятся? Одно спасение – у немцев к тому времени, может, ни одного летчика не останется. Ведь смотри, что сейчас. Ты бы его еще с первого захода запалил.

– Пошли, братцы. Ждут.

Американский полковник уже вылез из кабины и, широко расставив длинные ноги, ждал, когда я подойду. Он был без пилотки, ветерок трепал на его голове жиденький вихор. Американец улыбался, нисколько не огорчаясь своим «поражением».

Я был от него в нескольких шагах, когда он со смехом сказал что-то своим, затем шагнул ко мне и крепко, дружелюбно стиснул руку. Опять что-то сказал, похлопал меня по плечу и отцепил от своего погона литой значок, изображавший орла.

– Желаю быть полковником!

Приняв подарок, я отдарился зажигалкой. Полковник повертел мой подарок в руках и растерянно обратился к маршалу. Говорил он долго, озабоченно, однако переводчик с улыбкой перевел:

– Не понимает – почему именно зажигалка? Говорит – может быть, опять какой-то намек?

Раздался общий дружный смех. Полковник продолжал допытываться:

– Нет, вы скажите, капитан: вы это хотели сказать? Да?

Я со смехом обратился к переводчику:

– Нет-нет. Пусть не беспокоится. Просто нет ничего больше под рукой. Что я ему – пистолет подарю?

Николай Шутт был тут же и громко кричал переводчику, требуя перевести:

– Друг… ты слышишь?… Ты скажи ему вот что: мы и без него немцев кокнем, но если он хочет пороху понюхать, пусть поторопится. А у немцев есть отчаянные, с ними интересно

стукнуться. Серега, рассказал бы «крестничку» о Джибелли. Ему это надо знать.

Не знаю, как ему перевели слова Николая, но полковник никакого интереса к Джибелли не проявил. Спрятав зажигалку в карман, он снова достал ее, потом я заметил, что он доставал ее несколько раз, о чем-то думал, с улыбкой разглядывая ее, чиркал колесиком и, полюбовавшись бледным пламенем, снова прятал.

Вечером за гостями пришла машина из штаба корпуса. Американцы попрощались со всеми и уехали. Долговязый полковник сидел рядом с шофером. Пока машина не скрылась из виду, он то и дело оборачивался, приподнимался и махал нам рукой.

Дядю Мишу, так звали пожилого бойца аэродромной охраны, знал весь полк. Был дядя Миша угрюм, неразговорчив, но тем не менее отзывчив на любое чужое горе. До войны он работал в Ленинграде вагоновожатым трамвая. Дядю Мишу призвали на фронт, а семья его осталась в осажденном Ленинграде. Отсюда, видимо, была и угрюмость старика, он все время думал об оставленной семье.

Когда сняли блокаду Ленинграда, дядя Миша получил долгожданное письмо. Разбирая почту, кто-то из летчиков обратил внимание на грубый конверт, склеенный из газеты. Почерк на конверте разобрать было легко,- буквы крупные, выписаны старательно, как на уроке чистописания. Письмо было адресовано дяде Мише. Обратного адреса не было, но что-то подсказало ребятам, что это как раз то письмо, которого так ждет старик. Несколько человек отправились с доброй вестью.

Дядя Миша, узнав, схватился за сердце. А о письме тем временем узнал весь полк. Летчики спрашивали: «Ну, как там у него, в Ленинграде?…» Письмо, однако, оказалось безрадостным. Я сам читал его и отлично помню, как защемило у меня сердце после скупых строк, написанных крупным старательным детским почерком: «Вчера схоронил мамку на саночках на кладбище… Папка, бей немцев хорошенько…»- писал письмо сынишка дяди Миши, оставшийся теперь сиротой в огромном городе.

Несчастный старик совсем потерял покой. Летчики и не пытались его утешать – каждый понимал, каково сейчас в Ленинграде. Заставляло задумываться и то, что на письме не было даты. Когда мальчик написал его? Может быть, сейчас его нет и в живых?

Дядя Миша ни о чем не просил. Обратившись в штаб, мы сами выхлопотали старику краткосрочный отпуск.

– Помочь, помочь надо человеку,- приговаривал наш замполит З. Ф. Кузьмичев, соображая, к кому бы еще обратиться,

чтобы за старика замолвили словечко в штабе. Отпуск с фронта, да еще бойцу аэродромной охраны, да еще в разгар наступления – затея, надо прямо сказать, почти что невыполнимая. Но стараниями летчиков, а особенно изобретательного и неутомимого замполита полка, все преграды были преодолены, и в виде исключения рядовой незаметный боец дядя Миша получил желанный отпуск.

Старик не знал, как нас и благодарить.

– Снарядить, снарядить надо человека,- снова заприговаривал расторопный Кузьмичев и пояснил, что проезд дяде Мише, как человеку военному, обеспечен бесплатный, а вот для дома, для родных, если только они остались живы, ему надо бы что-то привезти, обрадовать.

– Три года люди с голода пухли,- говорил замполит.

– Ребята все сделают,- поддержал Корниенко.

– Конечно,- отозвался Евгений Меншутин.- Сбросимся кто сколько может.

– Ну, валяйте!- разрешил Кузьмичев.

Ребята собрали крупную сумму денег и снарядили старика в дорогу. Забота у дяди Миши была устроить сына, если только он жив и здоров, в детский дом.

Донельзя растроганный старик на другой же день засобирался в дорогу. Все необходимые документы у него были уже на руках.

Помнится, мы с Кузьмичевым готовились в полет, парой, на свободную охоту. Дядя Миша подошел попрощаться. Я стоял на плоскости самолета, надевая парашют.

– Едешь, дядя Миша?

– Еду. Спасибо за все, товарищ командир.

– Ну что ты, дядя Миша. Передавай привет сыну.

Устраивай его получше и возвращайся. Если что не будет получаться,- пиши, поможем.

– Не пиши, а телеграмму давай!- крикнул Кузьмичев, показываясь из своего самолета.- Мы тут, если надо, горы свернем. И устраивай пацана как следует.

Старик утер рукавицей глаза. Он сейчас только и жил надеждой увидеть сына.

– Ничего, дядя Миша, сейчас мы получим с немцев и за твоих. Дай только встретить.

– Дай вам бог… Дай бог.

Не знаю почему, но все время, пока мы с Кузьмичевым летели в поиск, у меня перед глазами стоял дядя Миша. В самом деле, каково на склоне лет лишиться семьи? Сколько ему может быть лет? Да многовато, наверняка далеко за пятьдесят. Новой семьи

уж не заведешь. Хоть бы сынишку нашел в добром здоровье…

От тяжелых раздумий меня отвлек голос моего напарника. Кузьмичев заметил четыре самолета противника. Четыре? Я внимательно вгляделся. Да, навстречу нам шла четверка вражеских истребителей.

– Иван Федорович,- сказал я в микрофон,- держись ближе. Кажется, это они.

– Они, конечно. Кто же еще?- спокойно ответил Кузьмичев.

О дружной четверке немецких асов мы уже слышали. Они неизменно появлялись вчетвером, ходили боевым строем, дрались слаженно и лихо,- ребята не раз жаловались на них. Даже сегодня, снаряжая меня в полет, техник Иван Лавриненко высказал опасение:

– А ну нарветесь на этих, товарищ капитан? Четыре, оно и есть четыре. Как ни крути, а двое на одного получается.

– Почему мы обязательно на них должны напороться? Да и не всегда же они ходят вчетвером.

– Всегда!- убежденно сказал Иван.- Такая у них уж манера: вместе. Навалятся кучей – и спасу нет.

– Ничего, Иван Иванович. Как-нибудь…

– У соседей вон,- вчера человек приезжал, рассказывал. С задания шли. Двоих враз потеряли! Свалились, говорит, откуда-то, никто ничего и не понял толком. Раз, раз – двоих нету! Одно увидели – красные.

– Ну, посмотрим…

Все это припомнилось, едва я увидел четверку вражеских истребителей.

Немцы приблизились, и мы теперь без труда разглядели окрашенные в яркий красный цвет капоты вражеских машин. Все «пожарники», молодых нет. Сомнений быть не могло – это та самая четверка.

Фашистские летчики приготовились к бою, разбились на пары.

Напутствия техника перед полетом не выходили из головы. Немцев четверо, а нас двое. Задумаешься поневоле. Ввязываться в открытый бой – опасно. Враг хитер и опытен. Перед нами старые волки, и с двойным преимуществом они легко одержат верх в открытой схватке. Но ведь и удирать, уходить от боя – душа не лежит! Что же предпринять?

Впереди по голубому безмятежному небу плыло одинокое облачко. Может быть, попробовать снова поймать на старую, испытанную уловку? Момент вроде подходящий. К тому же ни о чем другом сейчас думать некогда. «Пожарники» вот они, перед самым носом.

– Иван Федорович,- торопливо говорю в микрофон,- оттянись. Оттянись! Зайдем в облако и сделаем переворот.

– Понял,- услышал я скупой ответ.

На виду у противника наши самолеты стремительно нырнули в облако. Немецкие асы, надо полагать, только усмехнулись такой детской уловке и, не меняя боевого строя, ушли немного вниз и стали терпеливо ждать, когда мы появимся. Нырять им за нами следом в облако было бы слишком глупо. Да мы на это и не рассчитывали.

Была, правда, опасность, что, разбившись на пары, они блокируют облако сверху и снизу. Покажись мы тогда вверху или внизу,- неизбежно попадали бы под огонь. Но немецкие асы слишком положились на собственное чутье. Они не сомневались, что русские, испугавшись преимущества, уходят от боя. А уйти в такой ситуации можно было, лишь нырнув к земле и перейдя на бреющий полет. Вот немцы дружной четверкой и отрезали нам путь к земле. Они даже против малочисленного противника старались держаться все вместе. Вчетвером они чувствовали себя уверенней. Ведь пестрая раскраска наших машин тоже не могла не броситься им в глаза.

Те мгновения, которые мы провели в облаке, совершенно не видя ничего вокруг, были очень неприятными. Противник пока нас не видит, но ведь и мы не видим его, не знаем, что он предпримет. Хорошо, если он попадется на нашу уловку. А если нет? Сковывало нас еще и то, что одинокое облако в небе было слишком невелико,- значит, ограниченное пространство для маневра. Немцы в данном случае могли просто отойти от облака и, как охотники, выжидать, пока добыча сама подставится под выстрел.

Сравнение с охотниками тут как нельзя кстати. В самом деле, мы запакованы в облаке, как в обложенной егерями берлоге. И очень опасен для нас первый миг появления в чистом небе. А ну вынырнешь сразу под прямую очередь в упор?

Однако удача и на этот раз не отвернула от нас своего благосклонного лица. Едва мы показались из облака и глянули вниз, как увидели, что нехитрый наш расчет удался. Немцы уверенно ожидали нас внизу, готовясь сразу же расстрелять в упор, а мы, вдруг совершенно для них неожиданно, вынырнули сверху, над самыми головами. Не думали они и не гадали, что двое русских решатся вступить в бой, да еще напасть первыми. Они ожидали нашего бегства, караулили нас – и поплатились за это.

Выгодность создавшейся для нас ситуации оценит любой летчик. Появилась прекрасная возможность с одной атаки

уравнять силы. Сейчас все решала точность попадания. И мы дружно ударили из пулеметов, причем не по бакам с горючим, а по моторам. Стреляли наверняка.

Пока немцы разобрались в собственной ошибке, было уже поздно. Спикировав сверху, мы с первого же захода сбили два вражеских самолета. Оставшаяся пара упала в затяжное пике, перешла на бреющий полет и принялась уносить ноги. Далеко-далеко мелькнули яркие, горевшие на солнце капоты вражеских машин.

– Домой, Иван Федорович,- сказал я.- Хватит.

Я еще надеялся застать дядю Мишу и сообщить ем› весть о расплате, но не успел – старик уже уехал.

Ну и выдался денек!

С утра нашему полку была поставлена обычная задача – прикрывать штурмовики. Дело хоть и привычное, но, прямо скажу, не совсем приятное, потому что штурмовики, как правило, привлекают на себя очень сильный огонь. Между нами, истребителями, прикрытие штурмовиков считалось делом тяжелым и чрезвычайно опасным.

Мы завидовали Александру Покрышкину, который со своими ребятами забирался на огромную высоту и там парил, высматривая добычу. Свободная охота, чего же еще лучше!

Вот и сейчас, когда мы идем над грузно гудящими штурмовиками, я узнаю высоко вверху знакомые силуэты «кобр». Это восьмерка истребителей под командой Александра Покрышкина вылетела на охоту и высматривает, ищет врага. Счастливцы! Во всяком случае, думаю я, если только придется туго, бросим клич. Помогут.

– Сокол… Сокол… (позывные Покрышкина).

В небе пока спокойно – относительно, конечно, спокойно,- и мой голос легко доходит к далеким товарищам, которые высоко вверху караулят появление врага. «Кобры» Покрышкина, как коршуны, кружат над районом действий штурмовиков. Ребята знают, что штурмовики – самая дорогая добыча для немецких истребителей. Враг, конечно, все силы бросит в бой. Вот тут-то и бей, расстреливай его сверху!

– Сокол… Сокол…- монотонно повторяю в микрофон.

Скоро в наушниках отзывается раскатистый басок Покрышкина. Я объясняю ему нашу задачу и прошу прикрытия на всякий случай.

– Сегодня может быть жарко. Большой вылет,- говорю я и посматриваю наверх, где хозяевами голубого бездонного неба плавают еле различимые «кобры».

– Будь спокоен,- доносится уверенный голос издалека.- Нам

сверху виднее.

– Нам – это кому: начальству?- решаю я подзадорить старого приятеля. Покрышкин в чине полковника командует истребительной дивизией. Для нас он – большое начальство.

– Ладно, ладно,- миролюбиво басит Покрышкин,- не задирайся. Надо будет – зови.

Разговор прекращается, потому что снизу, с земли, начинают часто, лихорадочно бить зенитки. В воздухе повисли дымные букеты разрывов. Я глянул вниз - линия фронта.

Штурмовики, не обращая внимания на заградительный огонь, деловито принимаются за привычную работу. Гудящие броненосцы проносятся над передовыми позициями, поливая из пушек и пулеметов. После них на земле настоящий хаос. Но долго любоваться их работой не приходится. По опыту знаю, что где-то на подходе истребители врага. Сегодня они очень запоздали, видимо, нечетко сработала разведка.

Предчувствия не обманули. Первые звенья «мессершмиттов» показались в небе. Но что это? Звено за звеном, еще и еще… Сколько же их сегодня? Такого количества истребителей немцы давно уж не поднимали в воздух.

Отдаю команду, и все истребители нашего прикрытия устремляются навстречу врагу. Надо перехватить гитлеровцев подальше от штурмовиков. Интересно, видит Покрышкин, какой затевается бой?

Раздались первые очереди. Первый дымный след потянулся к земле. Нелегко нам сегодня, очень нелегко. Пытаясь использовать свое численное превосходство, немцы бросили одну группу самолетов против истребителей, другую – против штурмовиков. Успевать везде было трудно. Не разорваться же!

Гляжу по сторонам и не вижу «кобр». Куда же они девались? Ведь только что были!

– Сокол… Сокол… Сокол, черт! Саша, неужели не видишь?

Но «кобры» и без того уже спешили нам на помощь. В лихорадочном маневрировании я все же успел разглядеть, как четверка покрышкинских истребителей стремительно свалилась сверху и подожгла два «мессершмитта». Сразу стало легче. Немцы отхлынули.

– Хорошо, «Сокол»! Молодец, Саша!

– Ладно, ладно…- рокочет знакомый басок.

– Ах ты, дьявол!- неожиданно выругался я, заметив, что почти на самом хвосте у меня повис черный «мессершмитт». Бросаю машину в пике, разгоняюсь и вдруг резко перехожу на вертикаль и сразу же в боевой разворот. Темно в глазах от перегрузки, стучит в висках кровь. Но вот отходит от глаз мутная пелена, и я,

переводя дух, вижу, что немец отцепился. Вот ведь, чуть не заговорился! Нет, в бою надо быть все время начеку.

С помощью восьмерки «кобр» мы рассеяли немецкие самолеты по всему небу. Прорвавшиеся было к штурмовикам «мессершмитты» попали под огонь и тоже убрались восвояси.

Тем временем «илы», закончив штурмовку, повернули домой. Я поблагодарил Покрышкина за помощь, и мы устало потянулись на свой аэродром.

«Кобры», проводив нас, снова набрали высоту. Для них, свободных стрелков, охота продолжалась.

Но это было лишь начало дня.

После обеда кто-то из ребят, вернувшись с задания, в великой панике стал рассказывать, что видел у немцев какой-то небывалый самолет: летает, как метеор, позади него вьется пятиметровый огненный хвост. Пропеллера нет совсем. Дьявол, угнаться за ним невозможно…

– Только ты на него, а он – фр-р-р!- и мимо. Как снаряд! И лупит из пушек напропалую. Попался если на дороге – каюк!

– А у тебя с глазами как – все в порядке?- насмешливо поинтересовался Шутт. Летчик обиделся.

– А ты пойди-ка, сам сунься! Герой… Я посмотрю.

Это тебе не «мессеров» гонять.

– Придется посмотреть,- как ни в чем не бывало согласился Николай.

Но рассказ очевидца ребята слушали внимательно, много раз переспрашивали и с сомнением покачивали головами. Неужели немцы пустили реактивный истребитель? Созданию реактивной авиации большое внимание ими уделялось еще до войны. Готовясь к нападению, немцы усиленно форсировали конструирование нового самолета. И вот реактивный истребитель в небе. А в том, что этот как раз реактивный самолет, сомнений быть не могло. Слишком характерны были все приметы, рассказанные очевидцем.

В последний период войны, сознавая близкое поражение, гитлеровское командование все внимание сосредоточило на формировании истребительных соединений. Бомбардировочные эскадры были расформированы. Летчиков срочно переквалифицировали в истребителей, а сами бомбардировщики приспособили под самолеты-снаряды. Однако это «последнее достижение конструкторской мысли», как рекламировали их немцы, было очень неэффективно. Наши истребители легко перехватывали самолеты-снаряды и уничтожали.

Но вот реактивный истребитель. Значит, немцы хоть под занавес, а пустили все же его в небо.

Желая убедиться в этом чуде собственными глазами, я сам несколько раз поднимался в воздух и наконец увидел небывалый самолет. Да, все было так, как рассказывал летчик. Немцы сконструировали реактивный истребитель.

Конечно, существенного перелома в войне эта новинка принести немцам не могла. Противник располагал лишь небольшим количеством реактивных машин, которые не были еще как следует освоены. Таким образом, они не могли оказать какого-нибудь существенного влияния на ход борьбы в воздухе.

Но все же на первых порах, когда эта новинка авиационной техники появилась в небе, перед нашими летчиками встали серьезные трудности. Было ясно, что хоть и временных, а осложнений не миновать. Слишком уж необычным, нарушающим все привычные представления показался нам новый самолет.

Мне довелось наблюдать реактивную машину в бою. Обладая небольшим запасом горючего, самолет некоторое время свободно планировал над своей территорией, выбирая для атаки удобный момент. Наконец истребитель набирал огромную скорость и, оставляя после себя длинный хвост огня, устремлялся в бой. Скорость его была в полтора раза больше, чем у обычных наших поршневых машин. Реактивный самолет пронизывал наши порядки снизу вверх, расстреливая все, что попадалось на пути. Попадался ему штурмовик – сбивал штурмовик, «петляков» или истребитель – сбивал того и другого. И все это совершенно безнаказанно.

Признаюсь, что ребята сначала было запаниковали, но скоро нашли способ бороться и с реактивными (благо, на нашем участке фронта их было очень мало, буквально единицы).

Первым сбил реактивный истребитель наш летчик Гари Марквеладзе. Потом, сразу же после боя, он рассказывал, как это произошло. Увидев, что на него несется реактивный самолет, Гари схитрил – он подпустил его поближе, затем ловко вильнул в сторону, а когда немец, разогнавшись на страшной скорости, пролетал мимо, влепил в него пулеметную очередь. Немца погубила скорость. На такой огромной скорости он был лишен возможности маневрировать. И нам сразу вспомнился наш отечественный «кукурузник». Со своей тихоходностью он был поистине неуязвим для стремительных «мессершмиттов». Вот и теперь – не так уж, оказывается, страшен реактивный истребитель с его сумасшедшим разгоном. Отскочи, увернись в сторону и бей, как в мишень. Разогнавшись, реактивный самолет не способен на ловкий маневр.

Сбитый реактивный истребитель упал на нашей территории. Остатки его бережно собрали. Летчики долго осматривали

необычный самолет, удивляясь многим конструктивным новинкам. Не знаю, но в то время, видимо, еще ни у кого из нас не появлялось и мысли, что мы стоим на пороге совершенно новой эпохи в самолетостроении. А ведь многим из нас скоро довелось летать с такой скоростью и на таких самолетах, что даже и не снились. Но человек быстро осваивается с любой, даже самой необычной техникой.

Получив на вооружение реактивные истребители, мы в скором времени настолько свыклись с ними, будто всю жизнь только и летали на них. Мне, например, уже после академии, в послевоенное время, пришлось как-то попасть в затруднительное положение. Я совершал на реактивном истребителе ночной полет. Так уж сложились обстоятельства, что нужно было садиться не на подготовленную дорожку аэродрома, а в поле, ночью, на брюхо. И что же? Припомнив опыт войны, когда садиться на брюхо приходилось частенько, я довольно удачно посадил и реактивный истребитель.

Однако вернемся к боевым делам. Герой дня Гари Марквеладзе ходил именинником. Он стал самым популярным летчиком, получил орден Красного Знамени.

Трудно начавшийся день завершился печально. Уже под вечер в воздушном бою мы потеряли хорошего летчика, Героя Советского Союза Ивана Корниенко. Произошло это неожиданно, как случается любое несчастье. Мы осознали, что произошло, лишь тогда, когда увидели подбитый самолет.

Потеря товарища всегда болью ложится на сердце. Иван Корниенко был прекрасным летчиком. Вместе с ним мы воевали в тяжелые дни Сталинградской битвы, затем Курск, Харьков, Сандомир. Уж в каких, казалось бы, переделках не побывал Иван Корниенко, и оставался жив. А тут…

Самолет Корниенко не горел, даже не дымил. Стараясь понять, что произошло, я кружился совсем близко. Сквозь фонарь видно было, что летчик почти все время роняет голову на руль. Сомнений быть не могло: Иван ранен. Вражеская пуля угодила в летчика.

Под нами была чужая территория. Бугры, кустарники, большой овраг. Даже самолет не посадить. Вернее, посадить можно – на брюхо, но уж взлететь не удастся.

Нарядная, с несколькими рядами звездочек на фюзеляже, машина Ивана Корниенко обреченно опускалась к земле.

Как потом выяснилось, Иван действительно был ранен. Борясь с беспамятством, летчик все же нашел силы посадить машину и сразу потерял сознание. Очнулся он от грубых толчков. Открыл глаза: какие-то люди в непонятной форме. Не немцы, но

и не наши.

– Вылезай, друг. Отлетался!

«Власовцы!» Корниенко обмер.

Желая выслужиться перед немцами, предатели не гнушались никакой грязной работой. Недаром гитлеровцы использовали их при самых кровавых расправах с мирным населением оккупированных территорий. Видя, что война немцами проиграна и неминуемо приближается расплата за предательство, за преступления перед своим народом, власовцы в безысходной злобе творили неслыханные бесчинства. Они искали любого случая, чтобы сорвать накопившуюся злобу, хоть как-то потешить свои гаденькие трусливые душонки.

Захватив раненого летчика, предатели долго измывались над ним. Они, конечно, поняли, что им в руки попал далеко не рядовой летчик. У Ивана Корниенко вся грудь в наградах, звезда Героя Советского Союза, на фюзеляже боевой машины несколько рядов звездочек. Заслуги Корниенко в боях с фашистами, как ни странно, спасли ему жизнь. Власовцы не решились прикончить столь важного пленного. Поиздевавшись вдоволь, они доставили его в жандармерию.

После допросов и новых издевательств немцы бросили раненого летчика в лагерь. Иван потом рассказывал о мучениях, которые ему пришлось испытать в плену. Он показывал уродливые шрамы на теле, рваные раны от зубов овчарок. «Звери, а не люди. Что делают, что они только делают!»

В конце концов Корниенко удалось бежать из плена, и он вернулся в родной полк. Но случилось это много позднее, когда мы были уже в Германии.

Германия. Мы на немецкой земле! Свершилось то, о чем мы мечтали в тяжелые дни Ростова и Сталинграда, исполнилось желание умирающих, но не сдающихся ленинградцев и одесситов, севастопольцев и москвичей. Карающий меч опустился на логово зверя. «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет…»

Советские солдаты шагали по земле фашистской Германии, советские танки грохотали по великолепным автострадам, по которым еще недавно устремлялись на Восток завоеватели мирового господства, нашедшие смерть в бескрайних просторах России. В немецком небе проплывали эскадры краснозвездных машин. Теперь они летели не на Курск и Смоленск, не на Белгород и Харьков. Нет, на наших штурманских картах теперь были Дрезден и Берлин.

Мы домолачивали издыхающую фашистскую гадину. Мы помнили Бабий яр и ленинградских дистрофиков, мы помнили печи Освенцима и Майданека, мы не забыли слез русских вдов и

сирот, оставшихся на пепелищах сотен и тысяч городов и сел.

Мы принесли в Германию огромный счет, но мы пришли сюда со светлой, благородной миссией – растоптать свастику, развеять по ветру прах фашизма. Пусть больше мир не будет знать крови, насилия, горя.

Советские солдаты в Германии… Я помню испуг немецкого обывателя, ожидавшего звериной ярости победителей, а вместо этого получившего паек из солдатских ротных котлов. Я помню немецкую детвору, худеньких напуганных ребятишек, к которым привязывались всей душой наши летчики и официантки. Иван Корниенко, сбитый немцем русский летчик, истерзанный в немецком плену, бывало, плакал скупыми злыми слезами, вспоминая издевательства в лагере, но как он ласков и по-отечески трогателен был с немецкими ребятишками. Из души этого человека ничем нельзя было вытравить светлые отцовские чувства. Немцы оказались бессильными сделать это.

Советские солдаты на немецкой земле… Помню, как в благоговейном молчании стояли мы в Бунцлау у могилы, где похоронено сердце победителя Наполеона русского полководца М. И. Кутузова. Через Бунцлау уже отступали битые русскими орды завоевателей,- через Бунцлау лежала столбовая дорога позора захватчиков и торжества победителей. И как гимн священному оружию советского солдата читали мы, наследники кутузовской славы, скупые строки эпитафии на памятнике русскому фельдмаршалу:

«До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные Российские войска, но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя!»

Святые, запоминающиеся слова!

В Германии стояла ранняя весна, весна нашей победы. Советские войска сжимали кольцо вокруг последнего оплота фашизма – Берлина. Вот-вот должно было взвиться алое знамя над рейхстагом.

Завершающие сражения беспримерной в истории войны проходили при небывалом подъеме войск. Все, от рядового солдата до Верховного Главнокомандующего, были проникнуты сознанием того, что происходящие события имеют всемирное значение.

Борьба за быстрейшее овладение фашистской столицей была не только вопросом военного престижа. Как теперь стало известно, взятие Берлина имело огромное политическое значение, ибо уже в те дни, когда еще фашизм не издох окончательно, над его смердящим полутрупом затевалась

ожесточенная возня западных политиков. Вот что, в частности, писал в послании президенту США от 1 апреля 1945 года давнишний недруг Советского Союза У. Черчилль:

«Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для Германского народа это будет самым убедительным признаком поражения… Кроме того существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому, я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на Восток…».

Невозможно без возмущения читать эти бессовестные строки старого политического торгаша. Предоставляя русскому народу истекать кровью, британский премьер внимательно следил за обстановкой на Восточном фронте, чтобы не прозевать момента открытия второго фронта. Союзники высадились не воевать, а продвигаться как можно дальше на Восток.

А ведь всего два месяца назад У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с панической телеграммой. Он буквально умолял Верховного Главнокомандующего спасти армии союзников, стоящие накануне краха в результате мощного удара немцев в Арденнах. И советские войска, верные союзническому долгу, начали наступление значительно раньше намеченного срока. Удар с Востока заставил немцев оттянуть силы из района Арденн. Американцы и англичане вздохнули: спасены!

И вот человек, моливший о спасении и получивший его, не переводя духа затевает против своего спасителя – я имею здесь в виду весь советский народ,- затевает против него грязную интригу. Надо ли удивляться, что через два года после окончания войны У. Черчилль выступил в Фултоне со своей знаменитой речью, положившей начало так называемой «холодной войне», атмосферу которой мы ощущаем до сих пор.

Однако я забежал вперед. Пока что победоносные войска Советской Армии грозно приближались к обреченному Берлину.

С выходом советских войск к Одеру воздушная обстановка на фронте неожиданно усложнилась. Немецкая авиация резко повысила боевую активность. Объяснялось это просто: базируясь на стационарный берлинский аэроузел, немцы могли действовать даже при сильных снегопадах и дождях. У нас же грунтовые

аэродромы были испорчены. Больше того, даже столь несовершенные базы находились у нас в 120-140 километрах от линии фронта. В отдельные дни противник совершал более трех тысяч самолетовылетов и явно господствовал в воздухе.

Трудные условия весны потребовали от наших авиаторов максимального напряжения сил. К сожалению, я в эти дни был неожиданно отозван с фронта и принять участие в боях за фашистскую столицу мне не довелось.

Как-то поздно вечером в штабе полка раздался длинный звонок. Звонил порученец командующего фронтом маршала И. С. Конева. Он передал мне приказание маршала явиться к нему завтра утром.

Ехал я в полной надежде, что вызов связан с подготовкой предстоящей операции. Иногда, готовя крупное наступление, штаб фронта вызывал и командиров полков. А тут ведь предстояло брать Берлин.

Юркий армейский «виллис» быстро бежал по ровной автостраде. В Германии дороги были прекрасные: широкие, умело спрофилированные, с бетонным покрытием. Одно время, когда дожди вконец испортили наши грунтовые аэродромы, мы использовали эти дороги. Брался какой-то участок автострады, указывался объезд для автотранспорта,- и аэродром готов.

Кое-где на дорогах был побит бетон, но наши саперные части на скорую руку уже подлатали, и сейчас поток машин на предельной скорости катился по направлению к фронту.

Маленький немецкий городок носил следы недавних ожесточенных боев.

Штаб фронта помещался в подвальном помещении уцелевшего здания.

На меня уже был заказан пропуск.

В низких сводчатых комнатах, где помещались службы штаба, полно народу. Усиленная охрана стоит у двери, за которой находится узел связи. Оттуда то и дело выходят озабоченные адъютанты.

Приема у командующего пришлось ждать недолго. Я вошел в большой кабинет И. С. Конева. Маршал сидел за столом, заваленным картами.

Четко, по-уставному доложил о прибытии. Иван Семенович медленно поднялся из-за стола.

Еще направляясь в кабинет командующего, я понял, что никакого большого совещания в штабе не предвидится. Поэтому не давала покоя мысль – зачем же все-таки меня вызвали? Нельзя было ни о чем догадаться и по первым вопросам маршала. Он поинтересовался состоянием полка, самочувствием летчиков. Но

я чувствовал, что не это главное.

Несколько раз еле слышно звякал полевой телефон на небольшом столике, маршал снимал трубку и, не называясь, слушал. Затем бросал одно, два слова, и трубка опускалась. Входил порученец с какими-то бумагами, командующий просил оставить их на столе.

При свете, падавшем из большого окна, я разглядел лицо маршала. Оно было очень утомленным. Видимо, сказывалось нечеловеческое напряжение многих месяцев войны. На плечи И. С. Конева ложились самые ответственные задания по разгрому врага. Он был под Москвой, когда враг приблизился к нашей столице на расстояние орудийного выстрела. Ставка послала его под Курск, он вел войска через Днепр. Теперь армии маршала И. С. Конева нацелены на Берлин.

Командующий фронтом взял меня за локоть и подвел к окну. Напротив, отгораживая панораму городка, краснела кирпичная стена брандмауэра. Маршал заговорил наконец о том, зачем я был вызван в штаб. Оказывается, Военный Совет фронта решил послать меня на учебу в Военно-Воздушную академию.

– Как, сейчас?- невольно вырвалось у меня.

– Конечно,- спокойно ответил командующий.- Зачем же ждать? У вас какое образование?… Ну вот, всего лишь училище. Этого мало, а после войны станет совсем недостаточно. Надо учиться.

Сдержанно, но решительно я попросил отложить отъезд на учебу до окончания войны. На самом деле, было обидно уезжать из-под самых стен Берлина. – Прошу оставить!- настаивал я.

Иван Семенович минуту помолчал, с каким-то напряжением вглядываясь в глухую стену за окном, затем повернулся и подошел к своему рабочему столу с картами. Лицо командующего сделалось серьезным.

– Будете учиться,- сказал он.- Осталось нам не много…

Он разговаривал со мной, но по выражению лица, по тому, как глаза его привычно разбирались в мешанине стрел и стрелок на большой карте, можно было понять, что мыслями он был уже далеко: там, где предстояло быть завтра, послезавтра уходящим в наступление полкам. Я понял, что возражать бесполезно, и мне ничего не оставалось, как ответить коротко, по-военному: «Слушаюсь».

Не поднимая головы, командующий спросил, на кого остается полк. На сдачу полка мне предоставлялась неделя. – Разрешите идти?

Маршал оторвался от карты, потер глаза. Затем он вышел из-за стола и в раздумье прошелся по кабинету. Годы, казалось,

нисколько не имели над ним власти. Он был такой же, каким я его видел под Курском, затем под Львовом на аэродроме нашего полка, таким он остался и после войны – на параде Победы, где маршал вел наш сводный полк, на работе в Министерстве Обороны, где мне довелось впоследствии бывать у него на приеме.

– Все мы понимаем,- негромко, как бы в задумчивости проговорил командующий, расхаживая по кабинету,- все понимаем, что сейчас наступает самое главное. Берлин!

Вот он, рукой достанешь… И все же надо ехать.

Он опустил голову, разглядывая носки начищенных сапог. Затем вдруг оживился, глаза его заблестели.

– А в Москве сейчас хорошо! Приходилось бывать в Москве?… Любите Москву? Ну, еще бы! Да теперь уж недолго. Скоро войне конец.

Неслышно открылась дверь, вошел адъютант. Он приблизился к командующему и что-то сказал ему на ухо.

– Хорошо,- ответил маршал и снова обратился ко мне.

– Разрешите идти?- тотчас спросил я.

Командующий не стал меня больше задерживать. Его ждали дела.

Прощаясь, И. С. Конев поинтересовался, хорошо ли я экипирован для поездки в Москву. Признаться, мысль об этом мне и в голову не приходила.

Маршал вызвал кого-то из порученцев и распорядился обеспечить меня всем необходимым. В частности, лично от себя он подарил мне великолепный трофейный «мерседес».

– В Москву на своих колесах въедешь,- рассмеялся он.- Да и в Москве… Парень ты молодой, видный, машина пригодится. Холостой?

– Женат, товарищ маршал.

Иван Семенович махнул рукой:

– Все равно пригодится!

Сборы в дорогу недолги. Наступил и день прощания с родным полком.

Очень удачно, что день тот выдался ненастный. Полетов не было, все летчики на аэродроме.

– Сергей, полк построен!- сказал И. Ф. Кузьмичев, входя с улицы. На бровях его висели капельки дождя.

– Льет?

– Да не очень. Пойдет – перестанет. Потом опять.

Нерусская какая-то погода.

– Ну, пошли!

Я в последний раз оглядел штабную комнату, навсегда

расставаясь с привычным фронтовым бытом. Мы вышли из штаба. Полк построился на поле в полном составе.

– Ого!- произнес я, увидев всех своих ребят в четком строю. Этот момент отдавания последних военных почестей уезжающему командиру запомнился на всю жизнь.

– С кого же начать?- спросил я замполита.

Иван Федорович, глядя на меня грустными расстроенными глазами, пожал плечами.

Первой стояла эскадрилья Дунаева.

– Ну, Коля…- произнес я, и мы обнялись.

Я стал обходить строй, пожимая летчикам руки. Но вот Николай Шутт, наш отчаянный, веселый товарищ. Разве удержишься от объятия?

– Прощай, Коля!

– До свиданья!- поправил меня Шутт и, отступив в строй, молодецки взял под козырек.

Иван Корниенко, старый фронтовик, ко всему перенесший еще и плен. После всех испытаний он, кажется, навсегда разучился улыбаться. Сейчас он смотрит на меня растроганно, на какой-то миг опускает глаза. Прощай и ты, боевой товарищ!… Он первым освободился от объятий и сказал, как пообещал:

– Увидимся еще.

Длинный строй полка. Знакомые, ставшие родными лица товарищей. Мы обнимались, целовались и клялись найти друг друга после войны – не терять фронтового товарищества.

Где-то на самом краю строя я нашел Ивана Лавриненко.

– Доброй дороги, товарищ командир,- проговорил он, с трудом сдерживая волнение.

С ним мы долго не могли разжать объятий. Где и когда нам еще придется встретиться? Да и придется ли вообще? Велика страна, и пойди-ка сыщи в ней человека.

Вечером в столовой накрыли прощальный стол. Последний вечер в полку. Не знаю, ушел ли кто-нибудь из друзей в ту ночь спать.

После вчерашнего дождливого дня и довольно ненастной ночи наступило чистое, промытое утро. Мой «мерседес» уже был подготовлен к дороге.

Все вроде! В последний раз хлопает дверца машины. Летчики машут руками, пилотками. До свиданья, друзья!… Еще несколько щемящих сердце минут, и я вывел машину на автостраду. Теперь путь мой лежал на восток, домой.

Но на прощанье война еще раз напомнила о себе. Я проезжал какой-то хутор. Начинался день, и коровы, степенные, породистые, медленно уходили в лесочек, уже начинавший

зеленеть. Вдруг там, куда ушли коровы, раздалось несколько оглушительных взрывов. Я резко затормозил и выбежал на обочину. Оказалось, что коровы подорвались на оставленных в лесочке минах. Война никак не хотела уходить с этой земли, даже издыхая, она цеплялась и вредила из последних сил.

С полчаса посидел на обочине, покуривая и греясь на солнышке. Взрывы, заставившие меня затормозить, скоро забылись. Не о них думалось в такой ясный весенний день. Я вздохнул, вспомнив оставленный полк, но скоро, очень скоро умиротворенное состояние вновь овладело мной. Нет, все-таки конец. Кончилась! Я поднялся и пошел к машине.

Вставало солнце, в лицо бил ветер родных полей. Фронт оставался все дальше позади, позади оставался и весь привычный уклад военной жизни. Я ехал в Москву, к новой жизни, и ощущение покоя, мира, счастья все крепче западало в душу.

ТРИУМФ ПОБЕДИВШЕЙ РОДИНЫ

Объем проделанного измеряется только по окончании работы. Так и на войне. Лишь сейчас, удаляясь все более от фронта, изумляешься тому, сколько у каждого из бойцов за плечами… Туда, на запад, мы все двигались короткими рывками, расстояниями, завоеванными в атаке, в бою. Пехотинцы бегом, а то и ползком, артиллеристы на тягачах, а мы, летчики, в основном, по воздуху. Отвоеванная территория нам виделась сверху, виделась как обозреваемое вражеское пространство с приметными ориентирами. И вот теперь эти ориентиры – силосные башни, заросшие пруды и речонки,- обрели свое обычное назначение, и глаз фронтовика с удовольствием отдыхал, глядя на них. Мир, покой на земле, и все стало на свои места. Закончен горький путь войны, земля вновь становится планетой живущих, а не воюющих.

Однако медленно, не сразу отвыкаешь от того, что прямо-таки въелось в плоть, в характер за годы фронтовой тяжелой жизни.

Путь на восток, домой, на Родину, я проделал по земле. Это было странное ощущение – двигаться по местам вроде бы известным, но в то же время совершенно не знакомым, не узнаваемым. Вокруг широкой автострады простиралась сначала польская земля, знакомые названия городов и местечек. Казалось, еще недавно эти названия не давали покоя голове – здесь шли бои, а вот теперь видишь их и удивляешься: все иначе, не так, как виделось несколько недель назад. И только постепенно отъезжая все дальше от фронта и углубляясь в тыл, мирный, налаживающий разрушенную жизнь тыл, начинаешь привыкать к сознанию, что война для тебя окончена, хотя и идут еще бои, и в поведении, в привычке смотреть, наблюдать и запоминать появляются какие-то мирные, что ли, штатские, совсем забытые навыки. И понимаешь, что на запад, туда, к Берлину, товарищи еще пробиваются с боями, а вот ты уже можешь не спеша оглядеться и совершено иным взглядом посмотреть на места, что недавно западали в память, как боевые пункты штабных приказов. Внешний их облик представлялся совсем иначе, потому что терялся в дыму, огне, развалинах.

Бои здесь закончились, война отодвинулась, однако зловещие ее следы еще оставались. И все же главное, что чувствовалось,- это мирное настроение жителей, их возвращение к домам, пусть и не уцелевшим, к родной земле, к труду, от которого отвыкли, по которому истосковались руки.

Удивительное, неповторимое ощущение испытывает человек, возвращаясь наконец-то к тому, для чего он живет на земле. Мне кажется, подобные чувства испытал каждый фронтовик.

На восток вела широкая автострада, в обе стороны по ней катил густой поток автомашин. Каких тут только марок не было!

По сторонам дороги, по зеленым подсыхающим полям двигались люди в отрепьях. Они шли пешком, везли тележки, тачки, коляски, тащили мешки и узлы. Это было долгожданное возвращение освобожденных узников фашизма, обратное переселение из гитлеровского рейха.

Мой «мерседес» катился в общем потоке машин.

К Варшаве я подъехал незадолго до вечера, увидел впереди город и невольно остановил машину. Невозможно передать словами, что тогда представлял собой разбитый город. Причем, не похоже было, чтобы разрушения носили характер ожесточенных наступательных и оборонительных боев,- тут у любого военного глаз наметан. Нет, город был разбит, уничтожен по какому-то варварскому плану, методично и пунктуально.

Не угадывались даже улицы,- все было исковеркано, сожжено, перемешано. И трудно, невозможно поверить, что здесь когда-то по широким залитым светом улицам ходили, смеясь, люди, радуясь жизни. Ничего не осталось от прежнего великолепия…

Как потом оказалось, немцы, осуществляя тактику выжженной земли, создали специальные команды, в которые набирались опытные мастера разрушений. Так была уничтожена столица Польши, один из прекраснейших городов Европы – красавица Варшава.

В грудах руин были наспех проделаны проходы, обозначены улицы, и я, проехав из конца в конец, невольно стал свидетелем необъяснимого варварства побежденного врага. Тогда я еще раз подумал, какой же подвиг совершен нашим народом, избавившим человечество от такого жестокого, бесчеловечного врага!

Да, такие разрушения были страшны даже для солдата прошедшего всю войну.

В Варшаве я надеялся заправиться бензином, поэтому стал разыскивать аэродром. На улицах – я говорю это по привычке, потому что те проходы, по которым осуществлялось движение в сожженном городе, никак нельзя было назвать улицами в нашем нынешнем, мирном понимании,- часто попадались худые молчаливые люди. Варшавяне, уцелевшие в лагерях, уже возвратились в любимый город. У нескольких человек я спросил дорогу на аэродром, но из объяснений их, когда они рассказывали и, помогая себе, жестикулировали руками, трудно было что-либо понять. Помог наш военный патруль.

Скоро «мерседес» выбрался из запутанной сети варшавских «улиц», и я вздохнул свободнее – здесь, на окраине, меньше ощущалась гарь остывших пожарищ, здесь и дышалось полной грудью.

На огромном, приведенном в образцовый порядок поле Варшавского аэродрома было множество самолетов и военных и гражданских. Жизнь налаживалась, и разбитая столица освобожденной Польши опять, как и когда-то, становилась центром воздушных путей.

Заправщик, молодой парень в форме гражданского воздушного флота, без всяких возражений наполнил бак «мерседеса» бензином.

– Домой?- спросил он, невольно обращая взгляд на мою грудь, увешанную боевыми наградами.

– Да. В Москву.

– Счастливо! Привет Москве.

И он помахал на прощанье рукой.

За Вислой, в предместье Варшавы, военный комендант посоветовал мне переночевать у них, а уж утром двигаться дальше.

– Ехать на ночь глядя не советую. Шалят! Переночуйте, утром вас накормим – и езжайте. Честное слово, так будет лучше.

Пришлось внять голосу рассудка.

Предостережения товарищей из комендатуры не были напрасными. На земле освобожденной Польши бродили по лесам остатки пробирающихся на запад гитлеровцев, но в основном создавали напряжение банды националистов. Польское эмигрантское правительство, бежавшее в Лондон и там пересидевшее всю войну, теперь, когда советские войска вместе с частями молодой армии Польши прогнали ненавистного врага, вдруг снова возымело желание получить власть и принялось плести политические интриги, не останавливаясь ни перед какими средствами,- вплоть до вооруженной борьбы. Естественно, потуги политических интриганов потерпели полный крах – сам народ Польши отверг притязания незадачливых правителей, оставивших в свое время страну на произвол фашистских грабителей.

На следующий день в Бресте я миновал границу. На контрольно-пропускном пункте стояли два пограничника: наш и польский. После таможенного досмотра поднялся шлагбаум, и я въехал на советскую территорию. Советский пограничник махнул приветственно рукой, польский – уважительно взял под козырек.

Дорога шла все дальше на восток, и перед глазами открывалась картина, оставшаяся после бегства фашистских

полчищ. Сейчас уже известно, как героически держался в сорок первом году гарнизон пограничного Бреста. Гитлеровцы сумели захватить крепость, только разбив ее артиллерией. Разрушенный город до сих пор стоял как немой укор захватчикам, как памятник мужеству наших пограничников. Руины, руины без конца… И мне подумалось, что предстоящие годы будут, пожалуй, не легче военных. Такие разрушения принесла нашей стране эта жестокая война.

В Минске, тоже изрядно пострадавшем от войны, я встретился со своим товарищем, алма-атинцем Жорой Лаптяевым, и весь вечер мы провели в разговорах. Жора был строителем – строил, ремонтировал дороги. Он жадно расспрашивал: ну как там, под Берлином, и живо интересовался, скоро ли я увижу родную Алма-Ату. Сам он надеялся, как только кончится война, демобилизоваться и уехать домой. Впрочем, об этом в те дни думал каждый солдат, думал и надеялся, что уж в последние-то дни его минет вражеская пуля.

– Если будешь в Алма-Ате раньше – поклон,- наказывл земляк, провожая меня утром в дальнейший путь.

Он еще долго стоял на дороге, глядя мне вслед. Поднял руку, помахал – скрылся… Несутся, сигналят нетерпеливо куда-то спешащие машины. Всем некогда, все торопятся. Что ж, поспешим и мы.

Теперь по обеим сторонам дороги тянулись русские места, центральная Россия. В разбитом Смоленске мне пришлось заночевать, и вечером я долго не мог уснуть, вспоминая, какие тревожные были дни, когда в сводках «От Советского информбюро» появилось Смоленское направление, а затем началось сражение за Смоленск. Этот многострадальный русский город всякий раз становился могучим бастионом на подступах к сердцу России – Москве. У стен Смоленска русские встретили полчища Наполеона, здесь, на этих вот полянах, в этих зеленеющих по-весеннему перелесках части Советской Армии перемалывали отборные полки гитлеровской группы армий «Центр».

Железная машина войны основательно искалечила милые сердцу окрестности, но распускающаяся весна скрадывает в молодой веселой зелени уродливые раны, и вот уж кажется, что все опять придет в норму, вернется безмятежное счастливое житье и от войны останется одно далекое воспоминание.

Смоленск – это глубокий тыл, и чувствуется, что жизнь здесь основательно вошла в мирное русло. Конечно, бросаются в глаза разрушения, но ведь последствия такой войны не устранишь ни за день, ни за год.

Катится, все так же движется поток машин по самой оживленной дороге России, да и, наверное, не только России. Сейчас от Москвы, на Смоленск, Минск, Варшаву и далее, к Берлину, пожалуй, самое интенсивное движение во всей Европе. Войска требуют постоянных подкреплений, и страна беспрерывно питает боевые части наступающих фронтов. Надо добить издыхающего врага.

По обеим сторонам магистрали копошатся пленные. В обтрепанных пилотках, в выгоревших на солнце кителях они чинят дороги, строят, что-то там катят, копают, перетаскивают. Давно ли, кажется, вот эти же самые вояки браво шагали по пыльным дорогам России, намереваясь к исходу первого же лета достичь Москвы. Из быстро несущейся машины мне не видно осунувшихся бесцветных лиц пленных, одни лишь фигуры, но по тому, как они стоят и, опершись на лопаты, смотрят и смотрят на дорогу, понятно, что они должны чувствовать.

Ранним утром, когда еще не встало солнце, вдали показались многочисленные дымы, высокие мачты электропередач. Сердце забилось сильнее: Москва! Почти в одну сторону, как к фронту, идет поток всевозможных машин. Проносятся целые автопоезда: просыпающаяся столица получает подкрепление. Везут молоко, мясо, хлеб. На редких остановках ожидают автобусы ранние пассажиры. Прогрохотал по мосту поезд электрички. Асфальтированная лента тянется среди темной зелени, обступает кругом хвойное Подмосковье… На поперечных дорогах, пересекающих широкое Минское шоссе, замелькали указатели на города, названия которых тревожной осенью сорок первого года заставляли думать о судьбе столицы. Ведь враг был у самых стен, вот здесь, где сейчас проезжал мой «мерседес». Какой далекий, трудный путь прошли наши войска к победе!

Поднялось солнце, зазолотились верхушки стройных сосен и елей, среди которых еще не проснулись разнокалиберные дачи и дачки. Первый регулировщик, поеживаясь от утреннего холодка, пропустил мою машину и, видимо, сразу же понял: с фронта.

Солнце все выше, и вот уж я увидел впереди сияние кремлевских звезд. Огромное полотнище государственного флага развевалось на куполе Кремлевского дворца.

Привыкший к приволью фронтовых дорог, я сразу же почувствовал себя неуверенно в московской уличной сутолоке. С большим трудом пробирался я к знакомому месту – улице Полины Осипенко.

Иногда подолгу приходилось ждать, когда впереди, по широкой магистрали, регулировщики энергичными жестами прогоняли поток машин. Поторапливали: скорей, скорей!… Едва

остановишься, вокруг тотчас же скапливается множество автомобилей.

Миновав центр, «мерседес» покатил по улице Горького. Вот здание Моссовета, затем Белорусский вокзал. Кажется, приехал. Я вылез из машины, хлопнул дверцей. Огромный путь остался позади. Запрокинув голову, посмотрел наверх: здесь, в неприметном, давно обжитом доме, жил Батя, генерал В. И. Алексеев. Последнее время он работал в Москве заместителем начальника Академии имени Жуковского.

В доме этом я бывал много раз. В каждый свой приезд с фронта непременно останавливался у Бати. Знал хорошо всю его семью, и меня у него в доме принимали как своего, близкого человека. Даже потом, когда генерал Алексеев был отозван с фронта, мы не теряли с ним связи и регулярно переписывались. Так и он был в курсе всех полковых дел, и я время от времени получал от него из Москвы весточку. Теперь я входил в подъезд знакомого дома с чувством человека, для которого начинается новый, еще не известный этап жизни. На фронт я больше не вернусь, а на несколько лет останусь здесь, в Москве. Во всяком случае, Батя сообщил мне, чтобы я заранее настраивался на мирный лад, на учебу, на сидение за партой. Кончилась фронтовая жизнь…

На мой звонок открыла дверь Любовь Ивановна, жена Алексеева.

– Господи, приехал наконец!- всплеснула она руками.

Дом генерала Алексеева был всегда открыт для друзей, и к нему в Москву без всякого стеснения заходили все сослуживцы. За великую отзывчивость, за готовность прийти на помощь в любой беде наши летчики между собой звали генерала Алексеева «Скорой помощью». И действительно, стоило обратиться к нему с какой-нибудь просьбой, генерал использовал все свои давние связи, свой авторитет. Мне кажется, ни один из фронтовиков, обращавшийся к Бате, не уходил от него без дружеской поддержки. Старый кадровый военный, генерал Алексеев особенно ценил фронтовую дружбу.

Когда я приехал и позвонил у дверей, генерал Алексеев был уже на службе. Любовь Ивановна захлопотала, встречая гостя. Мыло, полотенце, ванна, затем обильный завтрак.

– А Василий ждет вас,- рассказывала за завтраком Любовь Ивановна.- Говорит, скоро должен быть. Учиться теперь?

– Приказали вот…

– Василий говорил.

Оказалось, направление на учебу я получил благодаря представлению генерала Алексеева. Батя написал маршалу

Коневу, и командующий фронтом откомандировал меня в Москву.

– Ешьте, ешьте,- подкладывала на тарелку хлебосольная хозяйка.- Подождите, сейчас чай будем пить.

Все в этом доме было без изменения: радушная, приветливая Любовь Ивановна, неторопливое, с разговорами чаепитие. Хозяйка расспрашивала о последних новостях с фронта, о дороге.

– Куда торопитесь?- уговаривала она, едва я поднялся из-за стола.- Успеете еще.

До Академии имени Жуковского было рукой подать, и я отправился пешком. После долгой дороги было особенно приятно пройтись.

Деревья по Ленинградскому шоссе уже нежно зеленели. Старики с газетами, женщины с детскими колясками грелись на скамейках. Густой толпой шли пешеходы. Москва бурлила, как обычно, жила своей напряженной жизнью.

Скоро показались серые строения стадиона «Динамо», а вот и старинное здание академии. Множество военных толкалось у подъезда и в коридорах. Все наш брат, фронтовик. У ребят во всю грудь ордена и медали.

Летчики вели себя непринужденно. Стояли группами, смеялись, плыл папиросный дым. Видно было, что многие уже не первый день в Москве: освоились, обрели неуловимо мирный, ухоженный, что ли, вид. У них и форма отглажена и подогнана, и подстрижены они отнюдь не наспех в коротких перерывах между боями. Некоторые отпустили щегольские усики и височки. Но узнавались и такие, что приехали с фронта только что. Они еще осматривались, искали знакомых, пытаясь держаться поближе к тем, с кем приходилось воевать или вместе или же хоть поблизости.

На втором этаже отыскал приемную начальника академии, сообразив, что заместитель по политчасти должен находиться где-то рядом. И не ошибся. Меня встретил адъютант генерала Алексеева и собрался было пойти доложить, но я попросил его не делать этого. Мне хотелось встретиться с Батей запросто, без служебных формальностей.

Вместе с адъютантом мы вошли в просторный кабинет. Батя поднял голову и удовлетворенно улыбнулся: – Приехал? Ну вот и хорошо. Как раз вовремя.

Мы обнялись, поцеловались, и генерал сразу же перешел к делу.

Мне предстояло поступать в Военно-Воздушную академию, которая теперь носит имя космонавта Ю. А. Гагарина. Экзамены должны начаться буквально через несколько дней.

– Поживешь пока у меня,- говорил Батя.- Тебя как – отпустили сразу?

Когда я рассказал, что просил командующего фронтом оставить меня до окончания решающих боев за Берлин, генерал Алексеев сказал:

– Ничего, возьмут без тебя.

День-два Батя дал мне отдохнуть и осмотреться. С утра он уезжал на службу, а я отправлялся бродить по Москве. Прекрасной, невыразимо помолодевшей показалась мне в те дни Москва. Стояли ясные весенние дни, и, казалось, в самом воздухе чувствовалось ощущение близкого конца войны. Я подходил к газетным витринам и подолгу читал сообщения с фронтов. Ведь я сам еще несколько дней назад был там, с войсками, видел пригороды Берлина, и вот уже в Москве, в сквере, читаю скупые газетные строки, чтобы понять и представить себе, как там дела у наших. Как и следовало ожидать, враг защищал свою столицу с ожесточением. Гитлер собрал сюда все силы, которые у него еще оставались. Он не переставал надеяться, что удастся избежать безоговорочной капитуляции. Он все еще верил, что с помощью закулисных дипломатических махинаций ему удастся поссорить западные державы с Советским Союзом, столкнуть союзников лбами и таким образом уцелеть, выторговать себе жизнь.

Кто-то из уцелевших приближенных Гитлера писал после войны о том, какой приступ радости охватил бесноватого ефрейтора, когда в осажденный пылающий Берлин поступило сообщение о внезапной смерти американского президента Ф. Рузвельта. Вся камарилья, управлявшая некогда пресловутым «третьим рейхом», а теперь запертая в подземном бункере имперской канцелярии, воспрянула духом. Перед ними забрезжила возможность избежать суда и веревки. Вспомнилась историческая параллель, когда вот так же, в критический для Германии час, внезапная смена властителя на русском троне помогла агрессору избежать заслуженного наказания. Воистину утопающий хватается за соломинку.

Однако все было напрасно. Верные принятым обязательствам войска союзников и в первую очередь Советская Армия добивали издыхающую фашистскую гадину. Огненный вал быстро приближался к последнему убежищу гитлеровских главарей. Берлин был обречен. Скоро наши доблестные танкисты вышли к каналу Тельтов, охватили южную окраину гитлеровской столицы.

И все-таки Гитлер еще на что-то надеялся. На что? Его многолетний подручный Геббельс кричал по радио, что в руках фюрера скоро окажется грозное, невиданной силы оружие, которое изменит исход войны. Фашистская пропаганда утешала

берлинцев тем, что осажденная столица будет деблокирована, что с запада к городу подходят боеспособные части армии генерала Венка, а на соединение с ними пробиваются войска генерала Буссе… Жалкие потуги обреченных, потерявших рассудок людей, которые боялись заслуженного возмездия. Эти люди обрекали на бессмысленную гибель тысячи и тысячи солдат.

– Завтра едем,- наконец сказал мне генерал Алексеев.- На утро я вызвал машину.

Назавтра мы поехали в Монино. По дороге Батя рассказывал последние военные новости: до падения Берлина остаются считанные дни. Касаясь моих дел, он говорил, что сейчас военным нужно смотреть дальше и в качестве первоочередной задачи стоит вопрос учебы. За время войны в нашей армии выросли сотни, тысячи молодых командиров, имеющих богатейший боевой опыт. Им еще нет и тридцати лет – самая пора учиться. И если к военному опыту добавить солидную теоретическую базу, тогда наша армия получит великолепных специалистов.

Да, Батя был прав, пришла пора садиться нашему брату за парту. Вот меня взять: какое у меня образование? Восемь классов школы и военное училище. Прямо скажем, небогато для командира полка. А ведь время не стоит на месте, совершенствуется техника, особенно в авиации, и нынешнему командиру просто не обойтись без глубоких знаний.

Советское командование смотрело далеко вперед, если в разгар боевых действий отдало распоряжение отзывать с фронта офицеров для прохождения академического курса.

Предстояли трудные годы. Многое было непривычно, от многого мы отвыкли за годы войны.

В академии я встретил нескольких своих боевых товарищей. Всех их отозвали с фронта на учебу. То и дело раздавалось удивленное и радостное: «Ты смотри, кого я вижу!…» и - объятия, поцелуи. Здесь были дважды Герои Советского Союза Дмитрий Глинка, Василий Ефремов, Николай Гуляев. Здесь встретился я с трижды Героем Советского Союза Иваном Кожедубом, а на следующий год и с земляком Талгатом Бегельдиновым. В тот памятный 1945 год академия производила свой двадцать первый прием слушателей.

Скоро, в двадцатых числах апреля, начались приемные экзамены, и вот тут-то мы поняли, что к ним мы оказались не подготовленными.

Удивительно состояние тех дней. Фронтовая жизнь быстро сделала нас взрослыми. Попав на войну совсем почти мальчишками, мы вынуждены были заниматься далеко не

мальчишеским делом: искать врага, находить и уничтожать. Ежедневная опасность, нечеловеческое напряжение, бои, ранения, гибель товарищей – все это, безусловно, наложило свой суровый отпечаток и раньше времени сделало нас взрослыми людьми. И вдруг словно теплый ветер воспоминаний – ученический звонок, громко прозвучавший в длинных коридорах, и мы, летчики, привыкшие к сигналам тревоги, по этому звонку бросаемся не к своим боевым машинам, а к партам, в аудитории за столы. И опасения за исход экзаменов, робость перед преподавателями пересиливает сейчас все.

Первым экзаменом был диктант по русскому языку. Преподаватель, высокий, худой, с усами, очень похожий на Горького, ходил между столами и громко, отчетливо диктовал отрывок из «Войны и мира» Л. Толстого. Летчики, склонившись над столами, старательно скрипели перьями. Нужно сказать, что руки, привыкшие к штурвалу самолета, плохо управлялись с таким деликатным предметом, как тоненькая ученическая ручка. Ребята сопели от напряжения, то и дело раздавался тонкий звон орденов и медалей,- ведь у каждого из кандидатов в слушатели чуть ли не полностью завешена грудь. Но ордена орденами, а знаниями мы похвалиться не могли. Смешно сейчас вспоминать все подробности того диктанта, но так было, и из песни слов не выкинешь.

Впереди меня, склонив буйную чубатую голову, пишет Иван Кожедуб. Рядом Дмитрий Глинка и Николай Гуляев, отчаянной смелости и боевой выучки ребята. На фронте от одних имен этих ребят немцев в трепет бросало, а тут они пыхтят и ерзают на скамьях, как ученики подготовительного класса.

Преподаватель только на первый взгляд кажется суровым и строгим. Надо полагать, он прекрасно представлял себе уровень нашей подготовки, поэтому-то и диктует так медленно, отчетливо, чуть ли не выговаривая отдельно каждую букву. Внимательно вслушиваясь, можно было благополучно миновать самые спорные места – так внятно произносил он каждое слово. Немного заставляли задумываться знаки препинания, но и тут преподаватель, повторяя фразу по нескольку раз, делал очень выразительные остановки. Словом, пока все шло гладко.

Расхаживая по аудитории, преподаватель останавливался у столов, из-за плеча пишущих смотрел, что у них получается, и медленно переходил дальше. Вот он постоял над склоненной головой Дмитрия Глинки, тронулся к следующему столу.

– Теперь, товарищи, проверьте все написанное и можно сдавать,- ровным, размеренным голосом говорит нам преподаватель.

Скоро прозвенел звонок, загремели стулья. Летчики потянулись к преподавательскому столу с листочками диктантов. Красные распаренные лица, словно каждый из них таскал тяжести.

В перерыве ребята принялись выспрашивать друг у друга, кто как написал то или иное слово. Один радуется, другой огорчается. Спорят.

Нужно сказать, что злополучный тот диктант закончился для нас плачевно. Мы попросту осрамились.

Нынешним школьникам, конечно, смешно и удивительно слышать такое, однако не забывайте, молодые друзья, что каждый из тех, кто экзаменовался, ушел на войну со школьной скамьи, а на фронте знания повыветрились, все основательно забылось. Иные были у всех заботы, иные дела… Так что командование поступило правильно, собрав лучшие кадры со всех фронтов и засадив их за парту. Война кончалась, нужно наверстывать упущенное.

Перед прохождением академического курса слушатели несколько месяцев повторяли общеобразовательные предметы: русский язык, математику, физику, химию. И только после этого пошли специальные лекции. Преподавание в академии было поставлено на высокий уровень. Лекции читали ведущие специалисты. Так, например, имя профессора Кузьменко было известно каждому летчику. По его классическим учебникам «Аэродинамика» и «Теория полета» училось не одно поколение советских авиаторов. Его слушателями были Чкалов, Доронин и многие другие прославленные летчики.

В академии, надо сказать, за годы ее существования сложился хороший и дружный преподавательский коллектив. Работали здесь талантливые ученые, авторы учебников по различным вопросам авиационной теории и практики.

Образование академии, кстати, было еще одним доказательством того, что партия и правительство серьезно относились к угрозе надвигающейся войны. Весной 1940 года, когда в Европе уже тянуло порохом, была организована новая авиационная академия. Сейчас это Военно-воздушная Краснознаменная ордена Кутузова академия им. Ю. А. Гагарина.

В годы войны воспитанники академии находились во всех звеньях ВВС, они выполняли самые разнообразные задачи и проявляли при этом исключительно высокие морально-боевые качества.

Так что репутация у нашей академии была высокой и заслуженной в боях.

Нет нужды говорить, насколько серьезно мы относились к

учебе. День бывал загружен до предела, приходилось прихватывать часы отдыха.

В академии, целиком уйдя в занятия, мы не переставали думать о том, что пушки еще не отговорили и на подступах к Берлину идут кровопролитные сражения.

В разговорах, когда мы собирались, чтобы обсудить последние новости, для нас вновь оживали недавние фронтовые будни. Высказывались разные соображения относительно завершающих ударов, но главные разговоры шли теперь только об одном: когда? О приближающемся дне победы мы судили и рядили, сходясь после целого дня занятий на поле аэродрома, где проводилась подготовка к первомайскому параду.

По традиции наша академия должна была принять участие в первомайском параде на Красной площади в числе других высших учебных заведений Советской Армии. На подготовку к параду ушло несколько недель. Для нас, новичков в академии, предстоящий парад был первым и потому особенно волнующим событием.

В день Первого мая нас подняли по тревоге в три часа ночи. Было еще темно, в огромной спальне ярко горел свет. Оделись мы за считанные минуты.

– По машинам!- раздалась в темноте зычная команда, и мы полезли в грузовики. Длинная колонна машин тронулась со двора академии. До Москвы предстояло ехать пятьдесят километров.

Выгрузились мы возле Арбатской площади.

Солнце уже блестело на верхушках Кремлевских башен и звонниц, когда четкие квадраты колонн высших учебных заведений Советской Армии начали выстраиваться на отведенных местах. Для нашей академии был указан квадрат, как раз напротив мавзолея В. И. Ленина. Рядом, у стены нынешнего ГУМа, выстраивались колонны академии Генерального штаба, Академии имени Фрунзе и Академии бронетанковых войск.

Офицерские колонны подходили в каком-то сдержанном, взволнованном молчании. Суетились направляющие с красными флажками в руках. На огромном просторе каменной площади глохли даже самые громкие команды. Колонны четко перестраивались, занимали места. Большое движение угадывалось и за пределами Красной площади. Войска располагались на площади Свердлова, на Манежной, на площади Революции.

Стоять разрешено было вольно, все ждали часа, когда на трибуне Мавзолея появятся руководители партии и правительства. А пока переговаривались, сходились небольшими группками. Последние сообщения радио и газет приносили

радостные вести. Вчера с раннего утра наши войска вели бои в самом центре фашистской столицы, пробивались к стенам рейхстага, а в половине третьего горстка храбрецов проникла внутрь фашистского парламента и над рейхстагом взвилось красное знамя!

Гитлер и его приближенные, те, что совсем недавно кричали о близком крахе советского государства, как крысы, забились в убежище в бункерах имперской канцелярии и с ужасом прислушиваются к нарастающему гулу артиллерийского огня. Час возмездия настал!

В боях за Берлин, как мы узнали позднее, была уничтожена и совершенно перестала существовать гитлеровская авиация. А те немецкие самолеты, которые наши летчики не успели уничтожить в воздухе или на аэродромах, достались нам как трофеи.

Однако еще ничего не было известно о дальнейшей судьбе главарей пресловутого третьего рейха. И только спустя некоторое время появились первые сведения: вчера же, 30 апреля, примерно через час после того, как над рейхстагом взвилось красное знамя, Гитлер покончил жизнь самоубийством. Главарь фашистов страшился расплаты за свои преступления и предпочел смерть.

Верный приближенный Гитлера, его многолетний трубадур Геббельс не только убил себя, но отравил жену и шестерых детей.

Многие фашистские главари искали спасения, не останавливались ни перед чем, чтобы только сберечь свои жизни, но конец был для всех один: или самоубийство, как для Гиммлера, или же плен и суд за преступления, как для Геринга, Риббентропа, Кальтенбруннера и других заправил фашистской Германии.

В то утро, когда на Красной площади все было готово для праздничного парада, мы все предчувствовали близкий миг победы, но, конечно, еще не знали, что до него остаются буквально считанные часы. Назавтра, т. е. 2 мая, подняв руки, выйдут из своего подвала и сдадутся советским войскам руководители штаба обороны Берлина во главе с генералом Кребсом. Фашистская столица окажется полностью захваченной.

7 мая наши войска выйдут на восточный берег реки Эльбы. На западном берегу покажутся передовые части американцев и англичан.

Снова бьют часы на Спасской башне, падают в тишину насторожившейся, замершей площади полновесные удары. Каждый из них как бы отмеряет незабываемые исторические мгновения…

Тот памятный первомайский парад явился для нас как бы репетицией перед таким волнующим событием, как

торжественный парад Победы.

День окончания войны для всех, кто пережил его, памятен так же, как и черный зловещий день 22 июня 1941года. Однако тогда нападение врага захватило многих врасплох, оборвав мирное течение жизни,- теперь же часа победы ждали, с нетерпением вчитывались в сводки «От Советского Информбюро», почти не выключали репродукторов. И все же, как ни близок был миг победы, долгожданное сообщение вызвало невиданный взрыв радости и ликования. Наконец-то! Дождались!

У нас в академии в день подписания капитуляции фашистской Германией занятия во всех аудиториях начались как обычно. Короткая суматоха, когда слушатели торопятся занять места, быстрые шаги преподавателей в опустевших коридорах, и вот – тишина, внимание. Учебный день пошел своим чередом. Видимо, он так и прошел бы, ничем не выделяясь из сотен других дней, заполненных занятиями, если бы не радостное известие: в самом начале своей лекции генерал Чугунов, наш преподаватель, сообщил о том, чего давно уже ждали. Что тут началось! За партами сидели одни фронтовики, люди, знающие цену поражениям и победам, испытавшие горечь утрат, ранений, фронтовых испытаний. Уж слишком долга и тяжела была война, как нетерпеливо ждал народ этого счастливого часа!

Понемногу шум пошел на убыль, слушатели неохотно расселись по местам. Но не было уже прежнего внимания и сосредоточенности. Лихорадочно блестели у всех глаза. До занятий ли было в такой день? Мы едва дождались звонка, снова загалдели и высыпали в коридор. Ликовала вся академия.

– Пошли, братва!- предложил возбужденный Кожедуб.- Грешно не отметить.

Отправились мы небольшой компанией – человек шесть. Вдохновителем и организатором у нас был Иван Кожедуб. Ликование всюду. Многолюдно на улицах, возле магазинов. Военные перемешались со штатскими. Впрочем, штатские и сами недавно только сняли военную форму. Как правило, это были инвалиды.

Вот несколько человек в стареньких гимнастерках, став з кружок и обнявшись, голова к голове, ни на кого не обращая внимания, громко, но слаженно, поют популярную фронтовую песню: «Бьется в тесной печурке огонь». Особенно проникновенно, со слезой они выводят: «А до смерти четыре шага».

– В Ногинск!- отдал команду Кожедуб.- Едем все в Ногинск!

Почему в Ногинск? А кто его знает? Просто взяли и поехали.

В Москву мы попали только на следующий день. Ни о каких занятиях, конечно, не могло быть и речи. Улицы столицы были

запружены народом. Военным не давали проходу. А уж тем, у кого на груди горели звезды Героев, буквально не было спасения: как увидят, так качать. В конце концов от бесконечных подбрасываний в воздух у нас начали кружиться головы. А ведь летчики – народ привычный к полетам.

– Ребята, пошли ко мне,- предложил Алексей Микоян.- Посидим, пообедаем. Тут нам не будет спасения.

Предложение было принято, и мы гурьбой стали пробиваться к центру. Особенно «тормозил» компанию Иван Кожедуб. Три звезды Героя на груди, лицо знакомое по сотням фотографий, – ему буквально не давали проходу.

Летчиков окружила большая группа школьников. На белых блузках и рубашках пламенели пионерские галстуки. Глаза ребятишек светятся любопытством и восхищением. В свое время в Алма-Ате мы с обожанием разглядывали летчика в военной форме. Он казался нам воплощением романтических ребячьих мечтаний о небе, о пятом океане. Теперь школьники любовались звездами Героев, наяву разглядывая людей, о которых много писалось в газетах, передавалось по радио. Когда-то большой редкостью была любая правительственная награда, теперь же, после войны, у многих по нескольку орденов. Иван Кожедуб носил на груди три звезды Героя – он был одним из трех человек, удостоенных этой великой чести (кстати, вторым был тоже летчик-истребитель Александр Покрышкин).

Наконец мы пробились в Александровский сквер и вдоль Кремлевской стены пошли к Боровицким воротам. В сквере было тише, народ со скамеек посматривал и провожал глазами группу летчиков. Шелестела на деревьях молоденькая свежая зелень.

– Пошли за мной, ребята!- распоряжался Алексей, поднимаясь из сквера к Боровицкой башне.

Всей группой миновали пустынные ворота. Летчики осматривались. Алексей уверенно шагал впереди, показывая дорогу. Солнце, щедрое майское солнце, блестело на чистой брусчатке кремлевских мостовых.

Притихшие, поправляя гимнастерки, оглядывая себя, мы поднимались по лестнице.

– Ребята, без стеснения,- подбадривал Алексей, забирая у нас фуражки.- Проходите прямо в столовую.

В большой комнате с темными панелями был накрыт обеденный стол. Нас ждали. Стали рассаживаться.

– Ну, затихли, присмирели!- покрикивал на нас Алексей.- Давайте свои рюмки! Давайте ближе, чтобы не тянуться.

Из графина была разлита по рюмкам водка.

– Стоп, ребята!- сказал Алексей и прислушался.- Подождем

немного. Отец идет.

И действительно, неслышно отворив дверь, в столовой показался Анастас Иванович.

– Сидите, сидите!- сказал он вскочившим летчикам и не стал задерживаться у стола.- Желаю приятного аппетита.

– Папа!- позвал Алексей.- С нами?

– Не могу,- отказался Анастас Иванович.- Я только что обедал… Ну, веселитесь!- и он вышел.

Впоследствии мне довелось бывать в семье А. И. Микояна, и я привык к тому, что там постоянно была ровная, очень располагающая к отдыху, к дружеским откровениям обстановка. В семье знали, что я воевал вместе с Володей, был свидетелем его гибели. Это большое горе семьи было запрятано глубоко в сердцах…

– Ну, куда теперь?- спросил Кожедуб.- Может, махнем в Химки? Хорошее место!

Глаза летчиков блестели. День только кончился, впереди еще целый вечер.

– Веди, Иван!- согласились мы.

– По машинам!- отдал привычную боевую команду наш «старшой».

Вечер, чудесный весенний вечер, опустился на праздничную столицу. На улицах масса народу. Казалось, весь огромный город вышел из квартир. Налево блестела в огнях праздничной иллюминации Москва-река. Шустро прошел битком набитый пароходик. Люди, сгрудившись у борта, глядели на сияющий Кремль. Из Замоскворечья, через широкий, дугой выгнутый мост, катился бесконечный поток автомашин. На фронтоне кинотеатра «Ударник» вспыхивала и гасла какая-то световая реклама. Направо, за Александровским сквером, кишела народом запруженная Красная площадь. Горела звезда над Спасской башней. Светились окна гостиницы «Москва». Напротив, у подъезда «Националя», стоял целый ряд низко стелющихся заграничных машин.

Добраться до Химок в то время было трудновато. Метро проложено только до «Сокола». Автобусы шли переполненными. Мы выбрались из центра и долго мыкались по переулкам у Центрального телеграфа, пытаясь найти хоть какую-нибудь машину. Увидев горящие вдалеке фары, мы стали поперек дороги и отчаянно замахали руками. Машина остановилась. Уговорить водителя подвезти нас не стоило труда. В этот день военные были в почете, и водитель радушно распахнул дверцы.

– В Химки!- отдал команду Кожедуб, когда мы, разместившись друг у друга на коленях, набились в машину.

Понеслись по улице Горького. Все то же многолюдье. Вокруг памятника Пушкина кипело веселье. За площадью Маяковского стало вроде бы потише, лишь с Белорусского вокзала валили толпы прибывающих на пригородных поездах.

В ресторане в Химках пир шел горой. Гремел оркестр, ярко горели люстры. Голоса, песни, звон рюмок, смех – все это сливалось в какой-то праздничный слитный гул.

Мы сели за столик и вдруг примолкли, погрустнели, взглянули друг другу в глаза, когда подняли рюмки, и выждали в молчании минуту – это был фронтовой тост за тех, кого не было с нами и уж никогда не будет, за тех, кто погиб…

Знаменитый Парад Победы состоялся на Красной площади 24 июня.

Это был не традиционный майский или октябрьский парад. Перед Мавзолеем Ленина торжественным маршем прошли наиболее прославившиеся части войск действующей армии, прибывшие в Москву прямо с только что умолкших фронтов Великой Отечественной войны. Это был величайший апофеоз нашей славной победы, и я счастлив тем, что был его участником.

Внешне все вроде бы выглядело так же, как и недавно, в дни Первомая. Слушатели академии были подняты ночью и на военных машинах приехали в Москву. Стояли короткие летние ночи, и было уже совсем светло, когда воинские части выстроились на отведенных местах. Нам на этот раз был указан квадрат в стороне от Мавзолея. Дело в том, что Парад Победы должны были открывать не учебные заведения Советской Армии, а сводные колонны фронтов, прибывшие на Красную площадь. Вчера на Центральном аэродроме проводилась генеральная репетиция парада. Но ведь это была только репетиция, без торжественного и праздничного оформления Красной площади, без Мавзолея, без всего волнующего ансамбля Кремля, которые близки и дороги сердцу каждого советского человека.

Неповторимое зрелище представляла в то утро Красная площадь. Вся в кумачовом убранстве, она заставлена четкими квадратами выстроившихся войск. Развевается бархат боевых знамен. На этих знаменах пыль и пороховая гарь многих сражений. На груди замерших в строю солдат, офицеров, генералов, прославленных маршалов переливаются ордена и медали – награды Родины за подвиги, за смелость, за выдержку и верность в жесточайшей битве.

Вся страна знала, что накануне, 23 июня, закончилась сессия Верховного Совета СССР. Депутаты заслушали доклад начальника Генерального штаба Советской Армии А. И. Антонова и единогласно проголосовали за решение о демобилизации

старших возрастов личного состава действующей армии. Так что многие участники парада уже готовились к встрече с родными и близкими. Сегодняшний Парад Победы для нашего народа являлся логическим завершением тяжелой борьбы и военных тягот. Советская страна, с честью одержав величайшую победу, вступала в полосу мирной жизни.

День для парада выдался ненастный, с утра накрапывал мелкий дождь. Однако непогода не могла испортить всеобщего радостного, приподнятого настроения. Исключительность момента понимали все: и участники, и гости на переполненных трибунах, и те миллионы слушателей, прильнувшие к репродукторам. Парадов, подобных сегодняшнему, еще не знала история Советской Армии. Не видела ничего подобного и наша славная Красная площадь за восемь веков своего существования.

Очень много народу на трибунах. Там разместились депутаты только что закончившейся сессии Верховного Совета, лучшие рабочие московских предприятий, деятели науки, литературы, искусства. Присутствуют гости из-за рубежа.

Когда большая стрелка на часах Спасской башни стала приближаться к 10, на трибуне Мавзолея появились члены Политбюро Центрального Комитета партии и правительства. По площади прокатились аплодисменты. Едва они смолкли, часы торжественно пробили десять звучных ударов. И только в настороженную тишину упал последний удар курантов, над площадью раздался голос команды: «Смир-рно!» Цокот копыт – это командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский на статном вороном коне коротким галопом направился навстречу принимающему парад Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Он на белоснежном коне. Оба маршала – старые кавалеристы, и это видно по их посадке, по умению управлять скакунами. Слышатся слова рапорта, и вдруг гремит оркестр. Начался объезд войск. Сводные полки отвечают на поздравления перекатывающимся русским «Ура!». Этот боевой ликующий крик еще долго перекатывается по площади, раздается на Манежной, Театральной, на улице Горького и смолкает лишь тогда, когда оба маршала поднимаются на Мавзолей.

Гигантский сводный оркестр в 1400 человек исполняет «Славься, русский народ». Гремит медь труб и горячо, учащенно бьется сердце каждого от радости и гордости за свой родной народ. Начался парад.

Открывали парад представители войск самого северного фронта: Карельского, замыкали – самого южного: 3-го Украинского. Впереди колонны каждого фронта шел его командующий – маршал или генерал армии.

Под гром сводного оркестра, печатая шаг, шли гвардейские части. Переполненные трибуны, зарубежные гости, члены правительства на Мавзолее беспрерывно машут руками, приветствуя славных представителей победоносной армии. По брусчатке Красной площади катятся орудия со звездами на стволах. От них, казалось, еще исходит запах пороха. Показываются гвардейские «катюши», смертоносные орудия, еще недавно разившие врага огненным смерчем. Грохочут танки, самоходные орудия.

Плывут над колоннами боевые знамена – по 36 в каждом сводном полку. Каждое из них побывало в огне сражений, прошло длительный и многотрудный путь.

Волнующим был момент, когда по площади пронесли Знамя Победы, водруженное на рейхстаге. Несколько дней назад оно с особыми воинскими почестями было доставлено в Москву. На центральный аэродром столицы его привезли Герои Советского Союза старший сержант Сьянов, младший сержант Кантария, сержант Егоров, капитаны Самсонов и Неустроев. Теперь это знамя, овеянное солдатской славой, пробитое осколками, торжественно плывет на параде победителей…

Идет колонна нашего 1-го Украинского фронта. Ее ведет маршал И. С. Конев. Фронтовое знамя несет Александр Покрышкин.

Проходят моряки, проносится на рысях конница.

Потом, как и обычно, начался марш слушателей академий. Нет, что-то неповторимое чувствуется сегодня и в убранстве Красной площади, и в ликовании трибун, и в настроении самих участников парада. С равнением направо проходим мы мимо Мавзолея.

И гремит, не переставая, огромный сводный военный оркестр.

Поравнявшись с храмом Василия Блаженного, наша колонна перешла на походный шаг, и я, стараясь не мешать рядов, выбираюсь из строя. Дело в том, что в кармане у меня пригласительный билет на праздничный банкет в Кремле. Парад еще не кончен, и мы, кто вышли из строя, торопимся назад, на площадь.

Вдоль трибун пробираемся на места, отведенные для военных. Это у самого Мавзолея. Там нас очень много. Сияет золото парадных мундиров, маршальских и генеральских погон, рябит в глазах от завесы орденов и медалей. Я узнаю знакомые лица полководцев и своих боевых фронтовых товарищей. Глаза всех устремлены на площадь, на беспрерывные колонны проходящих войск.

Один из генералов оборачивается к нам и машет рукой. Это

генерал В. И. Алексеев. Он стоит у самого каната, ограждающего площадку для военных, и мы становимся рядом. Да, отсюда, от Мавзолея, картина парада совсем иная. Со стороны приятно полюбоваться выправкой офицеров, слитным, крепким строем колонн.

Внезапно смолк огромный оркестр и над площадью устанавливается глубокая тишина. Вначале я даже растерялся: так внезапно сменилась обстановка.

Но вот в затаившейся тишине раздается тревожная, настораживающая дробь барабана. Все разом поворачивают головы.

Наступил момент предания позору плененных знамен фашистских войск.

Дробные звуки барабанов все ближе. Лица всех обращены влево, к Историческому музею. Оттуда появляется необычная колонна. Рослые гвардейцы, крепкие ребята, в стальных касках, в затянутых мундирах, отбивая шаг, несут полотнищами по земле знамена и штандарты фашистских полков и дивизий. Двести солдат несут двести вражеских знамен. Гремят не умолкая барабаны, и под их суровую дробь печатают железный шаг наши славные гвардейцы. Какое-то странное оцепенение овладело всеми, кто был па площади, кому выпало счастье стать свидетелями этого незабываемого зрелища.

Волочится по мокрой брусчатке бархат вражеских знамен, склонили хищные головы орлы на фашистских штандартах. Среди воинских реликвий имеется даже личный штандарт Гитлера.

Поравнявшись с Мавзолеем, передний ряд гвардейцев вдруг делает четкий изворот и тем же солдатским твердым шагом приближается. Вот перед ними гранитная панель Мавзолея с дорогим сердцу каждого человека словом «Ленин». Гвардейцы, не сбавляя шага, бросают вражеские знамена к подножью Мавзолея, поворачиваются и продолжают свой карающий марш. За ними идет следующий ряд, еще и еще, и летят, валятся на брусчатку Красной площади знамена со свастикой, с изображениями орлов. Эти почетные эмблемы гитлеровских войск прошли по дорогам всей Европы, они победно реяли на площадях Парижа, Праги, Брюсселя, они собирались, уже готовились и сюда, на нашу Красную площадь, и вот попали. Но – в каком виде!…

Растет гора поверженных фашистских знамен, а барабаны все отбивают свою суровую мелодию отмщения, и рослые ребята-гвардейцы с размаху швыряют к ногам победителей воинские символы разбитого, поверженного врага.

Да, это было незабываемое зрелище! Тишина и оцепенение.

Кто знает, может быть, у всех, кто сейчас на площади, проносятся в памяти, как и у меня, пророческие слова, сказанные в труднейшие дни сорок первого года: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!» И еще: «Придет и на нашу улицу праздник!…» И вот пришел он, этот долгожданный праздник. Долог, тяжел был к нему путь, но мы дождались-таки его, и оттого так волнующе, так впечатляюще действует сегодняшний парад, сегодняшний триумф победившей Родины!…

Генерал В. И. Алексеев поторапливает нас: «Идемте, идемте, неловко опаздывать-то!»

Голос его озабочен, он торопливо шагает, поглядывая на спины удаляющихся военных. После парада все, кто получил пригласительные билеты на праздничный банкет, пошли к воротам Спасской башни.

Под сводами Спасской башни идут и идут военные: маршалы, генералы, офицеры, рядовые. Мне вспоминается, как несколько лет назад, после военных действий с Финляндией, нас вот так же пригласили в Кремль для вручения наград. Мне кажется, что нынешнее волнение куда сильнее тогдашнего.

Большой Кремлевский дворец принимает гостей, праздничный и торжественный. Широкая мраморная лестница устлана красным ковром. Свет из высоких окон отражается на позолоченных украшениях, в хрустале бесчисленных люстр, блестит на массивных рамах огромных картин.

Идут, поднимаются по ковровой лестнице многочисленные гости Кремля – нарядные, в парадной форме, счастливые и гордые своей победой. Настроение у всех приподнятое.

В нескольких залах накрыты большие столы, празднично сервированные, украшенные цветами. Нас встречают, радушно приглашают:

– Пожалуйста, пожалуйста!

– А куда садиться?- спрашивает какой-то полковник, растерянно оглядывая огромный стол.

– Куда хотите. Пожалуйста!

Увидев майора в форме летчика, я устремляюсь к нему. Рад и он: все свой человек будет рядом. Мои спутники, Батя и руководители академии, прошли в зал для высшего комсостава, и я как-то растерялся. Мы с летчиком садимся за один стол. Напротив нас садятся два полковника пехоты, артиллерист и моряк.

– Ну, что?- произносит моряк, быстрее всех освоившись в незнакомой обстановке. Он берет графин с водкой и с веселой усмешкой оглядывает сотрапезников:

– Я думаю, ни у кого возражений не будет?

Он как-то сразу становится душой компании, этот разбитной и, видать, бывалый морячок. Теперь мы в его руках, и он в бодром темпе ведет застолье.

Первый тост, как и положено, за победу. Пьем молча, с вполне понятным благоговением.

По мере того как поднимается настроение гостей и пропадает скованность, в зале растет слитный праздничный гул. Звенят бокалы.

Как водится, пошли расспросы:

– Где воевал?… А такого-то знаешь?…

В конце зала, на дальнем конце стола, послышалась песня. Кто-то, поднявшись за столом, предложил общий тост. Огромный зал, заполненный фронтовиками, возбужденными волнующей картиной парада, сознанием победы, гудел на сплошной все нарастающей ноте.

После банкета всех участников ждали внизу машины.

– Пожалуйста!- меня проводили и усадили в машину.- Адрес скажете шоферу.

Куда же ехать? В Монино?… Нет, к Бате. Мной овладело чувство, которое понятно каждому: потребность общения, необходимость сердечно, по душам поговорить с близким, родным человеком.

Я назвал улицу имени Осипенко, и машина помчалась по Москве.

Час был не слишком поздний, на улицах полно народу. Высоко в темном небе в лучах мощных прожекторов реяли огромные алые полотнища. Они были подняты на аэростатах. На многих из них четкие изображения орденов Победы и Красной Звезды. На площадях столицы гремели оркестры, на сколоченных эстрадах выступали артисты. Везде, куда ни глянешь, танцы. Москвичи праздновали, ликовали. На перекрестках, когда приходилось останавливаться, к нам в машину заглядывали смеющиеся счастливые лица.

Батя был дома, приехал незадолго до меня. Проговорив допоздна, мы весь следующий день отсыпались, отдыхали.

– Завтра в гости махнем!- сказал мне Василий Иванович.- На Оку!

Старый речник, уроженец исконно русских мест, Батя любил родные края, сохранив там до сегодняшнего дня множество друзей и приятелей. К одному из друзей генерала, к капитану речного пароходика, мы и уехали рано утром.

Начало дня было туманным, влажным. Стояли по сторонам дороги сырые леса, омытые ночным дождем. Солнце показалось неожиданно, когда мы подъехали к реке. Засверкала трава,

заблестели речные перекаты.

– Э-эй, паро-ом!- кричал внизу чей-то протяжный голос. Мы вылезли из машины и прошли немного вперед. У причала стояла подвода, и старик, махая кнутовищем, звал перевозчика.

Прошло немало времени, пока паром отчалил от противоположного берега и медленно тронулся поперек течения. Витой канат понемногу показывался из воды, с него падали прозрачные капли. Воздух уже обогрело, туман клубился только над зеленой кромкой далекого леса. День обещал быть погожим.

На пароме было тесно. Из телеги пахло скошенным сеном. Паромщик и старик о чем-то переговаривались, лениво перебирая мокрый канат. Журчала под днищем неторопливая вода, лошадь взмахивала головой и била хвостом, отгоняя мух. Паромщик закурил, и дымок солдатской махорки сладко защекотал в носу…

Отдых на Оке доставил нам несказанное удовольствие. Мы провели там целый день, загорали, варили уху и вернулись в Москву в третьем часу ночи.

Так завершился для нас праздник, которого мы ждали все долгие и тяжелые годы войны.

НА НОВЫХ КРЫЛЬЯХ

В Москве, на улице Радио, есть музей Жуковского. Там можно увидеть уникальные экспонаты. Есть в музее примечательный снимок – первый перелет на планере через Москва-реку. Его совершил молодой член кружка любителей воздухоплавания, основанного Жуковским, – Андрей Николаевич Туполев. Ровесник русской авиации, он стоял у ее колыбели. Этот человек в пределах жизни одного поколения определил границы целой эпохи воздухоплавания – от шатких аэропланов, боящихся ветра, до беспосадочного перелета Москва – Нью-Йорк.

В этом музее интересно узнать, как жила тогда авиация. В газетах сообщалось о кампании по проведению сбора средств на усиление воздушного флота. Так, 31 марта 1913 года в Москве было «выпущено на улицу» три тысячи кружек. И не удивительно, что во всей русской авиации того времени было лишь тридцать летчиков. Но что это были за люди? Энтузиасты, смельчаки, патриоты своего нелегкого дела. Недаром А. И. Куприн, всю жизнь друживший с летчиками, писал о них сердечные и проникновенные слова:

«Они жили и раньше, во всех веках, среди всех народов, но, еще бескрылые, проходили в жизни незаметно, тоскуя смутно по неведомым воздушным сферам, или в судорожных попытках умирали безвестно осмеянные безумцы, поруганные, голодные изобретатели… В самом деле, в них много чего-то от свободных и сильных птиц – в этих смелых, живых и гордых людях. Мне кажется, что у них и сердце горячее, и кровь краснее, и легкие шире, чем у их земных братьев. Их глаза, привыкшие глядеть на солнце, и сквозь метель, и в пустые глаза смерти,- широки, выпуклы, блестящи и пристальны. В движениях – уверенная стремительность вперед… И как прекрасна в этих сверхъестественных людях-птицах, дерзко попирающих всемирные законы самосохранения и земного тяготения, как живописна в них беспечная и благородная, страстная и веселая, какая-то солнечная и воздушная любовь к жизни!»

Замечательный русский писатель уже в то время как бы предвидел годы бурного развития отечественной авиации и приветствовал нарождающееся племя крылатых отважных людей.

Вся история развития авиации, и нашей отечественной в том числе, представляет собой почти непрерывную цепь различных «барьеров». Всем, кто интересовался летным делом, известно, что в свое время даже инструкторы учили выполнять развороты без крена, «тарелочкой», боялись, как бы хрупкий аппарат не

свалился на крыло и не заскользил к земле. Затем появилось шасси, но летчики и к этому новшеству отнеслись с великим недоверием: уберешь, мол, колеса, а они потом возьмут и не выпустятся! Потом, по мере развития авиационной техники, возникли разрушающие машину вибрации, потом потеря устойчивости и управляемости самолета при приближении к звуковой скорости… да и мало ли еще чего! Все эти барьеры невидимы, но тем не менее вполне реальны. И для преодоления их потребовалось немало сил, средств и даже жертв.

Людям моего поколения, мне и моим товарищам летчикам, довелось стать свидетелями и участниками рождения и утверждения в жизни одного из самых знаменательных открытий нашего времени – реактивной авиации. Можно сказать, на наших глазах небо стало ближе, а земной шар теснее.

Первые реактивные самолеты я увидел еще во время войны: образцы немецких машин «Мессершмитт-163» и «Мессершмитт-262». Это были самолеты с жидкостными реактивными двигателями (ЖРД). Они имели стреловидные крылья, лишены горизонтального оперения, колесное шасси у них не убиралось, а сбрасывалось сразу же после взлета, и самолет садился на небольшую лыжу.

Новинку немецкой авиационной техники я видел, так сказать, в деле, в бою. Лишь впоследствии, уже в академии, когда нам довелось изучать трофейные экземпляры, я увидел, насколько проста конструкция этой машины. Реактивный самолет подобен был камню, пущенному из пращи, с той лишь разницей, что он имел возможность вернуться к тому месту, откуда им «выстрелили».

Нужно сказать, что эпоха реактивных двигателей уже давно стучалась в дверь. Еще в тридцатых годах стало ясно, что обычный тип самолета с поршневым двигателем и воздушным винтом приближается к пределу своих возможностей. Самолет в том виде, каким его знали, исчерпал себя в смысле дальнейшего прогресса.

У истоков ракетного дела стояла мученическая тень народовольца Кибальчича. Замурованный в глухих стенах каземата, он стремился довести до сведения ученых свое изобретение, сулившее России великое будущее. Однако жизнь Кибальчича оборвалась на эшафоте, а проект его погребли в жандармском архиве.

Казнь Кибальчича не остановила настойчивых поисков и экспериментов. Вскоре молодой учитель физики Н. Е. Жуковский стал создавать основы аэродинамики и теории полета, а другой учитель, Константин Эдуардович Циолковский, начал на

собственные средства выпускать книгу за книгой, предлагая всем желающим принять участие в создании межпланетных аппаратов. Это во времена, когда человек только-только учился планировать в воздухе!

Влияние идей Циолковского с ранних лет испытали на себе многие будущие практики и пропагандисты реактивного движения, в частности А. Ф. Цандер. Одним из горячих сторонников этого движения был В. И. Ленин. По словам Цандера, Ленин обещал ему всяческую поддержку. Великий вождь революции отнесся к ракетному делу не скептически, как это делали обыватели, прозвавшие первых энтузиастов «лунатиками». И вот в Москве, на Садово-Спасской, 19, были открыть! первые мастерские, занимавшиеся постройкой ракет. В этих мастерских начинал свой путь генеральный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев. За ходом работ в мастерской пристально следили выдающиеся деятели советских вооруженных сил М. В. Фрунзе и М. И. Тухачевский.

Напряженные научно-исследовательские и конструкторские работы по созданию реактивных двигателей проводились еще во второй половине 30-х годов. Они велись в СССР, Англии, Германии, Италии, США. В те годы был дан старт невидимому марафонскому соревнованию конструкторов, которое в наши дни достигает своего апогея.

В Германии, как теперь стало известно, работы по созданию реактивного и атомного оружия велись полным ходом. Особенные надежды там возлагались на Вернера фон Брауна.

Разработкой реактивного оружия у фашистов занимался сначала центр в Пинемюнде. Однако после бомбардировки его английскими самолетами было принято решение перенести основное производство на подземный завод в штольни горы Конштейн, в четырех километрах от города Нордхаузена. Концлагерь «Дора», созданный для обеспечения завода рабочей силой, уже к началу 1944 года насчитывал около четырех с половиной тысяч заключенных.

Крах фашизма помешал злодейским замыслам Гитлера. Скоро американские войска заняли Нордхаузен. В руки американцев попали тысячи готовых ракет и сам главный конструктор Вернер фон Браун.

Все захваченные материалы были направлены в американский городок Хансевилл, штат Алабама. Там сразу же после войны был создан центр по разработке, а вернее, по доведению до конца конструкций реактивного оружия. Дело, начатое гитлеровцами, продолжали американцы. А главный конструктор Вернер фон Браун лишь переменил место

жительства. Правда, теперь он уже не щеголял черным мундиром штурмбанфюрера СС. Он сменил его на отличный костюм серого цвета. Бывший приближенный Гитлера, один из его любимчиков, стал своим человеком в мире американского бизнеса, первым ракетчиком Соединенных Штатов.

Сейчас американские империалисты угрожают атомным оружием народам, не желающим установления мирового господства США.

У нас в СССР работы над созданием новых видов вооружения велись в нескольких направлениях. Например, 14 июля 1941 года было испытано на враге грозное оружие -«катюши». «Катюши» явились для немецкого командования полнейшей неожиданностью. До самого конца войны они были грозной силой в руках советского командования.

Велись работы и в области авиационного вооружения нашей армии. В 1942 году летчик Григорий Бахчиванджи впервые поднял в воздух реактивный истребитель конструкции В. Болховитинова. Первые результаты были очень обнадеживающими, однако вскоре, при одном из последующих полетов, когда летчик дал полную тягу двигателю и самолёт, подобно метеору, промелькнул в небе над изумленными людьми, машина вдруг потеряла устойчивость, стала неуправляемой и через несколько мгновений с огромной скоростью устремилась к земле.

При других обстоятельствах скорее всего построили бы другой самолет, и в конце концов природа отступила бы перед натиском человеческого ума. Так оно и случилось впоследствии. Однако тогда шла тяжелая война, и работы над реактивным самолетом пришлось временно отложить.

В академии, осваивая новую технику, первые полеты мы совершали на наших отечественных самолетах ЯК-17.

К тому времени советские ВВС имели несколько типов реактивных самолетов. Новинки нашей авиации были продемонстрированы во время воздушного парада в День авиации в Тушино и вызвали изумление у зарубежных гостей. Иностранные специалисты считали, что Советский Союз не в состоянии в столь короткий срок перевооружить свои военно-воздушные силы. Многие западные деятели утверждали, что «можно опасаться только армии русских, но не их отсталых военно-воздушных сил». Повторялась старая картина. Перед Великой Отечественной войной многие самозванные «пророки» на Западе уверяли, что Советский Союз – это колосс на глиняных ногах, который рухнет при малейшем нажиме извне. И вот теперь, после нашей победы над чудовищной фашистской машиной, кое-

кто вновь завел излюбленную пластинку: в России-де сильна лишь сухопутная армия, ее упорный и неприхотливый солдат, что же касается технической, научной мысли, то она у русских далеко отстала от мирового уровня. Ей-богу, примитивно и глупо. Впрочем, как говорят русские, битому неймется.

Когда у нас начались первые полеты, мы хорошо знали техническую оснащенность новой машины, прошли теоретический курс вождения, но сесть в кабину, самому оторваться от земли, совершить посадку предстояло впервые. И это сказывалось на поведении слушателей академии, хотя любому из них довелось испытать на фронте всякое.

…Утро выдалось туманное, но день обещал быть солнечным. Туман рассеивался медленно, неторопливо. Сначала показались овальные контуры ангаров, потом подсобные строения и наконец бетонированная полоса – дорога в небо, на которой стоял самолет. На нем и предстояло нам сегодня совершить первый взлет.

Скоро стало проглядывать солнце. Поднимаясь все выше, оно пробило толщу тумана и брызнуло на аэродром.

День разгулялся, полеты начались.

Новенький самолет ЯК-17 имел три колеса. Машина стояла на земле крепко, с задранным хвостом.

Первому предстояло лететь Ивану Кожедубу. Мы тогда все, летчики-истребители, были сведены в академии в один учебный полк и проходили летную практику вместе.

Привычными, заученными движениями Иван взобрался на плоскость, уселся в кабину. Вот пристегнуты ремни, задвинут фонарь. Инструктор и все мы, практиканты, не сводим с кургузой машины глаз. Раздается шипение, и мне кажется, что самолет оживает. По его хищному, устремленному вперед телу проходит какое-то движение. Кожедуб из кабины делает условный знак: разводит в стороны руки. Это значит: убрать колодки, и техники проворно вытаскивают из-под колес тормозные приспособления. Они отскочили от скошенных назад крыльев и, забыв положить колодки, смотрят, как завороженные. Для них сегодня тоже необычный день. Сквозь стекло фонаря отчетливо видно сосредоточенное лицо летчика. Свой лихой чуб Иван запрятал под шлем, ремень, затянутый под подбородком, придает лицу какое-то ожесточенное, решительное выражение. Кожедуб уже не поглядывает по сторонам, все его внимание сосредоточено на приборах. Скоро вой машины становится тонким, свистящим.

– Пошел!- произносит кто-то в строю наблюдающих за полетом летчиков.

Самолет медленно, как будто неуверенно трогается с места.

Затем рев, пламя из трубы и машина, как по намазанной плоскости, разбегается и резко уходит в небо.

Задание у каждого из нас на сегодня одно: взлет, «коробочка» по зоне и посадка. Все так же, как некогда в летном училище, во время первого самостоятельного полета.

Не успели мы перевести дух, а машина уже заходит на посадку. Мы снова насторожились. Теоретически знает каждый: когда летчик, собираясь произвести посадку, приближается к аэродрому, он должен в определенный момент убрать газ – перевести мотор на режим минимальной тяги,- и самолет начнет планировать, то есть наклонно скользить вниз, будто скатываясь на салазках со склона невидимой горы. Глазомерное определение момента, когда пора переходить к планированию, и называется расчетом на посадку. Но это особый расчет. Он не имеет ничего общего с какими-либо цифрами, графиками, арифмометрами или логарифмическими линейками. Чем точнее угадает летчик правильный момент перехода к планированию, тем ближе к посадочным знакам приземлится самолет.

Не менее тонкое дело и сама посадка.

Выровняв самолет на высоте одного-двух метров, летчик должен плавно уменьшать скорость, одновременно подпуская машину все ближе к земле. Счет высоты тут идет на сантиметры, которые надо четко видеть, несмотря на быстроту, с которой земля сплошной пеленой несется под самолетом. Стоит приземлиться на чуть-чуть большей скорости, как самолет «даст козла»- подпрыгнет. При обратной ошибке – потеря скорости до посадочной на большей высоте, чем нужно,- машина грузно, иногда с креном, провалится и, приземляясь, грубо стукнется о землю.

Точный расчет и точная посадка на уроках, так сказать, на бумаге, выглядят вроде бы просто. Однако в действительности их безукоризненное выполнение требует быстрой реакции, тренированности и даже определенной интуиции. Недаром говорят – ив том нет преувеличения,- что по посадке можно судить о классе летчика.

Но все это – теория. А как вот будет на практике? И мы с замиранием сердца смотрим, как ведет Кожедуб машину на соприкосновение с землей. Уж кому-кому, а трижды Герою Советского Союза, одному из лучших боевых летчиков, опыта не занимать.

Техники, отбежав с посадочной полосы, держат наготове тормозные колодки. Четкий крестик самолета приближается к границе аэродрома. Какая-то оторопь берет, когда наблюдаешь, как стремительно, с невероятной скоростью устремляется машина

к земле. Со стороны видно, что самолету не хватает сияния винта на фюзеляже,- ведь раньше он давал устойчивость машине, тянул ее за собой и не позволял ткнуться носом. А сейчас обтекаемый, словно куриное яйцо, фюзеляж совершенно свободен. Машина удерживается, планирует благодаря непрерывному отталкиванию от воздуха.

Все ниже, ниже тупое рыльце самолета. Вот и земля. Есть, коснулся!

– Недомаз!- огорченно крякает инструктор. И точно,- теперь все мы видим, что самолет чуть не долетел до посадочной черты: не домазал, как говорят летчики.

В остальном никаких замечаний к полету Ивана нет. Он вылезает из кабины и радостным, счастливым движением стягивает с головы шлемофон.

– Микоян!- вызывает инструктор следующего летчика.

Алексей Микоян бежит к машине, на ходу касается руки Кожедуба, который направляется к нам.

– Ну, как?- Ивана тотчас обступают товарищи. Кожедуб возбужденно крутит чубатой головой.

– Как пономарь на колокольне!- рассказывает он.-

Все кругом пусто… И потом – не успел оглядеться, а уж четвертый разворот. Вот несет! Но на посадке видимость – лучше не надо…

Я прислушиваюсь к рассказу Кожедуба и в то же время наблюдаю за полетом Алексея. За ним моя очередь – я третий. Надо учесть опыт товарищей. Ну, Кожедуба, когда он говорит о видимости при посадке, понять можно. Долгое время на войне он летал на «жеребцах»- самолетах ЛА-5, а у тех обзор действительно ограничен. Может быть, поэтому он и «не домазал» на посадке?

Алексей, надо полагать, помнил об ошибке Кожедуба и, приземляясь, коснулся колесами в точно положенном месте. Однако и у него не все прошло гладко: заканчивая бег, самолет вдруг уклонился вправо, полез в сторону.

– Учтите ошибки товарищей,- сказал мне инструктор, давая разрешение на полет.

Забираюсь в кабину. Забрался, сел, пристегиваюсь ремнями, а сам тем временем осматриваю кабину. Кабина показалась мне чуть просторнее, чем на прежних самолетах. Ну, что ж, начнем…

Едва заработали турбины, до меня донесся какой-то шепелявый свист сзади – он непривычен для уха летчика, этот свист. Но я по опыту знаю, что скоро привыкну к нему. Еще несколько полетов, и все станет привычным.

Последний взгляд через фонарь кабины. Техники так и едят меня глазами. Пора! Развожу руки в стороны.

Свист двигателей перешел в неровный рев, будто одновременно рвут множество кусков полотна. Двинулись. Сначала разгон машины показался мне ленивым, будто она раздумывала, затем все нарастающее ускорение, и вот я чувствую, что переднее колесо уже оторвалось от земли. Машина мчится с задранным носом, на основных колесах. А ускорение все нарастает, меня прижимает спиной к сиденью, и кажется, я упускаю момент, когда машина поднимается в воздух. Плавно, спокойно она идет полого вверх.

Прав был Кожедуб, говоря: «Сидишь, как пономарь на колокольне». Прежде летчик видел перед собой мерцающий круг винта. Видны были крылья,- летчик ощущал себя на какой-то плоскости и это придавало ему уверенность, если хотите,- устойчивость. А здесь крылья отброшены назад, их не видно, впереди чисто, как будто сам, своим телом, своей грудью врезаешься в голубое небо.

Я старательно исполняю задание инструктора: совершаю «коробочку» и, прицеливаясь издалека на полосу, захожу на посадку. Все-таки скорость чертовски велика: я слышу шуршание встречного потока воздуха по обшивке самолета.

Представляю, товарищи сейчас во все глаза наблюдают, как я приземлю машину.

К границе аэродрома самолет подходит на высоте в два-три метра. Хорошо, так и надо! Серая стрела посадочной полосы лежит ровно по курсу, и самолет, подкрадываясь, идет на соприкосновение с ней. Полоса, словно указующий перст, строго направляет машину. Завоевав скорость, самолет потерял изрядную долю самостоятельности. Раньше он мог садиться, и война доказала это, куда угодно. Сейчас же все строго регламентировано.

Старательно, как ученик, караулю начало полосы. Ниже, ниже, совсем близко! Теперь плавно, плавно надо «дотянуться» до земли. Есть! Обрывается шум двигателей, самолет бережно касается бетона колесами и с затихающим свистом катится по полосе. Только сейчас ощущаю, насколько он устойчив на своих трех колесах: сидишь, как в автомашине.

Незаметно пролетели четыре года учебы в академии. Это были годы напряженной работы над собой.

Из слушателей академии готовили высокообразованных офицеров. Программа была большой и сложной, но никто не жаловался на трудности. Без основательных теоретических знаний, без глубокого изучения современной техники нельзя стать хорошими командирами частей и подразделений. Теперь от авиационного командира, как никогда, требуется широта

мышления, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке и принимать смелые и обоснованные решения. Все это дала нам учеба в академии.

К тому времени, когда мы заканчивали учебу, реактивная авиация полностью завладела небом. На вооружении советских ВВС находились новейшие самолеты самых различных назначений. А уже готовились к запуску в крупносерийное производство такие современные машины, как фронтовой истребитель МиГ-19, фронтовой бомбардировщик ИЛ-28.

Тема моей дипломной работы была: «Воздушный бой эскадрильи реактивных истребителей». Кроме того слушатели держали выпускные государственные экзамены.

Выпускной вечер состоялся в клубе нашей академии. В последний раз собрались мы здесь единой сроднившейся семьей. Зал был полон, на стенах его, казалось, отражалось сияние наших нарядных мундиров. В то время в армии для офицеров ввели кортики, к тому же, не надо забывать, это был выпуск летчиков, имевших множество боевых наград.

В гости к нам приехали наши старшие фронтовые товарищи, прославленные военачальники. Дипломы выпускникам вручал Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами СССР маршал авиации П. Ф. Жигарев.

Поздравляя выпускников, маршал обращался к нам, как к продолжателям славных традиций отечественной авиации. Крылатая молодежь, говорил он, стоит у истоков большого, еще не изведанного пути. Перед будущими поколениями авиаторов открывается мир космических пространств, сверхзвуковых скоростей, полетов к новым планетам. Кроме того на наши плечи ложится и ответственность за подготовку следующего поколения советских летчиков. Нынешние подростки, мечтающие о небе, это люди, для которых служба в авиации станет смыслом жизни. Кто знает, может быть, уже им придется принять машины, которые лишь зарождаются в мечтах конструкторов, прокладывать новые трассы и вести советские машины в простор, который пока еще называется мечтой романтиков. Всем сердцем верю, что ключи от неба в надежных руках!

Горячую, взволнованную речь от имени выпускников академии произнес Иван Кожедуб. Он заверил партию и правительство, что советские летчики будут всегда верны боевым традициям нашей авиации, они готовы отразить нападение любого агрессора.

После торжественного заседания состоялся праздничный банкет. Грустно было расставаться с товарищами. Нам предстояло разъехаться в разные концы нашей необъятной Родины. И.

Кожедуб оставался в Москве, Д. Глинка уезжал на Дальний Восток.

Должен сказать, что при распределении каждому выпускнику предоставлялся выбор места службы. Мне, например, предлагалось три назначения на должность заместителя командира дивизии. Кроме того мне было сделано еще одно предложение и очень заманчивое: летчиком-испытателем. Предложение исходило от одного из ведущих конструкторов нашей авиационной техники Артема Ивановича Микояна.

Как конструктор новой авиационной техники А. И. Микоян был известен не только узкому кругу специалистов. Его имя знала вся страна.

Свою конструкторскую деятельность Артем Иванович начал совместно с Михаилом Иосифовичем Гуревичем, помощником маститого конструктора истребителей Н. И. Поликарпова. Молодой инженер А. И. Микоян задумал тогда создать высотную машину, скорость которой должна превышать в полтора раза скорость истребителей И-16. Микоян и Гуревич успешно справились с поставленной задачей. Результатом их работы явился истребитель МиГ-3.

С тех пор молодым конструкторам поручили самостоятельную работу, и бюро Микояна и Гуревича стало одним из ведущих в стране.

Мировую славу приобрел их замечательный реактивный истребитель МиГ-15. Можно сказать без всякого преувеличения, что это лучший в мире истребитель послевоенного времени.

Слов нет, предложение пойти работать в такой прославленный коллектив было заманчивым и лестным. Но что-то удержало меня ответить согласием в первую же минуту, а поразмыслив хорошенько, я счел нужным отказаться.

Вот какие соображения руководили мной.

Летчики-испытатели называют себя акушерами новой техники: они помогают ей родиться. Они обеспечивают безопасность тем, кто будет потом летать на серийных машинах. Это серьезная работа. В современной авиации испытатель неизбежно становится инженером, умеющим переводить свои ощущения на язык цифр и формул. «Настоящий летчик-испытатель,- говорил известный летчик С. А. Корзинщиков,- должен свободно летать на всем, что только может летать, и с некоторым трудом на том, что, вообще говоря, летать не может».

Отвечаю ли я всем требованиям современного летчика-испытателя? И чем больше я размышлял, тем больше во мне зрело решение отказаться. Лестно было, заманчиво, но, если смотреть правде в глаза, я должен, обязан отказаться.

Отказ мой огорчил конструктора, однако я до сих пор убежден, что поступил правильно. У меня был немалый фронтовой опыт, и все же при современном уровне авиации этого было явно недостаточно. И я предпочел избрать для себя тот путь, к которому был более подготовлен.

Как-то в газетах я прочитал заметки очевидца о воздушном параде в итальянском городе Казелле. На параде участвовали самолеты самых различных стран и, разумеется, самолеты реактивные. Событие это – воздушный парад – было своеобразным смотром не только достижений технической мысли, но и мастерства летчиков. Лучшие пилоты демонстрировали свое искусство владения современной боевой машиной, показывая зачастую поистине цирковые номера.

Зрители, богатая публика, заполняющая модные курорты, а также специалисты, ревниво следящие за состоянием авиации в той или иной стране, с восхищением встречали каждый номер обширной программы этого воздушного праздника.

Свечой взмывал в голубое небо на красном реактивном самолете итальянский летчик-испытатель Рикардо Пераки. В его руках истребитель-бомбардировщик делал просто чудеса. Пилот бросал машину камнем вниз и только у самого поля выводил ее в бреющий полет. На высоте всего лишь в пять метров он летал вниз головой. Этот великолепный ас совершал обратные петли, прямо садился и тотчас же взлетал. Разумеется, то, что выполнял этот виртуоз воздушной акробатики, повторить могут не очень многие в мире.

Военные летчики Италии, Франции, ФРГ показывали групповой пилотаж на больших и малых высотах. Они демонстрировали фигуры высшего пилотажа: раскрытие «цветка» над публикой, «ромб», «бомбу», перевернутые встречные полеты над полосой и другие сложные фигуры. Как летчик, я полагаю, что воздушная акробатика на очень низких высотах выполнялась не только ради спортивного интереса и желания удивить публику. Во всем этом есть определенный расчет. Дело в том, что тактика современной истребительной авиации непрестанно меняется. Как и во всяких военных действиях, большое значение придается элементу внезапности. Однако в наше время не стоит на месте и техника противовоздушной защиты. Идет как бы своеобразное соревнование средств нападения и! средств защиты. Бесспорно, что в данном случае, на воздушном параде, истребители помимо развлечения зрителей показывали ведение боя на малых высотах, вне сферы действия (обнаружения) радиолокаторов и средств противовоздушной обороны.

Читая отчет об этом красочном празднике, я вспомнил

первые месяцы работы после академии. Тогда мы еще и думать не могли о высшем пилотаже, потому что первой нашей задачей было освоить новую технику. (Разумеется, летчики-испытатели, инструкторы летного дела уже в совершенстве владели искусством воображаемого воздушного боя. Я говорю о массовом применении высшего пилотажа, как то было в дни войны на винтовых самолетах).

Начинать работу на новом месте службы пришлось с трудностей. Вскоре нам позвонили и предупредили, что в нашу дивизию прибывают первые десять экземпляров реактивного истребителя ЯК-23 и нам предстоит провести армейские испытания этой новой модели.

Вместе с самолетами прибыл летчик-испытатель. Он провел занятия сначала с руководящим составом дивизии, затем командиры стали обучать летчиков. За полтора месяца испытания были проведены, и скоро новыми машинами были оснащены все полки нашей дивизии.

Основной задачей у нас значилась охрана государственных границ страны.

Совсем недавно прогремела на весь мир печально знаменитая речь Черчилля в Фултоне, международная обстановка стала тревожной и характеризовалась вошедшим тогда в обиход понятием «холодная война». Перед советскими военно-воздушными силами была поставлена задача воздвигнуть над всей территорией нашей Родины своеобразный воздушный щит, чтобы будущий агрессор не нашел ни одной лазейки в нашем воздушном пространстве.

Мы, фронтовые летчики, прекрасно помнили тяжелые дни начала Великой Отечественной войны и теперь, на командирских должностях, прилагали все силы, все свое умение, чтобы в случае чего не допустить повторения досадных ошибок прошлого.

Реактивная авиация, вошедшая в обиход, предъявила личному составу ВВС совсем новые требования. И постепенно полеты на реактивных самолетах во всех строевых частях нашей авиации становились обычным делом.

Однако мало просто летать, нужно хорошо летать, летать в любую погоду, летать днем и ночью. Наш летчик должен быть хозяином в небе, он обязан так освоить современную машину, чтобы слиться с ней в одно неразрывное целое. Лишь воспитав из молодых летчиков настоящих воздушных асов, мы, командиры, можем считать свой долг выполненным.

Подготовка боевых летных кадров требовала огромного напряжения сил. Я уже писал, каким сложным агрегатом стал самолет сегодняшнего дня. Но ведь молодой летчик должен не

только хорошо изучить техническую часть, но и выполнить на этой сложной машине весь положенный набор фигур высшего пилотажа, уметь четко выходить на цель и метко поражать ее. Собственно, все эти требования предъявлялись к летчикам и раньше. Любой летчик в любые времена должен был уметь сражаться, находить противника в небе и уничтожать его. Однако одно дело – война в небе, когда потолок боевых машин относительно невысок, как это было, скажем, во время Великой Отечественной войны, и совсем другое – нынче, когда самолеты стали забираться на десятки километров. Раньше любой самолет был видим с земли простым невооруженным глазом, и летчик, взлетев со своего аэродрома, имел возможность сразу же обнаружить его и достичь, А попробуй-ка найти крохотную точку в бескрайней пучине неба! Без преувеличения скажу, что в наши времена боевые действия в небе превзошли по трудности охоту на подводные лодки в океане. Главное же, что требовалось теперь от летчиков,- это летать и действовать решительно в любое врем суток, особенно ночью.

Вот написал, что главное для нынешнего летчика – летать в ночное время, и задумался. Так ли на самом деле? Это ли главное? Но даже сейчас, по прошествии столь длительного времени, скажу: если не главное, то самое-, трудное.

При нынешнем уровне средств противовоздушной обороны дневное нападение с воздуха вряд ли принесет противнику желаемый эффект. Значит, он выберет для нападения ночь, самое глухое время суток. Вот поэтому истребитель-перехватчик должен взлетать и садиться, прочесывать небо в любое время, независимо от часа и погоды. Если дневные полеты прошли у нас сравнительно благополучно, летчики все уверенней осваивались с боевыми машинами, то первые же старты в ночное время показали, какие ожидаются трудности.

Во все времена летчики, поднявшись в небо, обретали уверенность, не теряя зрительной связи с землей. Но вот в несколько раз поднялся «потолок» самолетов, и теперь летчик оказывался так высоко, что земля терялась где-то далеко внизу. Особенно ночью. Линии горизонта не видно, световых ориентиров никаких. Часто прозрачная пленка испарений от нагретой за день земли отражает звезды, и тогда понять, где земля, а где небо, совсем невозможно. На первых порах, пока летчик привыкает к своему одинокому парению в темном ночном небе, его охватывает робость: кругом звезды – сверху, снизу, справа, слева. Глазу не за что зацепиться. И человек порой так теряется, что перестает верить показаниям приборов. В его душу все настойчивей проникает страх. Ему хочется выпрыгнуть из

неведомо куда несущейся ракеты и уверенно полететь, вниз, к надежной и твердой земле. Тут все зависит от летчика: насколько он сможет побороть малодушие и собрать волю. Ему рекомендуется не смотреть по сторонам,- ни одного взгляда за борт, в темноту, где одни лишь звезды, а упереться глазами в приборы. Они выведут, они помогут.

Не могу забыть происшествия, случившегося в одном из полков.

Полк был на хорошем счету. Первые полеты в ночное время было решено провести именно в этом полку.

Командный состав дивизии уже освоил ночные полеты, по себе знаю, что за ощущение, когда оказываешься вдруг в кромешном мраке неба. Днем, хоть и велика скорость, но все же видно землю. Далеко-далеко, но видно. А это очень важно. Ночью же пилот остается в небе наедине с собой, и только шуршание воздуха за кабиной самолета говорит об огромной скорости, с которой он пропарывает мрак ночи, и об опасности, которая ожидает его, если он вдруг потеряет ориентировку.

Пять приборов обычно ведут человека в слепом полете: компас, указатели скорости и высоты, авиагоризонт и вариометр – прибор, показывающий, с какой скоростью спускается и набирает высоту самолет. На них должно быть сосредоточено внимание летчика, они подскажут все: и положение в воздухе, и направление полета, помогут рассчитать посадку. Но одно дело – теория, а совсем другое – практика.

Вместе с командиром этого полка мы находились на аэродроме и наблюдали за тем, как самолеты, разогнавшись по бетонной дорожке полосы, с раскатистым рокотом срывались и уносились в мрак ночного неба. На аэродроме включена вся «иллюминация». Вдоль взлетной полосы горит строчка ярких огней, заканчиваясь как раз там, где летчику предстоит коснуться колесами земли. Освещены служебные здания. Небо сегодня чистое, облачности нет, и в мириадах звезд, рассыпанных над аэродромом, нам хорошо видны блуждающие огоньки взлетевшего самолета. Их три, этих огонька – зеленый, красный и белый: два на концах крыльев и один на хвосте. По движению огоньков в небе мы отчетливо определяем положение самолета.

С самолетами, взлетевшими в небо, поддерживается непрерывная связь. Радиоволны доносят до нас голоса летчиков. Впечатление такое, что они где-то близко, совсем рядом. Летчики волнуются, это заметно по их донесениям, но стараются держать себя в руках. Они помнят наказ перед полетом: все внимание на приборы.

Те из пилотов, кто уже прошел испытание, со счастливыми и

взволнованными лицами рассказывают товарищам о пережитых впечатлениях. Слушают их внимательно, задают вопросы. Мне это напоминало первые полеты на реактивных машинах в академии. Мы тогда волновались, пожалуй, никак не меньше.

Внезапно командир полка, все время следивший за полетами, настораживается и начинает всматриваться в небо, не упуская из виду приметный трехцветный треугольник огней самолета.

– Он что, умом тронулся?- говорит он и хватает микрофон.

С истребителем в небе действительно происходит что-то непонятное. Вот он описал огромную «мертвую петлю» и тут же начинает вторую. А ведь задание на первый раз простое: взлет, «коробочка» и на посадку. Однако летчик почему-то вздумал вдруг крутить над самым аэродромом «мертвые петли».

– Кто в небе?- быстро спрашивает командир.

– Младший лейтенант Баранов!

– Ох, горе ты мое луковое!- сокрушенно говорит командир полка и, сбив фуражку на затылок, подносит к губам коробочку микрофона.

– Баранов… – начинает он вызывать по радио, а сам тем временем глаз не сводит с мотающегося в небе треугольника огней.- Баранов… Ты слышишь меня?

Издалека, кажется, из самой глубины неба доносится отчаянный голос летчика.

– Баранов! Ты что делаешь? Какие петли?

– Я домой иду, товарищ командир!- докладывает летчик, и по голосу можно догадаться, как он кричит там в полнейшей растерянности.- Я не вижу аэродрома, товарищ командир. Кругом полно огней!

Теперь уже не только командир полка, а и все, кто находится вблизи, с беспокойством наблюдают за огнями в небе. А они так и мотаются по небу. Вот пошли на снижение, все ближе, ближе к нам. Ревут, заглушая все, двигатели самолета. Настоящий гром раздается сверху. Даже не гром, а грохот, рев, вой и вопль одновременно. Однако это недолго: самолет прошел над аэродромом и снова начал врезаться в пучину бескрайнего неба. Все ясно: летчик потерял ориентировку в пространстве и в панике принимает за посадочные огни ярко горящие звезды. Я хорошо представляю себе самочувствие испуганного летчика. Ему сейчас повсюду мерещатся посадочные огни. А звезды сегодня,- вон их сколько, усыпали все небо…

Рокот самолета в ночном небе то приближается, то снова начинает удаляться.

Твердым голосом командир принимается отдавать приказания.

– Баранов? Ты слышишь меня? Баранов! Зафиксируй сначала машину в горизонтальном положении. Нет, не так! Смотри на приборную доску! Доверни еще! Еще! Вот так! Молодец! Так и держи!

Уверенные слова команды возымели действие. По положению огней в небе мы видим, что самолет летит теперь горизонтально земле.

Командир, не глядя куда, бросает фуражку, расстегивает ворот кителя и, по-прежнему не отрывая глаз от неба, продолжает диктовать:

– Теперь оглядись, Баранов. Возьми себя в руки.

Справа от тебя, внизу, должно быть много огней. Море огней! Видишь?

Потянулись томительные мгновения. Молчит радио. Всем, кто поблизости, кажется, что даже здесь, на земле, слышно учащенное дыхание потерявшего голову летчика. Хорошо еще, что есть на свете радио. Летчик в небе постоянно ощущает непрерывную связь с землей, с полком, с товарищами. Летая в одиночку, он все же не так одинок. «Рука помощи» тянется к нему по волнам эфира.

Наконец щелкнуло в приемнике и мы услышали голос Баранова.

– Вижу, товарищ командир!- докладывает он, и голос летчика уже звучит спокойнее.- Вот они. Увидел!

– Так вот, это город,- терпеливо втолковывает командир.- Это твой ориентир. Удерживай по нему горизонтальное положение. Не теряй из виду.

Обычно немногословный, признающий только ясный язык воинской команды, командир сегодня необыкновенно речист. Он говорит, почти не переставая, делая перерывы лишь для того, чтобы услышать ответный голос затерявшегося в небе летчика. И я понимаю психологический расчет командира полка: летчик в небе все время слышит уверенный спокойный голос старшего товарища, как бы ощущает его рядом с собой, и ему уже не страшно, он взял себя в руки и действует уверенно.

– Хорошо вижу, товарищ командир!- раздается радостно в приемнике.- Очень хорошо вижу!

– Вот и молодец!… Теперь попробуй сделать разворот. Плавно, не торопись. И не теряй ориентира… Главное – ориентира не теряй! Так… Так… Еще. Ну вот и все. Теперь ты летишь, как надо.

Треугольник огней в небе идет по направлению к нам, и на душе становится спокойней. Главное, летчик преодолел паническое состояние и обрел способность думать видеть.

– Баранов, смотри теперь вниз, прямо перед собой.

Прямо! Глядишь? Видишь аэродром?

Голос летчика в небе становится совсем уверенным.

– Вижу! Увидел, товарищ командир! Полосу вижу…

Теперь уже говорит, почти не останавливаясь, Баранов, говорит счастливо, как человек, обретший неожиданное спасение. Внезапно он спохватывается и докладывает коротко, деловито, как и требуется по уставу:

– Иду на посадку!

– Фу-у…- утомленно выдыхает командир и достает платок.

Пока свалившаяся из черноты неба машина заканчивает бег на полосе, командир полка облегченно вытирает лоб, шею, лицо. Положение было действительно критическим. Хорошо, что огни самолета отчетливо различались с земли. А если бы облачность?

Тем временем самолет остановился, отодвинут фонарь и показывается летчик. Его встречают техники. Летчик падает к ним сверху прямо на руки. С лицом радостным, чуточку растерянным, он оглядывается, вдыхает запах родной земли.

Летчик наконец отстраняет окруживших его техников и четкими шагами направляется к командиру полка. Тот терпеливо ждет. Он уже поднял с земли фуражку, китель застегнут. На лице командира полка обычное бесстрастное выражение.

Младший лейтенант Баранов еще очень молод. Я смотрю на его юное лицо и догадываюсь, что это, видимо, один из летчиков пополнения, поступившего к нам в дивизию из последнего выпуска летных училищ. Летчик расстроен тем, что первое испытание оказалось ему не под силу, однако подбрасывает к виску руку и коротко, по-военному докладывает о завершении полета.

.- Потерял пространственное положение!- объясняет он командиру причину своего странного поведения в небе. – Ладно, иди,- устало машет рукой командир.

Решение в таких случаях может быть одно – такого летчика от ночных полетов придется отстранить. По крайней мере, на первых порах. Какой же из него перехватчик, если он так теряется в небе.

Происшествие, едва не закончившееся трагически, лучше всяких слов говорит о том, какие трудности предстояло преодолеть, чтобы добиться необходимой боеспособности всего состава авиационной дивизии. Ведь истребителю-перехватчику зачастую придется действовать одному в небе, и очень высоко, тысячи и тысячи метров будут отделять его от земли, а кругом мрак, звезды, и где-то там, во мраке, среди блеска звезд, крадется в нашем небе враг, которого надо обнаружить, атаковать, не дать

ему уйти.

Нам, летчикам довоенного поколения, хорошо памятны имена первооткрывателей в авиации. Во время боев в Испании все летчики были восхищены отвагой летчика-истребителя Родриго Матео, поднявшегося в небо ночью и принявшего бой с бомбардировщиками фашистов. Мало кто знал тогда, что под испанским именем действовал наш русский летчик Анатолий Серов, один из лучших советских авиаторов.

Но времена меняются, растут и требования к летчикам. То, что несколько лет назад было равносильно подвигу, нынче входит в перечень самых обыкновенных обязанностей летчика.

Так, в занятиях, в повседневных учениях проходили будни авиационных полков.

Освоив ночные полеты, летчики стали учиться воздушному бою, проводили учебные стрельбы.

Ночные стрельбы мы проводили по конусу, огромному полосатому мешку, поднятому высоко в небо.

По сигналу тревоги взмывал в черное небо истребитель, и служба наблюдения с земли принималась наводить летчика на цель. Пока, на первых порах, взлетевший летчик ничего не видит в бескрайнем небе. Невидимый невооруженным глазом вражеский самолет теряется так далеко в черном ночном небе, что его засекают только новейшие чуткие приборы. Они показывают пилоту направление полета. Чудовищная скорость перехватчиков позволяет преследователю быстро сократить расстояние, а целый набор всевозможных приборов наводят его на цель.

Словом, у летчика-истребителя столько помощников что создается впечатление: ему остается лишь одно- держать в воздухе свою машину, как площадку расположенного на ней оружия и в нужный момент нажать на нужную кнопку. А потом привести свой самолет обратно на землю. Ему приказывают, его информируют, поправляют и направляют. И высшее проявление его воли в таком полете состоит в том, чтобы полностью подчинить ее воле других. И в том, как он это делает, и выражается его индивидуальность.

Итак, самолет-перехватчик в небе, его ведут на цель. Наконец команда:

– Цель впереди!

И на экране «сапога»- радиолокационного приспособления для ночных стрельб летчик видит светящуюся точку. Это плывет в небе огромный конус, ярко освещенный с земли сильными зенитными прожекторами. Луч света выхватывает цель из мрака, летчик на всей скорости атакует ее – открывает стрельбу и, отстрелявшись, отворачивает в сторону, уходит на посадку.

К тому времени, когда летчики нашей дивизии уже уверенно осваивали все премудрости боевой науки, на вооружение поступил новый истребитель-перехватчик МиГ-15, сконструированный в бюро А. Микояна и М. Гуревича. Знакомясь с новой машиной, я вспомнил предложение конструктора. Ведь, согласись я тогда, мне довелось бы испытывать вот эту самую машину, стать помощником конструкторов. Теперь же, испытанная, облетанная, проверенная лучшими специалистами, она уже запущена в серию и поступила на вооружение.

Всякая новинка требует от летчика пристального внимания и бережного, вдумчивого подхода. Как уж водится, знакомство с новым самолетом начал командный состав. К тому времени я стал командиром дивизии, и моей обязанностью было лично проверить умение каждого командира полка. Умение, как не трудно догадаться, проверялось в самом сложном, что представлялось для летчика,- в ночном полете.

Поздно вечером я приехал в знакомый полк.

На полковом аэродроме, куда я приехал, все шло, как обычно: взлетали и садились, выпустив белые букеты тормозных парашютов, истребители. Летчики дежурного подразделения скучали в ожидании команды в маленьком домике в двух шагах от своих машин (он так и называется «дежурный домик»). В здании штаба у зачехленного знамени полка стоял часовой. Свободные от полетов летчики обедали в офицерской столовой.

У расчехленных самолетов возились техники и оружейники. У входа в казарму солдаты подразделения обслуживания вслух читали газету. Ближе к вечеру прилетел штабной самолет, привез почту. В дежурном домике сменились обитатели. Усевшись за стол в маленькой комнате, вся мебель которой была лишь этот стол да несколько кроватей, летчики начали партию в домино. Приемник на подоконнике наигрывал веселые мелодии. Иногда в репродукторе раздавался голос и вызывал кого-нибудь из летчиков к самолетам.

Вечером, дождавшись полной темноты, мы с командиром взлетели на спарке – двухместном самолете, в котором две кабины, две системы управления. Одна – для летчика, другая – для инструктора. При любой ошибке летчика инструктор может вмешаться и при помощи своей системы управления исправить оплошность.

Вмешиваться мне не пришлось. Командир, как я уже говорил, был отличным летчиком. Он четко, безукоризненно исполнил все, что требовалось, и повел самолет на посадку. На аэродроме, тут же у машины, я вписал в его летную книжку: «К ночным полетам допускаю. Командир дивизии полковник С. Луганский».

Что заставило меня после этого сесть в боевую машину и через несколько минут взлететь в ночное небо, припомнить сейчас не могу. Скорее всего – еще раз размяться, испытать очарование полета, получить уверенность в собственных силах – все вместе. Как у кавалериста: вскочил вдруг в седло и поскакал в поле.

В обжитой, знакомой кабине самолета у бывалого летчика появляется какой-то автоматизм движений. Вот пальцы нажимают нужную кнопку, и за спиной взрывается рев двигателя, улавливается сияние от огня, который длинной струей бьет назад из сопла. Почти в три раза быстрее, чем при самой бешеной езде на автомобиле, уходит назад бетонная полоса, бегут сбоку и сливаются в одну линию посадочные огни. Легкое движение штурвалом – и самолет в воздухе. Движение ручки на себя – набор высоты. Вокруг мрак, светится лишь доска с приборами. Одинокий самолет с одиноким летчиком пробивает легкий слой облаков и уходит в безбрежную пучину мрака. Здесь нет берегов, нет границ, только где-то далеко-далеко горят холодным светом недосягаемые пока галактики.

Кажется, у Экзюпери я читал прекрасные слова о неповторимом упоении летчика, когда он один в ночном небе, один во мраке над оставленной внизу планетой. Мне представляется мой самолет, я как бы смотрю на себя со стороны, издалека, и вижу маленький свирепый истребитель, рвущийся к холодному надменному мерцанию звезд. Инверсионный след быстро разматывается за ним. Он всегда прекрасен, этот белый след, наносящий на равнодушное пространство неба властный росчерк человека. Ночью он похож на дымный след и все равно виден на фоне луны и светящихся облаков. Днем этот след всегда поднимает в душе тоску по движению, тягу к пространству.

На далеком обледенелом Шпицбергене стоит, говорят,! деревянный крест, на котором безымянные суровые поморы когда-то вырезали ножом такую надпись: «Тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем, ему принадлежит мир, и он жнет не сея, ибо море есть поле надежды». Слова поморов можно целиком отнести и к летчикам. На дорогах неба они тоже вступают в союз со счастьем, познают власть полета и начинают понимать, что загадочное бескрайнее небо – бесконечное поле надежды.

Но вот возвращение из полета, ожидание соприкосновения с землей, и в действиях летчика появляется заученный, привычный автоматизм. Короткий нажим на тумблер, и тут же корпус машины вздрагивает от сильного удара. Не так резко нужно,- и рука автоматически выхватывает самолет из крутого «клева» на нос.

Внизу целая карусель огней. Вон там, в стороне,- это город, а вот прямо по курсу – аэродром, цепочка, ниточка огней сбоку посадочной полосы, которая примет сейчас остывший в глубинах неба самолет.

Но что это? Вдруг меркнет перед глазами приборная доска и все вокруг меня в кабине погружается во мрак. Сначала я не догадываюсь, не верю и не смею верить в то, что произошло и даже головой трясу, чтобы сбросить не ко времени подступившее наваждение. Однако нет никакого наваждения – темно на самом деле, приборной доски не видно, ничего не различить, и я первым делом беру ручку на себя – опять в воздух, в небо, подальше от земли, которая очень твердая, очень жесткая. Там, в воздухе, я одумаюсь, огляжусь, запрошу аэродром. Самолет послушно взмывает вверх.

Так что же случилось? В кабине по-прежнему полный мрак, и я настраиваю микрофон. Говорю, зову, кричу в микрофон – и никакого ответа с земли. Что они там – оглохли? Лишь через несколько минут рассудок подсказывает: сердиться не на кого, никто на аэродроме не виноват. Просто они не слышат меня, не доходит до них мой отчаянный голос. И это понятно, раз потухла приборная доска, значит, нет энергии и в радио. Ты слеп и глух, один-одинешенек в пустом и темном небе.

Ревут позади двигатели, самолет послушно закладываем виражи над родным аэродромом. Вон он, внизу, недалеко, но как садиться на ощупь?

Спохватываюсь и быстрым движением сую вниз рычаг выпуска шасси. Сейчас должен зашипеть воздух, машину поведет из стороны в сторону – это вывалятся из своих гнезд ноги шасси и с глухим стуком станут на замок. Если бы горела приборная доска, то я увидел бы зеленые огоньки, а на крыльях, справа и слева, должны засветиться механические указатели – они выскакивают, как солдатики, и горят ярко-ярко над самой поверхностью крыла. Но нет, ничего не ощущается, ничего не слышно и не видно. Шасси мертво, оно не выпускается. Однако спокойно, без паники – это ведь тоже понятно. Раз нет электроэнергии, бездействует и механизм шасси.

Но как же все-таки вернуться на землю? Оказывается, самолет не только ослеп и оглох, он еще и обезножел. В нем бьется пока сердце и бьется мощно, но ведь не будет же оно действовать вечно. Вот кончится запас горючего и… Нет, надо что-то быстро предпринимать. Находить выход! Трудно передать, что я чувствовал, глядя сверху на близкие огни аэродрома.

Старые летчики рассказывают, что в первых самолетах на приборной доске была обязательная надпись: «Летчик, земля твой

враг. Бойся ее. Она жесткая, и биться об нее больно».

Да, для падения земля совсем не привлекательна. Но как же вернуться на нее невредимым?

«Катапульта?…»- мелькает мысль. Вроде бы остается один выход: нажать рычаг и выстрелить собой в воздух. Командир полка потом рассказывал, что они так и надеялись: это представлялось единственным спасением для летчика. Потеряв со мною связь, на аэродроме поняли, что стряслось несчастье. На всякий случай командир полка распорядился посадить все находившиеся в воздухе машины и запретил взлет. Люди на земле с тревогой смотрели в черное небо, слышали, как ходит кругами над аэродромом самолет, и не знали, что предположить. Постепенно все пришли к выводу: летчик должен катапультироваться. Но катапультирование – это гибель самолета. Летчик спасется, а машина разобьется. Ее, машины, спасение тоже во мне. Пока я с ней, она жива. Мы должны, мы обязаны спастись вместе!

Я представил себе самолет, новенький, стремительный даже на стоянке, смелые резкие контуры, вытянутое острое тело, похожее на снаряд, отброшенные назад крылья. Конструкторы вложили в эту машину мысль и опыт. Рабочие завода воплотили ее в металл, в точное взаимодействие электричества, приборов, огнедышащего топлива, гидравлических бустеров, заменяющих человеческую силу, ставшую недостаточной для управления на таких скоростях. И вдруг все это – в землю со всего размаха… взрыв, осколки, обломки деталей.

Нет, будем спасаться вместе!

Мысль о том, чтобы посадить машину на брюхо все больше западала в душу. На фронте такие вынужденные посадки были самым обычным делом. Но ведь там были совсем другие самолеты. Главное – скорость. Даже при убранном до предела газе машина несется так, что земля сливается в одну сплошную ленту. Достаточно маленькой кочки, бугорка, какой-нибудь неровности, чтобы самолет подбросило, как на трамплине, и пойдет он кувыркаться. Костей не соберешь.

Текли, уходили минуты, все также мощно ревели двигатели и сиял, переливался внизу огнями аэродром, а окончательного решения пока не находилось.

О скорости я как-то перестал тревожиться – будто смирился с неизбежным обстоятельством. Но оставалось еще одна помеха, которая не давала покоя: пушки. Дело в том, что пушки у истребителя расположены так низко, что без выпущенного шасси их жерла находятся почти на уровне земли. Значит, получись у самолета при посадке небольшой наклон или попади бугорок,

обязательно зацепишься. От удара в землю пушки неминуемо пробьют бак, и от взрыва на месте самолета вообще останется одно горелое пятно.

Находились и другие сомнения и опасности, но эти были основные. Поэтому я сразу отбросил мысль о том, чтобы сажать самолет где-нибудь в поле, на мягкий грунт. В темноте там не различишь даже холма, не то чтобы маленький бугорок. Нет, если сажать, так надо на ровном и хорошо освещенном месте. А таким местом был только аэродром. Конечно, садиться я буду не на полосу – о бетон самолет просто раздерет, как о терку, а рядом с полосой, на ровный грунт.

Насколько мне помнится, в то время еще ничего не было известно о том, садились ли реактивные истребители на грунт без шасси. А ведь дело ко всему прочему происходило ночью.

Не стану говорить о том, что испытывает человек, приняв предельно рискованное решение. Минуты, что остались до момента соприкосновения самолета с землей, могли оказаться последними. И вот в эти минуты я с особенной, сердечной болью подумал о земле. Представил ее в туманной пелене дождя, в сугробах и дымах, когда трещат лютые морозы, в осеннем золотом убранстве, когда особенно покойно на душе и человек бродит по редеющим перелескам, снимает головной убор и слабеющее солнце приветливо и нежарко греет лицо, плечи, голову…

Ну, решено! Иду!

Низко-низко, на высоте буквально двух-трех метров стал подбираться я к аэродрому. Глаза вперед, руки вцепились в штурвал. Показалась цепочка огней вдоль полосы. Мне надо править гораздо правее, чтобы сесть рядом с полосой. Газ не убираю, садиться надо на полном ходу, иначе самолет «клюнет» носом, ткнется в землю и закувыркается.

Граница аэродрома! Нервы напряжены до предела. Самолет чиркнул по верхушкам деревьев. Мгновенное, почти неощутимое прикосновение к постороннему предмету, но оно отдалось в душе. Руки слились со штурвалом. Еще надо ниже, но ровнее,- впритирочку к земле. Высота сокращается по сантиметрам. Ну же, когда?… И наконец вот он, этот страшный миг соприкосновения с землей. Под днищем кабины заскрежетало, я тотчас убираю газ, машина без скачков проползает несколько метров и, чуть развернувшись боком, останавливается. Земля, плотно войдя в соприкосновение с плоскостью днища самолета, быстр погасила скорость.

Ну что? Все?… Да, все! И радость избавления, восторг удачи будоражат душу. Однако сказывается напряжение, я долго не

могу пошевелить ни рукой, ни ногой и сижу в кабине до тех пор, пока к самолету не подбегают испуганные товарищи. Они лезут на крыло, заглядывают в кабину, и только тогда я начинаю шевелиться. Убираю фонарь и первое, что ощущаю – это запах земли. Она пахнет и всегда пахнет, наша земля. Особенно остро чувствую ее аромат сейчас, вернувшись из недр холодного неба.

Слева все так же горят огни посадочной полосы, и сама полоса отливает ровным сероватым глянцем. Справа застыли в ряд остроносые самолеты, весь машинный парк авиационного полка. Я спрыгиваю на землю, с особенной приятностью ощущаю под своими ногами ее обнадеживающую твердость и автоматически, машинально задираю голову, смотрю в темное, усыпанное звездами небо. «Да, вот так-то»,- говорю сам себе.

Обходя вокруг самолета, я вижу на жерлах пушек листочки с деревьев. Растертые в пальцах, они терпко и горячо пахнут. Нет, меня теперь положительно будут преследовать всяческие запахи земли, как запахи обретенной жизни!…

О чрезвычайном происшествии в дивизии было моментально доложено в штаб округа. Наутро, едва я вошел к себе в служебный кабинет, дежурный офицер доложил: Товарищ командир, вас вызывает округ.

И взял телефонную трубку.

По голосу узнаю командующего.

– Сергей Данилович, как самочувствие?

– Нормально, товарищ командующий.

Дежурный офицер не уходит. Красноречивым взглядом он спрашивает, о чем речь. Так же, мимикой лица, я отвечаю, что о чем же еще может говорить командующий: конечно, о вчерашнем. Офицер сочувственно покачивает головой: он не сомневается в том, что сейчас последует, в лучшем случае, служебный выговор. Однако командующий настроен ровно и доброжелательно. Он спрашивает: – Причины выяснены? Почему вдруг такое?

– Выяснили, товарищ командующий. Отказ генератора. Перегорел аккумулятор.

Машина пострадала?

– Не особенно, товарищ командующий. Чуть брюхо поцарапано. Отремонтируем моментально.

По голосу, по выражению моего лица дежурный офицер догадывается, что нагоняя, кажется, не будет – пронесло.

Поговорив еще о текущих делах, командующий пожелал нам успехов и предупредил, чтобы были поосторожнее.

– Зря-то головой рисковать незачем!

Жизнь на аэродроме продолжалась своим чередом. Я долго наблюдал, как разгоняются и уходят в небо стремительные

машины, и в душе удивлялся тому, как скоро миновало напряжение вчерашнего случая. Светило солнце, голубело огромное небо и как бы приглашало снова углубиться в его бескрайние просторы, пережить очарование полета. Видимо, летчики, как и моряки, остаются верны своей стихии, несмотря ни на какие бури и испытания.

В авиации, как я уже говорил, очень ценится личный пример командира. Он обязан быть лучшим летчиком среди своих подчиненных. В этом залог его непререкаемого авторитета.

Став авиационным командиром, я отнюдь не оставил штурвала боевого самолета. Но… Годы войны, да и вообще возраст нет-нет, да и давали себя знать. Поэтому не удивительно, что все авиационные, так сказать, действующие командиры находились под постоянным медицинским контролем, а время от времени вызывались в Москву, в Центральный госпиталь, и там подвергались самому тщательному обследованию. Скорость самолетов, их «потолок» неудержимо росли, и от летчика требовалось безупречное здоровье.

Поездки в Москву являлись своего рода отдушиной в довольно однообразной армейской жизни. Спадает напряжение, можно расслабиться, отдохнуть, заняться чисто мирными городскими делами.

Каждый раз, попадая в столицу, мы старались побывать и в Монино, в нашей академии.

Не без волнения переступали порог родного учебного заведения. Еще в наше время, когда мы учились, академия за успехи в подготовке кадров была награждена орденом Красного Знамени. Теперь же у нее была всеми признанная репутация крупного научного центра, задающего тон при разработке перспективных проблем применения авиации.

Во время этих поездок мы встречали много знакомых не только среди слушателей, но среди преподавателей. Приятно было слышать, что усилиями всего профессорско-преподавательского состава уровень учебной и научной работы поднялся на высокую ступень, еще крепче стала связь со строевыми частями. Новые научные исследования, теоретические расчеты становились достоянием широкого круга офицеров-практиков.

И мы, выпускники академии, по праву гордимся тем, что питомцы нашего учебного заведения приняли непосредственное участие в освоении космического пространства. Так, в составе экипажа космического корабля «Восход-2» были командир корабля летчик-космонавт П. И. Беляев и второй пилот летчик-космонавт А. А. Леонов. Павел Иванович Беляев в свое время

прошел полный курс обучения в нашей академии, «в высшем учебном заведении,- как подчеркивала в те дни «Правда»,- известном своими традициями, стоящем на уровне растущих достижений современной авиации».

Многие еще до сих пор помнят, что слушатель капитан Беляев отличался в учебе своим трудолюбием и настойчивостью. Успешно окончив академию, он получил право стать адъюнктом. Но тут перед ним открылись совершенно новые возможности. Еще несколько лет упорного труда, и он вместе с подполковником Леоновым впервые в истории осуществил увлекательнейший научный эксперимент – полет с выходом человека в космическое пространство. Смелый, дерзновенный полет обогатил отечественную науку, возвеличил авторитет нашей Родины. По отзывам председателя Государственной Комиссии, Беляев показал себя Прекрасным волевым командиром. Он блестяще руководил всеми работами на корабле, хорошо произвел посадку.

Из стен академии вышел и космонавт Г. Т. Береговой. Фронтовой летчик-штурмовик, он долгое время работал летчиком-испытателем. Боевая выучка, академические знания помогли Герою Советского Союза Г. Т. Береговому с честью завершить сложную программу новых космических испытаний.

Здесь, в Москве, зачастую происходили неожиданные встречи фронтовых друзей, которых послевоенная жизнь разбросала в самые разные края. Об ином человеке уж и думать забыл, а глядишь – встретил! Помнит он тебя, помнит, что было, что пережито вместе, и сердечно, до слез радуется случайной встрече.

Однажды в коридоре Центрального военного госпиталя в Сокольниках я столкнулся с невысоким человеком в больничной пижаме. Мы разошлись было, но тут же, как по команде, оглянулись.

– Иван?- позвал я, все пристальней всматриваясь.

– Господи,- удивленно проговорил человек, разводя руками,- Серега, что ли?

И мы обнялись.

Это был Иван Драченко, боевой летчик-штурмовик, человек нелегкой фронтовой судьбы.

Мне несколько раз приходилось вылетать на прикрытие группы штурмовиков, которых вел Драченко, и я бывал свидетелем боевой лихости этого незаурядного летчика.

На долю Ивана Драченко выпала горькая участь – плен. У него был редкостный дар разведчика, воздушного разведчика, и всегда на самые ответственные задания командир корпуса генерал В. Рязанов посылал его. Бывало, прилетает Иван из разведывательного поиска и докладывает: «Засек аэродром.

Семьдесят два «хейнкеля». В том, что летчик засек вражеский аэродром, нет ничего удивительного. Но как он в какие-то мгновения на бреющем полете успел сосчитать самолеты – в это поверить трудно. Однако проявленная фотопленка показывала: действительно семьдесят два самолета.

Глаз у разведчика был исключительно точен. Это своеобразный дар человека – быть разведчиком, и авиационное начальство особенно дорожило такими людьми.

В одном из полетов самолет Драченко подбили, и летчик попал в плен. Раненый, он еле вывалился из кабины горящего самолета, нашел силы раскрыть парашют и потерял сознание от резкой боли – стропами парашюта ему сильно ободрало лицо.

В плену Иван прошел все круги ада. Был в лагере, бежал, снова поймали. Дополнительные муки принесли ему глаза, талантливые глаза воздушного разведчика. Помимо всего, глаза у Ивана были редкой красоты, и для женского населения аэродромов лихой штурмовик был просто неотразим. Заметили красоту глаз пленного летчика и немцы. Забрав Ивана из барака, они поместили его в больницу и там, под наркозом, вырезали один глаз.

Наши войска освободили Драченко из лагеря. Истощенный, без глаза, измученный издевательствами, бывший штурмовик вернулся в родной полк. Узнав, что нашелся Драченко, его вызвал командир корпуса генерал В. Рязанов.

– Куда теперь тебя, Иван?- спросил генерал, всей душой стараясь ему помочь.

Драченко ответил твердо:

– Только на штурмовик!

– С одним-то глазом!…

– Прошу, товарищ генерал! Разрешите! Я сумею.

И сумел. Сумел же Маресьев летать без обеих ног, смог вернуться в строй и одноглазый штурмовик. И снова летал он в разведку, и снова не знал ошибок его точный глаз.

Помимо разведывательных полетов Иван Драченко водил свой грозный ИЛ и на штурмовку. У летчика к ненавистному врагу был свой счет, и он торопился получить по нему. В октябре 1944 года Ивану Григорьевичу Драченко присвоили звание Героя Советского Союза. Он был одним из немногих летчиков, который стал кавалером Ордена Славы трех степеней.

И вот теперь этот человек стоял передо мной в коридоре госпиталя, мы держали друг друга за плечи и всматривались. На лице Ивана была черная повязка, но другой глаз был все тот же: веселый, насмешливый, непередаваемой красоты.

– Ну, как ты, что?- почти одновременно спросили мы друг

друга и рассмеялись.

Неожиданная встреча взволновала нас обоих. Мы ушли в сад, сели на скамейку.

Иван Драченко жил и работал в Киеве. О многих своих фронтовых товарищах он ничего не знал: где они, что с ними? И мы принялись вспоминать.

Ах, эти воспоминания боевых, давно прошедших лет! Прошедших, но не забываемых никогда. Война с фашизмом стала частью всей жизни нашего поколения. «Никто не забыт! Ничто не забыто!» Эти слова стали как бы символом отношения народа к своим героическим сынам.

Теперь трудно припомнить, в какой последовательности развивались наши воспоминания, однако твердо помню, что мы много говорили о недавнем «открытии» имени Михаила Девятаева, тоже летчика и тоже, как и Драченко, побывавшего в фашистском плену.

Михаил Петрович Девятаев, как я уже писал, был сбит в бою в июле 1944 года и попал в плен. Какие только мучения не перенес он в концентрационном лагере, но ни на одну минуту не оставляло его решение совершить побег и вернуться в свою часть. Наконец возможность бежать представилась – и какая возможность! Однажды с группой военнопленных он работал на аэродроме. Поблизости стоял заправленный для полета бомбардировщик «Хейн-кель-111». И пленные под руководством Михаила Девятаева решились на отчаянный шаг – они захватили самолет. Девятаев поднял в воздух тяжелую машину. Самолет с пленными на борту направился через линию фронта и благополучно совершил посадку на нашей территории.

После дерзкого побега пленных в лагере начался настоящий переполох. На место происшествия, на аэродром на острове Узедом, примчался сам рейхсмаршал Геринг. В бешенстве он учинил страшный разнос, срывал погоны с офицеров. Комендант лагеря военнопленных и несколько охранников были приговорены к расстрелу.

О подвиге героя узнала вся страна, весь мир. Михаилу Петровичу Девятаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сейчас он водит по Волге быстроходный корабль на подводных крыльях. Недавно, в дни празднования 19-й годовщины образования ГДР, с острова Узедом пришли радостные вести: в Карлсхагене был торжественно открыт монумент в честь подвига советского летчика Девятаева и его товарищей.

Как бывшего штурмовика, Ивана Драченко интересовала

судьба тех, с кем он вместе летал. Я ему рассказал, что его фронтовой товарищ Талгат Бегельдинов живет в Алма-Ате, работает в Управлении ГВФ.

– Значит, летает?- спросил обрадовано Иван.

– Нет. Уже не летает. Заместитель начальника Управления.

Летал из наших ребят только Дмитрий Глинка. Он водит пассажирские лайнеры на международных трассах.

– А Дунаев? Помнишь?- спросил Иван.

– Коля Дунаев здесь, в Москве. Работает во Внуково.

– Значит, тоже поближе к самолетам… Генерал В. И. Алексеев, Батя, был уже на пенсии, И. Кузьмичев жил в Мичуринске, работал в обществе по распространению политических и научных знаний. Евгений Меншутин, мой ведомый, закончил после войны институт цветных металлов и сейчас работает в министерстве. Коля Шутт в Кишиневе, в Досаафе. Рассказал я и о своем фронтовом технике Иване Лавриненко. Он теперь инженер-подполковник, работает в авиаучилище.

– Все возле авиации, все,- с грустной ноткой говорил Драченко, покачивая головой.

Невеселые воспоминания вызвал у него мой рассказ о судьбе Ивана Корниенко. Корниенко тоже побывал во вражеском плену. После войны он не оставил авиацию, поехал служить на Дальний Восток. Корниенко работал инструктором по технике пилотирования, помогал молодым летчикам осваивать новую технику. В одном из полетов Иван разбился.

О гибели Корниенко мы узнали от его жены Раисы.; Она приехала в Москву хлопотать о пенсии.

Несколько иначе сложилась судьба еще одного нашего фронтового товарища. Однажды по телевидению передавался спектакль «Барабанщица». На титрах с фамилиями авторов спектакля мелькнуло знакомое имя: композитор Леонид Афанасьев. Оказывается, композитора хорошо знал Иван Драченко: быший летчик из 948-го штурмового полка. Летчики знали его по музыке к популярной песне «Первая эскадрилья».

Нас было двенадцать верных друзей – Надежные руки и крылья, Нас было двенадцать веселых парней – Первая эскадрилья.

За фронтовые подвиги Леонид Афанасьев награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Александра Невского, медалями.

Во время тяжелого ранения его парализовало, и он потерял речь. И все же воля летчика поборола страшные недуги. Он вновь вернулся в любимое небо и в январе 1945 года повел в бой свою

первую эскадрилью.

В 1951 году майор запаса Л. Афанасьев с отличием закончил консерваторию в моем родном городе Алма-Ате. За дипломную работу «Концерт для скрипки с оркестром» ему была присуждена Государственная премия.

Сейчас бывший штурмовик – автор нескольких симфоний, одна из них посвящена летчикам. Он написал музыку к двенадцати кинофильмам,- в том числе к фильму «Прыжок на заре», показывающему армию сегодняшнего дня, новое поколение летчиков, пришедшее на смену ветеранам.

А грянет беда – подросли сыновья,
И тоже мечтают о крыльях!
Нас будет двенадцать, как прежде, друзья,
Первая эскадрилья!

…Многих мы вспомнили с Иваном в ту памятную встречу. День медленно клонился к закату, когда мы поднялись со скамейки. По аллеям сада тихим шагом прогуливались люди в больничных пижамах. Большинство попало сюда из-за последствий войны – давали знать себя фронтовые увечья. Иван жаловался на сильные головные боли.

– От глаза,- говорил он, трогая черную повязку.-

Что-то они, сволочи, нарушили тогда… Ну, а ты? Где это

обгорел так? С курорта? Неужели что-нибудь заварится опять? Как думаешь?

Это не было любопытством праздного человека. Говорил фронтовик, хорошо знающий, что такое война и все, что с ней связано.

– Посмотрим,- ответил я.- Но думаю, что не посмеют.

ЭПИЛОГ

– Товарищ Маршал Советского Союза! Полковник Луганский по вашему вызову прибыл!

Командующий противовоздушной обороной страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, выслушав мой рапорт, выходит из-за огромного служебного стола.

В приемной командующего дожидается множество народу с эмблемами различных родов войск. На нескольких столиках непрерывно звонят телефоны. Бесшумные адъютанты и помощники привычно ведут прием посетителей, отвечают на телефонные звонки. Иногда раздается короткий густой звонок над дверью, ведущей в кабинет командующего, и тогда высокий адъютант с погонами подполковника быстрыми шагами пересекает приемную и скрывается за массивной дверью. Вернувшись из кабинета, он молча идет к своему столику и делает какую-то запись на чистой странице огромного блокнота, или же не громко, но внятно произносит фамилию ожидающего приема офицера и, посторонившись, пропускает его в дверь. Только что, перед тем как мне войти, он назвал мою фамилию.

Маршал С. С. Бирюзов еще раз вызывает адъютанта и отдает приказание не соединять его некоторое время по телефону, затем указывает мне на кресло у стола.

Огромный кабинет командующего залит ярким солнечным светом. Над Москвой сияет ясный погожий день. На стене кабинета висит большая карта страны. Эта карта знакома мне, и я привычно нахожу точку, где в настоящее время расположена моя дивизия.

После нескольких вопросов о службе, о состоянии дивизии командующий переходит к делу, ради которого я я вызван в Москву. Маршал говорит, что командование противовоздушной обороны считает меня вполне подготовленным для выдвижения.

– Я думаю, вы согласитесь, Сергей Данилович.

– Разрешите отказаться, товарищ Маршал Советского Союза!- сразу же заявляю я, поднимаясь с кресла.

– Почему?

– Прошу оставить меня командиром дивизии. По-моему, это сейчас самое творческое дело для авиационного командира. К тому же я еще не так давно принял дивизию.

Но главное – мне хочется получше освоиться в роли комдива.

Я волнуюсь. Командующий, не перебивая, внимательно слушает мои доводы.

Когда я закончил, он на некоторое время задумался. Пальцы

его барабанили по кожаной обивке глубокого покойного кресла.

– Ну что ж,- проговорил он наконец, поднимаясь,- Причины вроде бы убедительны. Но имейте в виду, что к этому разговору нам еще придется вернуться. И может быть, в самом недалеком времени. До свиданья. Желаю успеха. И учтите – скоро вам предстоят серьезные экзамены.

Протянув на прощание руку, командующий повернулся и пошел к своему столу.

Что заставило меня отказаться тогда от, казалось бы, лестного предложения? Скажу откровенно: сознание того, что я еще не готов к выполнению ответственных задач.

Мирные годы для нас, военных, были временем, прежде всего, повседневной учебы. Каждый летчик должен быть все время «на высоте»: в совершенстве знать и владеть новейшей, непрерывно поступающей техникой.

Учились в полках не только рядовые летчики. Серьезно занимались и командиры всех степеней. Огромный и сложный механизм военно-воздушных сил должен быть все время в четком, хорошо отработанном состоянии.

Развитие техники, рост скоростей самолетов, их «потолка» позволяли врагу применять совершенно иные методы и формы шпионажа. Отошло время, когда шпион или диверсант под покровом темноты крался через границу, заботясь, как бы не хрустнула под ногами ветка. Получив в руки современные самолеты, враг стал использовать для своих грязных дел небо.

Кстати, о том, как закончилась попытка одного из таких нарушителей совершить разведывательный полет, в свое время много писалось.

Американский самолет «Локхид У-2» нагло пересек советскую границу, но в районе Свердловска был сбит зенитной ракетой. Летчик Фрэнсис Пауэре выбросился на парашюте и попал в плен.

Скандал получился громкий,- на весь мир. Комичность положения усугублялась тем, что вначале появилось сообщение о сбитом самолете и погибшем летчике. Американцы, полагая, что болтать некому и концы надежно спрятаны в воду, поспешили отречься вообще от всей затеи с этим разведывательным полетом. Велико же было изумление хозяев шпиона Пауэрса, когда он вдруг «ожил» и стал давать откровенные показания на суде. Конфуз был полным. Американцы, только что заявившие официально о непричастности к этому полету, после показаний пленного летчика прикусили язык и долгое время хранили похоронное молчание.

Напрасно американская пропаганда болтала, что Соединенные Штаты являются поборником мира и далеки от

мысли вмешиваться в дела других государств. Факты доказывали обратное.

Повседневные учения советских авиаторов включали в программу технику пилотирования, стрельбы, отработку мобилизационной готовности.

Предупреждение маршала С. С. Бирюзова о предстоящих серьезных экзаменах как раз и касалось нашей боевой готовности: вскоре стало известно, что для проверки выучки авиаторов приезжает Главный инспектор Министерства обороны СССР Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Готовясь к инспекции, все службы нашего большого и сложного «хозяйства» постарались не ударить в грязь лицом. Нервозности, горячки не было, но ожидание строгого экзамена накладывало на жизнь подразделения определенный отпечаток. Всем нам хотелось показать, что враг, как бы он ни был силен, встретит мощный, сокрушительный отпор.

…День военных летчиков, как правило, начинается рано.

Позавтракав, попрощавшись с семьей, отправляюсь на службу. Машина уже ждет меня у подъезда.

Быстро подъезжаем к штабу. Там уже заведенным порядком начинается очередной служебный день. Доклад начальника штаба. Все, как обычно. Но нет, не все. Закончив докладывать, начальник штаба с плохо скрываемой улыбкой подал мне служебную телеграмму. Я развернул сложенный листок. «Поздравляю генеральским званием. Желаю… и т. д. Бирюзов». Кровь невольно ударила мне в лицо. Хоть я и не согласен с известной поговоркой: «Плох тот солдат, который не стремится в генералы», но за годы войны, за годы военной службы я привык исполнять свое дело добросовестно, с полной отдачей сил и, признаюсь, оценка свыше всегда радует.

День, таким образом, начался приятно, и наш разговор с начальником штаба утратил обычную служебную сухость.

– Вот и случай отметить!- сказал я, все еще заглядывая в листочек телеграммы.

– Разрешите и мне присоединиться к поздравлениям, товарищ командир!

– Спасибо!

Входят начальники отделов штаба – опытные, боевые офицеры. Как правило, все они имеют академическое образование. У каждого из них свои накопившиеся служебные дела. До приезда Главного инспектора остается совсем немного времени, а вопросов, требующих немедленного решения, возникает все больше и больше. И я, позабыв обо всем, с головой ухожу в неотложные дела.

Как уже говорилось, ракетная техника, став реальностью, принялась развиваться поразительными темпами. Иногда даже кажется, что авиация уже отжила свой век. И не мудрено, что в среде специалистов иной раз стали раздаваться голоса относительно того, не заменит ли ракета самолет полностью, во всех аспектах мирного и военного применения.

Как старый летчик, хочу высказать свое мнение. Мне кажется, у авиации есть такие отрасли, где ракета никак не может вытеснить самолет (причем я не имею в виду применение гражданской авиации). Просто на смену сегодняшнему самолету придет машина будущего.

Известно, что агрессивные генералы из некоторых стран мечтают о так называемой «кнопочной войне», когда нажатием кнопок из кабинетов можно пускать ракеты и уничтожать целые страны и народы без участия солдат, на которых они все больше не надеются. Однако сами они, эти генералы, сокрушаются тем, что нынешние ракеты – механизм очень громоздкий и сложный – не могут соперничать с человеком, способным вмешаться и исправить ошибку. Например, известная американская ракета «Атлас» имеет 26 метров длины и состоит из 300 тысяч всяческих деталей. Каждая из этих деталей может стать причиной неисправности и сорвать выполнение заданной программы полета. А вот мнение небезызвестного английского фельдмаршала Монтгомери: «Насколько можно предвидеть, пилотируемые самолеты сохранятся еще долгое время… Человеческий мозг – это единственный механизм, способный действовать в непредвиденных условиях».

И не случайно до сих пор на вооружении армий всех стран мира состоят пилотируемые аппараты тактического назначения, применяемые как средство ближнего боя, воздушной разведки, для взаимодействия с наземными войсками, а также для перехвата воздушного противника. Лишь на смену отжившим свой век авиационным пулеметам и пушкам пришли ракеты различного назначения: «воздух – воздух», «воздух – земля», «воздух-корабль» и другие.

Кое-что из новинок авиационного вооружения мы смогли продемонстрировать Главному инспектору Министерства обороны СССР.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский прибыл к нам с группой командиров.

Незабываемое впечатление осталось от личного знакомства с Константином Константиновичем Рокоссовским. Обаятельный внешне, высокий, подтянутый, приветливый, он производил большое впечатление своей внимательностью ко всем офицерам,

независимо от положения и звания, вежливостью и, я бы сказал, какой-то утонченностью обращения, характеризующей человека высокой культуры н благородства.

Нет нужды говорить о том, какой славой, поистине всенародной, пользовалось имя маршала К. К. Рокоссовского во время войны. Велик его авторитет был в войсках. И теперь мы были горды и считали большой честью, что проверку нашей боевой готовности проводил этот прославленный военачальник.

Константин Константинович, заложив за спину руки, стоял на самом солнцепеке и терпеливо ждал начала воздушных учений. Он не подгонял, не торопил, не вмешивался в распоряжения, и постепенно его ровное доброжелательное настроение передалось всем присутствующим. Пропали нервозность и скованность, неизбежные при наездах такого высокого начальства.

– А ну-ка, интересно,- проговорил маршал, когда в небе показались стремительно приближающиеся точки.

Он взял в руки сильный полевой бинокль, висевший у него на груди.

– «Миги»?- узнал он приближающиеся самолеты.

– Так точно! Атака по мишеням на земле.

Не отрывая бинокля от глаз, К. К. Рокоссовский проследил, как истребители четко развернулись в линию и, не сбавляя своей бешеной скорости, разом устремились к земле. Мишени были скрыты от наших глаз, но я знал, что там поставлены бочки с горючим и при попадании должен последовать взрыв. Истребители блестяще выполнили задуманный маневр: спикировав, они точно, безошибочно расстреляли все до единой мишени – взметнулось пламя, повалил черный дым.

– Красиво!- одобрил маршал. Потом он отнял от глаз бинокль и, наклонившись ко мне, проговорил:- Но старовато. Атаки по наземным точечным целям превосходно практиковал еще покойный Иван Семенович Полбин.

Вам не приходилось наблюдать?

Ну как же! Кто же из авиаторов не знал этого знаменитого генерала и его не менее знаменитую «вертушку», когда «петляковы» грозно выходили на цель? Слава богу, генерала Полбина мне приходилось прикрывать не раз и не два.

– Большой был мастер!- сказал К. К. Рокоссовский, снова поднимая к глазам бинокль.

Учения продолжались по заранее намеченному плану.

Вот по «команде» с земли, одними нажатиями кнопок, в небо взмыла летающая мишень. Мишень еще не набрала высоты, как сверху, словно коршун, на нее спикировал хищный и неудержимый «миг» и расстрелял ее ракетой.

– «Воздух – воздух»?- оживился маршал, не отрываясь от бинокля.- Но какая скорость у этого вашего… у мишени?

– Скорость небольшая, товарищ Маршал Советского Союза,- ответил я.- Тип самолета старый. Сейчас мы покажем поновее.

– Прошу вас.

С соседнего аэродрома поднялся бомбардировщик Под крыльями у него были подвешены две мишени планеры с реактивными жидкостными двигателями. Набрав достаточную высоту, бомбардировщик отцепил планеры и отвалил в сторону. Все кто был на наблюдательном пункте не открывали глаз от биноклей. Планеры, раскрашенные в яркий красный цвет, четко выделялись на фоне блеклого неба. Вот по команде с земли на них взревели реактивные моторы и, оставляя за собой длинные ленты инверсионного следа, устремились в бескрайний простор пятого океана. Они шли со скоростью более 800 километров в час – ни дать ни взять реактивные истребители, «нарушившие» покой нашего неба.

Откуда-то со стороны наперерез «нарушителям» понеслись маленькие стремительные «миги». Они были далеко от нас, но в сильные полевые бинокли просматривались отлично. Это и в самом деле было захватывающее зрелище: воздушный бой современных истребителей, перехват условных воздушных нарушителей.

Красные точки планеров почти совсем потерялись в небе, когда истребители-перехватчики приблизились к ним на дистанцию атаки. И мы увидели, как от каждого истребителя отделился какой-то снаряд и понесся к цели. Это были ракеты «воздух – воздух». На наших глазах произошло прямое попадание, и объятый пламенем «нарушитель»- управляемый по радио планер-мишень – начал падать. Когда длинный шлейф черного дыма достиг земли, произошел взрыв.

– Вот это уже стоящее дело,- удовлетворенно проговорил К. К. Рокоссовский, потирая утомленные глаза. Он еще раз взглянул на небо, где уже не было ни «нарушителей», ни «часовых», и сказал:- Ну, Сергей Данилович, командуйте дальше. Что у нас еще на сегодня?

…Всесторонняя и глубокая инспекция констатировала высокий уровень боевой подготовки. Уезжая, маршал К. К. Рокоссовский благодарил офицерский состав за продемонстрированные выучку и мастерство, а выступая перед офицерами с подробным разбором инспекционных учений, подчеркнул еще раз, что советские авиаторы доблестно несут свою почетную вахту по охране родного неба. Маршал специально обратил внимание всех присутствующих на то, что даже при

самом строгом, самом придирчивом подходе инспекции ни по одному из пунктов проверки не было выставлено троек. Лишь две четверки,- остальные же только пятерки.

В глубоком молчании слушали прославленного военачальника собравшиеся в зале офицеры. Здесь были и убеленные сединами летчики, прошедшие незабываемую школу Великой Отечественной войны. Были и совсем молодые ребята, недавно окончившие военные училища. Всех их взволновали события последних дней, когда подразделение жило в напряженной обстановке, максимально приближенной к боевой.

Экзамен на зрелость, умение управлять новой совершенной техникой часовые неба выдержали с честью. И каждый из них испытывал законную гордость, услышав из уст маршала К. К. Рокоссовского высокую оценку их боевой подготовки. Дружными продолжительными аплодисментами ответили летчики на заключительные слова маршала, выразившего уверенность, что небо над нашей Родиной было, есть и останется чистым от любого, даже самого могучего врага.

СОДЕРЖАНИЕ

В пятом океане
Тревога
Пришло большое испытание
На берегу Волги
Освобождение
Заря победы
Триумф победившей Родины
На новых крыльях
Эпилог

Дорогие читатели! Ждем ваших отзывов об этой книге, Наш адрес: Алма-Ата, проспект Коммунистический, 105, издательство «Жазушы».